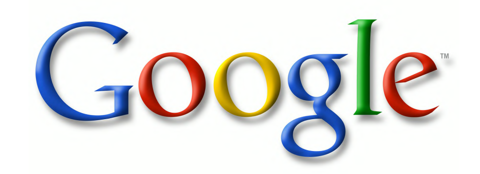

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

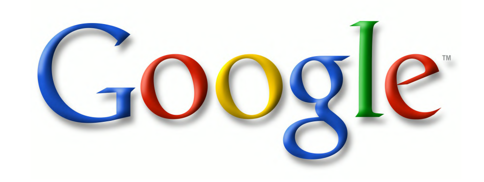
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

HDI
HL 1P9F M

A 7
Regekampf, A
Zapiska ...

Bd. Dec. 1929

HARVARD LAW LIBRARY

Received JUL 9 1929

ЗАПИСКА

ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ОСНОВАХЪ

МЕЖЕВОЙ РЕФОРМЫ.

По порученію Предсѣдателя ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи для обсужденія проекта межеваго устава

СОСТАВИЛЪ

А. Регекампфъ,

состоящій при Высочайше учрежденной Коммисіи для составленія проекта гражданскаго уложенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Регекампфъ

ЗАПИСКА

ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ОСНОВАХЪ

МЕЖЕВОЙ РЕФОРМЫ.

По порученію Предсѣдателя ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи для обсужденія проекта межеваго устава

СОСТАВИЛЪ

А. Регекампфъ,

состоящій при Высочайше учрежденной Коммисіи для составленія проекта гражданскаго уложенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

RUS

JUL 2 1925

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

221

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ межеваго законодательства, разборъ которыхъ составляетъ ближайшую цѣль настоящаго труда, необходимо въ немногихъ словахъ опредѣлить, въ чемъ заключается существо межеванія.

1) Межеваніе въ обширномъ смыслѣ слова имѣетъ предметомъ обособленіе отдѣльныхъ частей земной поверхности, дабы сдѣлать возможнымъ во всякое время отыскать ихъ въ натурѣ и отличить отъ окружающихъ земель. Такимъ образомъ цѣлью межеванія является обособленіе земельныхъ единицъ.

2) Основаніемъ для обособленія земельныхъ единицъ могутъ служить: а) потребность правительства въ раздѣленіи для административныхъ цѣлей государственной территоріи на болѣе мелкія земельныя единицы (губернія, уѣздъ, волость и т. д.); б) естественные признаки земель и обусловленное ими различіе въ способѣ пользованія оными (пахатная земля, лугъ, лѣсъ, вода и т. д.),и в) связь земель съ лицемъ того, кто владѣетъ ими.

Первый способъ обособленія служитъ административнымъ цѣлямъ, второй — фискальнымъ (обложеніе земель налогомъ), а третій—опредѣленію отдѣльныхъ единицъ владѣнія.

Такимъ образомъ слѣдуетъ различить: а) административное межеванiе, б) фискальное межеванiе, обыкновенно, хотя и не исключительно, называемое кадастромъ и в) юридическое межеванiе.

3) Обособленiе земельной единицы можетъ быть полное или не полное, смотря потому, обнимаетъ ли оно всѣ или лишь одну или нѣсколько смежностей ея.

4) Обособленiе земель съ юридическою цѣлью (юридическое межеванiе) можетъ производиться по почину либо правительства, либо отдѣльныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ являются два вида юридическаго межеванiя: государственное и частное (отграниченiе) [1]).

5) Государственное межеванiе всегда: а) производится въ сплошномъ порядкѣ и б) сопровождается вызовомъ, имѣющимъ цѣлью оповѣщенiе заинтересованныхъ лицъ о приступѣ къ государственному межеванiю.

Отсюда слѣдуетъ, что государственное межеванiе порождаетъ двоякiя юридическiя послѣдствiя, а именно, оно: а) разграничиваетъ смежныя владѣнiя и б) удостовѣряетъ, что по произведенному вызову никѣмъ, кромѣ владѣльца, не было заявлено притязанiй на межуемую землю и что, слѣдовательно, доколѣ не будетъ доказано противное, въ пользу владѣльца является предположенiе, что онъ есть собственникъ этой земли. Такимъ образомъ государственное межеванiе не только разграничиваетъ владѣнiя, но и удостовѣ-

---

[1]) Въ иностранныхъ законодательствахъ для перваго вида межеванiя употребляется обыкновенно терминъ: cadastre, Landesvermessung, для втораго: délimitation, bornage, Grenzregulirung.

ряетъ принадлежность ихъ тому, кто ими владѣетъ, и, слѣдовательно, по своему юридическому характеру, сливается съ системою ипотечныхъ или вотчиныхъ книгъ.

6) Частное межеванiе не имѣетъ столь обширнаго юридическаго дѣйствiя. Такъ какъ оно не сопровождается вызовомъ заинтересованныхъ постороннихъ лицъ, то незаявленiе при межеванiи никѣмъ спора о правѣ на межуемую землю не можетъ служить достаточнымъ основанiемъ для предположенiя, что владѣлецъ есть собственникъ межуемой земли. Такимъ образомъ частное межеванiе отличается отъ государственнаго тѣмъ, что первое обязательно лишь для сторонъ, въ немъ непосредственно принимавшихъ участiе, а второе—также для вызывавшихся, но неявившихся по вызову постороннихъ лицъ. Первымъ предположенiе о принадлежности межуемыхъ земель тому, кто ими владѣетъ, устанавливается лишь въ отношенiи сторонъ, а вторымъ—также въ отношенiи постороннихъ лицъ.

7) Съ межеванiемъ не слѣдуетъ смѣшивать землемѣрiя. Межеванiе хотя въ большинствѣ случаевъ и производится при помощи землемѣрiя, но первое вполнѣ возможно безъ техническихъ прiемовъ, выработанныхъ наукою геодезiи. Межеванiе слагается собственно изъ двухъ дѣйствiй, а именно: а) постановки въ натурѣ признаковъ, отграничивающихъ извѣстную земельную единицу отъ окружающихъ земель и б) описанiя окружности этой единицы. Для постановки знаковъ въ натурѣ, техническихъ познанiй, очевидно, вовсе не требуется. Равнымъ образомъ и въ отношенiи описанiя окружности земельной единицы можно обойтись безъ содѣй-

ствія техники. Участіе техника является неизбѣжнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда межеваніе должно сопровождаться: а) описаніемъ границъ способами, преподанными наукою геодезіи, и б) точнымъ измѣреніемъ площади обмежеванной единицы, т. е. опредѣленіемъ, сколько разъ площадь эта вмѣщаетъ въ себѣ извѣстную квадратную мѣру.

Съ другой стороны землемѣріе, производимое съ юридической цѣлью, можетъ и не служить непосредственно цѣлямъ межеванія, т. е. обособленію земельныхъ единицъ. Такъ, напримѣръ, частныя лица при промѣнахъ, могутъ встрѣтить надобность въ съемкѣ и измѣреніи промѣниваемыхъ земель. Равнымъ образомъ правительство для осуществленія разныхъ аграрныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью болѣе удобное для хозяйственнаго пользованія устройство землевладѣнія, встрѣчаетъ часто надобность въ землемѣрныхъ дѣйствіяхъ. Сюда относится сведеніе чрезполосныхъ земель къ однимъ мѣстамъ, раздѣлъ общихъ угодій и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ землемѣрныя дѣйствія хотя косвенно и имѣютъ юридическую цѣль, однако не служатъ средствомъ обособленія единицъ владѣнія.

8) Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что, при обсужденіи относящихся къ межеванію вопросовъ, необходимо имѣть въ виду различіе между: а) юридическимъ межеваніемъ и другими видами его, б) государственнымъ и частнымъ юридическимъ межеваніемъ (отграниченіемъ) и в) межеваніемъ и землемѣріемъ.

ОТДѢЛЪ I.

Генеральное межеваніе.

ГЛАВА I.

Что значитъ межевать земли къ селенію, а не къ лицу владѣльца?

I.

Пунктъ 2 генеральныхъ правилъ.

Приложенныя къ Манифесту 19 Сентября 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель во всей Имперіи [1]) «генеральныя правила, данныя Межевой Коммисіи для сочиненія по онымъ Межевой Инструкціи» въ п.п. 1 и 2 содержатъ слѣдующія постановленія: «въ государственное земель размежеваніе отнюдь не вмѣщать ни ревизіи, ни редукціи, но единственно только межевать и класть на планы земли каждаго владѣнія» (п. 1) и «для того всѣ земли межевать не къ именамъ владѣльцевъ, но къ именамъ селъ и деревень, а пустоши къ ихъ собственнымъ названіямъ» (п. 2) [2]).

---

[1]) П. С. З. № 12474.

[2]) Полный текстъ п. 2 генеральныхъ правилъ гласитъ:

«Всѣ земли межевать не къ именамъ владѣльцевъ, но къ именамъ селъ и деревень, а пустоши къ ихъ собственнымъ названіямъ, каждое селеніе порознь, или всякое владѣніе общею обводною межею, какъ то владѣльцы

Мѣсто, занимаемое этими постановленіями во главѣ генеральныхъ правилъ, указываетъ на то, что въ нихъ выражено одно изъ основныхъ началъ генеральнаго межеванія. Отсюда ясно, что разборъ правилъ генеральнаго межеванія слѣдуетъ начать именно съ уясненія смысла указаннаго закона. Наиболѣе надежнымъ путемъ къ достиженію этой цѣли, безъ сомнѣнія, является историческій путь, посредствомъ котораго могутъ быть выяснены причины, вызвавшія изданіе закона, а равно и мотивы, которые легли въ его основаніи.

Генеральныя правила, приложенныя къ Манифесту 19 Сентября 1765 г., и составленныя на основаніи ихъ [1]) двѣ инструкціи: а) Землемѣрамъ 13 Февраля 1766 г. [2]) и б) Межевымъ Губернскимъ Канцеляріямъ и Провинціальнымъ Конторамъ [3]) имѣли цѣлью замѣнить изданную въ царствованіе Императрицы Елисаветы Инструкцію межевщикамъ 13 Мая 1754 г. [4]). Эта-же послѣдняя инструкція была основана на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

сами, и по сколько къ которому селенію земли изъ собственнаго своего владѣнія межевать пожелаютъ, и въ межевыхъ новыхъ книгахъ, также и планахъ писать, за кѣмъ только именно при государственномъ размежеваніи какія-же именно села, деревни и пустоши во владѣніи окажутся, сколько въ нихъ какой земли четвертей и всякихъ угодій; ибо симъ государственнымъ размежеваніемъ селъ, деревень и пустошей къ владѣльцамъ не утверждается, и споры во владѣніи ими предоставляются по прежнему установленному общему Государственному на то обыкновенному суду и Правительству, т. е. Вотчинной Коллегіи: для чего симъ генеральнымъ межеваніемъ и утверждаются единственно и навсегда земли только къ селамъ и деревнямъ, а пустоши къ ихъ старымъ названіямъ, но отнюдь не села, деревни и пустоши къ именамъ владѣльческимъ».

[1]) См. п. 25 генер. правилъ.

[2]) П. С. З. № 12570.

[3]) П. С. З. № 12659.

[4]) П. С. З. № 10237.

а) всѣ владѣльцы обязаны были представить крѣпости въ доказательство принадлежности имъ состоявшихъ въ ихъ владѣніи земель [1]);

б) если у владѣльцевъ крѣпостей не оказалось, то земли, состоявшія въ ихъ владѣніи безъ дачъ и крѣпостей, отбирались у нихъ, причемъ захваченныя у казны земли отписывались въ казну, а захваченныя у частныхъ лицъ межевались за тѣми, кому онѣ по дачамъ и по крѣпостямъ принадлежали [2]);

в) въ каждый провинціальный и приписной городъ назначены были по одному штабъ-офицеру и при немъ два оберъ-офицера (межевщики) для производства межеванія, утвержденія, при отсутствіи спора, права на владѣніе и разбора граничныхъ споровъ, [3]) и

г) въ случаѣ спора о крѣпостяхъ—земли велѣно межевать за тѣми, кто ими владѣлъ, а споръ о крѣпостяхъ подлежалъ представленію на разрѣшеніе Вотчинной Коллегіи, на основаніи рѣшенія которой спорную вотчину должно было утверждать за тѣмъ, за кѣмъ признана Вотчинною Коллегіею [4]).

Однако инструкція 1754 г. совершенно не достигла цѣли.

Вслѣдствіе сего, для изысканія причинъ неуспѣха Инструкціи 1754 г., была учреждена въ 1765 г. особая Коммисія, которая нашла [5]), что причина означеннаго не-

---

[1]) Инструкція 1754 г. гл. 4 ст. 1 и гл. 12 и 13.

[2]) Инструкція 1754 г. гл. 4 ст. 1 и гл. 14 ст. 1.

[3]) Инструкція 1754 г. гл. 35 ст. 5—10 и гл. 3, 4, 12, 13, 14 и 15.

[4]) Инструкція 1754 гл. 12 п. 1 и 2 и гл. 13 ст. 1 и 2.

[5]) Заключеніе Коммисіи 1765 г. о причинахъ неуспѣха Елисаветинскаго межеванія изложено здѣсь на основаніи всеподданнѣйшаго доклада Коммисіи. Въ Манифестъ 19 Сентября 1765 г. заключеніе Коммисіи вошло въ не-

успѣха заключается въ томъ, что владѣльцы всѣми зависѣвшими отъ нихъ способами стремились тормозить ходъ межеванія, почему за 10 лѣтъ изъ 179 снятыхъ округовъ обмежеваны были лишь 11. Такое враждебное отношеніе владѣльцевъ къ предпринятому правительствомъ межеванію, по заключенію Коммисіи, явилось послѣдствіемъ того, что хотя намѣреніе правительства и было размежевать земли къ спокойствію владѣльцевъ, но въ Межевую Инструкцію «не чувствительно вкрались настоящія землямъ ревизія и редукція». Такой характеръ, по мнѣнію Коммисіи, межеваніе получило въ виду включенія въ Инструкцію постановленій, въ силу коихъ:

а) межевщикамъ предоставлена «почти» равная съ Вотчинною Коллегіею власть по разбору крѣпостей [1]), вслѣдствіе чего владѣльцы опасались «быть подвергнуты во всемъ своемъ недвижимомъ имѣніи, яко главнѣйшемъ состояніи своей жизни, подъ разсмотрѣніе посылавшихся многочисленныхъ разнаго качества и состоянія, а совсѣмъ непрактикованныхъ въ государственныхъ дѣлахъ межевщиковъ, избиравшихся изъ штабъ и оберъ - офицерскихъ достоинствъ, состоявшихъ обыкновенно болѣе изъ молодыхъ людей»;

б) у спокойно владѣвшихъ требовались крѣпости съ цѣлью отрѣзки оказавшихся у нихъ сверхъ писцовыхъ дачъ

полномъ видѣ. О всеподданнѣйшемъ докладѣ Коммисіи 1765 г. см. «Труды Топографо-Геодезической Коммисіи», вып. I, Москва 1894 г., стр. 65—73.

[1]) Межевщики разсматривали крѣпости: а) при отсутствіи споровъ, для отрѣзки примѣрныхъ земель и утвержденія захваченныхъ у частныхъ лицъ земель за тѣми, кому онѣ принадлежатъ по крѣпостямъ (см. выше стр. 7 пр. 3), и б) по спорамъ о границахъ, тогда какъ Вотчинной Коллегіи предоставленъ былъ разборъ крѣпостей по спорамъ о самой крѣпости (см. выше стр. 7 пр. 4).

излишнихъ (примѣрныхъ) земель и съ цѣлью утвержденія захваченныхъ у частныхъ лицъ земель за тѣми, кому они принадлежатъ по крѣпостямъ;

в) примѣрныя земли предоставлялись въ пользу сосѣднихъ владѣльцевъ за опредѣленную плату (10 коп. за десят.), для чего онѣ, въ видахъ распредѣленія между ними означенныхъ земель, соединялись въ особые округа, что вызвало множество споровъ какъ о пріуроченіи владѣльцевъ къ тому или другому округу, такъ и о самомъ распредѣленіи примѣрныхъ земель;

г) владѣльцы опасались взысканія съ нихъ убытковъ за провладѣніе землями, оказавшимися по межеванію не имъ принадлежащими (въ этомъ заключается смыслъ словъ Манифеста «о невзысканіи исковъ за тѣ земли, которыя въ чужихъ рукахъ отыщутся, общимъ, государственнымъ, а не по иску каждаго челобитчика, особливо предпринимаемымъ межеваніемъ»; см. 449, 523, 530 ст. I ч. X т. изд. 1842 г. и 986 ст. зак. меж. изд. 1857 г.).

Для устраненія указанныхъ причинъ неуспѣха межеванія, Коммисія признала нужнымъ принятыя въ Инструкціи 1754 г. начала замѣнить слѣдующими правилами:

а) у спокойно владѣющихъ не требовать крѣпостей и, соотвѣтственно съ симъ, межевать за ними всѣ состоящія въ ихъ спокойномъ владѣніи земли [1]),

б) примѣрныя земли безмездно предоставить въ собственность тѣмъ, кто ими владѣетъ [2]),

в) межеваніе не считать препятствіемъ къ отыскиванію

---

[1]) Генер. прав. п. 4.

[2]) Генер. прав. п. 9.

частными лицами принадлежащихъ имъ селъ, деревень и пустошей изъ чужаго неправильнаго владѣнія [1]),

г) отдѣлить дѣла землемѣровъ отъ межевыхъ дѣлъ, возложить на землемѣровъ лишь принятіе и съемку на планъ отводовъ владѣльцевъ и объявленіе заспорившимъ въ отводѣ своихъ границъ владѣльцамъ о явкѣ въ назначенный срокъ въ Межевую Канцелярію или Контору со всѣми крѣпостями, а разборъ возникшихъ при межеваніи споровъ о границахъ возложить на вновь учреждаемыя Межевыя Канцеляріи (для каждой межуемой губерніи) и Межевыя Конторы (по одной на двѣ или три провинціи (уѣзды) [2]),

и д) по всѣмъ дѣламъ, по которымъ иски не предъявлены до 1765 г., воспретить взысканіе завладѣнныхъ денегъ [3]).

Опредѣливъ производить межеваніе на указанныхъ новыхъ началахъ, Коммисія однако тѣмъ самымъ была поставлена въ необходимость изыскать способъ для восполненія того пробѣла, который явился послѣдствіемъ воспрещенія требовать, при отсутствіи спора, крѣпостей, т. е. отвѣтить на вопросъ, чѣмъ замѣнить крѣпости, какъ основаніе межеванія?

Въ системѣ Инструкціи 1754 г. крѣпости служили къ разрѣшенію двухъ вопросовъ: а) кому принадлежитъ и, слѣдовательно, за кѣмъ слѣдуетъ записать межуемую вотчину и б) кого слѣдуетъ считать имѣющимъ право указать землемѣру границы межуемой вотчины. Разрѣшеніе перваго вопроса должно по необходимости предшествовать разрѣшенію втораго вопроса, ибо пока неизвѣстно, кому принадлежитъ цѣлое имѣніе, нельзя опредѣлить, отъ кого зависитъ отводъ

[1]) Генер. прав. п. 2.
[2]) Генер. прав. п. 4 и 27.
[3]) Генер. прав. п. 19.

границъ, т. е. кто, по закону, является уполномоченнымъ изъявить согласіе на полюбовный разводъ земель или заявить споръ. Соотвѣтственно сему, по Инструкціи 1754 г. [1]), владѣльцы были обязаны, «когда межевщики прибудутъ къ нимъ на земли и крѣпостей потребуютъ, имъ оныя объявлять безъ всякаго замедленія».

Такимъ образомъ очевидно, что Коммисіи 1765 г. прежде всего предстояло рѣшить вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ замѣнить крѣпость, если нельзя требовать таковой для удостовѣренія, кому принадлежитъ межуемая единица владѣнія.

Вопросъ этотъ Коммисія разрѣшила въ томъ смыслѣ, что замѣною крѣпости должно служить владѣніе межуемымъ селеніемъ, деревнею или пустошью [2]).

Иной способъ разрѣшенія поставленнаго выше вопроса врядъ-ли и былъ возможенъ: кто безспорно владѣетъ имѣніемъ, тотъ имѣетъ за собою предположеніе, что онъ собственникъ, пока предположеніе это по суду не будетъ опровергнуто. Не слѣдуетъ притомъ упускать изъ виду, что межеваніе сопровождалось вызовомъ лицъ, считающихъ за собою право на межуемое имѣніе. Поэтому, если никто по вызову не явился, означенное предположеніе

---

[1]) Гл. 2 ст. 1.

[2]) Подъ селеніемъ и деревнею законы о генеральномъ межеваніи разумѣютъ всякую населенную единицу владѣнія, а подъ пустошью всякую ненаселенную единицу владѣнія, т. е. участокъ ненаселенной земли, настолько обособившійся отъ окружающихъ земель, что получилъ особое названіе. Съ понятіемъ пустоши, какъ самостоятельной единицы владѣнія, не слѣдуетъ смѣшивать понятіе ненаселенной земли, составляющей принадлежность селенія или деревни, часто также называемой пустошью (отхожею). Къ пустошамъ перваго рода относится, напримѣръ, ст. 954 зак. меж. (1161 ст. изд. 1857 г.), къ ненаселеннымъ землямъ втораго рода—950 ст., прим., зак. меж. (1157 ст., прим., изд. 1857 г.). См. ниже стр. 230.

получало характеръ почти полной достовѣрности. На этой мысли основаны всѣ безъ исключенія межевыя законодательства. Исходя изъ этой мысли, они допускаютъ записку межуемаго имѣнія за тѣмъ, кто имъ владѣетъ, если по произведенному вызову никѣмъ не заявлено спора противъ записки имѣнія за его владѣльцемъ. Начала этого придерживаются законодательства не только тѣхъ странъ, въ которыхъ межеваніе производится преимущественно съ фискальною цѣлью, но и тѣхъ, гдѣ оно служитъ къ опредѣленію вотчинныхъ правъ [1]).

Изъ принятаго составителями генеральныхъ правилъ начала, что основаніемъ межеванія впредь должно служить дѣйствительное владѣніе, а не крѣпости, вытекалъ весьма важный въ практическомъ отношеніи выводъ, что за межеваніемъ нельзя было сохранить ту юридическую силу, которая присвоена была ему по Инструкціи 1754 г. Коль скоро межеваніе не сопровождалось повѣркою по крѣпостямъ правъ владѣльца на межуемое имѣніе, нельзя было присвоить ему силу непоколебимости, которою по Инструкціи 1754 г. она пользовалась по вопросу не только о пріуроченіи земель къ той или другой вотчинѣ, но и объ утвержденіи цѣлой

---

[1]) Здѣсь не мѣсто и едва ли нужно привести подробныя свѣдѣнія о содержащихся въ иностранныхъ законодательствахъ по указанному предмету постановленіяхъ. Достаточно указать на то, что по межевымъ законамъ Кантона Женевы, представляющимъ собою типъ юридическаго межеванія, т. е. такого межеванія, которое, подобно нашему, совершенно чуждо фискальныхъ цѣлей, не требуется представленія доказательства права собственности для записки имѣнія за его владѣльцемъ. Тѣмъ не менѣе никогда, кажется, не возникало сомнѣнія на счетъ того, что по Женевскимъ межевымъ законамъ записка за кѣмъ либо имѣнія въ порядкѣ межеванія служитъ доказательствомъ принадлежности ему имѣнія на правѣ собственности. См. Delapalud Commentaire sur le cadastre de 1841, Genève 1854 pg 199; ср. также Матер. для преобр. меж. части въ Россіи, прил. первое о поземельной регистраціи стр. 143—171.

вотчины за тѣмъ или другимъ лицемъ. Очевидно, что разъ вотчина могла быть утверждена за лицемъ, не имѣющимъ крѣпости, нельзя было тому, кто имѣетъ крѣпость, преградить право отыскивать имѣніе изъ владѣнія того, за кѣмъ оно записано было по межеванію. Эта именно мысль въ п. 2 генеральныхъ правилъ выражена словами, что земли межуются не къ именамъ владѣльцевъ, а къ селеніямъ. Межевать къ селенію въ п. 2 генеральныхъ правилъ значитъ межевать земли за тѣмъ, кто владѣетъ селеніемъ, а не только за тѣмъ, кто представленіемъ крѣпостей удостовѣрилъ свое право на межуемыя земли. Подъ селеніемъ въ п. 2 генеральныхъ правилъ разумѣется не центръ территоріальнаго округа [1]), а то лице, въ чьемъ владѣніи находится селеніе. Такое отождествленіе единицы владѣнія съ лицемъ владѣльца встрѣчается нерѣдко въ относящихся къ генеральному межеванію постановленіяхъ. Такъ, напр., въ ст. 1 гл. 33 и въ ст. 14 Гл. 4 Меж. Инстр. сказано: «симъ повелѣваемъ: впредь всѣмъ тѣмъ селеніямъ и ихъ владѣльцамъ землями владѣть и т. д.», «завладѣнную землю возвратя, примежевать къ тому селу и деревнѣ, у котораго она прежде во владѣніи была», и «того селенія, у котораго чужая земля во владѣніи состояла». Далѣе, въ ст. 2 и 4 гл. 9 Меж. Инстр. сказано, въ ст. 2: «написанныя по тѣмъ крѣпостямъ земли межевать къ тѣмъ селеніямъ и въ томъ владѣніи, за которымъ онѣ при межеваніи окажутся» [подъ землями здѣсь разумѣются цѣлыя селенія, см. ст. 712 зак. меж. (870 ст. изд. 1857 г.), подъ которою въ цитатахъ приведена эта статья Меж. Инстр.], а въ ст. 4: «Межевымъ Канцеляріямъ разсматривать единственно, всѣ ль спорныя

---

[1]) Объ этомъ мнѣніи см. ниже стр. 17 и сл.

земли по предложеннымъ крѣпостямъ принадлежатъ въ дачу тому просителю или селенію, за кѣмъ они должны во владѣніи быть». Подъ селеніемъ, слѣдовательно, генеральныя правила разумѣютъ владѣльца селенія вообще, т. е. лице, владѣющее селеніемъ въ видѣ собственности (хотя бы въ дѣйствительности оно не состояло собственникомъ селенія), тогда какъ подъ владѣльцемъ они разумѣютъ лишь такого владѣльца, къ которому относится прим. къ 420 ст. 1 ч. X т., по коей «и лице, имѣющее право собственности, именуется владѣльцемъ». По разуму п. 2 генеральныхъ правилъ, земли межуются къ селенію въ томъ смыслѣ, что установленныя въ порядкѣ межеванія границы почитаются обязательными для каждаго владѣльца селенія, хотя бы впослѣдствіи оказалось, что по крѣпостямъ селеніе вовсе не принадлежало тому, кто при межеваніи отвелъ границы. Съ другой стороны по п. 2 генеральныхъ правилъ земли межуются не къ лицу владѣльца въ томъ смыслѣ, что межеваніе не служитъ ручательствомъ, что въ дѣйствительности не существуетъ лица, имѣющаго лучшее право на селеніе, чѣмъ тотъ, кто на планѣ значится владѣльцемъ его, слѣдовательно, межеваніемъ никому не преграждается возможность отыскивать обмежеванное селеніе изъ владѣнія того, за кѣмъ оно записано по межеванію.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что п. 2 генеральныхъ правилъ, по своему содержанію, вполнѣ совпадаетъ съ ст. 1 Высочайше утвержденнаго 27 Октября 1859 г. Положенія о размежеваніи Черниг. и Полт. губ. [1]) и ст. 108 Высочайше утвержденнаго 29 Іюня 1861 г. Положенія о размежеваніи Закавказскаго края [2]), въ которыхъ постанов-

[1]) П. С. З. № 35036.
[2]) П. С. З. № 37186.

лено: въ первой, что «размежеваніе производится по настоящему безспорному владѣнію», а во второй—что «размежеваніе производится по дѣйствительному владѣнію каждаго владѣльца».

Если слова «межевать земли къ селенію, а не къ лицу владѣльца», сами по себѣ, и могутъ вызвать недоразумѣніе, то всякое сомнѣніе по сему предмету устраняется, казалось бы, дальнѣйшимъ содержаніемъ п. 2 генер. прав. Въ немъ прямо и ясно выражено, что «межеваніе села, деревни и пустоши къ владѣльцамъ не утверждаются», что межеваніе не служитъ препятствіемъ отыскивать селенія изъ чужаго неправильнаго владѣнія, такъ какъ «споры во владѣніи ими (селами, деревнями и пустошами) предоставляются по прежнему установленному общему государственному на то обыкновенному суду и правительству, т. е.Вотчинной Колегіи» [1], и что генеральнымъ межеваніемъ «утверждаются единственно и навсегда земли только къ селамъ и деревнямъ, а пустоши къ ихъ старымъ названіямъ, но отнюдь не села, деревни и пустоши къ именамъ владѣльческимъ».

Что п. 2 генеральныхъ правилъ слѣдуетъ понимать въ указанномъ выше смыслѣ, подверждается еще: а) тѣсною, вытекающею изъ вступительныхъ словъ («а для того»), связью разсматриваемаго п. 2 генеральныхъ правилъ съ п. 1 тѣхъ же правилъ, которымъ велѣно не вмѣщать въ государствен-

[1]) По Инстр. 1754 г. право того, за кѣмъ въ порядкѣ межеванія утверждено было селеніе, не могло быть впослѣдствіи опровергнуто по суду, такъ какъ межеваніе имѣло силу судебнаго рѣшенія: а) не только въ случаѣ возникшаго при межеваніи спора, но и при отсутствіи всякаго спора и б) не только по вопросу о пріуроченіи земель къ той или другой вотчинѣ, но и по вопросу объ утвержденіи вотчины за тѣмъ или другимъ лицомъ (см. выше стр. 8 прим. 1).

ное межеваніе ни ревизіи, ни редукціи, а лишь класть на планы земли каждаго владѣнія и б) послужившими основаніемъ для упомянутыхъ правилъ сужденіями Коммисіи 1765 г., изъ которыхъ явствуетъ, что начало, выраженное въ словахъ «земли межевать къ селенію», замѣняетъ собою правила, изложенныя во Гл. 13 и 27 Инстр. 1754 г., т. е. именно тѣ главы оной, въ которыхъ говорится объ обязанности владѣльцевъ представлять крѣпости и объ отсужденіи у нихъ земель, на кои у нихъ не окажется крѣпостей [1]). Такимъ образомъ, положенныя въ основаніи п. 2 генеральныхъ правилъ соображенія вполнѣ подтверждаютъ, что межевать земли къ селенію значитъ межевать таковыя за тѣмъ, кто владѣетъ селеніемъ, а разсмотрѣніе правъ на владѣніе селеніями по возникшимъ спорамъ предоставить общимъ судамъ.

---

[1]) Относящіяся сюда сужденія Коммисіи, изложенныя въ двухъ журналахъ ея отъ 12 Марта и 12 Апрѣля 1765 г., гласятъ:

а) на 13 главу Межевой инструкціи 1754 года. О межеваніи земель по незаписаннымъ въ Вотчинной Коллегіи крѣпостямъ.

Всю главу сообразить и расположить съ такимъ Коммисіи намѣреніемъ, чтобъ Межевымъ Канцеляріямъ по спорамъ разбирать крѣпости единственно только о такихъ земляхъ, которыя выбыли изъ тѣхъ селъ, деревень и пустошей, къ которымъ въ дачахъ они по писцовымъ книгамъ приписаны были, а не о всѣхъ тѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, къ коимъ оныя земли по писцовымъ книгамъ состоятъ, для того, чтобъ тѣ выбылыя изъ писцовыхъ книгъ дачи, по разсмотрѣніи справедливыхъ крѣпостей, приписаны и на планахъ присоединены были къ тѣмъ недвижимымъ имѣніямъ, къ которымъ оныя по тѣмъ крѣпостямъ принадлежать будутъ, въ разсмотрѣніи же о справедливости владѣльческихъ всѣхъ ихъ недвижимыхъ имѣній владѣнія не входить, понеже Коммисія межеваніе полагаетъ быть на разборъ и утвержденіе земель къ дачамъ, а не ко владѣльцамъ; разсмотрѣніе же справедливости владѣльческаго своими недвижимыми имѣніями владѣнія остается на установленныхъ общихъ государственныхъ законахъ и въ учрежденныхъ на то обыкновенныхъ правительствахъ.

II.

Ст. 32 Инструкціи землемѣрамъ.

Выше было указано, что буквальный смыслъ выраженія «межевать земли къ селенію» даетъ поводъ къ толкованію, что подъ селеніемъ слѣдуетъ разумѣть центръ территоріальнаго округа, и что, такимъ образомъ, межевать земли къ селенію значитъ ставить межеванію цѣлью образованіе не вотчинныхъ единицъ, а территоріальныхъ округовъ. Нельзя не согласиться, что такое толкованіе приведенныхъ словъ гораздо ближе соотвѣтствуетъ ихъ словесному смыслу, чѣмъ предложенное выше толкованіе. Толкованіе въ буквальномъ смыслѣ означеннаго правила должно быть признано господствующимъ у насъ. Оно принято было редакторами свода межевыхъ законовъ, въ ст. 2 котораго сказано, что генеральное межеваніе производится для опредѣленія окружныхъ границъ дачамъ безъ разбирательства, одному или многимъ владѣльцамъ онѣ принадлежатъ. Того же взгляда придержи-

---

б) На 27 главу Межевой инструкціи 1754 года. О завладѣнныхъ земляхъ и о насильственномъ на ономъ поселеніи людей и крестьянъ безъ дачъ и крѣпостей.

Сію всю главу изъ особаго положенія исключить, а о насильномъ завладѣніи земель и на оныхъ о самостоятельномъ заселеніи сдѣлать въ одномъ пристойномъ мѣстѣ общее положеніе по новому Коммискому разсужденію, чтобы всѣ земли межевать не къ людямъ, но къ званіямъ селеній, а на которыя селенія произойдутъ у владѣльцевъ отъ кого споры,—о тѣхъ землемѣрамъ описать на планахъ: какіе между кѣмъ о какихъ селеніяхъ споры въ чемъ произошли, отсылать тѣхъ спорившихся и съ ихъ крѣпостьми во опредѣленныя Межевыя Канцеляріи, которымъ оныхъ въ ихъ спорахъ и разбирать по крѣпостямъ и по сдѣланнымъ имъ о томъ предписаніямъ.

вается также Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, который главнымъ образомъ на этомъ правилѣ основываетъ свое заключеніе о томъ: а) что планы генеральнаго межеванія не могутъ служить доказательствомъ принадлежности обмежеванныхъ земель лицамъ, за кѣмъ онѣ утверждены по названному межеванію и б) что признаніе за давностнымъ владѣльцемъ права собственности на захваченныя чрезъ межу земли не составляетъ нарушенія этой межи [1]).

Толкованіе разсматриваемаго правила въ указанномъ смыслѣ едва ли однако, какъ объяснено выше [2]), возможно, если не оставлять безъ вниманія не только внутренней связи генеральнаго межеванія съ Инструкціею 1754 г. и заключающихся въ самомъ Манифестѣ 19 Сентября 1765 г. указаній на руководящую мысль законодателя, но даже буквальнаго смысла дальнѣйшаго содержанія п. 2 генеральныхъ правилъ. Такъ и поступили редакторы свода межевыхъ законовъ, ибо въ сущности они приведенный п. 2 генеральныхъ правилъ вполнѣ игнорировали.

Правда, въ сводѣ межевыхъ законовъ содержится 328 ст. (429 ст. изд. 1857 г.), въ которой сказано «земли межевать не къ именамъ владѣльцевъ, но къ селеніямъ и деревнямъ, а пустоши къ ихъ названіямъ», но эта статья, хотя подъ нею цитатою приведенъ, между прочимъ, п. 2 генеральныхъ правилъ, основана не на семъ пунктѣ, а на приведенной также подъ нею въ цитатахъ ст. 32 Инструкціи землемѣрамъ 13 Февраля 1766 г. Поэтому ст. 328 зак. меж. соотвѣтствуетъ не пункту 2 генеральныхъ правилъ, а ст. 32 Инструкціи 13 Февраля 1766 г. Это явствуетъ изъ

---

[1]) Подробный разборъ мнѣнія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по указаннымъ предметамъ изложенъ ниже въ главахъ III и IУ.

[2]) См. выше, стр. 15.

того, что: а) она помѣщена не въ числѣ основныхъ положеній генеральнаго межеванія, а въ числѣ дѣлопроизводственныхъ правилъ, въ главѣ «о порядкѣ генеральнаго межеванія» и б) вторая часть ея, въ которой говорится объ обмежеваніи нѣсколькихъ смежныхъ между собою селеній, принадлежащихъ одному и тому же владѣльцу, соотвѣтствуетъ дословно содержанію второй части п. 32 Инструкціи 13 Февраля 1766 г.

Изложенное показываетъ, что заключеніе о томъ, будто наше генеральное межеваніе имѣетъ дѣло не съ вотчинными единицами, а съ территоріальными округами, основано исключительно на ст. 32 Инстр. 13 Февраля 1766 г. Въ виду сего нельзя не остановиться на вопросѣ: въ чемъ заключается смыслъ этой статьи и дѣйствительно ли въ ней подъ межеваніемъ къ селенію разумѣется нѣчто совершенно различное отъ того, что этими же самыми словами выражено въ п. 2 генер. правилъ?

Ст. 32 Инструкціи 13 Февраля 1766 г. въ первой своей части почти дословно воспроизводитъ первую часть п. 2 генер. правилъ. Одно это обстоятельство, казалось бы, исключаетъ всякую возможность предположить, что законодатель могъ имѣть въ виду въ этой статьѣ выразить иное правило, чѣмъ въ пунктѣ 2 генер. правилъ. Правда, противъ этого можно возразить, что если ст. 32 выражаетъ собою одно изъ основныхъ положеній генеральнаго межеванія, то она оказывается не на своемъ мѣстѣ въ Инструкціи, имѣющей главнымъ образомъ дѣлопроизводственный характеръ. Однако это возраженіе устраняется тѣмъ, что изданіе Инструкціи землемѣрамъ послѣдовало ранѣе изданія Инструкціи Межевымъ Конторамъ и Канцеляріямъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснить, почему въ первую

Инструкцію вошли нѣкоторыя правила, прямо не касающіяся дѣятельности землемѣровъ, напр., правило о томъ, что съ межеваніемъ не слѣдуетъ соединять ревизіи и редукціи, о чемъ говорится въ введеніи къ Инструкціи 13 Февраля 1766 г. Сюда же слѣдуетъ отнести и первую часть ст. 32, въ которой воспроизведенъ п. 2 генер. правилъ.

Еще болѣе вѣское возраженіе можно сдѣлать составителямъ Инструкціи 13 Февр. 1766 г. о томъ, что, включивъ въ ст. 32 оной содержаніе пункта 2 генер. правилъ въ неполномъ, отрывочномъ видѣ, они тѣмъ самымъ открыли возможность для недоразумѣній и превратныхъ толкованій, которыя тѣмъ легче могли возникнуть въ данномъ случаѣ, что сказанная (32) статья названной инструкціи помѣщена въ ней въ началѣ цѣлаго ряда статей, 32—36, относящихся къ совершенно другому предмету, а именно не къ вопросу объ основаніи межеванія (считать ли такимъ основаніемъ крѣпость, либо владѣніе), а о единицѣ межеванія (считать ли таковою владѣніе, обнимающее нѣсколько смежныхъ селеній, принадлежащихъ одному и тому же лицу, или владѣніе, обнимающее лишь часть округа селенія).

Какими бы, впрочемъ, недостатками ни страдала редакція ст. 32 Инстр. 13 Февр. 1766 г., не можетъ быть однако сомнѣнія въ томъ, что составители ея были далеки отъ мысли признавать, что межеваніе имѣетъ предметомъ не вотчинныя, а территоріальныя единицы.

Дѣло въ томъ, что правило, выраженное въ первой части ст. 32 Инстр. 13 Февр. 1766 г., должно быть разсматриваемо въ связи съ второю половиною этой статьи, а также съ послѣдующими (п. 33—36) статьями той же Инструкціи, опредѣляющими ближайшимъ образомъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда селеніе—территоріальная единица—не

совпадаетъ съ владѣніемъ отдѣльнаго лица—вотчинною единицею? Въ этомъ отношеніи возможны два случая: первый—когда нѣсколько смежныхъ селеній находятся во владѣніи одного и того же лица, и второй—когда одно селеніе находится во владѣніи нѣсколькихъ лицъ.

Первый случай прямо предусмотрѣнъ въ 32 ст. Инструкціи Землемѣрамъ 13 Февр. 1766 г. (вошедшей въ 328 ст. зак. меж., 429 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которой одного владѣльца селенія, смежныя между собою, слѣдуетъ обводить общею окружною межою, развѣ бы самъ владѣлецъ требовалъ размежеванія одного селенія отъ другаго. Такимъ образомъ ясно, что въ случаѣ обведенія общею межею нѣсколькихъ смежныхъ селеній, принадлежащихъ одному владѣльцу, межеваніе, съ точки зрѣнія усвоенной редакторами свода зак. меж. терминологіи, производится къ лицу владѣльца, а не къ селенію. Но и въ обратномъ случаѣ, а именно, когда въ одномъ селеніи имѣется владѣніе нѣсколькихъ лицъ, земли, въ смыслѣ упомянутой терминологіи, межуются также не къ селенію, а къ лицу владѣльца. Въ этомъ случаѣ представляется слѣдующая альтернатива: либо владѣльцы желаютъ полюбовно размежевать между собою земли, принадлежащія къ округу селенія, либо они этого не желаютъ. Въ первомъ случаѣ законъ прямо разрѣшаетъ размежевывать владѣльцевъ (п. 24 генеральныхъ правилъ и ст. 36 Инструкціи Землемѣрамъ 13 Февр. 1766 г., вошедшіе въ ст. 311 зак. меж., 408 изд. 1857 г.), и такимъ образомъ, ставъ на точку зрѣнія самихъ редакторовъ свода межевыхъ законовъ, межеваніе производится вовсе не къ селенію, а къ лицу владѣльца.—Если же совладѣльцы селенія не желаютъ размежеваться между собою, то по закону земли, состоящія во владѣніи селенія, т. е. лицъ,

имѣющихъ владѣніе въ округѣ онаго, временно, впредь до специальнаго межеванія, соединяются въ особую вотчинную единицу, собственниками которой почитаются не отдѣльныя лица, владѣющія землями въ округѣ селенія, а самое селеніе, разумѣя подъ нимъ совокупность владѣльцевъ его. Такимъ образомъ, хотя въ этомъ случаѣ земли и межуются къ селенію, но здѣсь подъ селеніемъ слѣдуетъ разумѣть не округъ въ смыслѣ территоріальной единицы, а особую вотчинную единицу, подобно тому, какъ, напр., данная на выкупленныя крестьянами земли выдается селенію, какъ владѣльцу выкупленной земли.

Въ отношеніи замежеванныхъ въ общую дачу селеній (разнопомѣстныхъ) слѣдуетъ еще замѣтить, что, хотя въ законѣ не содержится положительнаго правила, признающаго за замежеванными въ общую дачу землями характеръ особаго вида общей собственности, тѣмъ не менѣе никогда, кажется, объ этомъ не возникало сомнѣнія.

Если въ этомъ отношеніи касательно земель, принадлежащихъ каждому изъ замежеванныхъ въ общую дачу владѣльцевъ на крѣпостномъ правѣ, еще мыслимо сомнѣніе, то врядъ ли оно возможно относительно вошедшихъ въ общую дачу примѣрныхъ земель. А что эти послѣднія составляютъ общую собственность всѣхъ лицъ, имѣющихъ владѣніе въ дачѣ, явствуетъ изъ п. 2 Манифеста 19 Сент. 1765 г., а равно п. 14 генер. правилъ, по силѣ которыхъ примѣрныя земли жалуются и утверждаются «тѣмъ владѣльцамъ, городамъ и казеннаго вѣдомства селамъ, слободамъ и деревнямъ, кои въ нихъ полюбовно только между сосѣдями своими разведутся». Что общія дачи составляютъ общую собственность владѣльцевъ, прямо выражено, напримѣръ, въ указѣ 15 Мая

1778 г. [1]), въ которомъ въ п. 11, между прочимъ, сказано «каждому владѣльцу (общей дачи) особливо плановъ и книгъ не выдавать, для того, что та земля, на которую планъ выданъ, принадлежитъ ко всему этому селенію, и не одному, а всѣмъ владѣльцамъ». Это же самое положеніе, не встрѣтивъ возраженій, было высказано, при составленіи правилъ понудительнаго спеціальнаго межеванія, Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Графомъ Блудовымъ, заявившимъ въ отзывѣ на имя Министра Юстиціи отъ 3 Февраля 1851 г., что «дачи, обведенныя при генеральномъ межеваніи окружною межею, признаются собственностью только всѣхъ владѣльцевъ въ совокупности, разсмотрѣніе же правъ каждаго на нѣкоторое большее или меньшее количество находящихся въ нихъ земель пріостановлено мѣрою самаго правительства». Этого же взгляда придерживается и К. П. Побѣдоносцевъ, по словамъ котораго вся окружная дача составляетъ собственность всѣхъ соучастниковъ, имѣющихъ въ ней владѣніе [2]). Наконецъ, положеніе это признано также практикою Гр. Кас. Департамента [3]).

Въ опроверженіе мнѣнія, что ст. 32 Инструкціи 13 Февр. 1766 г. имѣетъ въ виду территоріальныя, а не вотчинныя единицы, не лишне указать еще на то:

а) что съ принятіемъ этого мнѣнія было бы совершенно непонятно, почему въ ст. 33 упомянутой Инструкціи законодатель счелъ нужнымъ оговорить, что селеніе жены должно быть обмежевано особо отъ смежнаго селенія мужа;

---

[1]) П. С. З. № 14750.

[2]) Курсъ I, 4 изд. 1892 г., стр. 564.

[3]) Гр. Кас. Д-тъ 1877 № 357 по д. Мольской, 1884 г. № 92 по д. Щекина и 1889 г. № 98 по д. Линдесъ.

б) что въ 34 ст. той же Инструкціи основаніемъ, почему смежныя между собою казенныя селенія должны быть обведены общею межею, выставлено то, что они «яко единственнаго владѣнія»,

и в) что, по силѣ ст. 327 зак. меж. (428 ст. изд. 57 г.), дачи, пересѣкаемыя межею губернскою или уѣздною, слѣдуетъ межевать въ одну округу, но линіи, проведенныя для означенія губернской и уѣздной межи, не поставлять за настоящую границу, а по 729 ст. зак. меж. (888 ст. изд. 57 г.) межи, проведенныя между губерніями и уѣздами, никому не могутъ служить ни въ подкрѣпленіе присвоеннаго, ни въ опроверженіе законно принадлежащаго владѣнія. Такимъ образомъ, ясно, что, по мысли законодателя, межеваніе имѣетъ дѣло вовсе не съ округомъ селенія, а съ землями, принадлежащими владѣльцу селенія.

Совокупность всего вышеизложеннаго приводитъ къ тому заключенію, что, если бы дѣйствительно ст. 32 Инструкціи 13 Февр. 1766 г. имѣла присвоенный ей редакторами свода межевыхъ законовъ и Гр. Кас. Департаментомъ смыслъ, то оказалось бы, что статья эта находится въ прямомъ противорѣчіи съ слѣдующими за ней статьями Инструкціи 13 Февр. 1766 г., въ которыхъ ясно выражено, что межеваніе имѣетъ предметомъ обособленіе владѣній, а не округовъ селеній.

Если бы у насъ земли межевались къ селенію въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это выраженіе редакторы свода меж. законовъ, то, конечно, не были бы возможны случаи замежеванія въ одну дачу до 2,000,000 дес. (Перекопская степь) или цѣлаго уѣзда (Быховскій Могилевской губ.).

То обстоятельство, что на планахъ сначала означается названіе селенія и лишь затѣмъ лицо владѣльца, не можетъ служить опроверженіемъ изъясненнаго вывода, какъ потому,

что форма составленія картуша плана, сама по себѣ, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ и потому, что упомянутая форма объясняется чисто практическими соображеніями, именно тѣмъ, что названіе селенія долговѣчнѣе фамиліи владѣльца. Во всякомъ случаѣ не это разумѣетъ Инструкція землемѣрамъ подъ межеваніемъ къ селенію, такъ какъ форма картуша плана по закону нисколько не измѣняется въ зависимости отъ того, составленъ ли планъ на земли цѣлаго селенія или только на часть селенія или же наконецъ на земли нѣсколькихъ селеній (см. прим. къ ст. 492 зак. меж., 637 ст. изд. 57 г.) [1]).

Въ заключеніе, слѣдуетъ замѣтить, что межеваніе къ селенію въ указанномъ выше смыслѣ, т. е. межеваніе, имѣющее цѣлью обособленіе территоріальныхъ округовъ и лишенное самостоятельнаго юридическаго значенія, хотя и совершенно чуждо генеральному межеванію, однако не вполнѣ безъизвѣстно нашему законодательству. Въ этомъ отношеніи можно указать на мѣстное положеніе о размежеваніи Черниговской и Полтавской губ. 1859 г. [2]), въ которомъ сказано въ ст. 88, что генеральное межеваніе начинается обходомъ границъ земель, принадлежащихъ каждому поселенію, и что обойденныя такимъ образомъ земли безъ различія, одному

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣдовавшемъ 5 Марта 1871 г., на основаніи Высочайше утвержденнаго 6 Мая 1866 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (П. С. З. № 43831), распоряженіи межеваго вѣдомства объ измѣненіи формы межеваго плана основаніемъ къ отмѣнѣ требованія закона, чтобы на планахъ въ описаніи смежныхъ земель означались владѣльцы ихъ, приведено то соображеніе, что по ст. 429 зак. меж. изд.1857 г. земли межуются не къ именамъ владѣльцевъ, но къ селеніямъ, а пустоши къ ихъ названіемъ. Изъ изложеннаго въ текстѣ явствуетъ, что такое соображеніе не можетъ быть признано правильнымъ.

[2]) П. С. З. № 35036.

или нѣсколькимъ владѣльцамъ принадлежатъ—образуютъ генеральныя дачи, а въ ст. 92, что при генеральномъ обходѣ слѣдуетъ утверждать межевыми признаками только тѣ границы, которыя не могутъ подвергнуться измѣненію въ послѣдствіи при спеціальномъ межеваніи, напримѣръ, при обходѣ дачъ отрубныхъ или хотя и чрезполосныхъ, но имѣющихъ въ натурѣ такую границу, за которою уже нѣтъ чрезполосныхъ земель владѣльцевъ межуемаго селенія, а во всѣхъ другихъ случаяхъ проводить межи примѣрныя съ единственною цѣлью—опредѣлить предѣлы дачи, въ которой будутъ производиться дальнѣйшія дѣйствія по межеванію. Въ указанномъ выше смыслѣ межеваніе къ селенію извѣстно также многимъ иностраннымъ законодательствамъ, содержащимъ тождественныя съ приведенными статьями малороссійскаго положенія правила о томъ, что обмежеванію отдѣльныхъ владѣній должно предшествовать опредѣленіе границъ округа, въ которомъ находятся подлежащія обмежеванію земли. Гессенскій законъ 23 Октября 1830 г. прямо различаетъ окружныя границы (Verwaltungsgrenzen), опредѣляющія предѣлы округа (Gemarkung), и границы отдѣльныхъ единицъ владѣнія (Eigenthumsgrenzen) [1]. На основаніи Женевскаго закона о кадастрѣ 1841 г., обмежеванію отдѣльныхъ владѣній должно предшествовать опредѣленіе окружныхъ границъ (délimitation de la commune [2]), Эльзасъ-Лотарингскій законъ о кадастрѣ 1884 г., ст. 14, также требуетъ, чтобы обмежеванію отдѣльныхъ владѣній предшествовало опредѣленіе окружныхъ границъ (limites de la ban-

---

[1]) См. Jordan u. Steppes. Das deutsche Vermessungswesen 1882 Bd. 2 pg. 432.

[2]) Delapalud ibid pg. 25.

lieue, Gemarkungsgrenze). Во всѣхъ этихъ законахъ идетъ рѣчь не о юридическомъ межеваніи въ прямомъ смыслѣ слова, а лишь о подготовительныхъ для него дѣйствіяхъ или, какъ выражается Малороссійское Положеніе, о проведеніи «примѣрныхъ межъ».

III.

Дача.

Въ связи съ мнѣніемъ, что генеральное межеваніе имѣетъ дѣло не съ вотчинными, а территоріальными единицами, находится мнѣніе, что подъ дачею слѣдуетъ равнымъ образомъ разумѣть не вотчинную, а территоріальную единицу. Составляетъ ли это послѣднее мнѣніе выводъ изъ перваго или наоборотъ первое является выводомъ изъ послѣдняго, трудно опредѣлить. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что такой взглядъ на понятіе дачи весьма распространенъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ историческаго обозрѣнія межеванія въ Россіи [1]), въ которой мысль эта прямо выражена, можно указать еще на заключеніе Межеваго Управленія по проекту меж. уст., изъ котораго [2]) видно, что и по мнѣнію авторовъ проекта меж. устава дача выражаетъ собою не вотчинную, а территоріальную единицу. Эта же мысль легла, кажется, въ основу ст. 2 зак. меж., въ которой говорится объ окружныхъ границахъ дачъ и тѣмъ самымъ отождествляются понятія округа и дачи (хотя дача, какъ объяснено выше, можетъ обнимать собою: а) нѣсколько округовъ селенія и б) лишь часть округа селенія).

Указанное мнѣніе, однако, едва ли правильное. Вотъ,

---

[1]) Матер. для преобраз. меж. части въ Россіи Ч. 1 стр. 34.
[2]) Заключеніе стр. 116.

напр., что по этому предмету писалъ покойный Сенаторъ Цеймернъ.

«По стариннымъ нашимъ законамъ, купчіе или иные договоры, какъ бы формально они ни были написаны, сами по себѣ, давали пріобрѣтателю только право личное, самое же имущество переходило въ полную собственность пріобрѣтателя, т. е. пріобрѣталось вещное на оное право лишь со времени утвержденія имѣнія за нимъ въ помѣстномъ приказѣ (Уложеніе 1649 г. гл. XVII ст. 34). Самый процессъ утвержденія состоялъ въ томъ, что пріобрѣтатель являлъ крѣпость въ помѣстномъ приказѣ; приказъ, удостовѣрившись по книгамъ и старымъ дачамъ о правѣ продавца на отчужденіе проданнаго имѣнія, записывалъ, т. е. справлялъ оное за покупщикомъ, послѣ сего приказъ, чрезъ особо посланнаго чиновника или сношеніе съ мѣстнымъ начальствомъ, оповѣщалъ жителей и сосѣдей о переходѣ имѣнія къ другому владѣльцу, а если при такомъ оповѣщеніи не оказалось никакого спора или препятствія, то имѣніе безспорно отказывалось за новымъ владѣльцемъ, при чемъ все дѣло объ отказѣ пріобщалось къ прочимъ дѣламъ помѣстнаго приказа по тому имѣнію. Обрядъ этотъ, взятый въ совокупности, именовался вотчинною дачею» [1]).

Изъ изложеннаго явствуетъ, что *дачею* назывался обрядъ укрѣпленія за кѣмъ либо пріобрѣтенной имъ земли. Часто терминъ этотъ съ обряда укрѣпленія переносился и на землю, составлявшую предметъ укрѣпленія. Въ этомъ именно смыслѣ терминъ *дача* встрѣчается въ Инструкціи

---

[1]) См. Мысли объ устройствѣ ипотечнаго порядка, ст. 1 стр. 2 ст. IV, стр. 22 и 23. Приведенная выдержка воспроизведена въ матер. для преобр. межевой части, прил. первое. О поземельной регистраціи стр. 22, 23.

1754 г., въ Манифестѣ 19 Сент. 1765 г. и Межев. Инструкціи 25 Мая 1766 г. Не перечисляя всѣхъ, относящихся сюда статей названныхъ законоположеній, достаточно будетъ указать на слѣдующія встрѣчающіяся выраженія: «земли писать и межевать по дачамъ и по жалованнымъ грамотамъ» (Инстр. 1754 г. гл. 12 ст. 1), «утверждать въ дачу» (Меж. Инстр. гл. 4 ст. 37), «учинить о дачахъ выписку» (тамъ же гл. 3 ст. 4), «настоящія дачи» въ противуположность примѣрнымъ землямъ (ген. прав. п. 10 и многія статьи гл. 4 Меж. Инстр.), «настоящія по крѣпостямъ дачи» (ген. прав. п. 12), «по дачамъ и крѣпостямъ» (Меж. Инстр. гл. 4 ст. 50), «отдать въ дачу» (генер. прав. п. 21), «четвертная и писцовая дача» (генер. прав. п. 3, 11, 15, 20, 21) и т. д.

IV.

Общія дачи.

Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ межеваніемъ къ селенію, усложняется еще вслѣдствіе той особенности генеральнаго межеванія, что, какъ уже было упомянуто выше, состоявшіяся во владѣніи нѣсколькихъ лицъ (разномѣстныя) селенія, деревни и пустоши, если между владѣльцами не состоялось полюбовнаго соглашенія о разводѣ земель, подлежали обведенію общею окружною межею, причемъ внутреннее размежеваніе было предоставлено имѣющему быть въ будущемъ спеціальному межеванію. Указанная особенность генер. межеванія могла дать поводъ къ предположенію, что правило, въ силу котораго земли межуются къ селенію, имѣетъ внутреннюю связь съ постановленіями о такъ называемыхъ общихъ дачахъ. Поэтому возможно, что

редакторы Свода зак. меж. руководились именно этою мыслью, постановивъ въ ст. 2, что генер. межеваніе производится для опредѣленія окружныхъ границъ дачамъ безъ разбирательства, одному или многимъ владѣльцамъ онѣ принадлежатъ. Судить съ достовѣрностью объ этомъ нельзя, такъ какъ подъ ст. 2 сдѣлана въ цитатѣ лишь общая ссылка на манифестъ 19 Сент. 1765 г., а не на тотъ или другой пунктъ генер. правилъ. Если по мысли редакторовъ Свода зак. меж. понятіе генер. межеванія вытекаетъ изъ того положенія, что земли межуются къ селенію, то въ цитатахъ подъ ст. 2 слѣдовало привести п. 2 генер. прав. и ст. 32 Инстр. 13 Февр. 1766 г., если же опредѣленіе, данное редакторами Свода меж. зак. понятію генер. меж., имѣетъ въ виду различіе однопомѣстныхъ и разнопомѣстныхъ селеній, то въ цитатахъ надлежало привести п. 24 генер. правилъ. Вѣроятнѣе всего, что редакторы Свода меж. зак. воздержались отъ приведенія точной цитаты подъ ст. 2 собственно потому, что сомнѣвались относительно истиннаго смысла проектированной ими статьи.

Мнѣнія, что выраженное въ генер. правилахъ положеніе «межевать земли къ селенію» имѣетъ въ виду разнопомѣстныя дачи, придерживались составители Историческаго обозрѣніе межеванія въ Россіи [1]). Тотъ же самый взглядъ высказалъ С. Рудинъ (Управляющій Канцеляріею Межеваго Управленія) въ помѣщенныхъ въ Межевомъ Вѣстникѣ статьяхъ о частной инипіативѣ въ межеваніи [2]).

Едва ли однако изложенное мнѣніе можетъ быть признано правильнымъ.

---

[1]) См. Матер. для преобр. меж. части ч. 1 стр. 34.
[2]) См. Межевой Вѣстникъ за 1884 г. кн. 11 стр. 4.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что мнѣніе это исходитъ изъ того предположенія, что при составленіи правилъ о генеральномъ межеваніи законодатель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду разнопомѣстныя селенія, которыя составляли узелъ затрудненія для успѣха межеванія, и поэтому правила о производствѣ генеральнаго межеванія главнѣйше пріурочены къ потребностямъ межеванія разнопомѣстныхъ селеній. Но такое предположеніе опровергается уже содержаніемъ Манифеста 19 Сент. 1765 г. и приложенныхъ къ нему генер. правилъ, въ которыхъ то положеніе, что земли межуются къ селеніямъ, деревнямъ и пустошамъ, а не къ лицу владѣльцевъ, изложено въ п. 2 (вслѣдъ за п. 1, воспрещающимъ соединить съ межеваніемъ ревизію и редукцію) и такимъ образомъ отнесено къ числу основныхъ началъ генер. межеванія, тогда какъ объ обведеніи разнопомѣстныхъ населеній общею окружною межею говорится въ одномъ изъ послѣднихъ пунктовъ (п. 24) генер. правилъ, причемъ мотивомъ выставлена обширность предпринятаго размежеванія земель Имперіи. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ системѣ генер. межеванія разнопомѣстныя селенія вовсе не стоятъ на первомъ планѣ и что установленіе для разнопомѣстныхъ селеній особаго порядка межеванія было обусловлено не основными началами принятой законодателемъ системы межеванія, а соображеніями чисто практическаго свойства, а именно желаніемъ на первыхъ порахъ нѣсколько съузить предѣлы предстоявшаго громаднаго труда по обмежеванію всей Имперіи. Подтвержденіемъ того, что, постановляя общимъ правиломъ, что земли межуются къ селенію, законодатель вовсе не имѣлъ въ виду разнопомѣстныя селенія, служитъ также изданная 13 Февр. 1766 г. Инструкція Землемѣрамъ, въ которой указанное

выше правило помѣщено въ п. 32 (вошедшемъ въ ст. 328 зак. меж., 429 ст. изд. 57 г.), тогда какъ правило объ обведеніи разнопомѣстныхъ селеній общею окружною межею изложено въ видѣ особой статьи 36 (вошедшей въ ст. 311 меж. зак., 408 ст. изд. 57 г.).

Опроверженіемъ мнѣнія, усматривающаго всю суть генеральнаго межеванія въ размежеваніи разнопомѣстныхъ селеній, можетъ далѣе служить п. 14 генер. правилъ, въ которомъ буквально значится: «какъ извѣстно, что *въ нѣкоторыхъ мѣстахъ* внутри окружныхъ дачъ состоятъ разные владѣльцы» и т. д. Едва ли законодатель выразился бы такъ, если бы онъ преимущественно имѣлъ въ виду разнопомѣстныя селенія. Наконецъ, въ ошибочности мнѣнія, что законы о генеральномъ межеваніи имѣютъ въ виду главнымъ образомъ разнопомѣстныя селенія, убѣждаетъ всеподданнѣйшій докладъ Коммисіи 1765 г. Изъ этого доклада, между прочимъ, видно, что Коммисія признала нужнымъ одновременно съ приступомъ къ производству генеральнаго межеванія издать законъ о воспрещеніи дробленія селеній. Имѣло ли какія либо послѣдствія это предположеніе, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ самый фактъ, что такое предположеніе возникло въ средѣ Коммисіи, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что по воззрѣніямъ Коммисіи въ то время еще не было поздно строить такія предположенія, такъ какъ тогда большинство селеній еще не находилось въ разнопомѣстномъ владѣніи.

Вышеизложенное показываетъ, что законодатель былъ далекъ отъ приписываемой ему мысли, будто межевать земли къ селенію значитъ разнопомѣстныя селенія обводить окружною межею, предоставивъ внутреннее ихъ размежеваніе будущему спеціальному межеванію. Но можно идти еще

дальше и утверждать, что мысль эта находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными положеніями генеральнаго межеванія. Какъ упомянуто уже было выше, каждая общая дача, сама по себѣ и независимо отъ лицъ, имѣющихъ въ ней владѣніе, составляетъ особую вотчинную единицу и слѣдовательно обводить разнопомѣстное селеніе общею окружною межею значитъ межевать именно къ лицу владѣльца, каковымъ является самое селеніе, т. е. совокупность лицъ, имѣющихъ въ немъ владѣніе.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что замежеваніе нѣсколькихъ владѣній въ одну поземельную единицу составляетъ пріемъ, не безызвѣстный какъ нашему, такъ и иностраннымъ законодательствамъ. Онъ примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда размежеваніе двухъ смежныхъ владѣній сопряжено съ особыми затрудненіями, устраненіе которыхъ потребовало бы много времени и могло-бы задержать общій ходъ межеванія: въ такихъ случаяхъ владѣнія, относительно которыхъ возникло затрудненіе, временно, впредь до устраненія таковаго, обмежевываются въ одну общую межевую единицу.

Такое правило содержится въ ст. 91 нашего Малороссійскаго Положенія и во Французскомъ [1]) и Прусскомъ [2]) межевыхъ законодательствахъ.

У насъ высказано было мнѣніе [3]), что составителямъ законоположеній о генеральномъ межеваніи должно быть поставлено въ особую заслугу принятое ими начало межеванія къ селенію. По словамъ С. Рудина, начало это состав-

[1]) См. Межеваніе въ иностр. государствахъ въ матер. для преобр. меж. части въ Россіи ч. 3 стр. 317.

[2]) Инстр. 7 Мая 1868 г. о порядкѣ производства межеванія § 11 и 115 п. д.

[3]) С. Рудинымъ въ приведенной выше на стр. 30 статьѣ.

ляетъ «по истинѣ геніальную мысль» ихъ. Выше было объяснено, что о межеваніи къ селенію можно говорить лишь въ отношеніи къ одному разряду владѣній, а именно къ разнопомѣстнымъ владѣніямъ, обведеннымъ общею окружною межею (хотя, какъ также объяснено выше, такая терминологія, отождествляющая межеваніе къ селенію съ такъ называемыми общими дачами, совершенно чужда составителямъ генеральныхъ правилъ и Межевой Инструкціи). Но и въ примѣненіи къ однимъ лишь общимъ дачамъ нельзя усматривать ничего геніальнаго въ идеѣ, приписываемой С. Рудинымъ составителямъ законовъ о генеральномъ межеваніи. Геніальною идея эта не можетъ быть признана прежде всего потому, что она вовсе не представляетъ собою особенности нашего генеральнаго межеванія, и, какъ упомянуто было выше, временное замежеваніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ владѣній въ одну межевую единицу извѣстно многимъ законодательствамъ. Что дѣйствительно представляетъ особенность генеральнаго межеванія, это есть то, что наше генеральное межеваніе присвоило правилу этому весьма широкое дѣйствіе и, лишивъ его характера чрезвычайной мѣры, примѣнило его къ цѣлому разряду земельныхъ владѣній, а именно ко всѣмъ разнопомѣстнымъ селеніямъ (владѣльцы которыхъ не вошли въ полюбовное соглашеніе). Но въ этой особенности нашего генеральнаго межеванія нельзя никакимъ образомъ усматривать особой заслуги составителей законовъ о генеральномъ межеваніи. При оцѣнкѣ заслугъ названныхъ лицъ институтъ общихъ дачъ долженъ быть отнесенъ, казалось бы, скорѣе къ ихъ пассиву, чѣмъ къ активу. Главная заслуга составителей положеній о генеральномъ межеваніи заключалась въ томъ, что они съумѣли вполнѣ отрѣшиться отъ фискальнаго духа. Безвозмездная

уступка примѣрныхъ земель въ пользу тѣхъ, кто полюбовно разведется со своими сосѣдями, вотъ главная причина успѣха генеральнаго межеванія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не выразить сожалѣнія, что составители законовъ о генеральномъ межеваніи право на полученіе примѣрныхъ земель признали и за такими владѣльцами разнопомѣстныхъ селеній, которые при спеціальномъ межеваніи уклоняются отъ полюбовнаго развода земель. Съ признаніемъ за ними права на примѣрныя земли, для разнопомѣстныхъ владѣльцевъ отпала главная побудительная причина при спеціальномъ межеваніи прилагать стараніе къ достиженію полюбовныхъ соглашеній. Вслѣдствіе сего благопріятный моментъ для полюбовнаго развода земель въ разнопомѣстныхъ селеніяхъ упущенъ былъ навсегда. Въ этомъ кроется главная причина, что, въ продолженіи болѣе чѣмъ 100 лѣтъ, законодательству нашему не удалось справиться съ задачею размежеванія тѣхъ, сравнительно немногихъ, владѣній, которыя при генеральномъ межеваніи были обведены общею межею.

V.

Курсъ К. Побѣдоносцева.

Разсмотрѣнныя выше мнѣнія имѣютъ между собою то общее, что, стоя на исторической почвѣ, они правило о томъ, что межеваніе утверждаетъ земли къ селенію, а не къ лицу владѣльца, выводятъ изъ положительныхъ постановленій нашихъ законовъ о генеральномъ межеваніи. Существуетъ, однако, мнѣніе, усматривающее въ означенномъ правилѣ не особен-

ность нашего права, а логическій выводъ изъ самаго понятія межеванія и, соотвѣтственно сему, возводящее это правило на степень общаго начала всякаго межеванія. Мнѣніе это съ особенною подробностью развито К. Побѣдоносцевымъ въ его Курсѣ гражданскаго права. Вліяніе, которое Курсъ К. Побѣдоносцева оказываетъ на нашу судебную практику, особенно сильно обнаруживается въ области межеваго права. По замѣчанію Профессора Казанскаго Университета Шершеневича въ недавно вышедшемъ его трудѣ о литературѣ гражданскаго права въ Россіи [1]), изложеніе объ отношеніи вещнаго права къ межевому (Курсъ I, 4 изд., стр. 671—718) должно быть отнесено къ наиболѣе выдающимся мѣстамъ Курса [2]). Но что взглядамъ Курса К. Побѣдоносцева на основныя начала межеваго права придаетъ особенно важное значеніе, это то обстоятельство, что составители проекта меж. уст. (1888) вполнѣ усвоили себѣ эти взгляды. Всѣ разсужденія, заключающіяся по указанному предмету въ объяснительной запискѣ и въ заключеніи по проекту меж. уст., представляютъ собою ничто иное, какъ позаимствованіе изъ этого Курса. Все это вмѣстѣ взятое достаточно убѣждаетъ въ необходимости, при разборѣ общихъ началъ межеваго права, остановиться нѣсколько подробнѣе на названномъ Курсѣ.

По словамъ означеннаго Курса, «основный мотивъ, на которомъ зиждется идея межеванія, въ сравненіи съ вотчинными правами, есть тотъ, что государственное межеваніе утверждаетъ земли къ селенію, а не селенія къ владѣльцамъ» [3]).

---

[1]) Г. Шершеневичъ, Наука гражд. права въ Россіи. Казань 1893 г.
[2]) Тамъ же стр. 89.
[3]) Курсъ, I 4 изд., (1892 г.), стр. 698.

Такимъ образомъ, по мысли упомянутаго Курса, межеваніе устанавливаетъ юридическую связь не между селеніемъ и владѣльцемъ его, а лишь между селеніемъ и пріуроченными къ нему землями. Высказанное въ приведенныхъ словахъ положеніе въ сущности есть ничто иное, какъ воспроизведеніе изреченія римскихъ юристовъ: magis fundo, quam personis fines adjudicari intelliguntur (границы утверждаются больше къ имѣнію, чѣмъ къ лицу). Но Курсъ идетъ гораздо дальше этого изреченія и возводитъ на степень начала, имѣющаго безусловную силу, мысль, выраженную въ этомъ изреченіи лишь въ условной формѣ. Дѣйствительно, весьма часто при приведеніи въ извѣстность и разрѣшеніи споровъ о границахъ безразлично, принадлежитъ ли межуемое имѣніе тому или другому лицу. Соотвѣтственно сему наша судебная практика руководствуется правиломъ, что межеваніе утверждаетъ земли къ имѣнію, а не къ лицу владѣльца, при разрѣшеніи такихъ межевыхъ дѣлъ, къ которымъ законы о генеральномъ межеваніи не примѣнимы. Такъ, напримѣръ, по одному изъ дѣлъ, возникшихъ по межеванію Бессарабіи, на которую правила генеральнаго межеванія не распространяются [1]), Общее Собраніе Сената признало, что основная идея межеванія заключается въ томъ, что межеваніе имѣетъ дѣло не съ владѣльцемъ, а съ дачею и что посему межевые акты не могутъ служить къ предосужденію вотчинныхъ правъ [2]). Даже по Закавказскому межеванію, въ положеніи о которомъ прямо постановлено (ст. 79), что земли межуются

---

[1]) См. Правила, входящія въ составъ обязанностей Бессар. Межев. Конторы по производству межевыхъ дѣлъ (1818 Апр. 29 П.С.З.№ 27357).

[2]) Сборникъ рѣшеній Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената за послѣднее (1864—1875 г.) одиннадцатилѣтіе. 1876 г. т. II № 318.

къ имени каждаго отдѣльнаго владѣльца или каждаго особаго вѣдомства, Гр. Кас. Д-тъ неоднократно разъяснялъ, что разрѣшеніе споровъ въ межевомъ порядкѣ о границахъ не предрѣшаетъ гражданскаго спора о вотчинномъ правѣ [1]).

Но разсматриваемое положеніе далеко не всегда вѣрно. Нерѣдко въ порядкѣ межеванія, т. е. въ порядкѣ разрѣшенія спора о границѣ разрѣшается вопросъ не только о томъ, къ составу какого имѣнія принадлежитъ спорная земля, но и о томъ, кто состоитъ собственникомъ спорной земли. Сюда, напр., относятся случаи, когда изъ двухъ смежныхъ владѣльцевъ одинъ присваиваетъ себѣ спорную землю на основаніи крѣпостныхъ актовъ, а другой по давности владѣнія; когда разрѣшеніе спора о границѣ зависитъ отъ толкованія раздѣльнаго акта, по которому спорящимъ сторонамъ достались имѣнія, между которыми происходитъ споръ; когда разрѣшеніе спора о границѣ зависитъ отъ толкованія купчей крѣпости, по которой отчуждена часть имѣнія и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ межеваніе разрѣшаетъ вопросъ о принадлежности земель тому или другому лицу, утверждаетъ земли не только къ имѣнію, но и къ лицу владѣльца и, слѣдовательно, предрѣшаетъ споръ о вотчинномъ правѣ.

Такимъ образомъ нельзя не признать, что, вопреки приведенному выше положенію, межеваніе иногда утверждаетъ земли къ лицу владѣльца. Но въ означенномъ выше положеніи выражена еще другая мысль, а именно, что государственное межеваніе никогда не утверждаетъ селеній къ владѣльцамъ.

Если выше разобранная первая изъ вытекающихъ изъ

---

[1]) Рѣш. Гр. Кас. Деп. 1883 г. № 4 по д. Шадинова, и 1878 г. № 145 по д. Мецуговой и др.

приведеннаго положенія мыслей часто, хотя и не всегда, можетъ быть признана вѣрною, то про выраженную въ семъ положеніи вторую мысль даже и этого нельзя сказать. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что если при межеваніи возникъ споръ о принадлежности селенія тому или другому лицу, то послѣдовавшее по этому спору рѣшеніе утверждаетъ селеніе къ владѣльцу. Случай этотъ прямо предусмотрѣнъ въ Межевой Инструкціи и изданныхъ въ дополненіе ея узаконеніяхъ, въ которыхъ прямо выражено, что въ указанномъ случаѣ въ межевыхъ актахъ должно быть означено, у кого селеніе съ кѣмъ въ спорѣ (ст. 547, 687, 688, 689, 712 зак. меж.; ст. 691, 845, 846, 847, 870 изд. 57 г.) и хотя на планахъ спорныя селенія должны быть показаны за тѣми, кто ими владѣлъ во время межеванія, однако по воспослѣдованіи рѣшенія суда селеніе признается собственностью не того, за кѣмъ написано по межеванію, а того, за кѣмъ признано по рѣшенію суда (тѣ же статьи и ст. 725 зак. меж., 884 изд. 57 г.).

Правда, что по правиламъ генеральнаго межеванія споры о принадлежности цѣлыхъ селеній подлежали разрѣшенію общихъ гражданскихъ судовъ, а не тѣхъ спеціальныхъ судовъ, которые учреждены были собственно для разрѣшенія споровъ о границахъ, т. е. не о цѣлыхъ селеніяхъ, но обстоятельство это въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть значенія. Указанное правило объ отнесеніи споровъ о границахъ къ особой подсудности имѣетъ чисто процессуальный характеръ и поэтому лишено всякаго принципіальнаго значенія. Оно было вызвано исключительно соображеніями практическаго свойства, а именно тѣмъ, что на все государство существовалъ лишь одинъ судъ по вотчиннымъ дѣламъ—Вотчинная Коллегія, въ видахъ чего для облегченія

владѣльцевъ, признано было необходимымъ приблизить суды къ нимъ, «чтобы владѣльцамъ, заспорившимъ для представленія своихъ крѣпостей и споровъ, способно и не весьма далеко отъ ихъ межующихся земель они были» (п. 27 генер. прав.). Что отнесеніе споровъ о границахъ къ вѣдомству особыхъ судовъ составляетъ судопроизводственную особѐнность законовъ о генеральномъ межеваніи, вовсе не вытекающую изъ самаго существа межеванія, явствуетъ изъ того, что не всегда въ системѣ нашего генеральнаго межеванія споры о цѣлыхъ селеніяхъ подлежатъ разрѣшенію общихъ гражданскихъ судовъ. Такъ, напримѣръ, указомъ Сената 15 Мая 1778 г. [1]) (въ п. 10, вошедшемъ въ ст. 50 зак. меж., 58 изд. 57 г.) было разъяснено, что споръ о цѣлой пустошѣ или отдѣльномъ участкѣ подлежитъ разсмотрѣнію межевой конторы, если будутъ приономъ и споры о границахъ. Далѣе при межеваніи можетъ возникнуть сомнѣніе о томъ, кто именно изъ спорящихъ сторонъ долженъ считаться дѣйствительнымъ владѣльцемъ, т. е. кто изъ нихъ вправѣ указать границы межуемаго селенія и за кѣмъ изъ нихъ оно должно быть записано по межеванію. Такъ какъ по правиламъ генеральнаго межеванія землемѣру не предоставлено право разрѣшать споры, то очевидно, что въ этомъ случаѣ землемѣру не остается другаго исхода, какъ пріостановить межеваніе и возникшій о цѣломъ селеніи споръ представить на разрѣшеніе межевой конторы (подобно тому, какъ это предписано землемѣру въ 315 и 316 ст. зак. меж., 412 и 413 изд. 57 г., на тотъ случай, когда спорящія о цѣломъ селеніи стороны не могутъ прійти къ соглашенію относительно отвода границъ

---

[1]) П. С. З. № 14750.

или одна изъ сихъ сторонъ не явилась къ присутствованію при межеваніи.

Подтвержденіемъ того, что раздвоеніе подсудности возникающихъ въ порядкѣ межеванія споровъ, смотря по тому, идетъ ли споръ о цѣломъ имѣніи или лишь о границахъ, вовсе не вытекаетъ изъ существа межеванія, служитъ положеніе о закавказскомъ межеваніи, на основаніи котораго въ порядкѣ межевомъ подлежатъ разрѣшенію возникающіе при межеваніи споры не только о границахъ, но и о правѣ на владѣніе цѣлымъ имѣніемъ [1]).

Наконецъ, въ подтвержденіе того, что раздвоеніе подсудности возникающихъ при межеваніи споровъ не вытекаетъ изъ существа межеванія, можно еще указать на то, что такое раздвоеніе неизвѣстно рѣшительно ни одному изъ иностранныхъ межевыхъ законодательствъ.

Такимъ образомъ оказывается, что если межеваніе сопровождалось разрѣшеніемъ спора о цѣломъ селеніи, то межеваніе утверждаетъ селеніе къ опредѣленному лицу.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ состоялось разъясненіе Гр. Кас. Деп. по дѣлу Кн. Аргутинскихъ-Долгорукихъ (1872 г. № 698). Въ позднѣйшемъ рѣшеніи по д. Шадинова (1883 г. № 4) Гр. Кас. Деп. высказалъ то положеніе, что разрѣшеніе споровъ о цѣлыхъ имѣніяхъ не входитъ въ кругъ обязанностей, возложенныхъ на межевыя установленія, учрежденныя для размежеванія Закавказскаго края. Соображеніе это приведено Гр. Кас. Деп-томъ въ подтвержденіе того, что лицо, не заявившее при межеваніи о своихъ правахъ на цѣлое имѣніе, не лишено права впослѣдствіи отыскивать имѣніе изъ владѣнія того, за кѣмъ оно замежевано. Начало это, само по себѣ, совершенно вѣрное, но оно вытекаетъ не изъ указаннаго соображенія, не находящаго себѣ подтвержденія въ Закавказскомъ положеніи, а изъ ст. 64 этого положенія, на основаніи которой неявка по вызову къ межеванію имѣетъ послѣдствіемъ лишь лишеніе права требовать впослѣдствіи перемежеванія.

Но и въ томъ случаѣ, когда межеваніе не сопровождалось разрѣшеніемъ спора о цѣломъ селеніи, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто межеваніе не утверждаетъ селеній къ лицамъ. Здѣсь необходимо различить, имѣетъ ли межеваніе характеръ государственнаго межеванія или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ, т. е. когда межеваніе предпринято не въ интересахъ и по просьбѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ, а въ государственныхъ видахъ, оно производится въ сплошномъ порядкѣ и сопровождается публикаціями о вызовѣ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ межеваніе всегда утверждаетъ селеніе къ владѣльцамъ. Межевой актъ, составленный въ порядкѣ государственнаго межеванія, представляетъ собою официальное удостовѣреніе правительственной власти о томъ, что по произведенному вызову никто, кромѣ лица, значащагося въ картушѣ плана, не заявилъ притязанія на обмежеванное селеніе. Такое удостовѣреніе должно почитаться доказательствомъ принадлежности селенія тому, за кѣмъ оно замежевано, пока по суду не будетъ опровергнуто право сего послѣдняго.

Единственное различіе между разсматриваемымъ здѣсь случаемъ (межеванія, не сопровождающагося разрѣшеніемъ спора о цѣломъ селеніи) и разсмотрѣннымъ выше случаемъ (межеванія, сопровождавшагося разрѣшеніемъ такого спора), заключается въ томъ, что въ послѣднемъ межеваніе имѣетъ непоколебимую силу, т. е. силу судебнаго рѣшенія, вступившаго въ окончательную законную силу, тогда какъ въ первомъ случаѣ межеваніе лишено такой силы, ибо можетъ быть опровергнуто по суду. Но указанное различіе едва ли даетъ право въ первомъ случаѣ за межеваніемъ отрицать характеръ утвержденія правъ владѣльцевъ. Утвержденіе, хотя бы и не навсегда, всетаки есть утвержденіе. Отрицать

это значило бы признать, что и актами укрѣпленія, совершенными въ установленномъ порядкѣ, не утверждается право владѣльцевъ, въ виду того, что основанныя на этихъ актахъ права могутъ быть опровергнуты по суду.

По системѣ генеральнаго межеванія, между утвержденіемъ земель къ селенію, съ одной, и утвержденіемъ селеній къ владѣльцамъ, съ другой стороны, существуетъ то различіе, что межеваніе утверждаетъ земли къ селенію навсегда даже въ томъ случаѣ, когда оно не основано на судебномъ рѣшеніи, тогда какъ имъ селенія утверждаются къ владѣльцамъ навсегда лишь въ томъ случаѣ, когда оно, какъ объяснено выше, основано на судебномъ рѣшеніи. Было бы, однако, ошибочно отсюда вывести заключеніе, что въ смыслѣ межевомъ утвержденіемъ права можетъ почитаться лишь такое, которое производиться навсегда, т. е. что начало непоколебимости межеванія вытекаетъ изъ самаго понятія послѣдняго. И здѣсь, какъ и въ отношеніи подсудности споровъ о границахъ, мы имѣемъ дѣло съ правиломъ, составляющимъ особенность нашего генер. межеванія и находящимъ себѣ объясненіе въ предшествовавшемъ ему законодательствѣ. По инструкціи 1754 г., межеваніе утверждало навсегда какъ земли къ селенію, такъ и селенія къ владѣльцамъ, т. е. пользовалось силою непоколебимости въ отношеніи не только границъ, но и цѣлыхъ селеній. Присвоеніе межеванію такой силы оказалось на практикѣ неудобнымъ и опаснымъ собственно въ отношеніи утвержденія селеній къ владѣльцамъ, вслѣдствіе чего въ генеральныхъ правилахъ и Межев. Инстр. 1766 г. начало это было отмѣнено въ той мѣрѣ, въ какой оно на практикѣ оказалось неудобнымъ, т. е. по отношенію къ утвержденію селеній къ владѣльцамъ. Что-же касается утвержденія земель къ селеніямъ, то въ

этомъ отношеніи генеральныя правила и Межевая Инстр. оставили безъ измѣненія прежде дѣйствовавшее постановленіе, какъ не вызвавшее на практикѣ какихъ либо неудобствъ. Нельзя также не указать и на то, что составители положенія о генеральномъ межеваніи правило о непоколебимости межеванія въ отношеніи пріуроченія земель къ селеніямъ выводятъ вовсе не изъ понятія межеванія, а изъ того соображенія, что если, за отсутствіемъ собственника, при межеваніи граница отведена невѣрно, то виноватъ самъ собственникъ, который «за всѣми о семъ генеральныхъ земель межеваніи публикаціями ни самъ не пріѣхалъ, ни повѣреннаго не прислалъ», въ виду чего «таковой спорщикъ неявкою своею и неприсылкою повѣреннаго самъ тому (невѣрному отводу границъ) причиною» (см. ст 54 Инстр. Землемѣрамъ 13 Февр. 1766 г.). Наконецъ, что начало непоколебимости межеванія не вытекаетъ изъ понятія межеванія подтверждается тѣмъ, что ни одному изъ иностранныхъ законодательствъ оно неизвѣстно ни вообще, ни въ частности по отношенію къ пріуроченію земель къ селеніямъ (единицамъ владѣнія). Одни изъ сихъ законодательствъ непоколебимость межеванія ставятъ въ зависимость отъ наличности тѣхъ самыхъ условій, отъ которыхъ вообще зависитъ безповоротность пріобрѣтенія вотчинныхъ правъ, а именно отъ добросовѣстности пріобрѣтателя имѣнія, причемъ не различаютъ, сдѣлана ли ссылка на межеваніе въ доказательство права на цѣлое имѣніе или лишь на часть его. Сюда относится большинство законодательствъ, принявшихъ ипотечную систему. Другія законодательства допускаютъ опроверженіе межеванія въ томъ случаѣ, когда оно произведено не согласно съ матеріальнымъ правомъ, причемъ также не

различаютъ, идетъ ли споръ о цѣломъ имѣніи или о границѣ, т. е. части его [1]).

Изъ вышеизложеннаго обнаруживается, что разбираемое положеніе названнаго Курса не различаетъ: 1) государственное межеваніе отъ межеванія, лишеннаго этого характера; 2) межеваніе, основанное на судебномъ рѣшеніи, отъ таковаго, не сопровождавшагося споромъ; 3) двойственное значеніе слова «утверждать», которое можетъ быть употреблено какъ въ смыслѣ укрѣпленія права, допускающаго опроверженіе по суду, такъ и въ смыслѣ укрѣпленія, не подлежащаго оспариванію, и 4) существенное отъ случайнаго, т. е. правила, вытекающія изъ самаго понятія межеванія, отъ правилъ, составляющихъ исторически сложившуюся особенность нашихъ межевыхъ законовъ.

---

[1]) Въ видѣ примѣра можно привести Женевскій законъ о кадастрѣ 1841 г., ст. 53 котораго гласитъ:

«Кадастръ служитъ доказательствомъ въ пользу того, кто въ немъ записанъ, противъ того, кто, считая себя собственникомъ спорнаго имѣнія или части его, не докажетъ своего права крѣпостями (titre régulier de propriété) или давностью владѣнія».

«Кадастръ ни въ какомъ случаѣ не покрываетъ недостатки правооснованія (titre), въ силу котораго послѣдовала записка въ кадастрѣ».

Почти тождественное правило содержится въ Гражданскомъ уложеніи Нижней Канады 1869 г., ст. 2174 котораго гласитъ: «Право собственности не можетъ быть поколеблено ошибками плана или указателя. Ошибка въ описаніи, опредѣленіи пространства и означеніи собственника ни кому не даетъ больше правъ, чѣмъ онъ имѣетъ въ силу своей крѣпости» (titre). См. Besson. Les livres fonciers et la réforme hypothecaire. Paris 1891 pg. 243. Нелишне также замѣтить, что съ вопросомъ о непоколебимости межеванія, т. е. съ вопросомъ о томъ, можетъ ли быть опровергнута по суду правильность межеванія, не слѣдуетъ смѣшивать вопросъ о вліяніи давности на межеваніе, т. е. вопросъ, ограждаетъ ли оно собственника отъ дѣйствія давностнаго владѣнія, начавшагося послѣ межеванія?

Эти выводы вполнѣ подтверждаются тѣми соображеніями, которыя въ упомянутомъ Курсѣ приводятся въ поясненіе и развитіе высказаннаго имъ положенія. Для большей ясности, ниже дословно приводятся отдѣльныя соображенія Курса съ изложеніемъ, вслѣдъ за ними, вызываемыхъ каждымъ изъ нихъ замѣчаній:

1) «Вотчинное право есть право извѣстнаго лица на землю, есть принадлежность земли къ имени извѣстнаго владѣльца. Межеваніе имѣетъ въ виду исключительно дачу съ ея именемъ; вотчинное право имѣетъ въ виду владѣльца съ его землею. Однако же и вотчиное право на землю есть право не безмѣрное; сознаніе вотчиника о своемъ владѣніи должно быть опредѣлительное, простирается на предметъ, который долженъ быть обособленъ, составлять отдѣльный удѣлъ владѣльца промежду другихъ владѣній: съ другой стороны и площадь дачи, опредѣляемая межеваніемъ, составляетъ владѣніе извѣстнаго лица или слагается изъ разныхъ владѣній, одно къ другому примыкающихъ. Въ этомъ состоитъ узелъ затрудненій при отграниченіи области межеваго права отъ области права вотчиннаго».

Въ изложенныхъ соображеніяхъ приводится различіе между правомъ собственности, съ одной, и межевымъ правомъ (въ субъективномъ смыслѣ) съ другой стороны. Однако едва ли возможно признавать наличность подобнаго различія. Межеваніе (юридическое) имѣетъ своимъ предметомъ тоже самое право, которое составляетъ предметъ крѣпостныхъ актовъ, т. е. право собственности въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ оно установлено гражданскими законами. Разница между крѣпостными и межевыми актами сводится лишь къ тому, что крѣпостные акты удостовѣряютъ принадлежность земель по отношенію къ тому, отъ кого онѣ пріобрѣтены,

и—если послѣдній былъ собственникомъ или со времени пріобрѣтенія истекъ срокъ земской давности—то по отношенію и ко всѣмъ третьимъ лицамъ, тогда какъ межевые акты главнымъ образомъ удостовѣряютъ принадлежность земель по отношенію къ принимавшихъ участіе въ межеваніи сосѣдямъ. Соотвѣтственно съ симъ мотивы Женевскаго закона о кадастрѣ 1841 г. вполнѣ вѣрно называютъ межеваніе крѣпостью, имѣющею силу между смежными владѣльцами (le cadastre sert de véritable titre entre propriétaires voisins—см. Delapalud ibid. pg. 147) [1].

2) «И то и другое, т. е. основаніе и титулъ владѣнія и территоріальная граница онаго, представляется нераздѣльнымъ въ такомъ состояніи быта, когда дачи и участки владѣнія однажды уже отграничены: тогда, буде опредѣлена уже площадь отдѣльной дачи, при переходахъ и раздробленіяхъ владѣнія оною, смыканіе и размыканіе границъ и отдѣлъ участковъ не представляютъ значительныхъ затрудненій и составляютъ дѣло исключительно техническое. Не таково состояніе нашего быта въ эпоху генеральнаго межеванія, когда надлежитъ еще провесть окружную черту около

[1]) Мнѣніе, что межеваніе не имѣетъ дѣла съ вотчиннымъ правомъ, раздѣляется также и составителями мотивовъ къ проект, меж. уст. (см. Закл. стр. 131 и 197), которые изъ сего дѣлаютъ выводъ огромной практической важности, а именно, что нѣтъ надобности устанавливать связь между межеваніямъ и крѣпостною частью, а вмѣстѣ съ тѣмъ между межевою и ипотечною реформою (тамъ-же стр. 51 и 57 и объясн. зап. къ проекту меж. уст. стр. 110 и 295); на этой мысли построенъ весь проектъ меж. уст. Что въ межевомъ порядкѣ разрѣшается вопросъ не о правѣ собственности, а о правѣ на владѣніе, признаетъ также А. Маттель (членъ Московскаго Окружнаго Суда). Судебно-межевое разбирательство. Москва. 1893 г. стр. 115 и 135.

каждой отдѣльной дачи: для этого необходимо на первый разъ привести въ извѣстность только состояніе владѣнья».

Въ этомъ соображеніи выражена, кажется, та мысль, что по состоянію нашаго землевладѣнія въ эпоху генеральнаго межеванія, необходимо было начать межеваніе съ приведенія въ извѣстность предѣловъ каждой территоріальной единицы, въ чемъ именно заключается особенность нашего генеральнаго межеванія. Но выше уже было замѣчено [1], что какъ иностранныя законодательства, такъ и наше Малороссійское межеваніе придерживаются того-же правила, т. е. требуютъ, чтобы обмежеванію отдѣльныхъ владѣній предшествовало приведеніе въ извѣстность границъ округовъ, въ составъ которыхъ входятъ отдѣльныя владѣнія. Такимъ образомъ, если бы даже по правиламъ генеральнаго межеванія требовалось предварительное опредѣленіе окружныхъ границъ селеній, то это врядъ ли составляетъ особенность названнаго межеванія. Но такое право, какъ это также замѣчено было выше, совсѣмъ чуждо нашему генеральному межеванію. Изъ сего явствуетъ, что особенность нашего генеральнаго межеванія слѣдуетъ усматривать скорѣе въ томъ, что оно прямо приступаетъ къ обмежеванію отдѣльныхъ владѣній, чѣмъ въ томъ, что оно требуетъ предварительнаго обмежеванія округовъ.

3) «Но когда въ одномъ и томъ-же мѣстѣ нѣсколько лицъ показываютъ свое владѣніе, является необходимость разобрать ихъ: тогда каждое лицо необходимо должно показать, на чемъ оно основываетъ не вотчинное право свое, изъ котораго предполагается истекающимъ владѣніе—но

---

[1]) См. стр. 25 и 26.

свою претензію считаться владѣльцемъ въ извѣстной мѣстности».

Мнѣніе, что межеваніе имѣетъ дѣло не съ вотчиннымъ правомъ, а лишь съ претензіею считаться владѣльцемъ, основано, вѣроятно, на томъ соображеніи, что право того, за кѣмъ замежевано имѣніе, можетъ быть опровергнуто по суду. Но едва ли обстоятельство это даетъ право низвести удостовѣряемое межеваніемъ право на степень одного лишь притязанія. Исходя изъ этой мысли, пришлось бы признавать, что и крѣпостной актъ устанавливаетъ лишь претензію считаться собственникомъ, ибо всякій подобный актъ можетъ быть опровергнутъ по суду.

4) «Одинъ можетъ сказать: я владѣю потому, что всегда владѣлъ такъ, другой—потому что владѣлъ пока не захватили моего владѣнія; третій—потому что крѣпость моя указываетъ здѣсь мое владѣніе и т. п.».

Указанные примѣры скорѣе служатъ къ опроверженію, чѣмъ къ подтвержденію мнѣнія, будто межеваніе не имѣетъ дѣла съ вотчиннымъ правомъ. Въ первомъ и третьемъ примѣрахъ заключается ссылка на давность и крѣпости, т. е. именно на такія доказательства, которыя принимаются по спорамъ о правѣ собственности. Что-же касается втораго примѣра, то, безъ сомнѣнія, ни въ межевомъ, ни въ вотчинномъ порядкѣ, голословная ссылка на произведенный постороннимъ лицомъ захватъ не можетъ быть принята въ уваженіе, пока не послѣдуетъ судебнаго рѣшенія о признаніи наличности захвата.

5) «Во всѣхъ такихъ претензіяхъ при межеваніи дѣло еще не касается вопроса: точно ли владѣлецъ есть законный собственникъ владѣемой дачи, правильны ли крѣпостные акты его, правильно ли дошло къ нему владѣніе. Надлежитъ

только разобрать, изъ какихъ урочищъ составляется и какою чертою опредѣляется мѣстность дачи, и кого межеваніе застало въ ней владѣльцами, и сколько у кого во владѣніи найдено или сколько должно быть записано на основаніи тѣхъ правилъ, которыя общимъ закономъ государственнаго можеванія постановлены на случай неизвѣстности, сомнѣнія или спора о дѣйствительномъ владѣніи. Къ разрѣшенію этихъ только вопросовъ и стремится государственное межеваніе. Оно разрѣшаетъ споры о моемъ и твоемъ только въ одномъ смыслѣ: гдѣ лежатъ на сей разъ мое и твое; но не рѣшаетъ вопроса о моемъ и твоемъ въ смыслѣ гражданскаго права, т. е. что должно по праву быть моимъ, какъ собственное, и что твоимъ, что моя, что твоя вотчина».

Въ изложенныхъ соображеніяхъ выражена та мысль, что въ спорахъ о границахъ разрѣшается вопросъ не о томъ, кому принадлежитъ спорная земля, а лишь о томъ: къ составу какого имѣнія она принадлежитъ, безъ отношенія къ тому, кто состоитъ собственникомъ его. Выше [1]), однако, уже объяснено, что это бываетъ далеко не всегда, такъ какъ не рѣдко въ порядкѣ разрѣшенія спора о границахъ разрѣшается и вопросъ о правѣ собственности на спорную землю опредѣленнаго лица. Такъ, напримѣръ, если споръ идетъ о томъ, носитъ ли спорный участокъ названіе урочища, поименованнаго въ крѣпости истца, или же онъ имѣетъ то названіе, подъ которымъ его присваиваетъ себѣ отвѣтчикъ, то здѣсь идетъ лишь споръ о томъ, гдѣ лежитъ мое? Если же споръ происходитъ, наприм., о томъ, принадлежитъ ли, по смыслу раздѣльнаго акта, спорный участокъ мнѣ или тому, кому по раздѣлу достались другія части имѣнія, то здѣсь рѣшается

---

[1]) См. выше, стр. 38.

споръ именно о томъ, что должно по праву быть моимъ. Что касается указанія на то, что въ порядкѣ межеванія разрѣшается споръ о моемъ и твоемъ лишь «на сей разъ», то здѣсь, кажется, имѣлось въ виду выразить ту мысль, что споръ о границахъ не предрѣшаетъ спора о правѣ собственности на цѣлое селеніе. Мысль эта, сама по себѣ, совершенно вѣрна, но едва ли она вытекаетъ изъ понятія межеванія. Мысль эта есть ничто иное, какъ примѣненіе къ области межеванія того общаго начала, въ силу котораго судебное рѣшеніе имѣетъ обязательную силу только по тому предмету, который составлялъ предмедъ спора. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что всякое рѣшеніе опредѣляетъ правоотношенія сторонъ лишь «на сей разъ», т. е. не служитъ препятствіемъ для предъявленія спора къ лицу, участвовавшему въ прежнемъ спорѣ, по другому предмету или на другомъ основаніи (ст. 895 уст. граж.суд.) [1].

6) «Межеваніе—сказано въ указѣ 1780 г. Октября 28-го—дачъ не отмѣняетъ и не утверждаетъ, а только намѣриваетъ число земель въ селеніяхъ и приводитъ дачи въ извѣстность».

Приведенныя слова указа 28 Окт. 1780 года должны быть разсматриваемы въ связи съ прочимъ содержаніемъ п. 7. онаго. Пунктъ этотъ вошелъ въ ст. 792 зак. меж. (952 изд. 1857 г.), на основаніи которой въ безмѣрной дачѣ, въ которую земежеваны земли по количеству поселенныхъ въ селеніи крестьянъ, если одному изъ владѣльцевъ по крѣпостямъ принадлежитъ большая часть, но онъ

---

[1]) Взглядъ, что межеваніе не укрѣпляетъ вотчинныхъ правъ, не установляетъ принадлежности земель опредѣленному лицу и разрѣшаетъ вопросъ не о томъ, что мое и твое, а о томъ, гдѣ мое и гдѣ твое, раздѣляется также составителями проекта меж. уст. См. Заключеніе стр. 56, 57 и 153.

имѣетъ мало крестьянъ, а другому владѣльцу по крѣпостямъ принадлежитъ малая часть земли, но у него много крестьянъ, то на планѣ слѣдуетъ оговорить, что каждый владѣлецъ считается при тѣхъ правахъ, которыя принадлежали ему до межеванія. Постановляя такое правило, указъ 28 Окт. 1780 г. вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ къ сему мотивъ, выраженный въ цитированныхъ выше, пропущенныхъ въ текстѣ ст. 792 зак. меж. словахъ. Такимъ образомъ, слова эти выражаютъ, кажется, мысль, противуположную той, какую въ ней усматриваютъ. Смыслъ ихъ заключается въ томъ, что цѣль межеванія состоитъ въ томъ, чтобы, какъ гласитъ девизъ на прикладываемомъ къ межевымъ актамъ клеймѣ государственнаго герба, каждый оставался при своемъ, и что по этому необходимо предупредить, чтобы въ силу межеванія одинъ владѣлецъ не присвоилъ себѣ то, что по праву (крѣпостямъ) принадлежитъ другому. Если бы дѣйствительно межеваніе не имѣло дѣла съ вотчиннымъ правомъ, то очевидно, что не предстояло бы никакой надобности означать на планѣ требуемую ст. 792 зак. меж. оговорку.

7) «Правда, что межевая инструкція, какъ выше показано, во многихъ отношеніяхъ служила къ опредѣленію, къ укрѣпленію или созиданію вотчинныхъ правъ тамъ, гдѣ прежде право вовсе не было признано государствомъ или не вырождалось еще изъ простого, безсознательнаго владѣнія: такъ, напримѣръ, межевая инструкція опредѣляетъ право на землю разныхъ разрядовъ служилыхъ людей, однодворцевъ, государственныхъ крестьянъ, даетъ въ извѣстныхъ условіяхъ значеніе и форму права владѣнію людей, самовольно поселившихся на чужой и казенной землѣ. Но это были отдѣльные случаи, такъ сказать, государственнаго опредѣленія правъ собственности о владѣніяхъ, касавшихся непосредственно

государственнаго интереса: и здѣсь межеваніе не разбирало споровъ, но только записывало земли за тѣми, кому онѣ по новымъ правиламъ слѣдовали на тѣхъ или другихъ правахъ, и эта записка въ такомъ случаѣ служила какъ бы укрѣпленіемъ, даннымъ прямо отъ государственной власти».

Ставъ на выраженную въ приведенныхъ соображеніяхъ точку зрѣнія, пришлось бы признать, что у насъ существуютъ два совершенно различныхъ рода межевыхъ актовъ, а именно: а) межевые акты, служащіе удостовѣреніемъ принадлежности имѣнія тому, за кѣмъ оно замежевано, и б) межевые акты, лишенные этого значенія, причемъ для опредѣленія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принадлежитъ ли межевой актъ къ тому или другому роду, необходимо было бы произвести историческое изслѣдованіе о происхожденіи владѣнія и сословныхъ правъ тѣхъ, за кѣмъ замежевано имѣніе. Едва ли, однако, дѣйствующіе законы о силѣ межевыхъ актовъ даютъ достаточныя основанія для такого вывода. Совершенно вѣрно, что генеральное межеваніе во многихъ случаяхъ создавало права тѣхъ, за кѣмъ замежевывались земли, но отсюда нисколько еще не слѣдуетъ, что лишь въ этихъ случаяхъ межеваніе можетъ служить доказательствомъ права собственности.

8) «А гдѣ дѣло шло о столкновеніи владѣній, утверждавшихся на своемъ частномъ правѣ, прежде межеванія образовавшемся, тамъ рѣшительно межеваніе не могло ни обсуждать прежде бывшее вотчинное право, ни создавать юридическое право новое, небывшее».

Въ этихъ соображеніяхъ то, что составляетъ процессуальную особенность нашего генеральнаго межеванія, а именно раздвоеніе подсудности возникавшихъ при немъ споровъ, возведено въ основное начало всякаго межеванія. Но, какъ

было уже объяснено выше [1]), такое раздвоеніе подсудности, во 1-хъ, введено въ государственное межеваніе по соображеніямъ чисто практическаго свойства; во 2-хъ, составляетъ правило, изъ дѣйствія каторого законъ допускаетъ исключеніе, и въ 3-хъ, чуждо нашему закавказскому межеванію и всѣмъ иностраннымъ межевымъ законодательствамъ.

VI.

Выводы.

1) Какъ по Инстр. 1754 г., такъ и по Инстр. 1766 г., межеваніе имѣетъ предметомъ обособленіе не округовъ селеній, а отдѣльныхъ владѣній (вотчинныхъ единицъ). Разница между системою, принятою первою и второю Инструкціями, заключается лишь въ томъ: а) что по первой Инструкціи для записки за кѣмъ либо межуемаго имѣнія требовалось удостовѣреніе права собственности посредствомъ крѣпостей, тогда какъ по второй Инструкціи для записки за кѣмъ либо межуемаго имѣнія достаточно удостовѣрить спокойное владѣніе, и б) что, соотвѣтственно такому различію, по первой Инструкціи межеваніе утверждало имѣніе навсегда за тѣмъ, за кѣмъ записывалось, тогда какъ по второй межеваніе утверждаетъ за нимъ имѣніе не навсегда, ибо право того, за кѣмъ записано имѣніе, можетъ быть опровергнуто по суду.

2) Сводъ межевыхъ законовъ, а за нимъ и судебная практика, усвоили себѣ не вѣрный взглядъ на смыслъ правила «межевать земли къ селенію». Такой невѣрный взглядъ есть прямое послѣдствіе допущеннаго редакторами свода ме-

---

[1]) См. выше, стр. 39.

жевыхъ законовъ важнаго недосмотра, заключающагося въ пропускѣ п. 2 генер. правилъ.

3) Правило: межевать земли къ селеніямъ одинаково относится какъ къ общимъ дачамъ (разнопомѣстнымъ), такъ и къ дачамъ единственнаго владѣнія (однопомѣстнымъ).

4) Терминъ «дача» въ законахъ о генер. межеваніи сохранилъ присущій ему въ древнемъ нашемъ законодательствѣ смыслъ и означаетъ вотчинную, а не территоріальную единицу.

5) Въ основу проекта межеваго устава легла мысль, что межеваніе имѣетъ дѣло не съ правомъ собственности, а съ особымъ межевымъ правомъ, отличающимся по своему содержанію отъ перваго. Мысль эта не можетъ быть признана вѣрною ни съ исторической, ни съ теоретической точки зрѣнія.

ГЛАВА II.

Цѣль межеванія.

I.

Государственное межеваніе.

На основаніи ст. 1 зак. меж., государственное межеваніе, обнимающее собою, по 2 ст. тѣхъ же зак., два вида межеванія—генеральное и спеціальное—имѣетъ цѣлью: 1) приведеніе въ извѣстность количества земель и 2) утвержденіе спокойствія владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія.

Первая изъ перечисленныхъ цѣлей государственнаго межеванія не указана ни въ Манифестѣ 19 Сентября 1765 г., ни въ генеральныхъ правилахъ. Въ Инструкціи же землемѣрамъ 13 Февраля 1766 г. и Инструкціи Межевымъ Конторамъ и Канцеляріямъ 25 Мая 1766 г. хотя къ цѣлямъ государственнаго межеванія и отнесено «полученіе къ государственному общему экономическому правленію обстоятельныхъ свѣдѣній и плановъ всѣмъ состоящимъ въ Имперіи землянымъ дачамъ и урочищамъ», но объ этой цѣли упоминается здѣсь лишь вскользь, изъ чего слѣдуетъ, что приведеніе въ извѣстность земель въ Имперіи не составляло главной цѣли государственнаго межеванія. Эта послѣдняя указана съ полною ясностью какъ въ Манифестѣ 19 Сентября 1765 г., такъ и въ обѣихъ Инструкціяхъ 1766 г. и заключалась въ «утвержденіи покоя, правъ и надежности каждаго владѣтеля въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи» и въ «доставленіи всѣмъ поселянамъ покоя и тишины» [1]).

Такимъ образомъ ясно, что цѣль генеральнаго межеванія была несравненно шире, чѣмъ она опредѣлена въ ст. 1 зак. меж., и вовсе не ограничивалась приведеніемъ въ несомнѣнное состояніе однѣхъ лишь границъ. Утверждать каждаго въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи не значитъ только укрѣплять границы его владѣнія. Что законодатель подъ утвержденіемъ покоя, правъ и надежности каждаго владѣтеля не разумѣлъ одно лишь укрѣпленіе границъ, это явствуетъ также изъ словъ Манифеста, что Инструкція 1754 г. имѣла цѣлью «доставить всѣмъ владѣльцамъ покой и надежность ихъ имѣній, а притомъ еще и установить точное положеніе

---

[1]) Инстр. 13 Февр. 1766 г. введ. и Инстр. 25 Мая 1766 г. введ.

границамъ всѣхъ владѣній». Слова «а притомъ еще», ясно указываютъ, что, по мысли законодателя, укрѣпленіе границъ составляло не единственную, и даже не главную цѣль генеральнаго межеванія. Правда, приведенныя слова прямо относятся лишь къ межеванію, произведенному на основаніи Инструкціи 1754 г., но обстоятельство это уже потому въ данномъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія, что, сравнительно съ Елисаветинскимъ межеваніемъ, предпринятое въ 1765 г. межеваніе значительно расширило задачи таковаго и въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ первое, имѣло характеръ надѣленія землею. Если Инструкція 1754 г. имѣла главною цѣлью привести въ извѣстность и опредѣлительное состояніе существовавшія въ то время поземельныя права, то межеваніе 1765 г. не ограничилось этою задачею, но во многихъ случаяхъ создавало вновь не существовавшее раньше право. Сюда относятся, наприм., не имѣющія ничего общаго съ укрѣпленіемъ границъ правила о безвозмездной уступкѣ примѣрныхъ земель, о надѣленіи владѣльцевъ, неимѣющихъ крѣпостей или имѣющихъ безмѣрныя крѣпости, землею въ количествѣ 8 десятинъ на душу послѣдней ревизіи, о предоставленіи земли лицамъ, владѣющимъ ненаселенною землею безъ крѣпостей, о надѣленіи землею церквей, ямщиковъ, однодворцевъ, объ уравнительномъ по качествамъ распредѣленіи земель, о сведеніи земель къ однимъ мѣстамъ въ видахъ удобства хозяйственнаго пользованія ими и т. д. Для многихъ разрядовъ владѣльцевъ генеральное межеваніе, въ отношеніи устройства ихъ поземельнаго быта, имѣло такое-же значеніе, какое Положеніе 19 Февраля 1861 г. получило для вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости лицъ. Никому однако не приходитъ на мысль утверждать, что цѣлью надѣленія крестьянъ землею

должно быть признано укрѣпленіе границъ потому, что надѣленіе завершается укрѣпленіемъ границъ отведенныхъ въ надѣлъ земель.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о цѣли предпринятаго въ 1765 г. государственнаго межеванія необходимо имѣть въ виду то положеніе, въ которомъ въ то время находилось у насъ землевладѣніе. Поземельная собственность въ Московскомъ государствѣ развилась подъ вліяніемъ помѣстной системы, при которой назначеніе земель въ помѣстье лицамъ, имѣвшимъ право на земельный окладъ, обыкновенно не сопровождалось отводомъ земель въ точно опредѣленныхъ границахъ. Иногда при назначеніи помѣстья не указывалась даже мѣстность, въ которой предполагалась къ отводу земля, а предоставлялось лицу, получившему право на земельное довольствіе, отыскивать самому свободную для отвода землю [1]. Отсюда происходила такая неопредѣлительность не только границъ владѣній, но и поземельныхъ правъ вообще, при которой помѣщикъ весьма часто не зналъ, что́ по праву ему принадлежитъ. Устраненіе этой неопредѣлительности поземельныхъ правъ и составляло первую и главную задачу генеральнаго межеванія.

Другая весьма важная задача генеральнаго межеванія заключалась въ разрѣшеніи вопроса о примѣрныхъ земляхъ, составлявшаго, какъ упомянуто выше, одну изъ главныхъ причинъ неуспѣха Елисаветинскаго межеванія. Ясно, что какъ устраненіе проистекавшей изъ помѣстной системы неопредѣлительности поземельныхъ правъ, такъ равно и разрѣшеніе вопроса о примѣрныхъ земляхъ и находивша-

---

[1]) См. Неволинъ. Истор. Росс. Гражд. Зак., въ Полн. Собр. Соч. СПб. 1857 г. т. IV стр. 229.

гося съ нимъ въ неразрывной связи вопроса объ уравнительномъ и удобномъ въ хозяйственномъ отношеніи разводѣ земель къ однимъ или нѣсколькимъ мѣстамъ, представляютъ такія задачи, которыя далеко выходятъ за предѣлы указанной въ ст. 1 зак. меж. цѣли государственнаго межеванія, ибо имѣютъ предметомъ опредѣленіе не границъ владѣнія, а самаго права на владѣніе межуемыми землями. Правда, что, кромѣ указанныхъ задачъ, генеральное межеваніе поставило себѣ еще цѣлью устранить на будущее время между смежными владѣльцами споры о границахъ: а) постановкою въ натурѣ межевыхъ признаковъ и б) геометрическимъ описаніемъ границъ. Но этимъ отнюдь не исчерпывалась цѣль, для которой предпринято было генеральное межеваніе.

Если бы цѣль государственнаго межеванія заключалась исключительно или хотя бы лишь преимущественно въ обезпеченіи на будущее время безспорности границъ, какъ это слѣдуетъ изъ ст. 1 зак. меж., то пришлось бы прійти къ тому, не согласующемуся съ твердо установившимся общимъ убѣжденіемъ, выводу, что въ сущности предпринятое въ 1765 г. государственное межеваніе вовсе не достигло цѣли и что огромныя жертвы, принесенныя какъ государствомъ, такъ и владѣльцами, на составленіе межевыхъ актовъ, пропали даромъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого вывода, достаточно привести свидѣтельство Межевой Канцеляріи, т. е. учрежденія наиболѣе компетентнаго для сужденія о достоинствѣ межевыхъ актовъ, какъ граничныхъ документовъ. Предсѣдателемъ Межевой Канцеляріи, съ согласія Управлявшаго межевою частью, 12 Іюня 1874 г., внесено было въ Межевую Канцелярію предложеніе о прекращеніи наложенія участковъ спеціаль-

наго межеванія на генеральные уѣздные планы. Въ этомъ предложеніи, принятомъ къ исполненію Межевою Канцеляріею по постановленію 18 того же Іюня, было высказано то соображеніе, что «совершенно правильное положеніе специальныхъ участковъ на старыхъ генеральныхъ планахъ невозможно потому, что размежеваніе генеральныхъ дачъ производится обыкновенно по повѣркѣ окружныхъ межъ, вслѣдствіе которой почти всегда оказываются разницы въ румбахъ, мѣрѣ линій и положеніи живыхъ урочищъ, часто настолько значительныя, что фигура генеральной дачи и площадь ея измѣняются: вслѣдствіе этого образовавшіеся по размежеванію участки не могутъ быть помѣщены на соотвѣтствующія мѣста съ сохраненіемъ должной ихъ мѣры [1])». Если такимъ образомъ межевые акты въ техническомъ отношеніи оказываются часто настолько неудовлетворительными, что накладка ихъ на сборные планы признается затруднительною и часто даже невозможною, то ясно, что подобнаго рода планы для возстановленія по нимъ утратившихся межевыхъ признаковъ еще гораздо менѣе пригодны.

Крайняя неудовлетворительность въ техническомъ отношеніи межевыхъ актовъ становится понятною, если имѣть въ виду, что генеральное межеваніе производилось большею частью лицами, неимѣвшими технической подготовки. Яркій свѣтъ на способъ, какимъ на первыхъ порахъ пополнялся составъ землемѣровъ, бросаетъ указъ Правительствующаго Сената Марта (безъ числа) 1782 г. [2]), коимъ преподано Межевой Канцеляріи, «чтобъ она изъ лекарей и другихъ

---

[1]) См. Зак. Межевые, изд. Стар. Члена Меж. Кан. Князя Мещерскаго, СПб. 1879 г. стр. 275 и Долячко Сводъ Зак. Меж. Москва 1893 г. стр. 270.

[2]) П. С. З. № 15366.

подобныхъ тому званій людей впредь въ землемѣры не принимала, въ разсужденіи, что по самымъ тѣмъ ихъ названіямъ должны они имѣть свою практику, а въ землемѣрахъ, будучи лекарскими и прочими тому подобными названіями, именоваться имъ не прилично» [1]).

Далѣе, нельзя не указать на то, что если бы дѣйствительно государственное межеваніе имѣло цѣлью опредѣлить не права владѣльцевъ, а лишь границы владѣнія, то пришлось бы признать, что судебное межево-разбирательство, представляющее собою ни что иное, какъ одинъ изъ видовъ спеціальнаго межеванія, не можетъ быть подведено подъ понятіе государственнаго межеванія, такъ какъ цѣль его, по словамъ ст. 933 и 943 зак. меж. (1143 и 1150 ст. изд. 57 г.), заключается въ опредѣленіи, что по правамъ принадлежитъ владѣльцамъ, и въ утвержденіи правъ владѣнія и, слѣдовательно, далеко выходитъ за предѣлы той задачи,

---

[1]) С. Рудинъ въ статьѣ «къ вопросу о реформѣ межевой части» (Межевой Вѣстникъ за 1884 г. кн. 1 стр. 22) ставитъ вопросъ: почему генеральное межеваніе отлично было выполнено землемѣрами, значительный контингентъ которыхъ состоялъ изъ премьеръ-маіоровъ, капитановъ, поручиковъ, флота-лейтенантовъ, штыкъ-юнкеровъ, сержантовъ и т. д., тогда, какъ съ спеціальнымъ межеваніемъ оказываются не въ состояніи справиться межевые спеціалисты, получившіе образованіе въ межевомъ институтѣ? Отвѣта на этотъ вопросъ С. Рудинъ ищетъ въ введеніи въ 1843 г. урочнаго положенія (см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 362) и въ той, высказанной еще графомъ Сперанскимъ истинѣ, что «учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ». Но такое объясненіе страдаетъ неполнотою, такъ какъ упускаетъ изъ виду, что главная цѣль генеральнаго межеванія заключалась вовсе не въ геометрическомъ описаніи границъ, а въ опредѣленіи поземельныхъ правъ вообще и что, при столь широкой цѣли генеральнаго межеванія, большая или меньшая степень техническаго совершенства межеванія имѣла совершенно второстепенное значеніе.

которую, согласно 1 ст. зак. меж., имѣетъ государственное межеванiе.

Наконецъ, указанная въ ст. 1 зак. меж. цѣль государственнаго межеванiя нисколько не соотвѣтствуетъ приведеннымъ подъ этою статьею источникамъ, ибо всѣ указанныя въ цитатахъ подъ означенною статьею узаконенiя выражаютъ собою ту мысль, что государственное межеванiе «предпринято для единственнаго всѣхъ владѣльцевъ спокойствiя» [1]), что генеральное межеванiе имѣетъ цѣлью, «прекратя между владѣльцами и поселянами вражду, возстановить тишину и благоденствiе» [2]), что государственнымъ межеванiемъ должны быть «доставлены только всѣмъ поселянамъ покой и тишина» [3]) и что «чрезъ государственное межеванiе прекращаются всѣ вражды, до того о земляхъ бывшiя, и всякiй пользуется спокойнымъ владѣнiемъ своей собственности» [4]). Ни въ одномъ изъ приведенныхъ узаконенiй не заключается ни малѣйшаго указанiя на то, что цѣль государственнаго межеванiя ограничивается опредѣленiемъ границъ. Въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ узаконенiй даже прямо выражено, что планъ и межевая книга «будетъ служить каждому за настоящую на землю его крѣпость», каковыя слова совершенно исключаютъ возможность признавать за межевыми актами значенiе одного лишь граничнаго документа.

Такимъ образомъ, нельзя не прiйти къ тому заключенiю, что государственное межеванiе, сверхъ приведенiя вообще

---

[1]) Генер. прав. п. 1.

[2]) Указъ 20 Января 1766 г. П. С. З. № 12547.

[3]) Меж. Инстр. введ.

[4]) Указъ 8 Iюня 1789 г. П. С. З. № 16775 (не 18775, какъ значится въ цитатахъ подъ ст. 1-ою).

въ извѣстность количества земель, имѣло еще двѣ цѣли, изъ которыхъ главная заключалась въ устройствѣ землевладѣнія посредствомъ устраненія неопредѣлительности поземельныхъ правъ, въ разверсткѣ примѣрныхъ земель и въ надѣленіи опредѣленныхъ категорій лицъ казенными землями, а вторая, имѣющая второстепенное значеніе, заключалась въ укрѣпленіи границъ съ цѣлью устраненія на будущее время пограничныхъ споровъ между смежными владѣльцами [1]).

II.

Генеральное межеваніе.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о цѣли генеральнаго и спеціальнаго межеванія, необходимо, прежде всего, опредѣлить, что межевые законы разумѣютъ подъ генеральнымъ и спеціальнымъ межеваніемъ и въ чемъ собственно заключается различіе между этими видами межеванія?

---

[1]) Согласный съ изъясненнымъ въ текстѣ взглядъ на цѣль государственнаго межеванія высказанъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ (Отзывы стр. 37 и 47). Составители проекта межеваго устава, какъ и ст. 1 зак. меж., усматриваютъ цѣль государственнаго межеванія въ опредѣленіи лишь границъ владѣній, а не поземельныхъ правъ вообще (ст. 1 пр. меж. уст., объясн. записка къ пр. меж. уст. стр. 67, заключеніе стр. 153, 154, и 197). Та же мысль выражена была и въ отзывѣ Министра Юстиціи на имя Министра Государственныхъ Имуществъ, отъ 17 Ноября 1890 г., по вопросу о мѣрахъ предупрежденія захватовъ государственныхъ имуществъ на Кавказѣ (Отзывы стр. 48). Точно также и въ Высочайше учрежденной Коммисіи для обсужденія проекта меж. уст., при разсмотрѣніи вопроса объ изъятіи межъ изъ дѣйствія давности, большинствомъ членовъ было высказано мнѣніе, что межеваніе не укрѣпляетъ правъ на имѣніе и производится лишь для отграниченія одного имѣнія отъ другаго (Труды Коммисіи стр. 93).

Въ законоположеніяхъ о предпринятомъ въ 1765 г. межеваніи терминъ «генеральное межеваніе» имѣетъ двоякое значеніе. Въ большинствѣ случаевъ выраженіе это означаетъ понятіе, совершенно тождественное съ понятіемъ государственнаго межеванія. Такъ, напримѣръ, Манифестъ 19 Сентября 1765 г. озаглавленъ «о генеральномъ размежеваніи земель во всей Имперіи», а между тѣмъ въ текстѣ Манифеста и въ приложенныхъ къ нему генеральныхъ правилахъ говорится о государственномъ межеваніи [1]), причемъ въ п. 2 сказанныхъ правилъ устанавливаемое на новыхъ началахъ межеваніе даже прямо названо «сіе государственное межеваніе». Установленное правительствомъ въ 1765 г. межеваніе было въ одно и тоже время и государственнымъ, ибо оно имѣло цѣлью «истинную всего общества пользу» и «совершенное государственное благоучрежденіе» [2]), и генеральнымъ, ибо оно должно было обнимать собою всю Имперію и производиться «до самаго того времени, пока вся Имперія размежевана будетъ» [3]). Что означенное межеваніе названо генеральнымъ потому, что оно обнимаетъ всю Имперію, явствуетъ также изъ послѣдовавшаго вскорѣ послѣ Манифеста отъ 19 Сентября указа отъ 8 Октября 1765 г. [4]), въ которомъ значилось: «Имѣя наше твердое и непоколебимое намѣреніе самымъ дѣйствіемъ къ окончанію всеконечно произвести повелѣнное изданнымъ отъ Насъ Манифестомъ отъ 19 Сентября сего года генеральное размежеваніе земель во всѣхъ Нашихъ Россійскихъ губерніяхъ, на основаніи

---

[1]) Генер. прав. п, 1, 4, 15, 16, 18, 20, 22, 24 и 25.
[2]) Манифестъ 19 Сентября 1765 г.
[3]) Генер. прав. п. 27.
[4]) П. С. З. № 12488.

публикованныхъ приономъ Манифестѣ пунктовъ генеральныхъ къ межеванію правилъ, дабы» и т. д. [1]).

Но, кромѣ указаннаго смысла, терминъ генеральное межеваніе имѣетъ въ законоположеніяхъ о предпринятомъ въ 1765 г. межеваніи, и другое, болѣе тѣсное значеніе, служа для означенія тѣхъ видовъ государственнаго межеванія, которые обнимаютъ собою всѣ земли данной мѣстности, т. е. производятся въ сплошномъ порядкѣ. Въ этомъ смыслѣ генеральное межеваніе составляетъ противуположность тѣмъ видамъ межеванія, которые имѣютъ предметомъ отдѣльныя, единичныя владѣнія. Сюда относятся: а) межеваніе, производимое ранѣе открытія сплошнаго межеванія земель въ опредѣленной мѣстности (такъ называемое коштное межеваніе) и б) межеваніе, производимое по окончаніи сплошнаго (генеральнаго) обмежеванія земель данной мѣстности (такъ называемое спеціальное межеваніе). Что въ этомъ именно смыслѣ генеральному межеванію противупоставляется коштное межеваніе, явствуетъ изъ ст. 10 Гл. II Межевой Инструкціи, въ которой «землемѣры, отправленные для генеральнаго межеванія», противупоставляются «землемѣрамъ, отправленнымъ по особымъ указамъ, требованіямъ и прошеніямъ», т. е. землемѣрамъ, отправленнымъ для коштнаго межеванія.

---

[1]) Въ ст. 724 зак. меж. (883 ст. изд. 1857 г.) и ст. 563 I ч. X т. терминъ генеральное межеваніе употребленъ въ указанномъ выше, широкомъ смыслѣ, обнимающемъ собою также спеціальное и коштное межеваніе. Этимъ соображеніемъ разрѣшаются возбуждаемые нерѣдко вопросы: а) почему начало непоколебимости установлено лишь для актовъ, составленныхъ во время генеральнаго (а не спеціальнаго) межеванія, и б) почему законъ изъ дѣйствія давности владѣнія изъемлетъ однѣ лишь межи генеральнаго межеванія?

III.

Специальное межеваніе.

Сущность спеціальнаго межеванія и различіе его отъ генеральнаго выражена въ п. 24 генеральныхъ правилъ и ст. 44 Гл. 4 Межевой Инструкціи, въ которыхъ постановлено: а) въ первомъ—«при предпринятомъ нынѣ столь обширномъ всего государства размежеваніи таковыхъ помѣщиковъ, которые разныя жительства свои имѣютъ въ однихъ селеніяхъ каждаго особо, тѣхъ только единственно размежевывать, которые между собою полюбовно во владѣніяхъ своихъ разведутся, и сами того пожелаютъ; которые же того съ обѣихъ сторонъ согласно не похотятъ, оставить ихъ безъ внутренняго размежеванія до будущихъ спеціальныхъ и уѣздныхъ, по собственному помѣщиковъ челобитью, на ихъ иждивеніи межеваній» и б) во второй—«одного села, деревни и пустоши, состоящихъ въ разномъ владѣніи, ежели оныя владѣнія имѣютъ чрезполосно и при межеваніи пожелаютъ, чтобы дачи ихъ отмежевать каждаго или двухъ и трехъ владѣльцевъ вообще къ одному мѣсту, но только отъ прочихъ смежныхъ съ ними владѣльцевъ особо, и въ томъ разведутся полюбовно, такимъ не воспрещать и дачи ихъ утверждать по тѣмъ ихъ полюбовнымъ разводамъ; прочимъ же, которые того не похотятъ, оставить ихъ безъ внутренняго размежеванія до будущихъ спеціальныхъ и уѣздныхъ по собственному помѣщиковъ челобитью на ихъ иждивеніе межеваній» [1]).

---

[1]) П. 24 генер. прав. и ст. 44 гл. 4 Меж. Инстр., хотя и вошли въ Сводъ зак. меж. (ст. 311 и 312 зак. меж., 408 и 409 изд. 1857 г.), но съ про-

Изъ приведенныхъ узаконеній оказывается, что спеціальное межеваніе имѣетъ предметомъ размежеваніе тѣхъ селеній, деревень и пустошей, которыя во время генеральнаго межеванія находились въ разнопомѣстномъ владѣніи и владѣльцы которыхъ не могли прійти къ полюбовному соглашенію о разводѣ земель; что, отлагая размежеваніе сихъ владѣній до будущаго времени, законодатель руководствовался исключительно соображеніями практическаго свойства, а именно, желаніемъ ускорить ходъ сплошнаго обмежеванія земель Имперіи, и что, слѣдовательно, спеціальное межеваніе есть ни что иное, какъ генеральное межеваніе второй очереди [1]).

Изложенныя выше соображенія приводятъ къ тому выводу, что въ отношеніи цѣли и юридическаго характера нѣтъ никакого различія между генеральнымъ и спеціальнымъ межеваніемъ. Такой выводъ, однако, находится въ полномъ противорѣчіи съ сводомъ зак. меж. По словамъ ст. 2 зак. меж., генеральное межеваніе производится для опредѣленія окружныхъ границъ дачамъ безъ разбирательства, одному или многимъ владѣльцамъ онѣ принадлежатъ, а спеціальное для опредѣленія границъ частнымъ участкамъ, въ окружной межѣ находящимся. Выше въ Гл. I уже было объяснено, что генеральное межеваніе имѣетъ дѣло не съ округами селеній, а съ отдѣльными вотчинными единицами и, что

пускомъ имѣющихъ существенное значеніе словъ *«до будущихъ спеціальныхъ и т. д. межеваній»*.

[1]) Существуетъ, впрочемъ, одинъ видъ спеціальнаго межеванія, который законодателемъ не только не отнесенъ ко второй очереди, но иногда идетъ даже впереди первой очереди. Этотъ видъ спеціальнаго межеванія, о которомъ подробнѣе рѣчь ниже, есть такъ называемое отдѣленіе казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ.

замежеванное въ общую дачу разнопомѣстное селеніе предъ лицемъ закона представляетъ собою такую же вотчинную единицу, какъ однопомѣстное селеніе, замежеванное въ дачу единственнаго владѣнія. Если это такъ, то отсюда является неизбѣжнымъ выводомъ, что въ ст. 2 зак. меж. различіе цѣлей генеральнаго и спеціальнаго межеванія опредѣлено невѣрно.

Тождество цѣлей генеральнаго и спеціальнаго межеванія подтверждается также ближайшимъ соображеніемъ перечисленныхъ выше цѣлей государственнаго межеванія. Какъ генеральное, такъ и спеціальное межеваніе имѣютъ цѣлью: 1) устраненіе проистекавшей изъ помѣстной системы неопредѣлительности поземельныхъ правъ, 2) разверстку примѣрныхъ земель, 3) уравнительный по качествамъ и удобный въ хозяйственномъ отношеніи разводъ земель къ однимъ или нѣсколькимъ мѣстамъ, 4) устраненіе на будущее время поводовъ къ пограничнымъ спорамъ посредствомъ: а) постановки въ натурѣ межевыхъ признаковъ и б) геометрическаго описанія границъ, и 5) приведеніе въ извѣстность количества земель въ Имперіи [1]). Отсюда явствуетъ, что генеральное и спеціальное межеваніе имѣютъ совершенно одинаковую цѣль.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что содержащееся въ ст. 2 зак. меж. опредѣленіе цѣли спеціальнаго межеванія впервые введено въ сводъ зак. меж. лишь въ изд. 1857 г., въ изданіи же 1842 г., согласно закону 8 Января 1836 г., [2])

---

[1]) Спеціальное межеваніе иногда можетъ дать новыя свѣдѣнія, если не о количествѣ земель вообще, то, по крайней мѣрѣ, о количествѣ земель, казнѣ принадлежащихъ.

[2]) Объ этомъ законѣ см. ниже стр. 210.

цѣлью спеціальнаго межеванія было указано устраненіе «вреда, происходящаго отъ необмежеванныхъ чрезполосныхъ земель, отъ неопредѣлительности правъ общаго владѣнія и въѣздовъ или частныхъ правъ на владѣніе постороннее» [1]). Такое опредѣленіе цѣли спеціальнаго межеванія, безъ сомнѣнія, было гораздо ближе къ истинному смыслу законоположеній о генеральномъ межеваніи, чѣмъ опредѣленіе, изложенное въ сводѣ зак. 1857 г., ибо оно ясно выражало ту мысль, что спеціальное межеваніе (также какъ и генеральное) имѣетъ цѣлью не одно лишь укрѣпленіе границъ, но устройство землевладѣнія вообще. Правда, что въ законѣ 8 Января 1836 г. цѣль спеціальнаго межеванія была чрезмѣрно расширена отнесеніемъ къ задачамъ онаго устраненія чрезполосности даже въ дачахъ, утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе. Но столь широкое опредѣленіе цѣли спеціальнаго межеванія составляло недостатокъ самаго закона, а не свода меж. зак. изд. 1842 г. Этотъ же недостатокъ былъ устраненъ закономъ 30 Декабря 1853 г. о судебно-межевомъ разбирательствѣ, которымъ задача спеціальнаго межеванія была съужена исключеніемъ изъ его круга межеванія всѣхъ дачъ, утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе (ст. 951 зак. меж., 1158 изд. 1857 г.) [2]).

При такомъ положеніи, редакторамъ Свода меж. зак. изд. 1857 г. предстояло, казалось бы, лишь нѣсколько видоизмѣнить и съузить, согласно закону 30 Декабря 1853 г., изложенное въ изд. 1842 г. опредѣленіе цѣли спеціальнаго межеванія. Между тѣмъ, неизвѣстно, по какимъ основа-

---

[1]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 67.

[2]) Объ этомъ предметѣ см. ниже стр. 268.

ніямъ въ дѣйствующій Сводъ межевыхъ законовъ введено совершенно новое опредѣленіе цѣли спеціальнаго межеванія, неимѣющее даже отдаленнаго сходства съ тѣмъ, которое содержалось въ Сводѣ законовъ 1842 г.

IV.

Выводы.

1) Законоположенія о генеральномъ межеваніи присваиваютъ межеванію, возвѣщенному Манифестомъ 19 Сентября 1765 г., названіе, одинаково, какъ государственнаго, такъ и генеральнаго.

2) Предпринятое въ 1765 г. межеваніе называется генеральнымъ какъ потому, что оно должно было быть повсемѣстнымъ, т. е. обнимало всю Имперію, такъ и потому, что оно было сплошное, т. е. обнимало всѣ земли той мѣстности, гдѣ оно было открыто. Отсюда слѣдуетъ, что слова «генеральное межеваніе» имѣютъ двоякое значеніе: а) государственнаго межеванія вообще и б) производимаго въ сплошномъ порядкѣ государственнаго межеванія (въ противоположность коштному и спеціальному межеваніямъ).

3) Установленное въ 1765 г. межеваніе имѣло цѣлью: а) укрѣпленіе не только границъ владѣній, но и поземельныхъ правъ вообще и б) не только укрѣпленіе поземельныхъ правъ, но и переустройство землевладѣнія (надѣленіемъ казенною землею разныхъ разрядовъ лицъ, раздачею примѣрныхъ земель и сведеніемъ земель къ однимъ мѣстамъ).

4) Спеціальное межеваніе имѣетъ совершенно тождественную съ генеральнымъ цѣль. Различіе между генеральнымъ и спеціальнымъ межеваніемъ заключается лишь въ томъ, что первое обнимаетъ владѣнія, обмежеваніе которыхъ

законодателемъ поставлено на первую очередь, а второе— таковыя, обмежеваніе коихъ отнесено ко второй очереди.

5) Въ Сводѣ зак. меж. цѣль государственнаго, генеральнаго и специальнаго межеванія опредѣлена невѣрно. Въ этомъ заключается второй важный недосмотръ редакторовъ Свода меж. зак.

ГЛАВА III.

Ставится ли межевой актъ въ крѣпость?

Крѣпость есть утвержденный правительственною властью актъ, удостовѣряющій пріобрѣтеніе права собственности однимъ изъ установленныхъ закономъ способовъ (пожалованіе, договоръ и т. д.). По дѣйствовавшему во время изданія положеній о генеральномъ межеваніи законодательству никакіе способы пріобрѣтенія права собственности на недвижимыя имущества не признавались дѣйствительными, если не были основаны на крѣпости [1]). Отсюда ясно, что поставленный въ заголовкѣ вопросъ сводится къ тому, служитъ ли межевой актъ удостовѣреніемъ права собственности на обмежеванную землю? Практическое значеніе этого вопроса заключается въ томъ: имѣетъ ли по закону тотъ, за кѣмъ утверждено имѣніе по межеванію, власть, въ силу одной лишь записки за нимъ имѣнія, осуществить тѣ права, изъ которыхъ слагается право собственности и главнѣйшее изъ

---

[1]) Современному нашему законодательству извѣстенъ одинъ способъ пріобрѣтенія права собственности, не основанный на крѣпости, а именно давность владѣнія, установленная Манифестомъ 28 Іюня 1787 г. (П. С. З. № 16557) и Сводомъ Зак. Гражд. 1832 г. ст. 316.

которыхъ заключается въ правѣ виндикаціи, т. е. въ правѣ ли онъ требовать судомъ возвращенія имѣнія изъ чужаго владѣнія (ст. 420 и 691 1 ч. X т.) [1]?

I.

Ст. 6 Гл. 9 Меж. Инстр.

Выше было объяснено, что генеральнымъ межеваніемъ опредѣленныя категоріи лицъ надѣлялись казенною землею. Эти случаи, при обсужденіи поставленнаго вопроса, могутъ быть оставлены безъ вниманія, такъ какъ никогда, кажется, не возникало сомнѣнія о томъ, что въ указанныхъ случаяхъ за межевымъ актомъ надлежитъ признавать силу крѣпости [2]). Отрицать это, значило бы утверждать, что относящіеся сюда разряды владѣльцевъ по закону лишены возможности доказывать, въ случаѣ спора, принадлежность имъ предоставленныхъ имъ же по межеванію земель.

Сказанное въ равной мѣрѣ относится и къ примѣрнымъ землямъ, на которыя у владѣльцевъ нѣтъ и не можетъ быть другихъ крѣпостей, кромѣ межевыхъ актовъ.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ спора о части обмежеваннаго имѣнія планъ ставится въ крѣпость тому, кто на немъ значится владѣльцемъ или къ которому

---

[1]) Съ вопросомъ о томъ, ставится ли межеваніе въ крѣпость, т. е. можетъ ли тотъ, за кѣмъ имѣніе утверждено по межеванію, требовать, на основаніи межеваго акта, возвращенія онаго изъ чужаго владѣнія, не слѣдуетъ смѣшивать вопросъ о томъ, можетъ ли тотъ, къ кому предъявлено это требованіе, защищаться ссылкою, что межеваніе произведено неправильно и имѣніе должно быть признано собственностью не истца, а его, отвѣтчика. Ни прежнее, ни нынѣ дѣйствующее законодательства не присвоиваютъ крѣпостнымъ актамъ силы неопровержимости.

[2]) Курсъ К. Побѣдоносцева I, 4 изд. (1892 г.) стр. 142 и слѣд. и 699.

перешли права сего послѣдняго. Здѣсь могутъ представляться два случая: а) когда тотъ, кто оспариваетъ право на часть обмежеваннаго имѣнія (или праводатель его), заявилъ притязаніе на спорную часть имѣнія еще при генеральномъ межеваніи, и б) когда названнымъ лицемъ (или праводателемъ его) при генеральномъ межеваніи спора заявлено не было.

Въ первомъ случаѣ, возникшій при генеральномъ межеваніи споръ тогда же получилъ разрѣшеніе Межевой Конторы (ст. 320 зак. меж., ст. 418 изд. 1857 г.), опредѣленіе которой по этому предмету навсегда преграждало сторонамъ возможность возбуждать о семъ вновь споръ (ст. 893 уст. гражд. суд. и ст. 356 зак. судопр. гражд., изд. 1892 г.). Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ случаѣ межевой актъ имѣетъ силу не только крѣпости, но даже судебнаго рѣшенія, вступившаго въ окончательную законную силу.

Второй случай также не можетъ вызывать сомнѣнія, въ виду: а) ст. 63 и 64 Инструкціи землемѣрамъ 13 Февр. 1766 г. (вошедшихъ въ ст. 301 зак. меж., ст. 395 изд. 1857 г.), на основаніи которыхъ, если владѣлецъ явится, когда уже дача его совсѣмъ обмежевана и будетъ требовать перемежеванія, то ему въ этомъ слѣдуетъ отказать потому, что, какъ гласитъ ст. 54 той же Инструкціи, онъ «за всѣми о семъ генеральномъ земель межеваніи публикаціями ни самъ къ прибытію землемѣра не пріѣхалъ, ни повѣреннаго не прислалъ» и б) ст. 539 и 724 зак. меж. (ст. 684 и 883 изд. 1857 г.), по силѣ которыхъ каждый получившій межевой актъ долженъ оставаться въ твердой надеждѣ, что владѣніе его, утвержденное государственнымъ межеваніемъ, никакой перемѣнѣ подвержено не будетъ, и межевые акты, выданные на селенія, деревни и пустоши, обмежеванныя во время генеральнаго межеванія, должны служить на буду-

щее время несомнѣннымъ и непоколебимымъ доказательствомъ владѣнія примежеванными къ селенію или къ пустошѣ землями. Въ приведенныхъ постановленіяхъ закона ясно выражено то положеніе, что по обмежеваннымъ землямъ никакіе споры о пріурочении земель (т. е. о частяхъ обмежеванныхъ имѣній) не принимаются, хотя бы споры эти не были заявлены при генеральномъ межеваніи и, слѣдовательно, по нимъ не могло послѣдовать рѣшенія подлежащаго суда. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ межеваніе не только ставится въ крѣпость, но даже, въ изъятіе отъ общихъ началъ гражданскаго права, имѣетъ значеніе, равное съ рѣшеніемъ, вступившимъ въ окончательную законную силу.

Совокупность изложеннаго показываетъ, что вопросъ о томъ, ставится ли межеваніе въ крѣпость, требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія лишь по отношенію къ тому случаю, когда споръ заявленъ не о части обмежеваннаго имѣнія, но о цѣломъ имѣніи.

Какъ по отношенію къ спорамъ, возникшимъ о части имѣнія, такъ и здѣсь, слѣдуетъ различить, заявлено-ли было притязаніе, составляющее предметъ возникшаго объ имѣніи спора, при генеральномъ межеваніи или послѣ онаго? Къ первому случаю вполнѣ примѣнимо сказанное выше о спорахъ, имѣющихъ предметомъ части обмежеванныхъ имѣній: если при самомъ генеральномъ межеваніи заявленъ былъ споръ о цѣломъ имѣніи, то послѣдовавшее въ разрѣшеніе этого спора опредѣленіе преграждало навсегда сторонамъ и ихъ правопреемникамъ возможность возобновлять этотъ споръ, безразлично, постановлено ли было рѣшеніе вотчиннымъ (ст. 48 зак. меж., ст. 56 изд. 1857 г.), или межевымъ судомъ (ст. 50 зак. меж., ст. 58

изд. 1857 г. [1]). Такимъ образомъ, безспорно, что въ разсматриваемомъ случаѣ состоявшееся въ порядкѣ генеральнаго межеванія рѣшеніе по спору о цѣломъ имѣніи ставится въ крѣпость. Но законъ въ этомъ случаѣ идетъ еще дальше и межеваніе ставитъ въ крѣпость не только тому, за кѣмъ утверждено имѣніе по судебному рѣшенію, состоявшемуся по заявленному при генеральномъ межеваніи спору, но даже и такому владѣльцу, заявленный противъ котораго споръ еще не получилъ разрѣшенія въ судѣ. Этотъ послѣдній случай прямо предусмотрѣнъ въ ст. 5 и 6 гл. 9 Меж. Инструкціи, въ которыхъ постановлено: въ первой (вошедшей въ ст. 48, 547 и 689 зак. меж., ст. 56, 691 и 847 изд. 1857 г.),— что въ случаѣ заявленнаго при межеваніи спора о крѣпостяхъ и о дачахъ цѣлаго владѣнія межеваніе не останавливается, споры отсылаются для разрѣшенія въ общія судебныя мѣста, состоящее въ спорѣ имѣніе оставляется во владѣніи тѣхъ, за кѣмъ во время межеванія состояло, и въ межевыхъ актахъ означается, у кого, съ кѣмъ оно состояло въ спорѣ, а въ послѣдней (вошедшей въ ст. 725 зак. меж., ст. 884 изд. 1857 г.), — что въ случаѣ признанія судомъ недѣйствительными представленныхъ крѣпостей «тому владѣльцу, за кѣмъ по межеванію селеніе написано будетъ, (межеваніе) въ крѣпость не ставить, и быть оному съ тѣмъ-же обмежеваніемъ [2]), но за тѣми людьми, за кѣмъ по рѣшенію утвердятся». Точный смыслъ приведеннаго

---

[1]) См. выше стр. 40.

[2]) Слова «съ тѣмъ-же обмежеваніемъ» выражаютъ ту мысль, что хотя границы отвелъ не настоящій собственникъ, тѣмъ не менѣе сей послѣдній не вправѣ требовать перемежеванія (см. выше стр. 14).

правила не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что, по мысли законодателя, замежеваніе за кѣмъ либо имѣнія, хотя-бы съ оговоркою, что объ этомъ имѣніи производится споръ въ гражданскихъ судахъ, ставится ему въ крѣпость, т. е. составляетъ доказательство принадлежности ему обмежеваннаго имѣнія, пока право собственности на спорное имѣніе не будетъ по суду присуждено другому.

Но могутъ сказать, что изложенное въ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. правило объясняется допущенною законодателемъ ошибкою. Такъ, повидимому, смотрѣли на ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. редакторы Свода межевыхъ законовъ, изд. 1832 и 1842 гг., которые въ Сводъ этотъ включили правило, прямо противуположное тому, которое выражено въ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. По точному смыслу этой послѣдней статьи, общимъ правиломъ слѣдуетъ считать, что планы составляютъ доказательство принадлежности спорнаго селенія тому, за кѣмъ по межеванію оно написано, изъ каковаго правила законъ устанавливаетъ одно лишь исключеніе, а именно «когда крѣпости (о которыхъ происходитъ споръ въ гражданскомъ судѣ) явятся недѣйствительны и будутъ уничтожены». Между тѣмъ, редакторы Свода межевыхъ законовъ, изд. 1832 и 1842 гг., нашли, что постановленіе, которое, по буквальному смыслу приведенной статьи Меж. Инстр., должно быть разсматриваемо, какъ изъятіе изъ общаго правила, составляетъ не изъятіе, а не допускающее исключеній общее правило.

Правда, въ такомъ видѣ извлеченное изъ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. правило изложено лишь въ Сводѣ изд. 1832 и 1842 гг., въ изданіи же 1857 г. возстановленъ былъ смыслъ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. прибавленіемъ къ тексту изд. 1832 и 1842 гг. словъ «если самыя крѣпости на тѣ селенія и пу-

стоши недѣйствительны» [1]). Нельзя однако, при этомъ, не замѣтить, что редакторы Свода зак. меж. 1857 г. хотя и возстановили смыслъ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр., тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, и съ своей стороны также раздѣляли на эту статью Инструкціи взглядъ редакторовъ Свода законовъ межевыхъ 1832 г., усматривая въ ней законодательную

---

[1]) Сказанное въ текстѣ о допущенномъ въ изд. 1832 и 1842 гг. невѣрномъ воспроизведеніи смысла ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. можетъ показаться неправдоподобнымъ. Въ виду сего, не лишне привести здѣсь дословно различныя редакціи разсматриваемаго правила по Инстр. 1754 и 1766 гг., по Своду меж. зак. изд. 1832 и 1842 г. и по изданіямъ 1857 и 1893 годовъ.

а) Инструкція 1754 г. гл. 13 ст. 2:

«а ежели по тѣмъ посланнымъ крѣпостямъ Вотчинная Коллегія за какими причинами укрѣпленія не учинитъ и явятся тѣ крѣпости не дѣйствительны, то межеванія тому въ крѣпость не ставить, а быть тѣмъ вотчинамъ потому же межеванью за тѣми людьми, за кѣмъ тѣ вотчины по разсмотрѣнію Вотчинной Коллегіи опредѣленіемъ Правительствующаго Сената утвердятся».

б) Межевая Инструкція 25 Мая 1766 г. гл. 9 ст. 6:

«По разсмотрѣніи сими судебными мѣстами, если тѣ крѣпости явятся недѣйствительны и будутъ уничтожены, то тому владѣльцу, за кѣмъ по межеваніи селеніе написано будетъ, въ крѣпость не ставить, а быть оному съ тѣмъ-же межеваніемъ, но за тѣми людьми, за кѣмъ по рѣшенію утвердятся».

в) Сводъ меж. зак. изданія 1832 г. ст. 580 и изд. 1842 г. ст. 716.

«Но при разсмотрѣніи тяжбъ о цѣлыхъ селеніяхъ и пустошахъ въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, плановъ и межевыхъ книгъ не принимать за доказательство принадлежности спорнаго селенія или пустоши тому владѣльцу, за кѣмъ по межеванію оныя написаны».

г) Свода меж. зак., изд. 1857 г., ст. 884 и 1893 г., ст. 725.

«При разсмотрѣніи однако же тяжбъ о цѣлыхъ селеніяхъ и пустошахъ въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ планы и межевыя книги, если самыя крѣпости на тѣ селенія и пустоши недѣйствительны, не слѣдуетъ допринимать за доказательство принадлежности спорнаго селенія или пустоши тому владѣльцу, за которымъ по межеванію они написаны».

ошибку. Иначе трудно объяснить, почему они въ текстѣ статьи 884 Свода Зак. Меж., изд. 1857 г., слово «принимать» замѣнили словомъ «доприниматъ», имѣющимъ, повидимому, цѣлью нѣсколько смягчить рѣзкость выраженнаго въ этой статьѣ правила. Далѣе, если признавать, что, какъ гласитъ ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр., межеваніе ставится въ крѣпость, то очевидно, что оно имѣетъ дѣло съ вотчинными, а не съ территоріальными единицами.

Такимъ образомъ возстановленіе смысла ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. должно было повлечь за собою исключеніе изъ Свода зак. меж. тѣхъ постановленій, въ основѣ которыхъ легло представленіе о дачѣ, какъ объ единицѣ не вотчинной, а территоріальной. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи редакторы Свода зак. меж., изд. 1857 г., не только не подвергли исправленію прежнее изданіе этого Свода (возстановленіемъ въ немъ истиннаго смысла п. 2 генеральныхъ правилъ), но введеніемъ въ Сводъ ст. 2 окончательно затемнили смыслъ выраженнаго въ означенномъ пунктѣ правила.

Предположеніе, будто ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. обязана происхожденіемъ своимъ законодательной ошибкѣ, должно быть вполнѣ устранено. Противъ этого предположенія прежде всего говоритъ то обстоятельство, что ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. представляетъ собою не новое правило, а почти дословное воспроизведеніе ст. 2 гл. 13 Инструкціи 1754 г. Межевая Инструкція 1766 г. подвергла коренному измѣненію исключительно безспорное межеваніе (отмѣною требованія крѣпостей отъ спокойныхъ владѣльцевъ). Что же касается спорнаго межеванія, то въ существенныхъ чертахъ Межевая Инструкція 1766 г. сохранила установленный Инструкціею 1754 г. порядокъ. Главное въ этомъ отношеніи различіе между первою и второю Инструкціями заклю-

чается въ лишеніи межевщиковъ судебной власти и замѣнѣ ихъ особыми межевыми судами. Но собственно въ отношеніи передачи на разсмотрѣніе Вотчинной Коллегіи возникающихъ при межеваніи споровъ о цѣлыхъ дачахъ (которыя и по Инструкціи 1754 г. были изъяты изъ вѣдѣнія межевщиковъ) Меж. Инстр. 1766 г. не внесла ничего новаго въ дѣйствовавшій раньше порядокъ. Такимъ образомъ перенесеніе въ Меж. Инстр. 1766 г. разсматриваемаго постановленія Инстр. 1754 г., ни коимъ образомъ не можетъ быть объяснено законодательною ошибкою.

Въ заключеніе объясненій о ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр. 1766 г. остается замѣтить, что допущенное редакторами Свода зак. меж. невѣрное воспроизведеніе этой статьи имѣло на судебную практику весьма неблагопріятное вліяніе, ощутительное еще и понынѣ. Хотя въ Сводѣ изд. 1857 г. и былъ возстановленъ истинный смыслъ этой статьи, однако, у насъ и въ настоящее время какъ доктрина, такъ и судебная практика, не отрѣшилась отъ того невѣрнаго взгляда на значеніе государственнаго межеванія, которое получило начало подъ вліяніемъ указаннаго недосмотра. Въ этомъ недосмотрѣ кроется главная причина той сбивчивости и неустойчивости, которою отличается наша судебная практика въ области межеваго законодательства.

Выше было объяснено, что если возникающій о цѣломъ имѣніи споръ уже былъ заявленъ при генеральномъ межеваніи и тогда же получилъ разрѣшеніе, то межеваніе ставится въ крѣпость тому, за кѣмъ утверждено имѣніе по состоявшемуся въ порядкѣ межеванія судебному рѣшенію. Остается еще разсмотрѣть противоположный случай, а именно, когда о цѣломъ имѣніи возникаетъ такой споръ, который не былъ заявленъ при генеральномъ межеваніи, и, слѣдовательно,

въ то время не могъ сдѣлаться предметомъ судебнаго разсмотрѣнія. Хотя случай этотъ прямо и не предусмотрѣнъ въ законоположеніяхъ о генеральномъ межеваніи, тѣмъ не менѣе разрѣшеніе его не можетъ вызвать сомнѣнія, какъ прямо вытекающее изъ приведенной выше ст. 6 Гл. 9 Межев. Инстр. Дѣйствительно, если законъ тому, за кѣмъ замежевано селеніе, ставитъ межеваніе въ крѣпость, т. е. признаетъ его собственникомъ даже въ томъ случаѣ, когда при самомъ межеваніи былъ заявленъ споръ объ имѣніи, то тѣмъ болѣе собственникомъ слѣдуетъ признать того, за кѣмъ имѣніе замежевано при отсутствіи всякаго спора противъ его права.

Въ подтвержденіе того, что, по мысли законодателя, межеваніе ставится въ крѣпость всегда и, слѣдовательно, и въ томъ случаѣ, когда имѣніе обмежевано безспорно и поэтому права того, за кѣмъ оно утверждено по межеванію, не могли быть подвергнуты повѣркѣ,—независимо отъ приведенныхъ выше соображеній, можно указать на послѣдовавшій вскорѣ послѣ изданія законоположеній о генеральномъ межеваніи Сенатскій указъ 8 Іюня 1789 г. [1]). Въ указѣ этомъ, вызванномъ уклоненіемъ многихъ владѣльцевъ отъ взноса пошлинъ за межевые акты и содержащемъ въ себѣ подробное разъясненіе юридической силы межевыхъ актовъ, прямо сказано, что по выдачѣ плановъ и межевыхъ книгъ таковые «будутъ служить каждому за настоящую на земли его крѣпость».

Что по общему правилу межеваніе ставится въ крѣпость, т. е. утверждаетъ право собственности за тѣмъ, кто значится на планѣ владѣльцемъ, явствуетъ также изъ того, что въ меже-

---

[1]) П. С. З., № 16775 см. выше стр. 62.

выхъ законахъ содержится цѣлый рядъ изъятій изъ этого правила. Если бы межевые акты не составляли доказательства принадлежности имѣнія тому, за кѣмъ оно замежевано, то, очевидно, не было бы надобности включать въ законъ оговорки о случаяхъ, когда правило это не должно имѣть дѣйствія. Къ числу сихъ установленныхъ закономъ изъятій изъ разсматриваемаго правила принадлежатъ: 1) прим. къ ст. 220 зак. меж. (прим. къ 293 ст. изд. 1857 г.), по которой крестьянскимъ обществамъ въ Западной Сибири планы выдаются единственно для вѣдѣнія границъ, а не для утвержденія за ними навсегда показанныхъ на планахъ земель; 2) ст. 792 зак. меж. (952 ст. изд. 1857 г.), по силѣ которой въ указанномъ въ этой статьѣ случаѣ, въ предупрежденіе на будущее время споровъ, на планахъ должно быть означено, что права соучастниковъ въ дачѣ опредѣляются не планомъ, а предшествовавшими межеванію крѣпостями. Такая оговорка была бы, очевидно, лишена всякаго практическаго значенія, если бы законодатель исходилъ изъ той мысли, что межеваніе не ставится въ крѣпость [1]; 3) ст. 967 зак. меж. (1175 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которой при вымежеваніи участковъ къ мельницамъ, заводамъ и т. д. планы на отводимые къ нимъ участки слѣдуетъ писать не на имя владѣльцевъ, а на имя заведенія, поименовывая первыхъ на планахъ только для извѣстности, за кѣмъ во время межеванія эти заведенія состояли, и 4) ст. 687, 689 и 712 зак. меж. (845, 847 и 870 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которыхъ въ случаѣ спора о цѣломъ имѣніи на планахъ должно быть означено, у кого оно съ кѣмъ находится въ спорѣ. Такое правило было бы совершенно излишне, если межевые акты

---

[1]) О ст. 792 зак. меж. см. выше стр. 51.

не служили бы къ опредѣленію права собственности на обмежеванное имѣніе.

II.

Статья 13 Именнаго указа 21 Іюня 1839 г.

Для уясненія вопроса о томъ, ставится ли генеральное межеваніе въ крѣпость, имѣетъ важное значеніе ст. 13 Именнаго указа 21 Іюня 1839 г. [1]), вошедшая въ ст. 659 зак. меж. (817 ст. изд. 1857 г.). На основаніи этой статьи, межевые акты, составленные въ порядкѣ полюбовнаго межеванія на земли, находящіяся въ генерально необмежеванныхъ губерніяхъ, принимаются за безспорныя доказательства права собственности между владѣльцами, безъ всякаго впрочемъ нарушенія правъ казны или третьихъ лицъ, въ томъ частномъ размежеваніи неучаствовавшихъ. Въ этомъ законоположеніи ясно и категорически высказано то начало, что межевой актъ служитъ доказательствомъ права собственности между участвовавшими въ межеваніи владѣльцами. Такое правило, очевидно, совершенно не укладывается въ систему, отрицающую за межевыми актами силу доказательства права собственности на обмежеванное имѣніе. Поэтому, какъ судебная практика, такъ и доктрина, приходятъ у насъ

---

[1]) П. С. З. № 12458. Въ цитатѣ подъ ст. 659 меж. зак. изд. 1893 г. и 817 изд. 1857 г. приведена по ошибкѣ ст. 13 Инструкціи для руководства при полюбовномъ спеціальномъ межеваніи 21 Іюня 1839 г. (№ 12459), тогда какъ слѣдовало привести ст. 13 послѣдовавшаго въ тотъ же день Именнаго указа (№ 12458). Что разсматриваемая статья не на своемъ мѣстѣ въ Сводѣ зак. меж., такъ какъ она имѣетъ предметомъ «частное», а не государственное межеваніе, см. ниже стр. 317.

къ тому заключенію, что приведенная статья удовлетворительному объясненію не поддается, а представляетъ собою аномалію, почему и можетъ имѣть примѣненіе исключительно къ прямо предусмотрѣнному въ ней случаю полюбовнаго межеванія [1]). При этомъ мнѣнія расходятся лишь въ томъ, что одни, слѣдуя буквальному смыслу приведенной статьи, изложенное въ ней правило признаютъ подлежащимъ примѣненію лишь въ губерніяхъ, генерально необмежеванныхъ [2]), тогда какъ другіе не усматриваютъ основанія не распространять, по аналогіи, дѣйствія этой статьи и на генерально обмежеванныя губерніи [3]).

Вызываемыя разсматриваемою статьею недоумѣнія составляютъ прямое послѣдствіе усвоеннаго у насъ со времени кодификаціи межевыхъ законовъ невѣрнаго взгляда на значеніе межеванія. Въ 1839 г., вредное вліяніе кодификаціи межевыхъ законовъ еще не успѣло отразиться въ области законодательной дѣятельности и поэтому, при изданіи закона 21 Іюня 1839 г., даже не предвидѣлось возможности сомнѣнія о томъ, что межевой актъ служитъ доказательствомъ принадлежности обмежеваннаго имѣнія тому, за кѣмъ оно утверждено по межеванію. Разсматриваемая статья законовъ межевыхъ, основанная на законѣ 1839 г., имѣетъ исключительно цѣлью оговорить, что въ генерально необмежеванныхъ губерніяхъ межевые акты составляютъ доказательство права собственности лишь между владѣльцами, а не въ спорахъ съ третьими лицами.

---

[1]) См. рѣш. Гр. Кас. Деп. 1876 № 481 по д. Шебанниковой, объясн. записку къ пр. меж. уст. стр. 74 и А. Маттель: Судебно-межевое разбирательство. 1893 г. стр. 124.

[2]) Гражд. Кас. Дт-ъ, тамъ же.

[3]) Объясн. зап. къ проекту меж. уст. и А. Маттель, тамъ же.

Такое ограниченіе доказательной силы межевыхъ актовъ въ генерально необмежеванныхъ губерніяхъ, естественно, вытекаетъ изъ того, что въ сихъ губерніяхъ не было всеобщаго оповѣщенія о приступѣ къ межеванію, а поэтому лица, непринимавшія непосредственнаго участія въ межеваніи, не были предупреждены о могущихъ быть для нихъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ неявки къ землемѣру, которому производство онаго поручено и, слѣдовательно, собственно только противъ этихъ третьихъ лицъ произведенное въ означенныхъ губерніяхъ межеваніе не можетъ имѣть силы доказательства права собственности. Такимъ образомъ, ст. 659 зак. меж., основанная на ст. 13 закона 21 Іюня 1839 г., служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что еще въ тридцатыхъ годахъ законодатель исходилъ изъ того начала, что межевые акты составляютъ доказательство права собственности [1]).

Тотъ же самый взглядъ былъ высказанъ, не встрѣтивъ возраженія, также и въ сороковыхъ годахъ при обсужденіи вопроса о примѣненіи давности къ межамъ генеральнаго межеванія. Далеко расходясь въ своихъ окончательныхъ выводахъ, графъ Панинъ и графъ Блудовъ были, однако, со-

---

[1]) Въ ст. 13 закона 21 Іюня 1839 г. прямо выражено, что дѣйствіе изложеннаго въ ней правила ограничивается губерніями, гдѣ не было еще генеральнаго межеванія. Составители объяснительной записки къ проекту межеваго устава не только не обратили вниманія на означенную оговорку, но до такой степени далеки отъ мысли, что, съ точки зрѣнія законодателя, эта оговорка могла и не быть лишена всякаго значенія, что, излагая дословно всѣ статьи, относящіяся къ доказательной силѣ межевыхъ актовъ, они сочли возможнымъ пропустить, безъ соотвѣтственной оговорки, слова разсматриваемой статьи о томъ, что она примѣняется лишь въ генерально необмежеванныхъ губерніяхъ (объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 69).

гласны въ томъ, что исходною точкою при разрѣшеніи означеннаго вопроса слѣдуетъ принять то положеніе, что межеваніе утверждаетъ права владѣльцевъ (а не только границы владѣнія), т. е. ставится въ крѣпость при спорахъ не только о частяхъ, но и о цѣлыхъ имѣніяхъ [1]).

Все выше изложенное убѣждаетъ, казалось-бы, въ томъ, что разборъ содержащихся въ законахъ межевыхъ постановленій о юридическомъ значеніи генеральнаго межеванія вполнѣ подтверждаетъ тѣ выводы, къ которымъ привелъ изложенный въ главахъ I и II настоящей записки разборъ существа и цѣли генеральнаго межеванія, а именно: а) что генеральное межеваніе имѣетъ дѣло съ вотчинными единицами (а не округами селеній); б) что оно имѣло цѣлью привести въ извѣстность и опредѣлительное состояніе поземельныя права вообще (а не лишь границы владѣній), и в) что сдѣланная у насъ попытка теоретически обосновать установившееся подъ вліяніемъ кодификаціонныхъ ошибокъ мнѣніе, что генеральное межеваніе не утверждало селеній къ владѣльцамъ, т. е. не ставится въ крѣпость при спорахъ о цѣлыхъ селеніяхъ,—едва ли можетъ быть признана удавшеюся.

III.

Возраженія.

Выше были изложены доводы, служащіе подтвержденіемъ мнѣнія, что межевые акты должны быть принимаемы въ доказательство принадлежности цѣлыхъ дачъ тѣмъ лицамъ,

---

[1]) О разномысліи графа Панина и графа Блудова по указанному предмету см. ниже стр. 140.

за которыми онѣ утверждены по генеральному межеванію [1]). Но для полноты разбора слѣдуетъ еще разсмотрѣть доводы, приводимые защитниками противоположнаго взгляда, который въ настоящее время долженъ у насъ считаться господствующимъ какъ въ судебной практикѣ [2]), такъ и въ юридической литературѣ [3]). Что изложеніе этого взгляда обыкновенно сопровождается оговоркою, что межевые акты не всегда и не безусловно могутъ быть лишены доказательной силы по вотчиннымъ дѣламъ, не имѣетъ существеннаго значенія, въ виду полнаго отсутствія указаній на то, по какимъ именно признакамъ слѣдуетъ отличить случаи, когда означенное положеніе должно имѣть безусловное примѣненіе, отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно не можетъ имѣть безусловнаго примѣненія. Объясн. зап. къ пр. меж. уст. даже пришла къ тому заключенію, что всякая попытка свести къ какимъ либо общимъ правиламъ разрѣшеніе вопроса о силѣ межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ принесла-бы не пользу, а вредъ, такъ какъ межевые акты имѣютъ весьма различную силу въ вотчинныхъ дѣлахъ и поэтому разрѣше-

---

[1]) Мнѣніе это, насколько извѣстно, въ послѣднее время было высказано только одинъ разъ, именно, въ отзывѣ Министра Государственныхъ Имуществъ по проекту межеваго устава (Отзывы стр. 47). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что означенное мнѣніе, вполнѣ вѣрное по отношенію къ нашему генеральному межеванію и ко всякому вообще межеванію, предпринятому въ государственныхъ видахъ, едва-ли приложимо къ проекту меж. уст., предположенныя въ которомъ правила имѣютъ въ виду преимущественно укрѣпленіе отдѣльныхъ владѣній и границъ, т. е. такой видъ межеванія, который не имѣетъ ничего государственнаго, кромѣ присвоеннаго имъ составителями пр. меж. уст. названія.

[2]) См. ниже стр. 115.

[3]) См. Курсъ К. Побѣдоносцева I, 4 изд. (1892 г.) стр. 144 и 690—705 и объясн. зап. въ пр. меж. уст. стр. 73—75, заключеніе стр. 131, 153, 197.

ніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопроса о вотчинной силѣ межевыхъ актовъ необходимо предоставить судебной практикѣ [1]).

Доводы, которыми обыкновенно подкрѣпляется мнѣніе, отрицающее доказательную силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ, т. е. по спорамъ о цѣлыхъ дачахъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

а) при генеральномъ межеваніи не производилось повѣрки права собственности того лица, кто по плану показанъ владѣльцемъ дачи;

б) права того лица, за кѣмъ по межеванію утверждена дача, могутъ быть опровергнуты по суду;

в) цѣль генеральнаго межеванія заключалась лишь въ приведеніи въ извѣстность границъ, а не правъ владѣльцевъ, соотвѣтственно чему межеваніе утверждало земли къ селеніямъ, а не селеніе къ владѣльцу;

г) заключеніе это подтверждается указомъ Сената 28 Октября 1780 г.;

д) постановленное по межевому спору рѣшеніе не служитъ къ предрѣшенію спора о вотчинномъ правѣ,

и е) незначащійся въ картушѣ плана владѣлецъ не лишается права отыскивать въ вотчинномъ порядкѣ принад-

---

[1]) Объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 78 и 79 внизу. При этомъ, однако, объясн. записка оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, чѣмъ же должна руководствоваться судебная практика при засвидѣтельствованной составителями той-же записки невозможности извлечь изъ дѣйствующихъ законовъ какія либо руководящія по сему предмету начала?

лежащую ему по праву собственности землю изъ владѣнія того, за кѣмъ она утверждена въ порядкѣ межеванія.

Въ отношеніи *перваго* довода, что при генеральномъ межеваніи не производилось повѣрки права собственности владѣльца [1]), слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что доводъ этотъ непримѣнимъ къ межевымъ актамъ на земли, обмежеванныя по происходившимъ о нихъ при генеральномъ межеваніи спорамъ, такъ какъ разрѣшеніе возникавшихъ при генеральномъ межеваніи споровъ сопровождалось не только повѣркою правъ владѣльцевъ по крѣпостямъ, но даже ревизіею и редукціею, т. е. отрѣзкою въ казну оказавшихся въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ излишнихъ (примѣрныхъ) земель. Равнымъ образомъ и при спеціальномъ межеваніи до 1868 г. [2]) производилась повѣрка правъ владѣльцевъ дачи, подлежащей судебному или полюбовному спеціальному размежеванію, посредствомъ удостовѣренія, что въ размежеваніи этомъ участвуютъ всѣ владѣльцы, за которыми дача утверждена при генеральномъ межеваніи, или которые по произведенной публикаціи заявили о своихъ правахъ на участіе въ дачѣ (596, 655 и 937 ст. зак. меж., 755, 813 и 1145 изд. 1857 г.).

Далѣе, надлежитъ замѣтить, что со времени упраздненія въ 1775 г. Вотчинной Коллегіи у насъ вообще не существуетъ повѣрки принадлежности имѣнія тому лицу, отъ имени котораго совершенъ крѣпостной актъ. Относительно времени до

---

[1]) См. рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1887 г. № 43, 1878 г. № 99, 1875 г. № 1047, Курсъ К. Побѣдоносцева тамъ же, стр. 144, 694, 699, А. Маттель Суд. меж. разбирательство, стр. 122.

[2]) Объ измѣненіяхъ, которыя временныя правила 16 Января 1868 г. внесли въ порядокъ повѣрки правъ владѣльцевъ дачъ, подлежащихъ спеціальному размежеванію, см. ниже стр. 241.

введенія въ дѣйствіе Нотаріальнаго Положенія, это представляется безспорнымъ [1]. Но и по отношенію къ позднѣйшему времени положеніе это едва-ли можетъ быть оспариваемо, такъ какъ опытъ достаточно, кажется, убѣдилъ въ томъ, что требованіе вводнаго листа въ удостовѣреніе принадлежности имѣнія представляетъ собою одну лишь формальность, правда, крайне для сторонъ обременительную, но за всѣмъ тѣмъ нисколько не ограждающую заинтересованныхъ лицъ, а потому совершенно безцѣльную. Впрочемъ, въ самое послѣднее время, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ разъяснилъ [2], что для утвержденія актовъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ не обязательно представленіе вводнаго листа. Этимъ разъясненіемъ названный Департаментъ въ сущности возстановилъ порядокъ, существовавшій до изданія Нотаріальнаго Положенія, такъ какъ имъ не указанъ иной способъ, которымъ Старшій Нотаріусъ могъ-бы удостовѣриться въ принадлежности имѣнія тому лицу, отъ имени котораго совершается актъ, и нельзя требовать отъ Старшаго Нотаріуса, чтобы, въ случаѣ представленія ему крѣпостнаго акта въ удостовѣреніе принадлежности имѣнія, онъ предпринималъ отъ себя розысканіе съ цѣлью убѣдиться въ томъ, во 1-хъ, что изложенная въ крѣпостномъ актѣ сдѣлка получила на самомъ дѣлѣ осуществленіе, т. е. что продавецъ дѣйствительно владѣетъ отчуждаемымъ имѣніемъ, и, во 2-хъ, что составляющее предметъ сдѣлки имѣніе существуетъ въ натурѣ.

---

[1] Рѣш. Гр. Кас. Деп. 1887 г. № 34 по дѣлу Шимаева.

[2] Рѣшеніе Гр. Кас. Деп. за 1893 г. № 107 по дѣлу о разрѣшеніи вопроса о необходимости представленія вводныхъ листовъ при утвержденіи Старшими Нотаріусами актовъ объ отчужденіи и ограниченіи права собственности на недвижимыя имущества.

Изложенное приводитъ къ тому заключенію, что, отрицая, по вышеуказанной причинѣ, доказательную по дѣламъ вотчиннымъ силу за межевыми актами, пришлось бы также отрицать и доказательную силу всѣхъ вообще совершенныхъ у насъ послѣ 1775 г. крѣпостныхъ актовъ.

Но, независимо отъ приведеннаго соображенія, самое указаніе на отсутствіе при генеральномъ межеваніи повѣрки правъ владѣльцевъ едва-ли можетъ быть признано правильнымъ. При производствѣ генеральнаго межеванія не производилось повѣрки правъ владѣльцевъ собственно по отношенію къ казнѣ, такъ какъ уступка казною въ пользу спокойныхъ владѣльцевъ находившихся въ ихъ владѣніи примѣрныхъ земель составляетъ одно изъ основныхъ началъ генеральнаго межеванія. Что-же касается повѣрки правъ владѣльцевъ по отношенію къ другимъ частнымъ лицамъ, то таковая провѣрка заключалась въ удостовѣреніи, что, не смотря на произведенное при церквахъ оповѣщеніе о приступѣ къ межеванію, никѣмъ не заявлено было спора противъ правъ того владѣльца, котораго землемѣръ засталъ владѣльцемъ при вступленіи на земли подлежащаго обмежеванію селенія, или что хотя и заявленъ былъ споръ, но такимъ лицемъ, которое не имѣло владѣнія въ данной дачѣ и притязаніе котораго, поэтому, должно было быть признано голословнымъ, впредь до постановленія Вотчинною Коллегіею рѣшенія по означенному спору. По основной мысли Манифеста 19 Сентября 1765 г., кого землемѣръ засталъ спокойнымъ владѣльцемъ при обмежеваніи земель селенія, тотъ почитался собственникомъ, пока противное не будетъ доказано по спору лица, отыскивавшаго межуемое селеніе изъ чужаго владѣнія. Такая система отнюдь не составляетъ особенности нашего генеральнаго межеванія, ибо она усвоена

всѣми законодательствами, которымъ извѣстно юридическое межеванiе, не исключая законодательствъ самаго новѣйшаго времени. Не существуетъ, кажется, законодательства, которое въ порядкѣ государственнаго межеванiя записку имѣнiя за его владѣльцемъ поставило-бы въ безусловную зависимость отъ представленiя доказательствъ, удостовѣряющихъ прiобрѣтенiе имѣнiя однимъ изъ установленныхъ закономъ способовъ, и которое не довольствовалось бы, въ опредѣленныхъ случаяхъ, удостовѣренiемъ, что по произведенному вызову спора противъ утвержденiя имѣнiя за его владѣльцемъ заявлено не было. Тѣмъ не менѣе никогда, кажется, не возникало сомнѣнiя на счетъ того, что для лицъ, за которыми имѣнiе утверждено въ порядкѣ государственнаго межеванiя, сiе послѣднее замѣняетъ титулъ владѣнiя, т. е., выражаясь терминологiею нашихъ межевыхъ законовъ, ставится имъ въ крѣпость [1]).

Такимъ образомъ оказывается, что наше генеральное межеванiе въ сущности сопровождалось повѣркою правъ владѣльцевъ, причемъ различiе между генеральнымъ межеванiемъ и порядкомъ, дѣйствовавшимъ во время изданiя положенiя о немъ въ отношенiи совершенiя крѣпостей, сводится

---

[1]) Даже во Францiи, гдѣ кадастръ преслѣдуетъ исключительно фискальныя цѣли, при устройствѣ его имѣлось въ виду, что въ будущемъ онъ замѣнитъ титулъ владѣнiя при спорахъ о правѣ собственности (il peut et doit même nécessairement par la suite servir de titre en justice pour prouver la propriété (§ 1142 et 1143 du Récueil méthodique der lois etc. sur le cadastre de France).—По замѣчанiю комментатора Женевскаго закона о кадастрѣ 1841 г., Delapalud'a, ожиданiя составителей французскаго кадастра не оправдались, но только потому, что французскимъ законодателемъ не были приняты надлежащiя мѣры для привлеченiя заинтересованныхъ владѣльцевъ къ участiю въ производствѣ кадастра. См. Delapalud ibid pg. 193.

лишь къ тому, что поименованное межеваніе повѣрку посредствомъ справокъ съ разнаго рода реестрами и бумажными производствами замѣнило несравненно болѣе надежнымъ способомъ, именно удостовѣреніемъ, что лицо, за которымъ утверждается дача, спокойно владѣетъ ею на самомъ дѣлѣ и что противъ сего владѣнія спора никѣмъ не заявлено.

Второй доводъ, приводимый въ подтвержденіе того, будто межевые акты не могутъ служить доказательствомъ по вотчиннымъ дѣламъ, заключается въ томъ, что межевой актъ не лишаетъ дѣйствительнаго собственника права отыскивать имѣніе изъ неправильнаго владѣнія того лица, за кѣмъ оно утверждено по межеванію [1]), т. е. выражаясь словами ст. 6 гл. 9 Меж. Инстр., межеваніе не ставится въ крѣпость тому, чьи крѣпости будутъ по суду уничтожены. Однако изъ того, что въ указанномъ случаѣ законъ допускаетъ возможность опроверженія межеваго акта, едва-ли слѣдуетъ, чтобы за нимъ нельзя было признать силы доказательства, даже пока онъ не опровергнутъ. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ [2]), напримѣръ, разъяснилъ, что выданная государственнымъ крестьянамъ владѣнная запись составляетъ, доколѣ противное не будетъ доказано, предустановленное закономъ доказательство принадлежности вошедшихъ въ запись земель. Далѣе, тотъ же Департаментъ разъяснилъ, что городскіе планы, въ противуположность планамъ генеральнаго межеванія, не составляютъ неопровержимаго доказательства пространства и границъ владѣнія. Изъ

---

[1]) Курсъ К. Побѣдоносцева, стр. 144, 694, 699.
[2]) 1887 г. № 43 по дѣлу Самарской Казенной Палаты.

означенныхъ рѣшеній нельзя, однако, вывести заключеніе, что владѣнныя записи и городскіе планы, сами по себѣ, лишены силы доказательства права собственности. Подобное мнѣніе имѣетъ въ основѣ смѣшеніе понятія доказательства вообще съ одной стороны и неопровержимаго доказательства съ другой. Какъ извѣстно, теорія различаетъ доказательства, устанавливающія законное предположеніе, могущее подлежать опроверженію (praesumtio juris), и доказательства, устанавливающія предположеніе, не допускающее опроверженія (praesumtio juris et de jure). Составители положенія о генеральномъ межеваніи присвоили межевымъ актамъ различную доказательную силу по спорамъ: а) о цѣлыхъ дачахъ и б) о частяхъ дачи. По первымъ межевой актъ составляетъ опровержимое, а по вторымъ неопровержимое доказательство. Въ главѣ I, при разборѣ взгляда Курса К. П. Побѣдоносцева, было упомянуто, что такое различіе доказательной силы межевыхъ актовъ въ зависимости отъ того, идетъ ли споръ о цѣлой дачѣ, или о части оной, вовсе не вытекаетъ изъ самаго понятія межеванія, а составляетъ исторически сложившуюся особенность нашего генеральнаго межеванія [1]). Къ изложеннымъ въ указанномъ мѣстѣ соображеніямъ остается лишь добавить, что особенность разсматриваемаго правила законовъ о генеральномъ межеваніи заключается собственно въ томъ, что отводъ границъ, сдѣланный лицомъ, которое впослѣдствіи оказалось не собственникомъ, признается обязательнымъ для дѣйствительнаго собственника и тѣмъ самымъ сей послѣдній ограничивается въ осуществленіи принадлежащей ему, въ качествѣ собственника, власти отыскивать изъ чужаго владѣнія тѣ земли, ко-

---

[1]) См. стр. 43.

торыя при межеваніи могли быть неправильно уступлены смежному владѣльцу. Но въ этомъ постановленіи межевыхъ законовъ нельзя усматривать ничего ненормальнаго, несогласнаго съ общими началами гражданскаго права. Нашему гражданскому праву извѣстны еще другіе случаи, когда для собственника признаются обязательными дѣйствія, совершенныя несобственникомъ. Сюда, напримѣръ, относится ст. 1301 1 ч. X т., на основаніи которой продажа, учиненная наслѣдникомъ по закону, признается дѣйствительною, хотя бы впослѣдствіи оказалось, что проданное имѣніе принадлежитъ не ему, а наслѣднику по завѣщанію. Далѣе, указанное постановленіе оправдывается еще тѣмъ, что межеванію предшествовалъ вызовъ заинтересованныхъ лицъ и что, если отводъ границъ произведенъ въ ущербъ правамъ дѣйствительнаго собственника, то послѣдній «неявкою своею и неприсылкою повѣреннаго самъ тому причиною» (ст. 54 Инстр. землемѣрамъ 13 февр. 1766 г.).

Сказанное достаточно, кажется, убѣждаетъ въ томъ, что, если наши законы присваиваютъ межевымъ актамъ силу непоколебимости въ спорахъ о частяхъ дачи, то изъ этого нисколько нельзя сдѣлать вывода, будто въ спорахъ не о частяхъ дачи, а о цѣлыхъ дачахъ межевые акты вовсе лишены силы доказательства.

Третій доводъ, приводимый въ подкрѣпленіе того, что межевые акты не могутъ быть принимаемы въ доказательство по спорамъ о вотчинномъ правѣ, заключается въ томъ, что генеральное межеваніе пріурочиваетъ лишь земли къ селенію, а не селеніе къ лицу владѣльца [1]).

---

[1]) Рѣш. Гр. Кас. Деп. 1878 г., № 99 по дѣлу Графа Чернышева-Кругликова и 1887 г. № 43 по дѣлу Самарской Казенной Палаты, Курсъ К. Побѣдоносцева стр. 694.

Доводъ этотъ разобранъ выше въ главѣ I, въ которой выяснено, что генеральное межеваніе имѣло цѣлью утверждать земли за владѣльцами, а вовсе не къ селеніямъ, т. е. имѣло дѣло съ вотчинными, а не съ территоріальными единицами, и что словами: «земли межуются къ селеніямъ, а не къ владѣльцамъ» составители положеній о генеральномъ межеваніи желали выразить совершенно иную мысль, а именно, что, въ противуположность Инструкціи 1754 г., генеральное межеваніе укрѣпляетъ селенія за ихъ владѣльцами не навсегда и не непоколебимо, а потому утвержденіе селенія по генеральному межеванію за его владѣльцемъ, вообще, не ограждаетъ послѣдняго отъ виндикаціоннаго иска со стороны того, кто крѣпостями можетъ удостовѣрить свое право собственности на селеніе. Такимъ образомъ ясно, что разсматриваемый доводъ служитъ подтвержденіемъ лишь того, что по спорамъ о цѣлыхъ дачахъ генеральное межеваніе не имѣетъ силы непоколебимой крѣпости, т. е. судебнаго рѣшенія, вступившаго въ законную силу, но доводъ этотъ нисколько не подтверждаетъ того, будто межевые акты вовсе не могутъ служить доказательствомъ права собственности на цѣлыя дачи.

Четвертый доводъ заключается въ ссылкѣ на указъ Сената 28 Октября 1780 г., согласно которому межеваніе дачь не отмѣняетъ и не утверждаетъ [1]). Выше, при разборѣ взгляда Курса К. Побѣдоносцева, было объяснено [2]), что приведенныя слова указа 28 Окт. 1780 г., разсмотрѣнныя въ связи съ остальнымъ содержаніемъ того пункта онаго, изъ

---

[1]) Курсъ К. Побѣдоносцева стр. 699, объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 72, мнѣніе большинства членовъ Государственнаго Совѣта по дѣлу Кохановой (см. ниже стр. 170).

[2]) См. выше стр. 51.

котораго они заимствованы, служатъ къ подтвержденію скорѣе противуположнаго положенія, а именно, что межеваніе принимается въ доказательство принадлежности селенія тому, за кѣмъ оно утверждено по межеванію.

Пятый доводъ заключается въ указаніи, что рѣшеніе, постановленное по межевому спору, не предрѣшаетъ спора о вотчинномъ правѣ [1]). Для правильной оцѣнки этого довода необходимо предварительно опредѣлить, что въ немъ разумѣется подъ межевымъ споромъ, противуполагаемымъ спору о правѣ собственности? По неоднократнымъ разъясненіямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, межевой споръ имѣетъ предметомъ опредѣленіе мѣстности, пространства и границъ владѣнія [2]). По поводу такого опредѣленія понятія межеваго спора слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что слова «мѣстность и пространство» могутъ быть откинуты, такъ какъ границами владѣнія опредѣляется также мѣстность и пространство владѣнія. Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что споръ о границѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ споръ о правѣ собственности на участокъ земли, заключающійся между отводами состоящихъ въ спорѣ смежныхъ владѣльцевъ. Отсюда ясно, что спору о границѣ слѣдуетъ противупоставлять не споръ о правѣ собственности вообще, а споръ о правѣ собственности на цѣлое имѣніе, т. е. такой споръ,

---

[1]) Курсъ К. Побѣдоносцева, стр. 144, 694, 699, ср. также отзывъ Оберъ-Прокурора Свят. Синода (Отзывы стр. 26).

[2]) Гр. Кас. Деп. 1875 г. № 1047 по д. Дехановой, 1878 г. № 99 по д. Графа Чернышева-Кругликова, 1879 г. № 195 по дѣлу Перекопской городской управы, 1881 г. № 123 по дѣлу Рязанскаго Богословскаго монастыря, 1887 г. № 43 по дѣлу Самарской Казенной Палаты, 1890 г: № 1 по дѣлу графини Дюркгеймъ.

который имѣетъ предметомъ правооснованіе пріобрѣтенія права собственности на цѣлое имѣніе (крѣпость, титулъ).

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что споры о границахъ бываютъ двухъ родовъ: въ нихъ можетъ возникать споръ о томъ, къ составу какого изъ смежныхъ имѣній принадлежитъ спорный участокъ, безъ различія, кто состоитъ собственникомъ того или другаго изъ имѣній, между которыми происходитъ споръ. Но въ спорѣ о границѣ можетъ также возникать вопросъ о томъ, принадлежитъ-ли спорный участокъ тому или другому изъ спорящихъ владѣльцевъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, кому изъ спорящихъ владѣльцевъ назначенъ спорный участокъ по раздѣльной записи; слѣдуетъ-ли спорный участокъ признать собственностью того, за кѣмъ онъ значится по крѣпостямъ, или же того, кто ссылается на давность владѣнія онымъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ споръ о границахъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ споръ о правооснованіи пріобрѣтенія права собственности (крѣпости, титулѣ). Ясно, что споры о границахъ этого послѣдняго рода не могутъ быть противупоставлены спорамъ о правооснованіи пріобрѣтенія права собственности на цѣлое имѣніе, ибо, по своему юридическому характеру, тѣ и другіе споры совершенно тождественны между собою. Изложенное приводитъ къ тому заключенію, что подъ межевымъ споромъ, противуполагаемымъ спору о правѣ собственности, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ разумѣетъ не всякій вообще споръ о границѣ, т. е. о части имѣнія, а лишь такой споръ о части имѣнія, гдѣ идетъ вопросъ о пріуроченіи спорнаго участка къ составу того или другаго имѣнія, безразлично къ тому, кому принадлежатъ самыя имѣнія. Изъ сего явствуетъ, что въ основѣ разсматриваемаго вывода лежитъ взглядъ, совер-

шенно тождественный съ таковымъ Курса К. Побѣдоносцева, усматривающаго различіе между межевымъ и вотчиннымъ дѣломъ въ томъ именно, что первымъ разрѣшается вопросъ, гдѣ лежитъ мое и твое, а вторымъ—вопросъ, что принадлежитъ мнѣ или тебѣ. Понимая въ такомъ смыслѣ различіе между межевымъ и вотчиннымъ споромъ, можно дѣйствительно сказать, что межевой споръ не предрѣшаетъ вотчиннаго спора, ибо въ томъ и другомъ разрѣшаются совершенно различные юридическіе вопросы, а по основнымъ началамъ гражданскаго процесса рѣшеніе имѣетъ обязательную силу лишь въ отношеніи спора, предъявленнаго о томъ же предметѣ и на томъ же основаніи (ст. 895 уст. суд.). Но, какъ уже было объяснено при разборѣ Курса К. Побѣдоносцева, нашему межевому законодательству вполнѣ чуждо такое различіе межеваго и вотчиннаго спора. Къ сказанному тамъ, не лишне будетъ привести еще нижеслѣдующія соображенія.

Вопросъ о томъ, что разумѣетъ наше межевое законодательство подъ межевымъ споромъ, подлежащимъ разрѣшенію въ особенномъ, установленномъ межевыми законами порядкѣ, долженъ быть разсмотрѣнъ особо по отношенію къ генеральному, и особо по отношенію къ спеціальному межеванію.

По системѣ генеральнаго межеванія, возникающіе при ономъ споры подлежатъ производству въ общемъ, либо въ межевомъ порядкѣ, т. е. споры эти отнесены къ вѣдомству Вотчинной Коллегіи, либо межевыхъ судовъ, въ зависимости отъ того, кѣмъ они заявлены: лицомъ, владѣющимъ межуемымъ селеніемъ, или же лицомъ, не имѣющимъ владѣнія въ ономъ и отыскивающимъ селеніе изъ чужаго владѣнія. Что, по смыслу законоположеній о генеральномъ межеваніи,

вотчиннымъ споромъ долженъ почитаться всякій споръ, предъявленный дѣйствительнымъ владѣльцемъ, а межевымъ споромъ—таковой, который предъявленъ лицомъ, не имѣющимъ владѣнія, явствуетъ изъ многихъ постановленій межевыхъ законовъ, изъ числа которыхъ достаточно указать здѣсь: а) ст. 5 гл. 9 Меж. Инстр., въ которой сказано, что разсмотрѣніе по спорамъ о крѣпостяхъ и дачахъ цѣлаго владѣнія оставляется на установленныхъ общихъ государственныхъ законахъ учрежденнымъ на то обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ, и б) сенатскій указъ 31 Мая 1820 г. о порядкѣ производства дѣлъ объ отдѣленіи земель дворянскихъ отъ однодворческихъ [1]), въ которомъ сказано «предписать къ повсемѣстному исполненію, чтобы Уѣздные Суды отнюдь не принимали къ сужденію такія крѣпости, по коимъ нѣтъ владѣнія, ибо по закону должно о семъ искъ вести особо,а не по случаю отдѣленія, *которое для однихъ дѣйствительно владѣющихъ предписано*» [2]).

Изъ сказаннаго обнаруживается, что, по терминологіи узаконеній о генеральномъ межеваніи, подъ межевымъ споромъ слѣдуетъ разумѣть споръ, заявляемый при межеваніи лицомъ, владѣющимъ межуемымъ селеніемъ, деревнею или пустошью, вслѣдствіе чего понятіе межеваго спора обнимаетъ собою всякій споръ о части селенія, деревни и пустоши, безъ различія, идетъ ли онъ о границахъ въ тѣсномъ смыслѣ,

---

[1]) П. С. З. № 28296.

[2]) Указъ этотъ вошелъ въ 940 ст. зак. меж. (по Свод. зак. изд. 1857 г. т. X ч. 2 зак. суд. гр. ст. 855 п.4 и изд. 1876 г. ст. 663 п. 4) съ пропускомъ подчеркнутыхъ словъ и хотя онъ послѣдовалъ по дѣлу объ отдѣленіи земель, но примѣнимъ ко всѣмъ дѣламъ о генеральномъ межеваніи, такъ какъ установленный закономъ особый порядокъ отдѣленія земель представляетъ собою не что иное, какъ особый видъ государственнаго межеванія (см. ниже стр. 260).

т. е. о принадлежности спорной земли къ составу селенія, или о правооснованіи пріобрѣтенія спорной земли. По смыслу законоположеній о генеральномъ межеваніи, слѣдуетъ считать межевымъ, т. е. граничнымъ споромъ, напримѣръ, споръ такого лица, которое, владѣя въ селеніи лишь одною десятиною, требуетъ признанія за нимъ права на 1000 десятинъ, или такой споръ о части селенія, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ толкованія смысла купчей или раздѣльной записи. Ясно, что въ этихъ случаяхъ о граничномъ спорѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова не можетъ быть рѣчи и что поэтому въ системѣ генеральнаго межеванія было-бы правильнѣе выраженіе граничный споръ замѣнить выраженіемъ споръ не о цѣлой дачѣ, а о части ея. Такъ и поступила, напримѣръ, Инструкція 1754 г., въ которой (гл. 4 ст. 3) сказано: «а ежели учинится споръ не въ цѣлыхъ пустошахъ и въ другихъ угодьяхъ, но въ нѣкоторой части изъ оныхъ». Въ законоположеніяхъ о генеральномъ межеваніи хотя и встрѣчается выраженіе «споръ о землянныхъ границахъ», но при этомъ весьма ясно выражено, что подъ споромъ о границахъ слѣдуетъ разумѣть всякій споръ, имѣющій предметомъ не цѣлое селеніе, а «принадлежащія къ селеніямъ и пустошамъ земли» [1].

Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ порядкѣ межевомъ иногда разрѣшаются споры о цѣломъ имѣніи, а именно, когда споръ происходитъ одновременно какъ о границахъ,

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ употребляемыхъ въ законоположеніяхъ о генеральномъ межеваніи выраженій для опредѣленія значенія граничныхъ споровъ: «единственно въ землянныхъ своихъ границахъ, а отнюдь не во владѣніи тѣми селами» (п. 8 генер. пр.), «въ границахъ только своихъ земель, а не во владѣніи своихъ недвижимыхъ имѣній» (п. 27 генер. пр.), «споры единственно въ земляхъ, принадлежащихъ къ селеніямъ и пустошамъ, а не въ цѣлыхъ селеніяхъ и пустошахъ» (Меж. Инстр. глава 23 ст. 10).

такъ и о правоосновании (ст. 50 зак. меж., 58 ст. изд. 1857 г.).

Такимъ образомъ оказывается, что въ системѣ генеральнаго межеванія понятіе межеваго спора имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое придаютъ ему у насъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ и доктрина, ибо понятіе это обнимаетъ собою всѣ безъ исключенія споры о правѣ собственности на подлежащее обмежеванію имѣніе, могущіе быть предметомъ и вотчиннаго спора.

Изложенное относится къ спорамъ, возникшимъ при генеральномъ межеваніи, по отношенію къ которымъ, какъ объяснено выше, межевой споръ иногда не предрѣшаетъ вотчиннаго спора. О спеціальномъ же межеваніи даже и этого сказать нельзя. Касательно возникающихъ при семъ послѣднемъ межеваніи споровъ вѣрнѣе будетъ сказать, что межевой споръ всегда предрѣшаетъ вотчинный. Спеціальное межеваніе имѣетъ цѣлью: а) опредѣлить по крѣпостямъ долю участія въ разнопомѣстной дачѣ лицъ, владѣнія которыхъ при генеральномъ межеваніи были замежеваны въ общую дачу, и б) свести земли къ однимъ мѣстамъ, т. е. произвести понудительный обмѣнъ земель. Здѣсь спорамъ о границахъ въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову, уже совершенно нѣтъ мѣста, такъ какъ тутъ собственно споръ о границахъ никогда не разрѣшается и, слѣдовательно, постановленное въ межевомъ порядкѣ рѣшеніе всегда предрѣшаетъ вотчинный споръ.

Такимъ образомъ, нельзя не прійти къ тому выводу, что: а) постановленное по возникшему при генеральномъ межеваніи спору рѣшеніе предрѣшаетъ или не предрѣшаетъ вотчиннаго спора, т. е. преграждаетъ возможность предъявленія въ вотчинномъ порядкѣ спора о томъ-же предметѣ или не

преграждаетъ,—въ зависимости отъ свойства и основанія спора, и б) постановленное по возникшему при спеціальномъ межеваніи спору рѣшеніе всегда предрѣшаетъ вотчинный споръ.

Наконецъ, *послѣдній* изъ вышеуказанныхъ доводовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе того, что межеваніе не ставится въ крѣпость,заключается въ томъ, что пропущенное въ картушѣ плана генеральнаго межеванія лицо вправѣ въ вотчинномъ порядкѣ требовать признанія за нимъ права собственности на принадлежащія ему по крѣпостямъ земли.

Въ отношеніи этого довода слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что лицо, считающее за собою право на цѣлое селеніе или на долю въ цѣломъ селеніи, если оно не заявило о своихъ правахъ при генеральномъ межеваніи и объ оныхъ не состоялось тогда-же судебнаго рѣшенія, въ правѣ отыскивать свою собственность изъ чужаго владѣнія, не стѣсняясь тѣмъ, что оно пропущено въ картушѣ плана, т. е., не взирая на то, что селеніе по межеванію было утверждено за другимъ лицомъ. Это слѣдуетъ изъ того, что, какъ объяснено выше, въ отношеніи укрѣпленія цѣлыхъ селеній за ихъ владѣльцами межеваніе не пользуется силою непоколебимости. Но совершенно въ другомъ видѣ представляется вопросъ о правѣ пропущеннаго въ картушѣ плана лица отыскивать въ вотчинномъ порядкѣ *часть* принадлежащихъ къ селенію земель. Если лицо это было пропущено въ картушѣ плана потому, что при генеральномъ межеваніи въ его притязаніяхъ на спорную землю было отказано, то искъ его не подлежитъ удовлетворенію въ вотчинномъ порядкѣ на основаніи общаго правила о законной силѣ судебныхъ рѣшеній; если же оно было пропущено въ картушѣ вслѣдствіе того, что по произведеннымъ о генеральномъ межеваніи

публикаціямъ оно своевременно не явилось къ землемѣру, то ему слѣдуетъ отказать въ искѣ потому, что таковой имѣетъ предметомъ требованіе перемежеванія, которое должно быть отвергнуто по точной силѣ 301 ст. зак. меж. (ст. 395 изд. 1857 г.). Притомъ необходимо имѣть въ виду, къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ привело-бы признаніе за пропущеннымъ въ картушѣ лицомъ права отыскивать въ вотчинномъ порядкѣ утвержденную по межеванію за другимъ лицомъ часть обмежеваннаго селенія. Если предметомъ вотчиннаго спора служитъ участокъ, принадлежащій къ однопомѣстному селенію, то признаніе подобнаго права за пропущеннымъ въ картушѣ лицомъ, не вызывало-бы особыхъ неудобствъ. Но предметомъ спора можетъ также служить часть разнопомѣстнаго селенія, наличные владѣльцы котораго полюбовно развели между собою земли онаго (ст. 311 и 312 зак. меж. 408 и 409 изд. 1857 г.). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ признаніе означеннаго права за лицомъ, неявившимся къ землемѣру и которое вслѣдствіе того было пропущено въ картушѣ плана, имѣло-бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ колебаніе правъ всѣхъ безъ исключенія владѣльцевъ дачи и необходимость приступить поэтому къ новому размежеванію. Если же при этомъ въ картушѣ плана пропущенъ былъ не одинъ, а много владѣльцевъ, то необходимость въ такомъ перемежеваніи можетъ повторяться неоднократно.

Нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить разрѣшенное Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ дѣло Селиверстова [1]. По этому дѣлу отвѣтчица Горшенкова, не значившаяся на планѣ совладѣлицею общей

---

[1]) Рѣш. Гр. Кас. Деп. 1879 г. № 313.

дачи, искъ Селиверстова объ изъятіи изъ ея владѣнія земель, принадлежащихъ къ составу участка, назначеннаго ему по размежеванію общей дачи,—опровергала ссылкою на крѣпостные акты и на спокойное владѣніе въ продолженіи 40 лѣтъ. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ искъ Селиверстова подлежащимъ удовлетворенію. Если-бы онъ поступилъ иначе, то очевидно, что лишеніе Селиверстова части назначенныхъ ему по размежеванію дачи земель вызвало было съ его стороны требованіе о восполненіи оказавшагося у него недостатка земли противъ причитающагося ему по крѣпостямъ количества и о разложеніи этого недостатка на всѣхъ остальныхъ совладѣльцевъ дачи и такимъ образомъ явилась бы необходимость въ уничтоженіи произведеннаго размежеванія и производства новаго. Между тѣмъ, если придерживаться мнѣнія, что лицо, не означенное въ картушѣ плана (само или въ лицѣ его праводателя, 944 ст. прим. зак. меж., 1151 ст. прим. изд. 1857 г.), не лишается права собственности на участіе въ дачѣ, то слѣдовало бы отказать въ искѣ Селиверстова. Хотя вообще Гражданскій Кассаціонный Департаментъ вполнѣ усвоилъ себѣ опровергнутое выше мнѣніе о различіи вотчиннаго и межеваго права и хотя признаніе, что пропускъ въ картушѣ плана не пресѣкаетъ вотчиннаго права, есть логическій и неизбѣжный выводъ изъ этого мнѣнія и въ этомъ выводѣ заключается все практическое значеніе означеннаго мнѣнія, тѣмъ не менѣе въ приведенномъ рѣшеніи Гражданскій Кассаціонный Департаментъ отступилъ отъ этого мнѣнія. Такимъ образомъ самъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ отказался отъ примѣненія на практикѣ высказаннаго имъ во многихъ рѣшеніяхъ положенія, что въ порядкѣ межевомъ не рѣшается вопросъ о правѣ собственности.

Подтвержденіемъ того, что пропущенное въ картушѣ плана лицо лишается права отыскивать въ вотчинномъ порядкѣ принадлежащую ему часть земель обмежеваннаго селенія, могутъ служить еще нижеслѣдующіе доводы.

1) Мнѣніе, что пропускъ въ картушѣ плана не пресѣкаетъ права собственности, едва-ли можетъ быть согласовано съ правилами ст. 539 и 724 зак. меж. (684 и 883 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которыхъ «каждый, получа межевой актъ, можетъ оставаться въ твердой надеждѣ, что владѣніе его, утвержденное симъ государственнымъ актомъ, никакой перемѣнѣ подвержено не будетъ» и «межевой актъ долженъ служить на будущее время несомнѣннымъ и непоколебимымъ доказательствомъ владѣнія всѣми землями, кои къ которому селенію или пустоши примежеваны».

2) Межевые законы (673, 831 ст. изд. 1857 г.) вмѣняютъ землемѣру въ обязанность составить и предъявить заспорившимъ владѣльцамъ расчетъ, сколько они по причинѣ споровъ своихъ должны лишаться примѣрной земли. Такимъ образомъ, законъ имѣлъ въ виду полюбовно разведшимся владѣльцамъ обезпечить право на всѣ, обнаруженныя во время генеральнаго межеванія, примѣрныя земли. Между тѣмъ, очевидно, что если за лицами, не заявившими во время генеральнаго межеванія о своихъ правахъ на части земель межуемаго селенія, признавать право отыскивать въ вотчинномъ порядкѣ принадлежащія имъ земли, то предъявляемый наличнымъ владѣльцамъ расчетъ количества примѣрныхъ земель могъ бы оказаться невѣрнымъ и вслѣдствіе сего потерялъ бы всякое практическое значеніе.

3) Всякое сомнѣніе въ томъ, что пропущенное въ картушѣ плана лицо лишается права на могущую принадлежать ему по крѣпостямъ часть земель обмежеваннаго селенія, устра-

няется, казалось бы, ст. 944 п. 1 зак. меж. (ст. 1151 п. 1 изд. 1857 г.), въ которой прямо выражено, что въ порядкѣ спеціальнаго межеванія не пріемлются къ разсмотрѣнію суда писцовыя книги и крѣпостные акты отъ владѣльцевъ, не показанныхъ при генеральномъ межеваніи на планѣ дачниками. Предполагать, что законодатель этимъ правиломъ имѣлъ въ виду лишь устранить названныхъ лицъ отъ участія собственно въ межевомъ производствѣ, нельзя уже потому, что все межевое производство оказалось бы совершенно безцѣльнымъ, если бы устраненное отъ участія въ немъ лицо имѣло право въ вотчинномъ порядкѣ требовать уничтоженія межеваго производства на томъ основаніи, что производство это нарушаетъ его право.

4) По межевымъ законамъ, если спеціальное межеваніе производится полюбовно, то слѣдуетъ, предварительно утвержденія полюбовной сказки, удостовѣриться въ томъ, что всѣ владѣльцы общей дачи согласны на размежеваніе (ст. 596 зак. меж., 755 ст. изд. 1857 г.), а если спеціальное размежеваніе производится судомъ, то владѣльцамъ дачи, которая подлежитъ судебно-межевому разбирательству, посылаются повѣстки о представленіи крѣпости въ назначенный срокъ, и, по истеченіи сего срока, отъ нихъ крѣпости болѣе не принимаются (ст. 937 и 939 зак. меж., 1145 и 1147 ст. изд. 1857 г.). Если бы владѣльцами въ общей дачѣ, т. е. лицами, имѣющими участіе въ ней на правѣ собственности, могли считаться и такія лица, которыя не значатся на планѣ (сами или въ лицѣ ихъ праводателей), то а) при полюбовномъ межеваніи учрежденіе, утверждающее полюбовную сказку, было бы лишено возможности исполнить требованіе закона о повѣркѣ, всѣ ли владѣльцы общей дачи согласились на размежеваніе, ибо иного способа, кромѣ

производства повѣрки по картушу плана, для этого не существуетъ и б) при судебномъ размежеваніи оказалось бы, что лица, значащіяся на планѣ, поставлены въ худшее положеніе, чѣмъ лица, не означенныя на немъ владѣльцами, ибо, въ случаѣ неявки къ размежеванію, первыя лишились бы права на участіе въ дачѣ, а вторыя—сохранили бы возможность осуществить свое право особо отъ межеваго производства, въ вотчинномъ порядкѣ.

Вышеизложенное приводитъ къ тому заключенію, что предметомъ спора въ вотчинномъ порядкѣ можетъ быть лишь право на цѣлое обмежеванное селеніе или на долю въ немъ, но не на часть пріуроченной къ нему земли. Такое заключеніе, однако, находится въ полномъ противорѣчіи съ Курсомъ К. Побѣдоносцева, по мнѣнію котораго владѣлецъ, не показанный на планѣ генеральнаго межеванія, не лишается права въ вотчинномъ порядкѣ осуществить свое право собственности на принадлежащія ему земли въ обмежеванной дачѣ [1]). Мнѣніе это, какъ объяснено выше, совершенно вѣрно, если споръ идетъ о правѣ на земли цѣлаго селенія. Но въ примѣненіи къ частямъ этихъ земель мнѣніе это не можетъ быть признано правильнымъ. Всѣ соображенія, приведенныя въ подтвержденіе таковаго, сводятся въ сущности къ ссылкѣ на: а) ст. 945 зак. меж. (1152 ст. изд. 1857 г.) и б) Выс. утв. 1 Дек. 1828 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта [2]).

Что касается ст. 945 зак. меж., по силѣ которой въ межевомъ порядкѣ разсматриваются лишь тѣ, возникающіе при спеціальномъ межеваніи споры, которые имѣютъ пред-

---

[1]) Курсъ I 4 изд. (1892 г.) стр. 694—697, 701.

[2]) П. С. З. № 2474.

метомъ опредѣленіе права и степени участія владѣльцевъ въ общей дачѣ, тогда какъ споръ о вотчинномъ и наслѣдственномъ правѣ разрѣшается отдѣльно въ общемъ порядкѣ судопроизводства, то статью эту необходимо толковать въ связи съ предыдущею ст. 944 зак. меж., на основаніи которой къ участію въ спеціальномъ межеваніи вовсе не допускаются лица, не показанныя на планѣ генеральнаго межеванія дачниками. Смыслъ 945 ст. зак. меж., въ связи съ 944 ст., заключается въ томъ, что въ межевомъ порядкѣ разсматриваются лишь взаимные споры, заявленные лицами, имѣющими владѣніе въ общей дачѣ, а въ общемъ порядкѣ—споры, заявленныя лицами, вовсе въ ней владѣнія не имѣющими. Такимъ образомъ здѣсь законодатель проводитъ то самое различіе, которое легло въ основаніе принятой имъ системы раздвоенія подсудности возникающихъ при генеральномъ межеваніи споровъ: споры наличныхъ владѣльцевъ разсматриваются въ межевомъ порядкѣ, а лица, не имѣющія владѣнія, т. е. отыскивающія долю участія, какая въ общей дачѣ причитается тому владѣльцу, противъ котораго заявленъ споръ, отсылаются въ вотчинный судъ. Подъ споромъ о вотчинномъ или наслѣдственномъ правѣ ст. 945 разумѣетъ споръ о правоосновании участія въ общей дачѣ, а не о правѣ собственности на часть принадлежащихъ къ общей дачѣ земель. По смыслу означенной статьи, разсматриваются: а) въ межевомъ порядкѣ—споры значащихся въ картушѣ плана владѣльцевъ между собою о размѣрѣ участія каждаго изъ нихъ въ общей дачѣ, и б) въ вотчинномъ порядкѣ—споры названныхъ лицъ о правоосновании пріобрѣтенія ими участія въ общей дачѣ, какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами. Статья 945 зак. меж. не предусматриваетъ и не допускаетъ вовсе иска посторонняго лица о

признаніи его участникомъ въ общей дачѣ не на вотчинномъ или наслѣдственномъ правѣ, т. е. не взамѣнъ одного изъ значащихся въ картушѣ плана владѣльцевъ, а на самостоятельномъ правѣ, напримѣръ, на томъ основаніи, что до генеральнаго межеванія, кромѣ значащихся въ картушѣ владѣльцевъ, имѣлъ участіе въ разнопомѣстномъ селеніи и онъ, истецъ, или, что послѣ генеральнаго межеванія онъ, истецъ, въ общей дачѣ пріобрѣлъ участокъ посредствомъ давности владѣнія.

Въ правильности такого толкованія ст. 945 зак. меж. убѣждаютъ также послужившіе ей основаніемъ мотивы. Изложенное въ этой статьѣ правило составителями закона 30 Декабря 1853 г. о судебно-межевомъ разбирательствѣ заимствовано (съ несущественными редакціонными измѣненіями [1]) изъ ст. 46 составленнаго Центральнымъ Комите-

[1]) Измѣненія эти заключались: а) въ добавленіи словъ: «между владѣльцами размежевываемой общей дачи», и б) въ исключеніи слѣдовавшихъ за словами «о вотчинномъ или наслѣдственномъ правѣ» словъ «равно о принадлежности цѣлыхъ участковъ тому или другому изъ участвующихъ владѣльцевъ». См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 13.

Второе изъ указанныхъ измѣненій должно быть признано правильнымъ, такъ какъ безразлично, идетъ-ли между участвующими въ спеціальномъ межеваніи лицами споръ о количествѣ причитающихся имъ по крѣпостямъ четвертей или о цѣломъ, обособленномъ участкѣ, входящемъ въ составъ общей дачи. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ споръ не можетъ быть выдѣленъ изъ судебно-межеваго разбирательства, и слѣдовательно, долженъ получить разрѣшеніе въ порядкѣ межевомъ, а не вотчинномъ.

Что-же касается перваго изъ указанныхъ измѣненій, то врядъ-ли оно можетъ быть признано правильнымъ. Нельзя, напримѣръ, въ межевомъ порядкѣ опредѣлить количество причитающагося кому либо изъ владѣльцевъ общей дачи четвертей, пока въ вотчинномъ порядкѣ производится и еще не получило окончанія дѣло по спору о дѣйствительности представленной имъ крѣпости. Здѣсь не остается другаго средства какъ либо пріостановить

томъ проекта правилъ государственнаго специальнаго межеванія [1]). Въ мотивахъ къ этому проекту по поводу означенной (46) статьи объяснено, что «дабы содѣйствовать елико возможно большему успѣху специальнаго межеванія, Комитетъ (§ 46) полагаетъ, чтобы и возникающіе при семъ межеваніи споры о вотчинномъ или наслѣдственномъ правѣ, а также и о принадлежности цѣлыхъ участковъ, которые подлежать должны отдѣльному разрѣшенію, на основаніи общихъ узаконеній, не препятствовали и не останавливали ни въ какомъ случаѣ размежеванія общей дачи, ибо разрѣшеніе впослѣдствіи правъ владѣльцевъ судебнымъ порядкомъ укажетъ только владѣльца, кому какая часть земли принадлежать можетъ, а не границы, отдѣляющія владѣнія каждаго къ однимъ мѣстамъ». Изъ приведенныхъ соображеній явствуетъ, что ст. 945 зак. меж. имѣетъ исключительною цѣлью выдѣлить изъ межеваго производства такіе споры, разрѣшеніе которыхъ не можетъ вліять собственно на размежеваніе, и что составители означенной статьи были далеки отъ мысли признавать *за посторонними лицами*, т. е. за такими, которыя сами или въ лицѣ ихъ праводателей не значатся въ картушѣ плана, право колебать въ вотчинномъ порядкѣ произведенный въ межевомъ разводѣ земель общей дачи между соучастниками, показанными въ картушѣ плана.

Совершенно согласный съ изложенными соображеніями взглядъ на смыслъ ст. 945 зак. меж. (1152 ст. изд.

межевое производство до разрѣшенія возникшаго спора, либо подвергнуть разрѣшенію возникшій споръ въ межевомъ порядкѣ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, Положеніе о размежеваніи Закавказскаго края, ст. 88 и 127.

[1]) См. объясн. записку къ пр. меж. уст. стр. 11.

1857 г.) высказалъ также Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ приведенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Селиверстова [1]), въ которомъ призналъ, что ст. 1152 зак. меж. не освобождала Горшенкову отъ обязанности представить свои крѣпости къ производившемуся въ межевомъ порядкѣ дѣлу о размежеваніи, такъ какъ названная статья относится исключительно къ такимъ спорамъ, которыя возникаютъ особо, не препятствуя судебно-межевому разбирательству. Рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Селиверстова вызываетъ возраженіе лишь въ томъ отношеніи, что данное въ немъ разъясненіе страдаетъ неполнотою, ибо оставляетъ открытымъ весьма существенный вопросъ: какимъ образомъ, безъ явнаго нарушенія справедливости, Горшенкова могла быть признана лишившеюся права участія въ дачѣ въ силу рѣшенія, постановленнаго по дѣлу, къ участію въ которомъ она не была привлечена установленнымъ порядкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ ст. 2 Отд. II закона 8 Января 1836 г. о предуготовительныхъ мѣрахъ къ спеціальному межеванію [2]) и ст. 7 Инструкціи 21 Іюня 1839 г. для руководства при производствѣ спеціальнаго межеванія [3]), вошедшая въ ст. 638 зак. меж. (ст. 796 изд. 1857 г.), по силѣ которыхъ Горшенкова, буде въ Губернской Посредническои Коммисіи не имѣлось свѣдѣній о томъ, что она состоитъ соучастницею въ общей дачѣ, была обязана извѣстить означенную Коммисію о своемъ мѣстѣ пребыванія и тѣмъ самымъ обезпечить суду возможность,

---

[1]) 1879 г. № 313 см. выше стр. 103.

[2]) П. С. З. № 8763 см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 6 и ниже стр. 210.

[3]) П. С. З. № 12459. См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 8 и ниже стр. 210.

въ случаѣ возбужденія судебно-межеваго разбирательства, привлечь ее, Горшенкову, къ участію въ семъ производствѣ посредствомъ посылки ей установленнаго 937 ст. зак. меж. (1145 ст. изд. 1857 г.) объявленія. Такимъ образомъ, если размежеваніе дачи, въ которой имѣла владѣніе Горшенкова, состоялось безъ участія ея, то въ этомъ она виновата сама и, слѣдовательно, отказъ въ предъявленномъ ею въ вотчинномъ порядкѣ искѣ представляется вполнѣ правильнымъ и справедливымъ [1]).

Второй доводъ которымъ подкрѣпляется мнѣніе, что пропускъ въ картушѣ плана не пресѣкаетъ права собственности пропущеннаго владѣльца, заключается въ ссылкѣ на Выс. утвержд. 1 Декабря 1828 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта [2]), въ которомъ выведенъ на справку указъ Сената 1820 г., объ отмѣнѣ распоряженія Министерства Финансовъ

---

[1]) Въ рѣшеніи по дѣлу Шороховыхъ (1880 г. № 104) Гражданскій Кассаціонный Департаментъ пошелъ еще дальше и призналъ, что правомъ оспаривать размежеваніе дачи не пользуется даже такой, неучаствовавшій въ размежеваніи владѣлецъ, о правахъ котораго было извѣстно суду и который не былъ привлеченъ къ участію въ размежеваніи лишь по винѣ самого суда. Такое заключеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента никоимъ образомъ не можетъ быть признано правильнымъ, ибо явно нарушаетъ основное начало гражданскаго права, въ силу котораго никто безъ суда не можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права. Въ данномъ случаѣ рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента было, быть можетъ, вполнѣ правильно, ибо въ сущности Шороховы принимали участіе въ размежеваніи дачи и заявленный ими споръ противъ обязательности для нихъ произведеннаго размежеванія основывали лишь на томъ, что представитель ихъ не былъ снабженъ формальною довѣренностью. Но въ видѣ общаго правила данное по дѣлу Шороховыхъ разъясненіе не можетъ быть признано правильнымъ.

[2]) Курсъ К. Побѣдоносцева I, 4 изд. 1892 г. стр. 695 и 696 и объясн. зап. къ проекту меж. уст. стр. 72.

о томъ, чтобы считать частными владѣльцами земель по крѣпостямъ тѣхъ только однодворцевъ и казенныхъ поселянъ, кои при межеваніи поименованы въ межевыхъ актахъ особенными отъ общества владѣльцами. Такое заключеніе Сената было основано на томъ соображеніи, что дѣйствительное, до межеванія и послѣ онаго, до настоящаго времени, владѣніе однодворцевъ такими землями, кои принадлежатъ имъ, по дачамъ и крѣпостямъ, но замежеваны въ общую округу, преимущественнѣе, нежели одно только наименованіе ихъ на планѣ особыми владѣльцами, каковое непоименованіе не лишаетъ ихъ крѣпостной принадлежности.

Едва ли, однако, приведенный указъ подкрѣпляетъ сдѣланную на него ссылку. Указомъ этимъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать общимъ владѣніемъ казны и однодворцевъ такую дачу, въ картушѣ плана которой владѣльцемъ дачи показана лишь казна, а не однодворцы. Такимъ образомъ, въ указѣ этомъ разрѣшается вопросъ собственно о правооснованіи участія владѣльцевъ въ цѣлой дачѣ. Подобнаго рода вопросы, какъ имѣющіе предметомъ право на участіе въ цѣлой дачѣ, не предрѣшаются генеральнымъ межеваніемъ, которому, какъ объяснено выше, по спорамъ о цѣлыхъ селеніяхъ не присвоена сила непоколебимости. Преподанное въ означенномъ указѣ разъясненіе можетъ быть вполнѣ приравнено, напримѣръ, къ разъясненію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента въ рѣшеніи по дѣлу Шадинова [1]), въ которомъ по поводу спора, заявленнаго неучаствовавшимъ въ межеваніи лицемъ о признаніи общею собственностью дачи, утвержденной по межеванію въ единственное владѣніе отвѣтчика, названный Департаментъ совер-

[1]) 1883 г. № 4.

шенно правильно разъяснилъ, что незаявленіемъ своихъ правъ при межеваніи истецъ лишился лишь права требовать перемежеванія, но не лишился права заявить споръ объ участіи въ цѣлой дачѣ. Независимо отъ сего, за упомянутымъ указомъ едва ли можетъ быть признано значеніе общаго руководящаго правила еще и потому, что онъ касается исключительно однодворцевъ, размежеваніе земель которыхъ опредѣлялось особыми правилами (ст. 372 прим. зак. меж., ст. 489 и сл. изд. 1857 г.). Если непоименованіемъ на планѣ генеральнаго межеванія однодворцы не лишались права на участіе собственно въ казенныхъ земляхъ той дачи, въ которой они были поселены, то отсюда еще не слѣдуетъ, что не только однодворцы, но и владѣльцы другихъ сословій, въ случаѣ непоименованія ихъ на планѣ дачниками, имѣютъ право отыскивать принадлежавшія имъ земли изъ владѣнія тѣхъ значащихся на планѣ владѣльцевъ, которымъ достались эти земли въ счетъ слѣдующаго имъ по крѣпостямъ количества. Въ этомъ именно смыслѣ высказался и Гражданскій Кассаціонный Департаментъ [1]), признавшій, что однодворцы (земли которыхъ по межеванію записаны за казною) изъемлются изъ дѣйствія ст. 944 (п. *а*) зак. меж. (ст. 1151 п. *а*, изд. 57 г.), на основаніи которой при специальномъ межеваніи не принимаются доказательства отъ владѣльцевъ, непоказанныхъ на планѣ дачниками.

Наконецъ, не подтверждаютъ сдѣланной на указъ 1820 г. ссылки и приведенныя въ ономъ соображенія о томъ, что границы генеральнаго межеванія утверждаются къ селеніямъ и пустошамъ, а не къ лицамъ владѣльцевъ, и что межеваніе не поставляется въ крѣпость внутреннимъ вла-

---

[1]) Рѣшен. 1885 г. № 1, по д. Соловьева и др.

дѣльцамъ, коихъ велѣно разнимать въ случаѣ споровъ по крѣпостямъ, а ежели крѣпости явятся недѣйствительными, то за кѣмъ селеніе замежевано, того въ крѣпость не ставить. Въ первомъ изъ приведенныхъ соображеній выражена лишь та, прямо вытекающая изъ ст. 725 зак. меж. (ст. 884 изд. 57 г.), мысль, что межеваніе не служитъ непоколебимымъ доказательствомъ принадлежности селенія тому владѣльцу, за коимъ оно утверждено по межеванію, а второе соображеніе вполнѣ совпадаетъ съ правиломъ п. 3 ст. 943 зак. меж. (ст. 1150, изд. 57 г.), по силѣ котораго споры между владѣльцами общей дачи разрѣшаются всякими безспорными крѣпостями. Такимъ образомъ, послѣднее соображеніе вовсе не касается вопроса о правахъ непоименованныхъ на планѣ генеральнаго межеванія владѣльцевъ общей дачи. Въ отношеніи этого послѣдняго соображенія слѣдуетъ еще замѣтить, что оно обращаетъ на себя вниманіе также потому, что въ немъ ясно выражено, что межеваніе не ставится въ крѣпость лишь внутреннимъ владѣльцамъ и, слѣдовательно, для всѣхъ прочихъ лицъ имѣетъ силу крѣпости.

IV.

Кассаціонная практика.

Выводы, къ которымъ привели изложенныя соображенія, расходятся съ господствующимъ въ нашей судебной практикѣ взглядомъ на силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ. Въ виду сего, кажется, не лишне провѣрить правильность означенныхъ выводовъ посредствомъ приложенія ихъ къ обстоятельствамъ тѣхъ дѣлъ, которыя восходили на разсмотрѣніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента.

При обзорѣ относящихся къ разсматриваемому вопросу рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента можно раздѣлить таковыя на двѣ категоріи: а) на рѣшенія, въ которыхъ означенный Департаментъ призналъ за межевыми актами доказательную силу по вотчиннымъ дѣламъ и б) на рѣшенія, въ которыхъ онъ отрицалъ доказательную силу сихъ актовъ по упомянутымъ дѣламъ.

Къ первой категоріи принадлежатъ слѣдующія приводимыя здѣсь (въ хронологическомъ порядкѣ) рѣшенія:

1) 1875 г., № 236, по дѣлу Дурново. Причтъ просилъ объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчика участка земли, принадлежащаго по межевымъ актамъ къ составу церковной дачи. Палата отказала въ искѣ на томъ основаніи, что межевые акты не могутъ служить доказательствомъ по спорамъ о правѣ собственности. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Палаты, признавъ, что межевые акты не могутъ быть безусловно исключаемы изъ числа доказательствъ права собственности.

2) 1876 г., № 481, по дѣлу Шебанникова. Истецъ ссылался, въ доказательство права собственности на спорный участокъ, на межевые акты, основанные на полюбовной сказкѣ. Отвѣтчикъ возражалъ, что межевые акты не составляютъ доказательства права собственности. Сенатъ отвергъ возраженіе отвѣтчика, признавъ, что доказательствомъ права собственности служатъ межевые акты не только генеральнаго межеванія, какъ разъяснено имъ по дѣлу Дурново (1875 г., № 236), но и спеціальнаго межеванія.

3) 1877 г., № 95, по дѣлу Струйскаго. Истецъ просилъ о признаніи за нимъ права на землю, доставшуюся ему по промѣнному акту, совершенному въ порядкѣ полюбовнаго размежеванія. Палата отказала въ искѣ на томъ основаніи, что промѣнный актъ не составляетъ акта укрѣпленія.

Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Палаты, признавъ, что по означенному акту совершился переходъ обмѣненныхъ земель.

4) 1879 г., №. 132, по дѣлу Старицкаго. Истецъ просилъ объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчика участка земли, доставшагося ему по спеціальному межеванію. Отвѣтчикъ возражалъ ссылкою на давность владѣнія спорнымъ участкомъ. Сенатъ отвергъ возраженіе отвѣтчика, признавъ, что не только планъ генеральнаго межеванія составляетъ законное доказательство вотчиннаго права на недвижимое имѣніе, но и актамъ спеціальнаго межеванія нельзя безусловно отказать въ признаніи ихъ доказательствами не только границъ, но и самаго вотчиннаго права.

5) 1879 г., №. 313, по дѣлу Селиверстова. Истецъ просилъ объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчицы земель, принадлежащихъ къ составу участка, назначеннаго ему въ порядкѣ судебно - межеваго разбирательства. Отвѣтчица защищалась ссылкою на крѣпостные акты и давность владѣнія. Сенатъ удовлетворилъ искъ, признавъ, что спеціальное межеваніе, производимое судебнымъ порядкомъ вслѣдствіе возникшихъ при ономъ споровъ, имѣетъ своею цѣлью опредѣленіе не только границъ владѣнія, но и права на это владѣніе.

6) 1880 г.,№. 207,по дѣлу Харьковской Казенной Палаты. Государственные крестьяне въ доказательство своего права на старозаимочныя земли ссылались, между прочимъ, на планъ генеральнаго межеванія. Судебная Палата удовлетворила искъ. Сенатъ, ссылаясь на рѣшенія 1875 г., №.236, и 1876 г., №.481, нашелъ, что Палата признаніемъ, что межевая книга генеральнаго межеванія можетъ служить доказательствомъ вотчинныхъ правъ, закона не нарушила.

7) 1892 г., № 75, по дѣлу крестьянъ с. Денискевичъ. Истецъ требовалъ изъятія изъ владѣнія отвѣтчиковъ земли, доставшейся ему по произведенному въ порядкѣ межеванія обмѣну. Отвѣтчики возражали, что выданные на основаніи полюбовной сказки межевые акты не могутъ колебать права собственности ихъ. Сенатъ отвергъ возраженіе отвѣтчиковъ.

Во всѣхъ изложенныхъ рѣшеніяхъ споръ шелъ не о границахъ, т. е. не о томъ, къ которому изъ смежныхъ имѣній пріурочены спорныя земли, а о томъ, кому принадлежитъ право собственности на спорныя земли, безъ различія, происходитъ ли споръ съ смежнымъ владѣльцемъ или постороннимъ лицемъ. Такимъ образомъ, если бы было вѣрно, что межеваніе утверждаетъ земли лишь къ селенію, а не къ владѣльцу и, слѣдовательно, не замѣняетъ крѣпости тому, за кѣмъ утверждены земли по межеванію, то постановленныя по приведеннымъ дѣламъ рѣшенія, очевидно, должны быть признаны лишенными правильнаго основанія. Между тѣмъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что означенныя дѣла не могли быть рѣшены иначе безъ явнаго нарушенія правъ тѣхъ лицъ, за которыми спорныя земли утверждены были по межеванію.

Затѣмъ въ отношеніи второй категоріи рѣшеній, въ которыхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ отвергъ доказательную силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ, слѣдуетъ, прежде всего, выдѣлить тѣ изъ нихъ, коими Сенатъ отрицаетъ собственно не доказательную силу, а лишь неопровержимость межевыхъ актовъ. Сюда относятся слѣдующія рѣшенія:

1) 1875 г., № 1047, по дѣлу Дехановой. По спору о томъ,

происходитъ ли наслѣдственное имѣніе изъ рода мужа или жены, одна сторона ссылалась на межевые акты, по которымъ во время генеральнаго межеванія имѣніе было утверждено за мужемъ, а другая сторона представила справленную въ Вотчинной Коллегіи крѣпость въ доказательство того, что имѣніе составляло собственность жены. Палата признала имѣніе родовымъ изъ линіи жены и Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ уваженія, признавъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ происходитъ не о пространствѣ и границахъ имѣнія, а о принадлежности его въ цѣломъ составѣ тому или другому лицу, межевые акты не могутъ быть принимаемы ни взамѣнъ, ни даже въ дополненіе актовъ укрѣпленія, какъ доказательство права собственности на имѣніе того лица, за которымъ оно написано при межеваніи.

2) 1879 г.,№ 195,по дѣлу Перекопской Городской Думы. Городъ отыскивалъ изъ владѣнія казны часть отведенной ему при генеральномъ межеваніи выгонной земли. Казна возражала, что выгонная земля, отводимая городамъ собственно изъ казенныхъ пустопорожнихъ земель, по закону остается собственностью казны. Сенатъ отвергъ ссылку города на межевые акты, на томъ основаніи: а) что межевые акты имѣютъ полную силу, когда происходитъ межевой споръ, т. е. о количествѣ и мѣстности владѣнія, а не тогда, когда споръ вотчинный—о правѣ собственности, независимо отъ границъ дачи, и б) что отводомъ городу выгонной земли казна не лишила себя права распоряжаться означенною землею въкачествѣ собственника.

3) 1883 г., № 4, по дѣлу Шадинова. Истецъ просилъ о признаніи его собственникомъ въ половинной долѣ имѣнія,

утвержденнаго при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе его брата. Сенатъ призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію, отвергнувъ ссылку отвѣтчика на планъ на томъ основаніи, что межеваніе не предрѣшаетъ гражданскаго спора о вотчинномъ правѣ на имѣніе.

4) 1887 г., № 43, по дѣлу Самарской Казенной Палаты. Государственные крестьяне, на основаніи плана генеральнаго межеванія, требовали признанія за ними права собственности на вошедшія въ ихъ владѣнную запись земли. Сенатъ призналъ искъ не подлежащимъ удовлетворенію на томъ основаніи, что межевые акты не служатъ доказательствомъ права собственности на имѣнія и что, сверхъ сего, спорныя земли должны почитаться казенною собственностью потому, что по плану генеральнаго межеванія значатся состоящими во владѣніи казеннаго вѣдомства ясашныхъ татаръ.

Въ послѣднихъ четырехъ рѣшеніяхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ доказательную силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ отрицалъ лишь потому, что понятіе доказательности отождествилъ съ понятіемъ неопровержимости [1]. Такимъ образомъ только что указанныя рѣшенія должны въ сущности быть отнесены къ разсмотрѣнной выше первой категоріи рѣшеній Сената, такъ какъ въ нихъ онъ отрицаетъ доказательную силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ лишь на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ.

Оставляя засимъ въ сторонѣ тѣ рѣшенія, въ которыхъ Гра-

---

[1]) См. выше, стр. 93.

жданскій Кассаціонный Департаментъ, хотя и высказалъ то положеніе, что межевые акты не служатъ доказательствомъ права собственности и что состоявшіяся въ межевомъ порядкѣ рѣшенія не предрѣшаютъ вотчиннаго спора, но не дѣлаетъ изъ сего положенія практическаго примѣненія къ существу подлежавшихъ его разрѣшенію споровъ [1]), остается разсмотрѣть лишь слѣдующія три рѣшенія: 1878 г., № 145, по дѣлу г. Гори; 1890 г., № 2, по дѣлу княгини Козловской, и 1893 г., № 55, по дѣлу Толли.

1) 1878 г., № 145, по дѣлу города Гори. Окружный Судъ и Палата спорный между казною и Мецуговою участокъ утвердили въ цѣломъ составѣ за казною. Въ кассаціонной жалобѣ Мецугова указала на то, что объ этомъ-же участкѣ производится въ гражданскомъ порядкѣ споръ, возникшій еще до межеванія. Сенатъ оставилъ жалобу безъ уваженія, признавъ, что Окружный Судъ и Палата въ межевомъ порядкѣ вовсе не входили въ обсужденіе права собственности Мецуговой на спорный участокъ. По поводу этого рѣшенія нельзя не задаваться вопросомъ: если, по мнѣнію Сената, споръ между казною и Мацуговою въ межевомъ порядкѣ шелъ не о правѣ собственности на участокъ, то о чемъ-же и о какомъ правѣ шелъ этотъ споръ, а равно въ чемъ заключаются практическія послѣдствія постановленнаго въ означеномъ порядкѣ рѣшенія и кому оно могло принести пользу? Удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы едва-ли возможенъ.

---

[1]) Рѣшен. 1878 г., № 99, по дѣлу графа Чернышева-Кругликова, 1878 г., № 231, по дѣлу Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, 1878 г., № 240, по дѣлу Фролова, 1881 г., № 123, по дѣлу Рязанскаго Богословскаго монастыря и 1890 г., № 1, по дѣлу графини Дюркгеймъ.

2) 1890 г., № 2, по дѣлу княгини Козловской. Истица просила объ отграниченіи земель крестьянскаго надѣла отъ помѣщичьей земли и о возвращеніи ей состоящей во владѣніи крестьянъ части помѣщичьей земли. Палата признала, что истица должна была предъявить искъ не въ судебно-межевомъ, а въ вотчинномъ порядкѣ. Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу истицы безъ уваженія, признавъ, что требованіе ея сводится въ сущности не къ опредѣленію границъ крестьянскихъ угодій и помѣщичьей земли и къ отдѣленію ихъ другъ отъ друга, а къ признанію за нею, истицею, права собственности на тѣ земли, которыми будто-бы незаконно завладѣли крестьяне, и что въ виду сего истица должна была заявить свое требованіе порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія или вотчиннымъ.

Рѣшеніе Сената въ окончательномъ выводѣ должно быть признано правильнымъ въ виду того соображенія, что судебно-межевое разбирательство, составляя собою одинъ изъ видовъ спеціальнаго межеванія, имѣетъ цѣлью исключительно завершеніе генеральнаго межеванія, т. е. разводъ земель въ дачахъ, при генеральномъ межеваніи утвержденныхъ временно въ разнопомѣстное владѣніе, и что, слѣдовательно, споры о границахъ, возникающіе по землямъ, обмежеваннымъ въ единственное владѣніе, спеціально размежеваннымъ и вовсе необмежеваннымъ, не имѣютъ ничего общаго съ судебно-межевымъ разбирательствомъ [1]). Но принятое Сенатомъ основаніе для отказа въ искѣ княгини Козловской не представляется правильнымъ.

Изъ приведенныхъ въ рѣшеніи Сената соображеній не

---

[1]) См. ниже стр. 262 и слѣд.

видно, признано ли требованіе истицы объ отдѣленіи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьей неподлежащимъ удовлетворенію въ судебно-межевомъ порядкѣ: потому, а) что между истицею и крестьянами происходилъ споръ о границѣ или б) что возникшій въ данномъ случаѣ споръ о границѣ имѣлъ въ то-же время характеръ спора о правѣ собственности.

При первомъ предположеніи пришлось-бы признать, что, по мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, въ судебно-межевомъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ, установленномъ для разрѣшенія опредѣленнаго рода спорныхъ дѣлъ, могутъ подлежать разрѣшенію лишь такія дѣла, въ которыхъ нѣтъ спора. При второмъ же предположеніи нельзя не задаваться вопросомъ: можно-ли вообще представить себѣ такой споръ о границѣ, который не былъ-бы въ то-же время и споромъ о правѣ собственности на землю, заключающуюся между отводами спорящихъ о границѣ сторонъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ не быть отрицательный, и такимъ образомъ разсматриваемое рѣшеніе, въ какомъ-бы смыслѣ его ни понимать, не можетъ не вызвать недоумѣніе.

3) 1893 г., № 55, по дѣлу Толли Истецъ. требовалъ признанія за нимъ права на $^1/_4$ часть пруда на основаніи данной, совершенной на пріобрѣтенное имъ съ торговъ имѣніе. Отвѣтчикъ защищался планомъ генеральнаго межеванія, по которому весь прудъ значится въ составѣ принадлежащаго ему имѣнія. Сенатъ отказалъ въ искѣ, признавъ, что межевые акты, если и не могутъ служить доказательствомъ вотчиннаго права, то имѣютъ однако полную силу доказательства въ отношеніи мѣстности владѣнія и что, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ происходитъ не о вотчинномъ правѣ на какую либо дачу или какую либо ея земельную часть, а касается исключительно только угодій, которыя считаются

принадлежностью (напримѣръ, неудобныхъ земель, которыя, по ст. 579 и 876 зак. меж., изд. 1857 г., при расчисленіи земель по крѣпостямъ не полагаются въ число настоящихъ дачъ),—межевые акты не только могутъ, но должны быть приняты въ качествѣ доказательства владѣнія этими ми угодьями [1]).

Въ указанныхъ своихъ соображеніяхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ смѣшиваетъ споръ собственно о правѣ пользованія водою пруда, независимо отъ права на находящуюся подъ нимъ землю, съ споромъ о землѣ подъ прудомъ, составляющимъ, по ст. 524 X т. I ч., собственность того, кому принадлежитъ самая земля. Но ставить доказательную силу межевыхъ актовъ въ зависимость отъ того, идетъ ли споръ объ удобныхъ или неудобныхъ земляхъ, было-бы равносильно признанію, что, по смыслу межевыхъ законовъ, неудобныя земли не почитаются такимъ-же недвижимымъ имуществомъ, какъ удобныя земли. Само собою разумѣется, что въ законахъ межевыхъ подобнаго правила не содержится; въ статьяхъ же 579 и 876, (ст. 436 и 718 изд. 1893 г.), на которыя ссылается Гражданскій Кассаціонный Депар-

---

[1]) Въ этомъ рѣшеніи Гражданскій Кассаціонный Департаментъ высказалъ еще то положеніе, что всякое межеваніе имѣетъ задачею разводъ земель къ однимъ мѣстамъ. Но это едва-ли можетъ быть признано вѣрнымъ. Разводъ земель къ однимъ мѣстамъ относится къ области не межеваго, а аграрнаго законодательства. Соединеніе развода земель съ межеваніемъ нисколько не вытекаетъ изъ самаго понятія межеванія, а составляетъ особенность нашего генеральнаго межеванія. Указанное соображеніе обращаетъ на себя вниманіе также какъ признаніе, что государственное межеваніе имѣло цѣлью не только утвержденіе поземельныхъ правъ, но даже переустройство землевладѣнія. Если же это такъ, то очевидно, что мнѣніе, будто государственное межеваніе имѣетъ цѣлью лишь утвержденіе границъ, должно быть признано ошибочнымъ.

таментъ, выражена лишь та мысль, что при опредѣленіи причитающагося каждому владѣльцу по крѣпостямъ количества земли неудобныя земли не должны быть принимаемы въ расчетъ. Со стороны законодателя было бы крайне непослѣдовательно, если-бы онъ генеральному межеванію поставилъ цѣлью огражденіе владѣльцевъ въ отношеніи пользованія лишь такими землями, которыя для нихъ безполезны и часто даже въ тягость. Къ тому же, примѣненіе на практикѣ высказаннаго Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ положенія вызывало-бы цѣлый рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, напримѣръ: какъ разрѣшить споръ, по которому на межевой актъ сдѣлана ссылка въ доказательство права собственности на участокъ, состоящій какъ изъ удобной, такъ и неудобной земли, или на участокъ неудобной земли, внутри котораго или чрезполосно съ которымъ находится участокъ удобной земли; какъ поступать, далѣе, когда внутренняя ситуація при спеціальномъ межеваніи не была снята [1]) и показана на планѣ спеціальнаго межеванія согласно частному плану или согласно плану генеральнаго межеванія, со времени составленія котораго удобныя земли обратились въ неудобныя и наоборотъ, и т. п.?

Рѣшеніе Сената по д. Толли служитъ, безъ сомнѣнія, нагляднымъ и весьма убѣдительнымъ подтвержденіемъ несостоятельности мнѣнія, отрицающаго за межевыми актами силу доказательства по вотчиннымъ дѣламъ. Теорія, которая приводитъ къ практическимъ результатамъ, подобнымъ рѣшенію, постановленному Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ по означенному дѣлу, кажется, сама себя осудила.

---

[1]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 155 и 156.

Поэтому позволительно думать, что сказанное рѣшеніе предвѣщаетъ собою скорое наступленіе перемѣны въ направленіи кассаціонной практики по разбираемому вопросу.

Подводя общій итогъ изложенному разбору кассаціонной практики, нельзя не прійти къ тому заключенію, а) что въ большинствѣ случаевъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ лишь на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ отрицалъ силу доказательства межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ и б) что сдѣланная названнымъ Департаментомъ по немногимъ дѣламъ попытка примѣнить не только на словахъ, но и на дѣлѣ теорію, отрицающую доказательную силу межевыхъ актовъ по вотчиннымъ дѣламъ, сопровождалась полною неудачею.

V.

Выводы.

1) Установившееся у насъ мнѣніе, что межевые акты не имѣютъ равной съ крѣпостными актами силы доказательства права собственности, по всей вѣроятности, возникло подъ вліяніемъ допущеннаго редакторами первыхъ двухъ изданій Свода межевыхъ законовъ важнаго недосмотра, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ извращеніе смысла ст. 6 гл. 9 Межевой Инструкціи.

2) Другое обстоятельство, которое могло способствовать укорененію означеннаго мнѣнія, заключается въ томъ, что законы о генеральномъ межеваніи присваиваютъ межевымъ актамъ различную степень доказательной силы въ зависимости отъ того, происходитъ ли споръ о цѣломъ имѣніи или о части его. Эта особенность генеральнаго межеванія подала поводъ къ смѣшенію понятія о доказательной силѣ

межевыхъ актовъ вообще съ понятіемъ о неопровержимой ихъ силѣ.

3) Подъ межевымъ споромъ, т. е. подъ споромъ, подлежащимъ производству въ установленномъ законами о генеральномъ межеваніи особомъ порядкѣ судопроизводства, законы эти разумѣютъ всякій споръ не о цѣломъ селеніи и не о правѣ на долю въ немъ. Такимъ образомъ, противуположность межевому спору составляетъ не вотчинный споръ вообще, а лишь вотчинный споръ о цѣломъ селеніи и, слѣдовательно, въ межевомъ порядкѣ разсматриваются вопросы не только о границахъ, но и о вотчинномъ правѣ на часть имѣнія, т. е. о правоосновании владѣнія спорящихъ сторонъ.

4) Изъ изложеннаго въ предшедшемъ пункѣ вытекаетъ, что межевой споръ отличается отъ вотчиннаго не существомъ правоотношеній, о которыхъ оный происходитъ, а исключительно: а), предметомъ своимъ (цѣлое имѣніе либо часть его) и б) процесуальными правилами, подлежащими примѣненію къ тому или другому спору, и что, слѣдовательно, рѣшеніемъ, постановленнымъ по межевому спору, предрѣшается таковой вотчинный въ той же мѣрѣ и при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ рѣшеніе, постановленное по одному вотчинному спору, предрѣшаетъ другой вотчинный споръ, возникшій между тѣми же тяжущимися сторонами, (ст. 895 уст. гр. суд.). Такимъ образомъ, мнѣніе, что рѣшеніе, постановленное по межевому спору, не предрѣшаетъ вотчиннаго спора, не можетъ быть признано правильнымъ.

5) Тотъ, кто на планѣ генеральнаго межеванія не значится владѣльцемъ (самъ или въ лицѣ его праводателя) и, вслѣдствіе сего, на основаніи ст. 944 п. 1 зак. меж. (1151 ст. изд. п. а) 1857 г.) не можетъ быть допущенъ къ участію въ спеціальномъ межеваніи, вправѣ въ вотчинномъ порядкѣ

требовать признанія за нимъ лишь права на всю долю, причитающуюся изъ общей дачи кому либо изъ значащихся на планѣ владѣльцевъ. Мнѣніе, признающее за названнымъ лицемъ неограниченное право въ вотчинномъ порядкѣ осуществить право, не получившее удовлетворенія въ порядкѣ спеціальнаго межеванія, основано на невѣрномъ толкованіи смысла ст. 945 зак. меж. (ст. 1152 изд. 1857 г.).

ГЛАВА IV.

Покрывается ли давностью завладѣніе чрезъ межу?

Вопросъ о примѣненіи давности владѣнія къ межеванію распадается на два различныхъ вопроса, а именно о томъ: а) въ какой мѣрѣ давность можетъ служить основаніемъ къ утвержденію правъ на межуемыя земли и б) въ какой мѣрѣ давностью владѣнія могутъ быть разрушены утвержденныя межеваніемъ права? Что касается перваго вопроса, то онъ не былъ и не могъ быть затронутъ законоположеніями о генеральномъ межеваніи въ виду того, что давность владѣнія, какъ общее начало, введена въ наше гражданское право лишь Манифестомъ 28 Іюня 1787 г. [1]), т. е. позже изданія генеральныхъ правилъ и Межевой Инструкціи 1766 г. Впослѣдствіи по вопросу о давности, какъ основаніе межеванія, хотя и послѣдовалъ указъ 4 Іюля 1824 г. [2]), вошедшій въ ст. 803 зак. меж. (ст. 963 изд. 1857 г.),

---

[1]) П. С. З., № 16551.
[2]) П. С. З., № 29981.

но указъ этотъ въ сущности оставилъ открытымъ данный вопросъ, ибо: а) не опредѣлилъ, въ какихъ именно случаяхъ по межевымъ дѣламъ законы о давности «приличны быть могутъ» и б) примѣненіе давности къ межевымъ дѣламъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поставилъ въ зависимость отъ испрошенія разрѣшенія Сената.

Такимъ образомъ, если не считать изданнаго въ 1783 г. мѣстнаго положенія о генеральномъ обмежеваніи Могилевской и Полоцкой губ. [1]), въ которомъ было постановлено, что первымъ правиломъ къ рѣшенію межевыхъ споровъ принимается десятилѣтняя давность,—оказывается, что вопросъ о давности, какъ основаніе межеванія, оставался у насъ открытымъ до изданія Выс. утвержд. 30 Дек. 1853 г. правилъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при спеціальномъ межеваніи. На основаніи ст. 15 (прим.) и 19 этихъ правилъ (вошедшихъ въ ст. 950 прим. 1 и ст. 954 зак. меж., 1157 прим. 1 и 1161 ст. изд. 57 г.), давность владѣнія при спеціальномъ межеваніи принимается въ доказательство лишь въ томъ случаѣ, если окажутся излишнія земли, по полномъ удовлетвореніи, въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ, всѣхъ имѣющихъ крѣпости владѣльцевъ.

По тѣсной связи приведенныхъ постановленій съ общими началами, которыя легли въ основу закона 30 Дек. 1853 г., казалось бы удобнѣе вопросъ о давности, какъ основаніе къ утвержденію правъ въ порядкѣ межеванія, подвергнуть разбору въ той части настоящей записки, которая имѣетъ предметомъ означенный законъ 1853 г. [2]), ограничиваясь здѣсь лишь указаніемъ на то, что не слѣдуетъ смѣшивать вопроса

---

[1]) П. С. З., № 15654.

[2]) См. ниже стр. 227 и сл.

о давности, какъ основаніе къ утвержденію правъ на межуемыя земли, съ вопросомъ о разрушительномъ дѣйствіи давности на утвержденныя межеваніемъ права и что, въ частности, упомянутый выше указъ 4 Іюля 1824 г. касается лишь перваго, а не втораго вопроса. Поэтому указъ сей и не можетъ служить основапіемъ къ выводу, что до изданія закона 23 Апр. 1845 г. давностью владѣнія могли быть разрушены соединенныя съ постановкою межъ генеральнаго межеванія права [1]).

I.

Указъ 12 Апрѣля 1823 года.

Оставляя пока, въ виду изложеннаго, безъ обсужденія первый изъ указанныхъ выше двухъ вопросовъ и обращаясь поэтому ко второму изъ нихъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что послѣдній вопросъ не былъ и не могъ быть предусмотрѣнъ законоположеніями о генеральномъ межеваніи по той же причинѣ, по какой имъ не былъ предусмотрѣнъ и вопросъ о давности, какъ основаніи межеванія, а именно потому, что современному изданію генеральныхъ правилъ и Меж. Инструкціи законодательству институтъ земской давности еще не былъ извѣстенъ. Впервые вопросъ о томъ, могутъ ли давностью владѣнія быть нарушены утвержденныя

---

[1]) Смѣшеніе указанныхъ въ текстѣ двухъ вопросовъ усматривается, кажется, въ Курсѣ К. Побѣдоносцева, I, 4 изд., 1892 г. стр. 706, 707), въ которомъ, при разборѣ вопроса о примѣненіи давности къ межевымъ спорамъ, не различается, имѣетъ ли межевой споръ предметомъ утвержденіе правъ на владѣніе землями въ межуемой или уже обмежеванной дачѣ?

межеваніемъ права, былъ затронутъ въ указѣ 12 Апрѣля 1823 г. [1]). Указъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая, вошедшая въ прим. къ 805 ст. зак. меж. (965 прим. изд. 57 г.), относится къ давности владѣнія («древнему владѣнію»), предшествовавшей межеванію, а вторая, не вошедшая въ Сводъ межевыхъ законовъ, имѣетъ предметомъ жалобы на завладѣніе чрезъ межу, т. е. давность владѣнія, начавшуюся послѣ межеванія. Первая часть указа 1823 г., по силѣ которой въ губерніяхъ обмежеванныхъ отнюдь не слѣдуетъ дѣлать никакихъ новыхъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межъ, а надлежитъ изыскивать однѣ положенныя генеральнымъ межеваніемъ границы по выданнымъ отъ межевыхъ правительствъ планамъ, и ими только, а не другими крѣпостями въ разборѣ споровъ о границахъ руководствоваться,—вовсе не относится къ разсматриваемому здѣсь вопросу, ибо, какъ упомянуто выше, имѣетъ въ виду давность владѣнія, истекшую до, а не послѣ межеванія, и, слѣдовательно, представляетъ собою ничто иное, какъ подтвержденіе изложеннаго въ Меж. Инстр. правила о непоколебимости межевыхъ актовъ (Меж. Инстр. гл. 33 ст. 1 и 2, вошедшія въ ст. 705 и 724 Зак. меж.; ст. 863 и 883 изд. 57 г.) [2]). Что же касается второй части указа 12 Апрѣля 1823 г., то въ ней содержится слѣдующее правило: «А если кто жаловаться будетъ, что сосѣдственныхъ, особо обмежеванныхъ дачъ владѣльцы, перешедъ за межу, утвержденную между ними по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе или

---

[1]) П. С. З., № 29431, см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 71.

[2]) Подъ ст. 724 зак. меж. и ст. 883 изд. 57 г. источникомъ приведена по ошибкѣ гл. 31 вмѣсто гл. 33.

произойдутъ споры у общественныхъ, въ одномъ планѣ значущихся владѣльцевъ, между собою, по завладѣнію однимъ у другаго или заселенію, также и по отдѣленію казенныхъ поселянъ особо отъ помѣщиковъ внутри обмежеванной въ общую округу дачи, то въ такихъ случаяхъ, при разборѣ сихъ споровъ руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь межъ, утвержденныхъ генеральнымъ межеваніемъ».

По поводу изложеннаго правила прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, въ чемъ именно заключается смыслъ его? Казалось бы, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что согласно разуму указа 12 Апр. 1823 г., споры о завладѣніи чрезъ межу (хотя бы завладѣніе продолжалось болѣе 10 лѣтъ) должны быть разрѣшаемы на основаніи межевыхъ актовъ (а не силою давности). Въ этомъ убѣждаютъ какъ общее содержаніе указа 12 Апрѣля 1823 г., такъ и въ особенности слова его «не нарушая отнюдь межъ, утвержденныхъ генеральнымъ межеваніемъ». Существуетъ, однако, мнѣніе, что смыслъ указа 12 Апрѣля 1823 г. заключается въ томъ, что право собственности можетъ быть пріобрѣтено посредствомъ завладѣнія чрезъ межу. Мнѣніе это иногда служитъ исходною точкою для толкованія въ томъ же смыслѣ закона 23 Апрѣля 1845 г. (вошедшаго въ 563 ст. 1 ч. X т.). Но едва ли мнѣніе это можетъ быть признано правильнымъ. Оно основано исключительно на томъ предположеніи, что подъ «особыми правилами», которыми слѣдуетъ руководствоваться при разборѣ споровъ о завладѣніи чрезъ межу, указъ 1823 г. разумѣетъ общія постановленія о давности [1]). Такое предпо-

---

[1]) См. мнѣніе графа Блудова у И. Энгельмана. О давности по русскому гражданскому праву. С.-Петербургъ 1868 г. стр. 66 и 171.

ложеніе однако опровергается тѣмъ, что, кромѣ споровъ о завладѣніи чрезъ межу, указъ 12 Апрѣля 1823 г. предусматриваетъ еще споры между замежеванными въ общую дачу владѣльцами, а равно между помѣщиками и казенными поселянами (замежеванными въ общую дачу), по отношенію къ каковымъ спорамъ подъ особыми правилами, о которыхъ говоритъ указъ 12 Апрѣля 1823 г., слѣдуетъ несомнѣнно разумѣть не давность, но: а) въ первомъ случаѣ—писцовыя книги (Меж. Инстр. гл. 33 ст. 2, вошедшая въ ст. 704 п. 1 зак. меж., 862 п. 1 изд. 57 г.) и б) во второмъ—установленныя закономъ особыя правила о производствѣ дѣлъ объ отдѣленіи казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ (940 ст. зак. меж. и 496 ст. и слѣд. зак. суд. гр. изд. 1892 г.). Что указъ 12 Апрѣля 1823 г. подъ «особыми правилами», о которыхъ говорится въ немъ, разумѣетъ гл. 33 Меж. Инстр., признано также Высоч. утв. 23 Апрѣля 1845 г. мнѣніемъ Госуд. Сов. [1]), а равно и въ заключеніи гр. Панина, послужившемъ основаніемъ этого мнѣнія [2]).

Но если вопросъ о дѣйствительномъ смыслѣ указа 12 Апрѣля 1823 г. врядъ ли долженъ вызвать особое сомнѣніе, то совершенно въ иномъ видѣ представляется вопросъ о томъ, могутъ ли быть признаны правильными принятыя въ этомъ указѣ основанія? Изъ сего указа видно, что выраженное въ немъ правило о ненарушимости межи завладѣніемъ (хотя бы продолжавшимся болѣе 10 лѣтъ) Сенатъ выводитъ изъ начала непоколебимости межевыхъ актовъ. Но такаго смысла начало непоколебимости вовсе не имѣло въ Меж. Инструкціи.

---

[1]) См. Узаконенія и справки къ пр. меж. уст. стр. 8.

[2]) См. И. Энгельманъ тамъ же, стр. 175.

По силѣ сей послѣдней, начало непоколебимости имѣетъ исключительно процессуальное значеніе: оно воспрещаетъ возбуждать споры о такихъ правоотношеніяхъ, которыя окончательно и навсегда опредѣлены межеваніемъ. Другими словами, по Меж. Инстр. начало непоколебимости преграждаетъ возможность споровъ, имѣющихъ основаніемъ юридическія событія, предшествовавшія межеванію [1]. Но начало это не имѣло и не могло имѣть въ виду объявить межеваніе непоколебимымъ въ смыслѣ матеріальнаго права, т. е. лишать всякаго вліянія на межеваніе юридическія событія, могущія наступить послѣ межеванія. Толковать начало непоколебимости въ иномъ смыслѣ значило бы признать, что оно воспрещаетъ всякое вообще дробленіе образовавшихся по генеральному межеванію единицъ владѣнія (въ силу отчужденія, раздѣла и т. д.). Такое правило было дѣйствительно, какъ объяснено выше [2], предположено, но предположеніе это не получило осуществленія. Такимъ образомъ нельзя не признать, что выраженное въ ст. 1 и 2 гл. 33 Меж. Инстр. (вошедшихъ въ ст. 705 и 724 зак. меж., 863 и 883 изд. 57 г.) правило о непоколебимости межевыхъ актовъ едва-ли оправдываетъ сдѣланный изъ него Сенатомъ въ указѣ 12 Апрѣля 1823 г. выводъ о томъ, что владѣніе, основанное на захватѣ чрезъ

---

[1]) Случай, въ которомъ ссылка на давность владѣнія была отвергнута въ силу начала непоколебимости межевыхъ актовъ, разрѣшенъ Гражд. Кас. Департаментомъ по дѣлу Старицкаго (1879 г. № 132). Въ этомъ дѣлѣ Старицкій искъ объ изъятіи спорнаго участка изъ владѣніе отвѣтчика основывалъ на давности владѣнія. Отвѣтчикъ защищался ссылкою на то, что по размежеванію дачи спорный участокъ достался ему. Сенатъ призналъ искъ неподлежащимъ удовлетворенію на томъ основаніи, что давностно владѣніе, на которое ссылается истецъ, относится ко времени до размежеванія и слѣдовательно не можетъ колебать силы сего послѣдняго.

[2]) См. стр. 32.

межу, хотя бы оно продолжалось болѣе 10 лѣтъ, не можетъ превратиться въ право собственности на захваченныя земли. Напротивъ, едва ли не правильнѣе признавать, что до воспослѣдованія закона 23 Апр. 1845 г. обмежеванныя земли подлежали дѣйствію земской давности на совершенно одинаковомъ основаніи съ необмежеванными, такъ какъ законъ о давности владѣнія изданъ позже положенія о генеральномъ межеваніи и въ первомъ не установлено никакихъ изъятій для обмежеванныхъ земель.

II.

Заключеніе гр. Блудова.

Вопросъ о примѣненіи давности владѣнія къ обмежеваннымъ дачамъ, до изданія закона 23 Апр. 1845 г., подвергся разработкѣ въ Министерствѣ Юстиціи и во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Какъ по многимъ другимъ вопросамъ межеваго законодательства, такъ и по настоящему предмету, Министромъ Юстиціи графомъ Панинымъ—съ одной и Главноуправлявшимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графомъ Блудовымъ—съ другой стороны были высказаны діаметрально противоположные мнѣнія [1]).

Заключеніе графа Панина было принято Государственнымъ Совѣтомъ и вошло дословно въ текстъ 563 ст. 1 ч.

---

[1]) Нижеслѣдующія данныя, касающіяся закона 23 Апр. 1845 г., извлечены изъ труда И. Энгельмана: о давности по русскому праву стр. 164—190. См. также статью В. Вороновскаго «Законъ объ изъятіи генеральной межи изъ дѣйствія давности» въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права за 1889 г. кн. 6 стр. 1—48.

X т., въ виду чего здѣсь особо на немъ останавливаться не представляется надобности.

Графъ Блудовъ предлагалъ постановить, что:

1) межевые книги и планы должны быть принимаемы единственнымъ доказательствомъ въ разрѣшеніе споровъ, относящихся собственно къ границамъ обмежеванныхъ дачъ, на которыя они выданы;

2) въ спорахъ о принадлежности какъ цѣлой дачи, такъ и части оной, можетъ, сверхъ крѣпостныхъ актовъ и судебныхъ рѣшеній о переходѣ всей дачи или части ея послѣ обмежеванія въ собственность другаго, быть принимаемо въ уваженіе доказанное по закону, въ теченіи опредѣленнаго срока давности продолжавшееся, дѣйствительное и спокойное владѣніе на правѣ собственности. Такое владѣніе должно быть предпочитаемо, какъ доказательство, межевымъ планамъ и книгамъ, когда началось и продолжалось безспорно послѣ выдачи плановъ и книгъ.

Центръ тяжести предложеннаго гр. Блудовымъ правила, безъ сомнѣнія, заключался въ п. 2 онаго, по смыслу котораго давность владѣнія принимается въ доказательство по спорамъ о частяхъ обмежеванныхъ дачъ. Въ виду этого, пунктъ 1 предложенной графомъ Блудовымъ статьи представлялся безсодержательнымъ и, слѣдовательно, излишнимъ. Если одна изъ спорящихъ сторонъ ссылается на давность владѣнія въ доказательство принадлежности ей земли за межею, то несомнѣнно споръ идетъ о части дачи и, слѣдовательно, по смыслу предложенія графа Блудова, давность примѣнима къ разрѣшенію таковаго спора. Если же это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что давность владѣнія окажется не примѣнимою лишь въ томъ случаѣ, когда споръ идетъ не о самомъ правѣ на находящуюся за межею землю, а только о томъ, гдѣ при

генеральномъ межеваніи проведена была межа, т. е. когда сами спорящія стороны основываютъ свой споръ не на давности, а на межевомъ актѣ [1]). Но это разумѣется само собою, а потому едва ли была надобность оговаривать, что силою давности владѣнія не можетъ быть разрѣшаемъ такой споръ, по которому стороны ссылаются въ подтвержденіе своихъ правъ не на давность, а на другія доказательства. Такимъ образомъ оказывается, что предложеніе графа Блудова въ сущности клонилось къ тому, чтобы въ отношеніи дѣйствія давности обмежеванныя земли поставить въ совершенно одинаковыя условія съ необмежеванными.

III.

Мнѣніе Госуд. Совѣта, Высоч. утв. 23 Апрѣля 1845 года.

Государственный Совѣтъ, по обсужденіи заключеній графовъ Блудова и Панина, отвергъ первое и принялъ второе. Сущность послѣдовавшаго по сему предмету мнѣнія Государственнаго Совѣта, получившаго 23 Апрѣля 1845 г. Высочайшее утвержденіе [2]), заключается въ томъ, что при существующемъ различіи между спорами межевыми и гражданскими, если съ одной стороны не должны быть производимы межевымъ порядкомъ дѣла о правѣ владѣнія на цѣлую дачу или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владѣльцу по законному переукрѣпленію или по наслѣдствен-

[1]) Различіе между граничнымъ спорамъ основаннымъ на межевомъ актѣ, и таковымъ, основаннымъ на пріобрѣтеніи, по давности владѣнія, земли за межею, правильно разъяснено Гражд. Касс. Департаментомъ по дѣлу Руссо (1877 г. № 367).

[2]) П. С. З., № 18952, см. Узак. и справки къ пр. м. у. стр. 7—9.

ному праву, то съ другой—всѣ дѣла о завладѣніи чрезъ межу, при существованіи или по изглаженіи оной, подлежатъ разбору межевымъ порядкомъ, при которомъ межевыя книги составляютъ преимущественное доказательство. Тяжбы о цѣлыхъ дачахъ, хотя бы онѣ и были обмежеваны, или о земляхъ, необойденныхъ генеральною межею, подлежатъ вполнѣ дѣйствію давности, но споры о земельныхъ захватахъ въ чертахъ генеральнаго межеванія разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами, безъ всякихъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межи. Иначе сіе и быть не можетъ: ибо допустить возможность нарушенія границъ генеральнаго межеванія давностью завладѣнія, значило бы повергнуть поземельную собственность въ первобытное неустройство, существовавшее до Межевой Инструкціи, когда пограничные споры разбирались не столько судебнымъ производствомъ, сколько драками на межахъ и другими насиліями. Напротивъ, единственно чрезъ соблюденіе кореннаго основанія поземельной собственности, т. е. чрезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могутъ быть предотвращены захваты и неминуемое ихъ послѣдствіе—межевыя разбирательства. Вслѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ положилъ, въ дополненіе 478 ст. Свода Зак. Гражд. постановить: 1) межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія; 2) равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и 3) всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ должны разрѣшаться, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами.

При разборѣ приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ отдѣльно разсмотрѣть окончательное заключеніе онаго—съ одной и изложенныя въ семъ мнѣніи основанія—съ другой стороны. Это представляется необходимымъ въ виду того, что окончательное заключеніе Государственнаго Совѣта, выразившееся въ текстѣ ст. 563 1 ч. X т., существенно разнится, какъ будетъ объяснено ниже, отъ мотивовъ, послужившихъ для него основаніемъ.

Что касается означеннаго окончательнаго заключенія, то въ немъ выражены три отдѣльныя положенія. Первое гласитъ, что межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью. По поводу этого положенія нельзя не замѣтить, что подъ межею можно разумѣть либо математическую линію, отдѣляющую смежныя поземельныя единицы, либо служащіе въ натурѣ для обозначенія этой линіи признаки (столбъ, яма, межникъ и т. д.). Въ этомъ смыслѣ едва ли терминъ «межа» могъ быть употребленъ въ разсматриваемомъ заключеніи, ибо само собою разумѣется, что давность владѣнія, составляя собою юридическій институтъ, можетъ вліять лишь на юридическія же правоотношенія, а никакъ не на математическія отвлеченія или на предметы физическаго міра, напр., на поставленные въ натурѣ знаки. Отсюда слѣдуетъ, что п. 1 ст. 563 X т. 1 ч. долженъ быть отнесенъ собственно не къ межѣ, а къ правамъ, соединеннымъ съ нею. Но такому выводу противорѣчитъ вторая часть этой статьи, которая начинается словами «равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ» и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что 563 ст. 1 ч. X т. едва ли вѣрно различаетъ вліяніе давности

на межи съ одной стороны и на соединенныя съ межею права съ другой [1]).

Въ виду изложеннаго остается лишь предположить, что въ основу выраженнаго въ первой части закона 23 Апрѣля 1845 г. правила легло представленіе о дачѣ, какъ территоріальной, а не вотчинной единицѣ. Но такое представленіе, какъ объяснено выше [2]), чуждо нашему генеральному межеванію. Кромѣ того, оно находится въ противорѣчіи: 1) съ послужившими основаніемъ для закона 23 Апрѣля 1845 г. соображеніями, которыя, какъ видно изъ принятаго Государственнымъ Совѣтомъ заключенія гр. Панина, имѣли исходною точкою то положеніе, что генеральное межеваніе служило не токмо къ разграниченію дачъ между собою, но и къ утвержденію правъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, имѣло дѣло съ вотчинными, а не территоріальными единицами [3]); 2) съ мѣстомъ, отведеннымъ Государственнымъ Совѣтомъ проектированному имъ правилу въ Сводѣ гражданскихъ законовъ, въ видѣ дополненія къ ст. 478 сихъ зак. изд. 1842 г., на основаніи которой давности владѣнія не подлежали незаконное владѣніе людьми свободнаго состоянія, военноплѣнными и выходцами изъ заграницы и которая несомнѣнно относилась къ области матеріальнаго гражданскаго права, и

---

[1]) Такое же различіе, кажется, проводитъ Коммисія 1889 г. (Труды стр. 93).

[2]) См. выше стр. 26 и слѣд.

[3]) См. Энгельманъ тамъ же стр. 169. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что положеніе это признавалъ и графъ Блудовъ, полагавшій, однако, что оно можетъ относиться лишь ко владѣнію, существовавшему въ то время, когда производилось генеральное межеваніе. Отсюда ясно, что въ сороковыхъ годахъ въ нашемъ юридическомъ быту еще не получило права гражданства господствующее нынѣ мнѣніе, будто межеваніе утверждаетъ земли лишь къ селеніямъ, а не къ владѣльцамъ.

3) съ буквальнымъ смысломъ п.п. 2 и 3 того же закона 1845 г., въ которомъ говорится о «пространствѣ владѣній» и «границахъ владѣнія» и, слѣдовательно, подъ межею разумѣется граница не округа (территоріальной единицы), а единицы владѣнія (вотчинной единицы).

Но если даже признавать, что составители закона 23 Апрѣля 1845 г. исходили изъ мнѣнія, что межеваніе имѣетъ дѣло съ территоріальными, а не вотчинными единицами, то возникаетъ новый, вызывающій недоумѣніе, вопросъ о томъ, какую практическую цѣль могъ имѣть законодатель, установивъ разсматриваемое правило? Если считать, что межеваніе имѣло дѣло не съ вотчинными единицами, а съ округами селеній, то практическое значеніе изложеннаго въ первой части закона 23 Апр. 1845 г. правила сводилось бы къ тому, что если кто по давности пріобрѣлъ смежный съ его дачею участокъ, то послѣдній въ межевомъ отношеніи продолжаетъ числиться составною частью той дачи, къ которой пріуроченъ по межеванію, и что, слѣдовательно, тотъ, кто пріобрѣлъ участокъ по давности: 1) обязанъ, согласно 471 ст. зак. меж. (ст. 614 изд. 57 г.), озаботиться о сохраненіи въ цѣлости поставленныхъ при генеральномъ межеваніи межевыхъ признаковъ и 2) не вправѣ просить о выдачѣ общаго плана на принадлежащую ему цѣлую дачу и пріобрѣтенный имъ по давности участокъ смежной дачи. Если же таковъ смыслъ первой части закона 23 Апр. 1845 г., то нельзя не задаваться вопросомъ: съ какою цѣлью законодатель требуетъ сохраненія слѣдовъ такого межеванія, которое потеряло всякое практическое значеніе?

Найти удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможно: подобнаго правила не существуетъ рѣшительно нигдѣ и всѣ безъ исключенія законодательства стремятся къ

тому, чтобы привести межеваніе въ соотвѣтстіе съ наступившими послѣ него измѣненіями матеріальнаго права. Хотя въ нашемъ законодательствѣ этотъ предметъ почти не затронутъ, однако и въ немъ можно найти указанія на то, что ему не чуждо это стремленіе. Такъ, напримѣръ, на основаніи 643 ст. зак. меж., (ст. 801 изд. 57 г.), нѣсколько самостоятельныхъ дачъ генеральнаго межеванія для удобнѣйшаго промѣна чрезполосныхъ участковъ могутъ быть соединены въ одинъ округъ съ выдачею каждому совладѣльцу на выдѣленный ему изъ всѣхъ дачъ участокъ одного общаго плана, причемъ, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 29 Января 1846 г. [1]), оказавшіяся внутри образовавшихся вновь участковъ генеральныя межи подлежатъ уничтоженію.

Если генеральныя межи, потерявшія практическое значеніе вслѣдствіе соединенія нѣсколько дачъ въ одинъ округъ, подлежатъ уничтоженію, то трудно объяснить, почему должны быть сохранены межи, потерявшія практическое значеніе вслѣдствіе измѣненія предѣловъ дачъ по давности владѣнія?

Обращаясь засимъ къ третьей части закона 23 Апрѣля 1845 г.,—на основаніи которой всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генер. обмежеванныхъ должны быть разрѣшаемы, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами,—нельзя не замѣтить, что изложенное въ ней правило совпадаетъ съ разобраннымъ выше п. 1 предложенія графа Блудова и что по этому сказанное выше по сему предмету вполнѣ примѣнимо и здѣсь.

---

[1]) См. Законы Межевые, изданіе Старшаго Члена Межевой Канцеляріи Князя Мещерскаго. С. П. Б. 1879 г. стр. 340 и Межевой Сборникъ Б. Долячко. Москва. 1893 г. стр. 362.

Какъ въ 1 п. предложенія гр. Блудова, такъ и въ третьей части закона 1845 г., подъ споромъ о границахъ владѣнія разумѣется такой споръ, по которому обѣ спорящія стороны ссылаются на предустановленныя межевыми законами доказательства, т. е. на межевые планы и, слѣдовательно, о примѣненіи давности при подобномъ спорѣ не можетъ быть рѣчи уже потому, что на ней не основываетъ своего права никто изъ спорящихъ сторонъ. Что таковъ именно смыслъ разсматриваемаго правила явствуетъ изъ приведенныхъ въ ст. 3 закона 1845 г. словъ «въ отношеніи окружности дачи», указывающихъ на то, что, по мысли законодателя, межевыми актами должны разрѣшаться не всѣ вообще споры о границахъ владѣнія въ обмежеванныхъ дачахъ, а лишь такіе споры, которые касаются окружности дачи, т. е. имѣютъ предметомъ вопросъ о томъ, гдѣ проходитъ межа генеральнаго межеванія, а не вопросъ о томъ, пріобрѣлъ ли или нѣтъ смежный владѣлецъ право на владѣніе за межею однимъ изъ дозволенныхъ закономъ способовъ (покупка, давность и т. д.)?

По поводу употребленнаго въ п. 3 закона 23 Апрѣля 1845 г. термина «окружность дачи» слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ неточенъ. Объ окружности дачи, т. е. объ окружной межѣ дачи можно говорить лишь въ такомъ случаѣ, когда дача образовалась изъ однопомѣстнаго селенія и такимъ образомъ совпадаетъ съ округомъ селенія. Но когда дача образовалась вслѣдствіе полюбовнаго развода владѣльцевъ разнопомѣстнаго селенія (312 ст. зак. меж., 409 ст. изд. 57 г.) и, слѣдовательно, обнимаетъ лишь часть округа селенія, то очевидно, что межа образовавшейся по межеванію дачи не можетъ совпадать съ окружною межею, т. е. съ предѣлами округа селенія. Въ указанной неточности, безъ со-

мнѣнія, отражается разобранное выше мнѣніе,—нашедшее себѣ выраженіе также въ ст. 2 зак. меж.,—что генеральное межеваніе утверждаетъ земли къ селеніямъ, а не къ владѣльцамъ и, слѣдовательно, имѣетъ цѣлью опредѣленіе границы округовъ, а не единицъ владѣнія. Такимъ образомъ оказываетея, что, какъ по всѣмъ прочимъ основнымъ вопросамъ межеваго права, такъ и по вопросу о примѣненіи давности къ межамъ генеральнаго межеванія, источникомъ недоразумѣній является невѣрное толкованіе того основнаго положенія нашихъ межевыхъ законовъ, въ силу котораго земли межуются къ селенію, а не къ лицу владѣльца.

Остается разсмотрѣть п. 2 закона 23 Апрѣля 1845 г., гласящій, что «равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными».

Въ текстѣ этого пункта слѣдуетъ различать двѣ части, а именно: одну, выражающую собою волю законодателя, и другую, объясняющую мотивы, которыми онъ руководствовался при установленіи изложеннаго въ первой части правила. Что касается послѣдней, то она правило объ изъятіи межи изъ дѣйствія давности выводитъ изъ принятаго Межевою Инструкціею начала непоколебимости межи. Но выше уже было объяснено [1]), что начало непоколебимости имѣетъ въ виду споры, основанные на юридическихъ событіяхъ, предшествовавшихъ межеванію, а не наступившихъ послѣ нея, и поэтому не имѣетъ ни прямаго, ни косвеннаго отношенія къ вопросу о примѣненіи давности владѣнія къ межамъ.

---

[1]) См. выше стр. 131.

Если бы сущность начала непоколебимости заключалась въ томъ, чтобы, какъ сказано въ п. 2 закона 23 Апрѣля 1845 г., межеваніемъ опредѣлялось навсегда пространство владѣній въ обмежеванныхъ дачахъ, то очевидно, что нарушеніемъ этого начала пришлось бы почитать всякое раздѣленіе обмежеванной дачи, безъ различія, было ли оно послѣдствіемъ отчужденія части дачи, раздѣла, пріобрѣтенія части дачи по давности и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что при выясненіи смысла закона 23 Апрѣля 1845 г. вторая часть пункта 2 онаго должна быть совершенно оставлена безъ вниманія, какъ: а) не содержащая въ себѣ положительнаго предписанія закона и б) находящаяся въ противорѣчіи съ тѣмъ закономъ, смыслъ котораго имѣлось въ виду въ немъ воспроизвести. Въ виду сего и за устраненіемъ пунктовъ 1 и 3 закона 23 Апрѣля 1845 г., какъ безсодержательныхъ, практическое значеніе имѣетъ и руководствомъ можетъ служить исключительно лишь правило, выраженное въ первой половинѣ п. 2 означеннаго закона, что давностью владѣнія не могутъ быть разрушены права, соединенныя съ постановкою межъ генеральнаго межеванія.

Обращаясь поэтому къ вопросу, въ чемъ именно заключаются соединенныя съ межею права, слѣдуетъ замѣтить, что, какъ уже было объяснено выше, межа, сама по себѣ, не можетъ подлежать дѣйствію давности. Подвергаться вліянію давности можетъ не самая межа, а лишь ограждаемое ею право, которое заключается во власти владѣть пріуроченными къ дачѣ землями. Право это составляетъ противуположность удостовѣряемому актомъ укрѣпленія праву на цѣлую дачу и, слѣдовательно, одинаково нарушается изъятіемъ изъ владѣнія собственника какъ находящейся внутри дачи участка, такъ и таковаго, прилегающаго къ самой межѣ. Поэтому

дѣлать при примѣненіи закона 23 Апрѣля 1845 г. различіе между участкомъ, находящимся внутри дачи, и таковымъ, состоящимъ при самой межѣ, нѣтъ правильнаго основанія, ибо межа служитъ къ огражденію права на владѣніе какъ тѣми, такъ и другими участками. Такимъ образомъ оказывается, что смыслъ выраженнаго въ текстѣ закона 23 Апрѣля 1845 г. постановленія заключается въ томъ, что давностью владѣнія можетъ быть пріобрѣтаема лишь обмежеванная дача въ цѣломъ составѣ, части же таковой дачи не могутъ быть пріобрѣтаемы путемъ давности, безразлично къ тому, находятся-ли онѣ внутри дачи или на самой межѣ [1]).

До сихъ поръ вопросъ о смыслѣ закона 23 Апрѣля 1845 г. разобранъ исключительно на основаніи текста этого закона. Однако для установленія истиннаго смысла этого закона, необходимо взвѣсить также мотивы, которыми руководствовался законодатель. Но въ этомъ отношеніи едва-ли не еще въ большей степени, чѣмъ при разборѣ текста закона 23 Апрѣля 1845 г., приходится считаться съ крайне неяснымъ и сбивчивымъ изложеніемъ мнѣнія Государственнаго Совѣта. Приведенныя въ этомъ мнѣніи соображенія служатъ далеко не вѣрнымъ отраженіемъ того, что имѣлъ въ виду выразить Государственный Совѣтъ. Въ соображеніяхъ его (повторяющихъ

---

[1]) Къ изложенному въ текстѣ выводу о смыслѣ закона 23 Апрѣля 1845 г. пришелъ и профессоръ Энгельманъ (тамъ же стр. 178; см. также указанную выше статью В. Вороновскаго стр. 35), полагающій, что буквальнымъ смысломъ этого закона исключается примѣненіе давности къ отдѣльнымъ участкамъ обмежеваннаго имѣнія, почему попытки доказывать, что не таковъ смыслъ этого закона, должны быть признаны неудачными. Того-же взгляда на законъ 23 Апрѣля 1845 г. придерживалась судебная практика старыхъ судовъ (см. приведенныя у Энгельмана—стр. 166 прим. 2—рѣшенія).

по сему предмету дословно заключеніе графа Панина) споры межевые, производимые межевымъ порядкомъ, противупоставляются спорамъ вотчиннымъ, производимымъ гражданскимъ порядкомъ. Толкуя мнѣніе Государственнаго Совѣта согласно прямому смыслу употребленныхъ имъ словъ, пришлось бы признать, что здѣсь идетъ рѣчь о различіи подсудности споровъ гражданскимъ или межевымъ судамъ [1]). Между тѣмъ Государственный Совѣтъ подъ различіемъ межеваго и гражданскаго порядка разумѣетъ различіе не въ отношеніи процессуальнаго характера спора, а касательно свойства служащихъ къ разрѣшенію его доказательствъ. По мысли Государственнаго Совѣта, споръ долженъ быть отнесенъ къ межевому или гражданскому порядку, смотря потому, разрѣшается-ли онъ доказательствами, предустановленными законами гражданскими (давностью), либо межевыми (планами). Толковать въ иномъ смыслѣ мнѣніе Государственнаго Совѣта значило-бы допустить едва-ли возможное предположеніе, что имъ упущена была изъ виду ст. 52 меж. (60 ст. изд. 1857 г.), по силѣ которой споры о границахъ обмежеванныхъ дачъ отнесены къ вѣдомству не межевыхъ, а гражданскихъ судовъ.

Еще больше недоразумѣній можетъ вызвать то обстоятельство, что Государственный Совѣтъ (подобно графу Панину) дѣламъ о завладѣніи чрезъ межу, подлежащимъ разрѣшенію межевымъ порядкомъ, т. е. силою межевыхъ актовъ, противуполагаетъ дѣла, подлежащія разрѣшенію гражданскимъ порядкомъ, на основаніи давности, причемъ къ числу сихъ послѣднихъ относитъ дѣла «о правѣ собственности на

---

[1]) Такъ понимаетъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, между прочимъ, В. Вороновскій въ указанной выше статьѣ, стр. 26.

участокъ, поступившій къ владѣльцу по законному переукрѣпленію или по наслѣдственному праву». Но казалось-бы, что если участокъ пріобрѣтенъ по законному переукрѣпленію или наслѣдственному праву, то не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи давности къ возникшему о немъ спору. Отсюда рождается вопросъ: почему Государственный Совѣтъ въ своихъ разсужденіяхъ, относящихся къ примѣненію давности, счелъ нужнымъ упоминать о такомъ случаѣ, который по самому существу своему исключаетъ примѣненіе давности. Предполагать, что онъ имѣлъ въ виду лишь выразить ту мысль, что по спорамъ о частяхъ дачи доказательствомъ принимаются крѣпости и акты, подтверждающіе наслѣдственное право, едва-ли возможно, ибо: а) это разумѣется само собою, б) такое предположеніе оставляетъ безъ объясненія вопросъ, въ силу чего Государственный Совѣтъ высказываетъ эту мысль лишь по отношенію къ отдѣльнымъ участкамъ, а не къ цѣлымъ дачамъ, о которыхъ въ мнѣніи его упоминается рядомъ съ означенными участками и къ которымъ приведенная мысль также примѣнима, и в) разсматриваемыя соображенія Государственнаго Совѣта заимствованы имъ дословно изъ заключенія графа Панина, въ которомъ соображенія эти служатъ отвѣтомъ на вопросъ не о томъ, въ какихъ дѣлахъ слѣдуетъ принимать доказательствомъ крѣпости и въ какихъ межевые акты, а о томъ, чему отдать преимущество при не достаткѣ другихъ доказательствъ: межевымъ ли книгамъ и планамъ или давности владѣнія [1]).

Такимъ образомъ разбираемое здѣсь мѣсто мнѣнія Госу-

[1]) См. Энгельманъ, тамъ же стр. 174.

дарственнаго Совѣта представляетъ собою, повидимому, загадку.

Разрѣшеніе этой загадки слѣдуетъ, кажется, искать въ современныхъ тому мнѣнію законахъ о правѣ владѣнія. Законамъ этимъ былъ извѣстенъ одинъ видъ владѣнія, не существующій въ дѣйствующемъ правѣ, а именно владѣніе, хотя и незаконное, т. е. не соотвѣтствующее праву на владѣніе, однако имѣющее законное происхожденіе, т. е. основанное на крѣпости и наслѣдственномъ правѣ или судебномъ приговорѣ, впослѣдствіи признанныхъ недѣйствительными [1]). Сводъ гражданскихъ законовъ 1832 и 1842 гг. этотъ видъ владѣнія противуполагалъ съ одной стороны законному владѣнію, т. е. такому, которое соединено съ правомъ на владѣніе [2]), а съ другой—самовольному, т. е. такому, которое возникло, хотя и безъ насилія, однако и безъ крѣпости [3]).

---

[1]) Св. гражд. зак. изд. 1832 г. ст. 525, 614, 615, 617 и изд. 1842 г. ст. 442 п. 2, 526, 527, 529 прим.

[2]) Св. гражд. зак. изд. 1832 г. ст. 523, изд. 1842 г. ст. 440.

[3]) Св. гражд. зак. изд. 1832 г. ст. 529, изд. 1842 г. ст. 446. Ср. Меж. Инстр. гл. 32 ст. 7, гдѣ сказано, что самовольнымъ владѣльцемъ почитается тотъ, кто безъ всякихъ крѣпостей и безъ указовъ поселился. О видахъ владѣнія по изданіямъ 1832 и 1842 гг. см. Неволина Исторія Росс. гражд. законовъ въ Собр. сочин. т. 5 стр. 271 и 273 примѣч. 1260 и ст. А. Лыкошина объ отысканіи недвижимыхъ имѣній изъ чужаго владѣнія въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права за 1888 г. кн. 4 стр. 28—42. А. Лыкошинъ приходитъ къ заключенію, что въ Сводѣ гражд. зак. изд. 1842 г. постановленія Свода 1832 г. о видахъ владѣнія подверглись измѣненію по существу.Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться: измѣненіе, сдѣланное въ Сводѣ 1842 г., имѣло, какъ видно изъ изложенія самаго автора, чисто редакціонное значеніе и заключалось въ исключеніи, по требованію Министра Юстиціи, термина «самовольное добросовѣстное владѣніе», употребленнаго въ Сводѣ 1832 г. для незаконнаго владѣнія, основаннаго на крѣпости, наслѣдственномъ правѣ или судебномъ приговорѣ, впо-

Этотъ видъ владѣнія, занимающій среднее положеніе между законнымъ и самовольнымъ владѣніемъ, отмѣненъ закономъ 21 Марта 1851 г. о вознагражденіи за вредъ и убытки (вошедшимъ въ ст. 523 и сл. 1 ч. X т.изд.1857 г.). Означенный законъ 1851 г. относитъ къ самовольному владѣнію всякое владѣніе, происходящее вопреки закону (ст. 528 1 ч. X т.) и, слѣдовательно, и такое, которое возникло по уничтоженному впослѣдствіи крѣпостному акту или наслѣдственному праву.Къ этому именно виду владѣнія должно быть отнесено цитированное выше мѣсто изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта 1845 г. Это подтверждается какъ полнымъ соотвѣтствіемъ приведенныхъ словъ означеннаго мнѣнія тѣмъ выраженіямъ, которыми Сводъ гражданскихъ законовъ означалъ этотъ видъ владѣнія, такъ и въ особенности послѣдующими соображеніями Государственнаго Совѣта. Въ нихъ вполнѣ ясно и категорично выражена та мысль, что возникающіе по генерально обмежеваннымъ дачамъ споры подлежатъ изъятію не изъ дѣйствія давности владѣнія вообще, а изъ дѣйствія давности завладѣнія, какъ выразился Государственный Совѣтъ, т. е. изъ дѣйствія давности, имѣющей основаніемъ завладѣніе. Государственный

слѣдствіи отмѣненныхъ (ст. 314 изд. 1832 г.), и въ замѣнѣ этого термина подробнымъ перечисленіемъ признаковъ такого владѣнія («не насильственно, не самовольно и не подложно, а по праву наслѣдства, крѣпостямъ или отдачѣ отъ присутственныхъ мѣстъ» ст. 449,526,527 изд. 1842 г.). Въ виду изложеннаго едва ли также можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что произведенныя въ сводѣ 1842 г. измѣненія постановленій о видахъ владѣнія поставили II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, на которое въ 1844 г. было возложено составленіе правилъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, «въ по истинѣ трагическое положеніе», что редакторы означенныхъ правилъ «сдѣлались жертвою недоразумѣнія« и т. д. (тамъ же стр. 33 и 35).

Совѣтъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду противуполагать дѣла о правѣ собственности на отдѣльные участки дачи— дѣламъ о завладѣніи, ибо споръ о завладѣніи, основанный на томъ, что составляющій предметъ онаго участокъ есть собственность того, у кого захваченъ, представляетъ собою, безъ сомнѣнія, споръ о правѣ собственности на отдѣльный участокъ, изъ чего слѣдуетъ, что Государственный Совѣтъ дѣламъ о завладѣніи противуполагаетъ не дѣла о правѣ собственности на участокъ вообще, а лишь дѣла о правѣ на участокъ, который поступилъ къ владѣльцу на законномъ основаніи, а не въ силу завладѣнія. Государственный Совѣтъ поставилъ примѣнимость давности къ спорамъ объ отдѣльныхъ участкахъ въ зависимость отъ наличности законнаго основанія владѣнія: если таковое возникло однимъ изъ дозволенныхъ закономъ способовъ, то, по мысли Государственнаго Совѣта,оно можетъ посредствомъ давности превратиться въ право собственности, хотябы впослѣдствіи правооснованіе пріобрѣтенія было признано недѣйствительнымъ (на томъ основаніи, напримѣръ, что продавецъ оказался впослѣдствіи неправоспособнымъ, неимѣющимъ права собственности на отчужденное имѣніе и т. д.). Но если владѣніе опирается не на какое либо законное правооснованіе, а лишь на фактъ завладѣнія, то, по разуму сужденій Государственнаго Совѣта, давность владѣнія,сколько бы времени оно ни продолжалось, не превращается въ право собственности.

Такимъ образомъ ясно, что Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду различить, основано ли владѣніе на законномъ титулѣ или лишь на захватѣ, причемъ для перваго случая онъ допустилъ, а для послѣдняго исключилъ примѣненіе давности.

Нельзя, конечно, отрицать, что мысль эта въ соображе-

ніяхъ Государственнаго Совѣта получила далеко не ясное выраженіе. Она, такъ сказать, не договорена въ соображеніяхъ его, такъ какъ въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, о коемъ идитъ рѣчь, послѣ словъ «или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владѣльцу по законному переукрѣпленію или по наслѣдственному праву,» пропущены слова «признаннымъ впослѣдствіи недѣйствительными». Въ заключеніи графа Панина, откуда разсматриваемыя соображенія заимствованы дословно Государственнымъ Совѣтомъ, означенныя слова были пропущены, вѣроятно, по той причинѣ, что предшествовавшая этому соображенію часть заключенія (невошедшая въ упомянутое мнѣніе Государственнаго Совѣта) устраняла всякое сомнѣніе въ томъ, что здѣсь имѣлся въ виду случай, предусмотрѣнный въ статьяхъ 442 п. 2, 526, 527, 529 Свода гр. зак. изд. 1842 г.

Такимъ образомъ, сомнѣніе относительно истиннаго смысла разбираемаго соображенія Государственнаго Совѣта является послѣдствіемъ не столько неясности заключенія графа Панина, откуда оно заимствовано, сколько того, что заключеніе это въ мнѣніе Государственнаго Совѣта вошло не въ полномъ, а въ отрывочномъ видѣ.

Что законодатель не имѣлъ въ виду обмежеванныя земли безусловно изъять изъ дѣйствія давности, подтверждается также, какъ вѣрно замѣчаетъ И. Энгельманъ [1]), статьею 16 Высочайше утвержденныхъ 30 Декабря 1853 г. правилъ судебно-межеваго разбирательства, вошедшею въ ст. 951 зак. меж. (ст. 1158 изд. 1857 г.), которая прямо предусматриваетъ возможность пріобрѣтенія въ обмежеванной дачѣ права собственности по давности владѣнія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 180.

Остается еще коснуться здѣсь вопроса, имѣлъ ли законъ 23 Апрѣля 1845 г. въ виду оградить владѣльцевъ обмежеванныхъ дачъ отъ захватовъ частей дачи вообще или лишь отъ захватовъ: а) прилегающихъ къ самой межѣ участковъ и б) произведенныхъ сосѣдними владѣльцами?

Вопросъ этотъ разрѣшается, кажется, тѣмъ соображеніемъ, что, какъ объяснено выше [1]), нарушеніемъ соединенныхъ съ межею правъ долженъ считаться всякій захватъ, произведенный въ обмежеванной дачѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что межевые законы подъ межею генеральнаго межеванія разумѣютъ не вообще линію, отдѣляющую два смежныхъ имѣнія, а такую линію, которая обособляетъ обмежеванное имѣніе отъ всѣхъ смежныхъ владѣній, т. е. сомкнутую линію [2]). Поэтому, кто внутри обведеннаго этою линіею пространства имѣетъ владѣніе, не опирающееся на законное основаніе, тотъ нарушилъ межу или, какъ выражается Государственный Совѣтъ, завладѣлъ чрезъ межу.

Что Государственный Совѣтъ не имѣлъ въ виду дѣлать различіе между захватомъ, произведеннымъ сосѣдомъ или дру-

---

[1]) Стр. 139 и 145.

[2]) Въ проектѣ меж. уст. слово *межа* имѣетъ другое значеніе, ибо относится также къ укрѣпленію отдѣльной границы (ст. 268 пр. меж. уст.). Соотвѣтственно сему и завладѣніе чрезъ межу, укрѣпляющую отдѣльную границу, въ системѣ проекта межеваго устава имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ завладѣніе чрезъ межу генеральнаго межеванія. Межу, обособляющую имѣніе со всѣхъ сторонъ, нарушаетъ всякій, кто завладѣлъ частью имѣнія, тогда какъ нарушеніе межи, укрѣпляющей отдѣльную границу, можетъ послѣдовать лишь со стороны сосѣда. Это обстоятельство, кажется, упущено изъ виду составителями проекта меж. уст. и большинствомъ членовъ Коммисіи 1889 г. (Заключ. стр. 198 и Труды Коммисіи стр. 95), предлагающими межи государственнаго межеванія, въ отношеніи дѣйствія давности, подчинить одинаковымъ правиламъ съ межами, служащими къ укрѣпленію отдѣльной границы.

гимъ лицомъ и на межѣ или внутри дачи, явствуетъ изъ того, что драки и другія насилія, къ предупрежденію которыхъ, по словамъ Государственнаго Совѣта, должно служить изъятіе межъ изъ дѣйствія давности владѣнія, составляютъ неизбѣжное послѣдствіе всякаго самовольнаго захвата безъ различія, кѣмъ и гдѣ произведенъ таковой. Далѣе, въ подтвержденіе того, что Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду оградить собственниковъ обмежеванныхъ дачъ отъ всякаго вообще самовольнаго захвата частей дачи, нельзя не указать и на то, что одна изъ главныхъ причинъ, почему Государственный Совѣтъ счелъ нужнымъ преградить возможность разрушенія давностью соединенныхъ съ постановленіемъ межъ правъ, заключается въ указаніи на крайнія затрудненія, которыя принятіе противуположнаго правила могло бы вызвать въ примѣненіи къ общимъ дачамъ. Какія именно затрудненія имѣлъ здѣсь въ виду Государственный Совѣтъ, болѣе подробно объяснено въ слѣдующемъ, приведенномъ въ заключеніи графа Панина, примѣрѣ: «ежели—говорится въ томъ заключеніи—захватъ за межу сосѣдней дачи признавать по земской давности за собственность, то въ общей дачѣ—кому онъ долженъ обратиться въ ущербъ: всѣ ли владѣльцы потеряютъ дачи по соразмѣрности каждаго изъ нихъ или тотъ, кто допустилъ завладѣніе?» [1]) Хотя въ этомъ примѣрѣ говорится лишь о захватѣ, произведенномъ сосѣднимъ владѣльцемъ, но очевидно, что по отношенію къ вопросу, кому произведенный въ общей дачѣ захватъ долженъ обратиться въ ущербъ, совершенно безразлично, кѣмъ оный произведенъ и гдѣ находится захваченная земля, внутри дачи или на межѣ. Если давностное владѣніе основано на крѣ-

---

[1]) См. Энгельманъ, тамъ же, стр. 169.

пости или наслѣдственномъ правѣ, то ясно, что давность владѣнія должна обратиться въ ущербъ тому, кто является праводателемъ давностнаго владѣльца. Но если давность основана на захватѣ, то, кѣмъ бы таковой ни былъ произведенъ и гдѣ бы ни находилась захваченная земля, разрѣшеніе указаннаго вопроса представляется весьма затруднительнымъ. Графъ Блудовъ, въ своихъ возраженіяхъ на заключеніе графа Панина, полагалъ, что основаніемъ при размежеваніи общихъ дачъ будетъ служить дѣйствительное, продолжающееся долгое время, безспорное владѣніе и что поэтому не представится затрудненія опредѣлить, кто именно изъ участниковъ въ общей дачѣ потерялъ чрезъ захватъ [1]). Такой отвѣтъ графа Блудова на поставленный графомъ Панинымъ вопросъ, однако, построенъ на неосуществившемся предположеніи, ибо законъ 30 Декабря 1853 г. принялъ основаніемъ къ размежеванію общихъ дачъ начало, прямо противуположное тому, которое предлагалъ графъ Блудовъ, а именно, начало размежеванія по крѣпостямъ, а не по давностному владѣнію, которое принимается въ основаніе размежеванія лишь въ томъ случаѣ, если останутся излишнія земли, по удовлетвореніи всѣхъ крѣпостныхъ владѣльцевъ (ст. 950 прим. и 954 зак. меж.).

Изъ всего вышеизложеннаго обнаруживается:

1) что прямой смыслъ закона 23 Апрѣля 1845 г., вошедшаго въ 563 ст. 1 ч. X т., не соотвѣтствуетъ выраженному въ мнѣніи Государственнаго Совѣта намѣренію законодателя; 2) что, согласно прямому смыслу означеннаго закона 1845 г., въ обмежеванныхъ дачахъ должны почитаться изъятыми изъ дѣйствія давности всѣ безъ исключенія споры

---

[1]) См. Энгельманъ, тамъ же, стр. 173.

о частяхъ дачи, тогда какъ намѣреніе законодателя заключалось въ примѣненіи этого правила лишь къ тѣмъ случаямъ, когда владѣніе частью обмежеванной дачи возникло самовольно, посредствомъ завладѣнія, и 3) что, такимъ образомъ, по намѣренію законодателя, разрѣшеніе вопроса о примѣненіи давности владѣнія къ спорамъ о частяхъ обмежеванныхъ дачъ должно зависѣть не отъ того, гдѣ находится спорный участокъ, внутри или на межѣ дачи, а равно, кѣмъ заявленъ споръ, сосѣдомъ или постороннимъ лицомъ, но исключительно отъ свойства давностнаго владѣнія, а именно отъ того, имѣетъ ли оно законное основаніе, либо возникло въ силу захвата.

IV.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Бекъ.

Вопросъ о смыслѣ закона 23 Апрѣля 1845 г. подвергся въ Государственномъ Совѣтѣ подробному обсужденію по дѣлу Бекъ, по которому состоялось мнѣніе его, Высочайше утвержденное 3 Апрѣля 1867 г. [1]). По дѣлу этому въ происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ сужденіяхъ заявлены были два мнѣнія [2]).

Одно изъ нихъ въ сущности вполнѣ совпадаетъ съ высказаннымъ выше взглядомъ на смыслъ закона 23 Апрѣля 1845 г. Оно весьма подробно развиваетъ то положеніе, что законъ 23 Апрѣля 1845 г. былъ направленъ исключительно противъ

---

[1]) П. С. З. № 44433.

[2]) Энгельманъ, тамъ же стр. 180—188. Изъ сочиненія г. Энгельмана не видно, заявлены ли были приведенныя имъ мнѣнія въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ или во внесенныхъ въ оный запискахъ.

владѣнія, возникшаго въ силу захвата, а не противъ владѣнія, возникшаго «по законному акту, по правамъ наслѣдства или по судебному рѣшенію, хотя бы въ первоначальномъ возникновеніи дѣйствительно была погрѣшность». Но, находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что указанная мысль выражена въ 563 ст. 1 ч. X т. весьма темно и не точно, мнѣніе это полагало, для устраненія на будущее время сомнѣнія относительно истиннаго смысла закона 23 Апрѣля 1845 г., измѣнить редакцію его въ слѣдующемъ видѣ: «Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ разрѣшаются въ отношеніи окружности дачи межевыми законами. Право собственности, внутри тѣхъ дачъ, пріобрѣтается давностью владѣнія лишь въ случаѣ спокойнаго, въ теченіи указаннаго ст. 565 срока, владѣнія по акту укрѣпленія, въ законномъ порядкѣ совершенному, по праву наслѣдованія или по судебному рѣшенію» [1]).

По поводу приведеннаго предложенія объ измѣненіи редакціи ст. 563 1 ч. X т. нельзя, прежде всего, не замѣтить, что оно дословно воспроизводитъ первую и третью часть упомянутой статьи и такимъ образомъ не устраняетъ тѣхъ сомнѣній и недоразумѣній, которыя вызываются ихъ содержаніемъ. Что же касается послѣдней части предложенной новой

---

[1]) Разсматриваемое мнѣніе расходится съ проводимымъ въ настоящей запискѣ взглядомъ на законъ 23 Апрѣля 1845 г. въ томъ, что: а) оно исходитъ изъ начала, что генеральное межеваніе имѣло цѣлью опредѣлить границы только дачъ, какъ территоріальныхъ единицъ въ государствѣ, независимо отъ правъ на владѣніе обведенными этими границами землями, и б) полагаетъ, что упомянутый законъ 1845 г. имѣлъ въ виду оградить владѣльцевъ обмежеванныхъ дачь не отъ захватовъ частей дачи вообще, а лишь отъ захватовъ со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ.

редакціи 563 ст. 1 ч. X т., которою предполагалось замѣнить вторую часть текста этой статьи, то нельзя не признать, что она точнѣе, чѣмъ законъ 23 Апрѣля 1845 г., выражаетъ мысль, которая легла въ основу этого закона. Но авторъ проектированной новой редакціи ст.563 1 ч. X т. упустилъ изъ виду, что редакція закона 23 Апрѣля 1845 г. была согласована съ дѣйствовавшими въ то время постановленіями гражданскаго права и что въ промежутокъ времени между 1845 и 1867 гг. послѣдовали весьма существенныя измѣненія въ относящихся сюда частяхъ гражданскаго права, съ которыми нельзя было не считаться при измѣненіи редакціи ст. 563 1 ч. X т. То, что соотвѣтствовало намѣренію законодателя въ 1845 г., могло оказаться въ полномъ разладѣ со взглядомъ его въ 1867 г. Въ такомъ именно видѣ представляется дѣло и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ изданія закона 23 Апр. 1845 г. состоялся законъ 21 Марта 1851 г. о вознагражденіи за вредъ и убытки, которымъ, какъ было упомянуто выше [1]), отмѣненъ былъ тотъ видъ владѣнія, который имѣлся въ виду составителемъ проекта измѣненной редакціи ст. 563 1 ч. X т.Между Сводомъ гражданскихъ законовъ изд. 1832 и 1842 гг. съ одной стороны, и закономъ 21 Марта 1851 г., съ другой—заключается то различіе, что Сводъ законовъ свойство владѣнія опредѣляетъ исключительно по внѣшнему признаку—наличности правильныхъ укрѣпленій, тогда какъ законъ 21 Марта 1851 г. опредѣляетъ это свойство исключительно по внутреннимъ признакамъ—добросовѣстности владѣльца. Соотвѣтственно сему, по Своду 1832 и 1843 гг. отъ обязанности, напр., возвращенія доходовъ собственнику былъ свободенъ лишь

---

[1]) Стр. 149.

тотъ, кто владѣлъ по правильнымъ укрѣпленіямъ; владѣлецъ же, неимѣвшій правильныхъ укрѣпленій, не могъ быть освобожденъ отъ этой обязанности, хотя бы онъ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, какъ то: владѣлъ за межею, не зная, что переступилъ таковую (ст. 527 изд. 1842 г.). Между тѣмъ, по закону 21 Марта 1851 г., владѣлецъ, неимѣющій правильныхъ укрѣпленій, можетъ быть признанъ добросовѣстнымъ и, въ качествѣ таковаго, освобожденъ отъ обязанности возвращенія доходовъ (530 и 626 ст. 1 ч. X т.). Такъ, напримѣръ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ, что владѣніе, основанное на учиненной на купчей надписи, можетъ быть признано добросовѣстнымъ [1]). Такимъ образомъ оказывается, что понятіе «владѣнія, основаннаго на правильныхъ укрѣпленіяхъ», изъ котораго собственно исходилъ законъ 23 Апрѣля 1845 г., не существуетъ въ дѣйствующемъ правѣ.

Въ промежутокъ времени послѣ 1845 и до 1867 гг. изданъ былъ еще другой законодательный актъ, имѣющій, равнымъ образомъ, значеніе для разсматриваемаго предмета. Это есть Выс. утвержд. 22 Декабря 1858 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о силѣ обязательствъ, писанныхъ не на установленной бумагѣ [2]). По Своду гражданскихъ законовъ изд. 1832 и 1842 гг., законнымъ признавалось владѣніе лишь въ томъ случаѣ, если актъ, коимъ оно установлено, совершенъ законнымъ порядкомъ (ст. 523 изд. 1832 г., ст. 440 изд. 1842 г.). Правило о недѣйствительности неформальныхъ актовъ и о тождествѣ понятій законности и формальности акта составляло одно изъ коренныхъ началъ нашего гражданскаго зако-

---

[1]) 1875 г. № 455 по дѣлу Каранбирова.

[2]) П. С. З. № 33942.

нодательства. Отъ этого начала впервые законодатель отступилъ въ указанномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1858 г., на основаніи котораго всякаго рода акты, какъ домашніе, такъ и явочные, или же крѣпостнымъ порядкомъ совершенные, писанные на простой или ненадлежащаго достоинства гербовой бумагѣ, не признаются по сей одной причинѣ недѣйствительными (ср. ст. 461 уст. граж. суд.). Хотя законъ этотъ касается лишь одного изъ недостатковъ формы актовъ, а именно, несоблюденія правилъ о гербовомъ сборѣ, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ болѣе широкое значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые выражено то начало, что неформальные акты пользуются охраною закона. Если же это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что владѣніе, основанное на неформальномъ актѣ, въ настоящее время никоимъ образомъ не можетъ быть приравнено къ владѣнію, основанному на завладѣніи, къ каковому его слѣдовало отнести по смыслу закона 23 Апрѣля 1845 г.

Такимъ образомъ, нельзя не прійти къ тому заключенію, что приведенный выше проектъ измѣненія редакціи ст. 563 1 ч. X т. не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, какъ не соотвѣтствующій тѣмъ измѣненіямъ въ нашемъ законодательствѣ, которыя послѣдовали со времени изданія закона 23 Апрѣля 1845 г.

Разсматриваемое предположеніе объ измѣненіи редакціи ст. 563 1 ч. X т. вызвало въ Государственномъ Совѣтѣ возраженія, сущность которыхъ заключается въ томъ: а) что въ новой редакціи 563 ст. говорится о пріобрѣтеніи права собственности внутри обмежеванныхъ дачъ, а не о самыхъ границахъ оныхъ, и что поэтому, при разрѣшеніи спора объ участкѣ, лежащемъ на границѣ дачи, опять возникнутъ сомнѣнія на практикѣ, б) что переходомъ по давности владѣнія

участка обмежеванной дачи въ собственность смежнаго владѣльца нисколько не нарушается неприкосновенность границъ генеральнаго межеванія, ибо послѣдствіемъ такого перехода является лишь то, что въ дачѣ, чрезъ межу которой произведено завладѣніе, вмѣсто одного владѣльца оказываются два и в) что нѣтъ основанія, по отношенію къ обмежеваннымъ дачамъ, ставить примѣненіе давности въ другія условія, чѣмъ по отношенію къ необмежеваннымъ, коль скоро въ отношеніи всѣхъ прочихъ указанныхъ въ законѣ способовъ пріобрѣтенія собственности имъ различія между обмежеванными и необмежеванными дачами не установлено [1]).

Входя въ разборъ этихъ возраженій, надлежитъ замѣтить, что первое изъ нихъ едва ли имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ оно касается не столько содержанія, сколько неясности редакціи предложеннаго измѣненія.

Второе возраженіе сводится въ сущности къ мнѣнію, что 563 ст. 1 ч. X т. имѣетъ предметомъ дачи не какъ вотчинныя, но какъ территоріальныя единицы. Что таковъ именно смыслъ означеннаго возраженія, явствуетъ изъ приведенныхъ въ подкрѣпленіе его двухъ примѣровъ.

Первый примѣръ имѣетъ предметомъ случай захвата владѣльцемъ дачи *Б* участка, находящагося внутри смежной дачи *А*. На вопросъ, нарушается ли межа рѣшеніемъ, присудившимъ захваченный участокъ владѣльцу дачи *Б*, авторъ возраженія отвѣчаетъ отрицательно, на томъ основаніи, что присужденный владѣльцу дачи Б участокъ изъ дачи А попрежнему долженъ считаться составною частью дачи *А*.

Второй примѣръ имѣетъ предметомъ слѣдующій случай: владѣлецъ дачи *Б* запахиваетъ чрезъ межу землю, входя-

---

[1]) См. Энгельманъ, тамъ же стр. 185—188.

щую въ составъ смежной дачи А. По мнѣнію автора возраженія, въ случаѣ присужденія запаханной земли владѣльцу дачи Б, подобнымъ рѣшеніемъ неприкосновенность межъ генеральнаго межеванія нисколько не нарушается, ибо присужденный владѣльцу дачи Б участокъ будетъ продолжаться числиться въ составѣ дачи А.

Взглядъ, выразившійся въ этихъ двухъ примѣрахъ, въ практическомъ выводѣ, вполнѣ совпадаетъ съ заявленнымъ графомъ Блудовымъ, при обсужденіи закона 23 Апрѣля 1845 г., мнѣніемъ, которое тогда же было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ. Кромѣ сего, при указанномъ взглядѣ невозможно дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, какую практическую цѣль могъ имѣть въ виду законодатель при изданіи закона 23 Апр. 1845 г. Нельзя допустить, чтобы законодатель издалъ законъ, лишенный всякаго практическаго значенія. Толковать, поэтому, законъ въ такомъ смыслѣ значило бы нарушить одно изъ коренныхъ правилъ изъясненія законовъ.

Третье возраженіе имѣетъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе важное значеніе. Въ немъ заключается вся суть вопроса о примѣненіи давности къ межѣ. Возраженіемъ этимъ возбуждаются слѣдующіе вопросы: а) отчего отдается предпочтеніе только обмежеваннымъ дачамъ; б) отчего въ отношеніи этихъ дачъ ограничивается только пріобрѣтеніе посредствомъ давности владѣнія, и в) на чемъ основано различіе пріобрѣтенія по давности всей дачи или части ея?

Отвѣта на эти вопросы слѣдуетъ искать въ цѣли и существѣ давности владѣнія. Между давностью владѣнія и прочими способами пріобрѣтенія права собственности существуетъ глубокое различіе. Въ большинствѣ случаевъ давность владѣнія есть способъ не пріобрѣтенія, а лишь удостовѣренія

права собственности [1]). Давность владѣнія можетъ быть при-

---

[1]) У насъ высказано было мнѣніе, что давность владѣнія только по преданію можетъ быть отнесена къ способамъ пріобрѣтенія права собственности, ибо по настоящему она есть не способъ пріобрѣтенія, а способъ доказательства права собственности (К. Побѣдоносцевъ Курсъ, I, 4 изд., 1892 г., стр. 238). То же мнѣніе высказано Министромъ Государственныхъ Имуществъ въ отзывѣ на проектъ меж. уст. (Отзывы стр. 50). Мнѣніе это, какъ объяснено въ текстѣ, часто, но не всегда, вѣрно, ибо бываютъ случаи, когда давностью не только удостовѣряется, но и пріобрѣтается право. Сюда, въ системѣ французскаго права, слѣдуетъ отнести тридцатилѣтнюю давность, посредствомъ которой въ право собственности можетъ превратиться самовольный захватъ (см. Laurent Principes de droit civil francais t. 32 nº 3). По нашему праву, давность владѣнія служитъ лишь къ удостовѣренію пріобрѣтенія права собственности, когда, наприм., ссылка на давность сдѣлана взамѣнъ утратившагося акта укрѣпленія, котораго нельзя возстановить. Но съ другой стороны нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, что давность владѣнія всегда составляетъ способъ пріобрѣтенія права собственности, изъ чего онъ дѣлаетъ выводъ, что «право давностнаго владѣнія служитъ основаніемъ къ праву собственности только при отсутствіи другихъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія» (см. рѣш. 1879 г. № 195 по дѣлу Перекопской Городской Управы, 1889 г. № 48 по дѣлу Московскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и 1891 г. № 24 по дѣлу Херсонской Духовной Консисторіи). Такое положеніе не можетъ быть признано вѣрнымъ уже потому, что одна изъ главныхъ цѣлей давности владѣнія заключается въ облегченіи владѣльцамъ удостовѣрить принадлежность имъ состоящихъ въ ихъ владѣніи имѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда за давностью времени доказать другимъ способомъ пріобрѣтеніе права собственности было бы для нихъ затруднительно или даже невозможно. Одинаковаго взгляда съ Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ придерживается проектъ вотчиннаго устава, полагающій, напримѣръ, что укрѣпленіе за наслѣдникомъ родоваго имѣнія по давности владѣнія превращаетъ это имѣніе въ благопріобрѣтенное (см. пр. вот. уст. т. II стр. 412). Но такое послѣдствіе едва ли можетъ наступить уже потому, что опредѣленіе, коимъ имѣніе укрѣплено по давности, обязательно лишь для сторонъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, по которому послѣдовало рѣшеніе, и, слѣдовательно, даже если подобное опредѣленіе состоялось въ порядкѣ

равнена къ прочимъ способамъ пріобрѣтенія права собственности лишь въ томъ случаѣ, когда она служитъ къ восполненію недостатковъ акта укрѣпленія и, тѣмъ самымъ, къ огражденію добросовѣстныхъ пріобрѣтателей, или когда она служитъ для замѣны утратившихся доказательствъ пріобрѣтенія собственности. Но давность владѣнія существенно разнится отъ прочихъ способовъ пріобрѣтенія собственности, когда она прикрываетъ собою самовольное присвоеніе чужаго имущества. Въ этомъ случаѣ за давностью владѣнія можетъ быть признано значеніе способа пріобрѣтенія права собственности лишь на столько, на сколько того требуетъ общественный интересъ, заключающійся въ томъ, ne diu incerta dominia essent, т. е. чтобы былъ положенъ предѣлъ неопредѣленности и спорности правъ на имущества. На вопросъ: какое есть основаніе ограничивать въ обмежеванныхъ только дачахъ пріобрѣтеніе посредствомъ давности владѣнія—можно отвѣтить словами Президента Французскаго Кассац. Суда Bonjean: что la patronne du genre humain (давность, такъ прозванная римскими юристами) est aussi quelque fois la patronne des voleurs [1]). Примѣненіе къ границамъ обмежеванныхъ дачъ общихъ правилъ о давности владѣнія не вызывается общественнымъ интересомъ и, слѣдовательно, должно быть признано вреднымъ собственно въ виду того, что по обмежеваннымъ имѣніямъ неопредѣленность границъ можетъ встрѣтиться лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія и поэтому здѣсь въ огромномъ большин-

---

спорнаго производства, оно ни въ чемъ не стѣсняетъ лицъ, желающихъ доказать, что имѣніе пріобрѣтено не по давности владѣнія, а другимъ способомъ.

[1]) Bonjean Revision et conservation du cadastre Paris. 1874 г.

ствѣ случаевъ давность владѣнія не можетъ служить своему главному назначенію—положить предѣлъ неопредѣленности и спорности правъ.

Разбираемымъ возраженіемъ ставится еще вопросъ: на чемъ основано различіе пріобрѣтенія по давности всей дачи или части ея [1])? На вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить, что хотя генеральное межеваніе, какъ объяснено было выше, и утверждаетъ права на цѣлыя дачи, но такое утвержденіе,

---

[1]) Мнѣніе, что было бы противорѣчіемъ, примѣнять давность владѣнія къ цѣлымъ дачамъ и исключать дѣйствіе ея въ отношеніи границъ, т. е. частей дачъ, раздѣляется также Выс. утв. Коммисіею для обсужденія проекта межеваго устава (Труды Комм. стр. 137). Къ этому же мнѣнію примыкаетъ отчасти, профессоръ Энгельманъ, полагающій, что законъ 23 Апрѣля 1845 г. находится съ общими правилами о давности въ рѣзкомъ противорѣчіи, проявляющемся въ томъ, что законъ этотъ: а) исключаетъ дѣйствіе давности владѣнія даже въ случаѣ добросовѣстности давностнаго владѣльца части обмежеванной дачи и б) не ограждаетъ собственника отъ потери, по давности владѣнія, права на цѣлую дачу (см. «О давности по русск. гражд. праву» стр. 179). Указаніе на первый случай не убѣдительно: кто имѣетъ владѣніе, возникшее не въ силу завладѣнія, а однимъ изъ дозволенныхъ закономъ способовъ, тотъ обыкновенно является добросовѣстнымъ владѣльцемъ и, слѣдовательно, можетъ защищаться давностью владѣнія. Профессоръ Энгельманъ къ выводу, что законъ 23 Апрѣля 1845 г. не ограждаетъ добросовѣстнаго давностнаго владѣльца, пришелъ потому, что толкуетъ законъ этотъ по буквальному смыслу, а не по намѣренію законодателя, выразившемуся въ соображеніяхъ, послужившихъ для него основаніемъ. Что же касается втораго случая, то въ текстѣ объяснено, что, въ отношеніи примѣненія давности, цѣлыя, хотя бы обмежеванныя, дачи не могутъ быть поставлены въ одинаковыя условія съ частями обмежеванныхъ дачъ. Если законодателемъ и допущена непослѣдовательность, то она залючается не въ изъятіи вообще частей обмежеванныхъ дачъ изъ дѣйствія давности владѣнія, а развѣ въ томъ, что въ отношеніи пріобрѣтенія по давности владѣнія права на цѣлыя дачи, онъ лицъ, владѣющихъ на законномъ правооснованіи, не ставитъ въ льготное положеніе сравнительно съ лицами, вступившими во владѣніе цѣлою дачею путемъ

если при межеванiи и не было ни кѣмъ предъявлено спора, не имѣетъ характера непоколебимости и, слѣдовательно, не преграждаетъ возможности возбуждать споры о цѣлой дачѣ въ будущемъ. При томъ—и это есть главное—право на цѣлую дачу, бывшее безспорнымъ во время производства генеральнаго межеванія, впослѣдствіи можетъ сдѣлаться спорнымъ вслѣдствіе перехода въ порядкѣ наслѣдованія, отчужденія и т. д., чего не можетъ быть въ отношеніи границъ генерально обмежеванной дачи, которыя установляются на все время существованія самой дачи [1]).

Изъять цѣлыя дачи изъ дѣйствія давности владѣнія можно будетъ у насъ лишь при томъ условіи, если установленіе и переходъ права на цѣлыя дачи будетъ обставлено столь же строгими правилами, какъ первоначальное установленіе межъ генеральнаго межеванія, т. е. если у насъ будетъ введена система ипотечныхъ книгъ и, тѣмъ самымъ, правамъ на цѣ-

---

завладѣнія. Но къ устраненію указанной непослѣдовательности слѣдуетъ стремиться путемъ улучшенія законовъ о примѣненіи давности владѣнія къ цѣлымъ дачамъ, а отнюдь не ухудшеніемъ законовъ о пріобрѣтеніи по давности частей обмежеванныхъ дачъ. Другими словами, наше законодательство нуждается не въ облегченіи пріобрѣтенія, по давности владѣнія, частей обмежеванныхъ дачъ, а въ установленіи болѣе строгихъ требованій для превращенія въ право собственности владѣнія цѣлыми дачами, возникшаго въ силу завладѣнія.

[1]) Въ этомъ соображеніи заключается и отвѣтъ на приведенное выше возраженіе Коммисіи 1889 г. о томъ, что было бы крайнимъ противорѣчіемъ, если бы границы обмежеванныхъ имѣній были изъяты изъ дѣйствія давности, а право на цѣлую дачу могло быть пріобрѣтено по давности. Указанное возраженіе едва ли, впрочемъ согласуется съ предположеніями самой Коммисіи (въ лицѣ большинства членовъ ея) о введеніи въ проектъ межеваго устава правила объ изъятіи изъ дѣйствія давности владѣнія лишь межъ, а не правъ на цѣлыя имѣнія (Труды стр. 93—95 и 137).

лыя дачи будетъ навсегда дана полная опредѣленность, устраняющая потребность въ примѣненіи давности владѣнія.

Такимъ образомъ оказывается, что на поставленные вопросы о томъ, есть ли основаніе въ отношеніи давности владѣнія дѣлать различіе между: а) обмежеванными и необмежеванными имѣніями и б) цѣлою обмежеванною дачею и границами таковой дачи—нельзя не отвѣтить утвердительно съ точки зрѣнія какъ дѣйствующаго у насъ законодательства, такъ и здравой законодательной политики.

Все вышеизложенное показываетъ, что въ сужденіяхъ, происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ по дѣлу Бекъ, вопросъ о примѣнимости давности владѣнія къ межамъ генеральнаго межеванія былъ поставленъ вполнѣ ясно и категорически. По одному изъ высказанныхъ по этому дѣлу мнѣній, закономъ 23 Апрѣля 1845 г. части обмежеванныхъ дачъ безусловно изъяты изъ дѣйствія давности владѣнія, если это послѣднее не имѣетъ законнаго основанія, тогда какъ, по другому мнѣнію, части обмежеванныхъ дачъ безусловно подлежатъ дѣйствію давности владѣнія, безъ различія, опирается ли это владѣніе на законное основаніе или на завладѣніе. Сказанное выше о ясной и категорической постановкѣ вопроса о примѣнимости давности въ происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ сужденіяхъ по д. Бекъ нельзя, однако, примѣнять къ заключительной части мнѣнія Государственнаго Совѣта по означенному дѣлу. Мнѣніе это въ своей заключительной части, повидимому, уклоняется отъ прямаго и яснаго разрѣшенія возбужденнаго въ предшествовавшихъ сужденіяхъ вопроса. Въ упомянутой части мнѣнія Государственнаго Совѣта [1]) высказаны два положенія: а) что, по

[1]) См. Узаконенія и справки къ пр. меж. уст. стр. 9—11.

563 ст. 1 ч. X т., межа генеральнаго межеванія не служитъ препятствіемъ къ законному переходу частей обмежеванныхъ дачъ отъ одного собственника къ другому и б) что состоящія внутри обмежеванной дачи земли могутъ быть пріобрѣтаемы по давности владѣнія. Первое положеніе врядъ ли когда либо возбуждало сомнѣнія, ибо отрицать оное было бы равносильно признанію, что обмежеванная дача не можетъ подлежать раздробленію. Въ приведенномъ (первомъ) положеніи, повидимому, отразилось одно изъ соображеній, высказанныхъ въ мотивахъ закона 23 Апрѣля 1845 г. При этомъ, однако, Государственный Совѣтъ: а) едва ли вѣрно передалъ смыслъ этого соображенія, которое, какъ объяснено выше, относится не къ случаю законнаго перехода частей обмежеванныхъ дачъ вообще, а лишь къ тому случаю, когда переходъ части обмежеванной дачи, казавшійся сначала законнымъ, впослѣдствіи признанъ незаконнымъ, и б) упустилъ изъ виду, что указанное соображеніе мотивовъ къ закону 23 Апр. 1845 г. находится въ тѣсной внутренней связи съ отмѣненными въ 1851 г. постановленіями Свода гражд. зак. о свойствѣ и видахъ владѣнія.

Что касается затѣмъ втораго изъ положеній, вытекающихъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу Бекъ, то въ основу его легла, кажется, та мысль, что 563 ст. 1 ч. X т. не можетъ служить препятствіемъ къ пріобрѣтенію по давности участка, состоящаго внутри дачи, собственно потому, что такое пріобрѣтеніе не нарушаетъ межи. Но выше уже было объяснено, что межа генеральнаго межеванія представляетъ собою такую линію, которая обособляетъ обмежеванное имѣніе отъ всѣхъ смежныхъ владѣній, и что посему всякое, безъ законнаго основанія, владѣніе, происходящее внутри обведеннаго этою линіею пространства, должно почитаться нару-

шеніемъ межи. Изъ сего слѣдуетъ, что подъ понятіе нарушенія межи подходитъ не только захватъ, произведенный сосѣдомъ на самой межѣ, но и таковой, произведенный: а) имъ же внутри дачи и б) постороннимъ лицомъ, какъ внутри дачи, такъ и на межѣ. Далѣе, изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу Бекъ вытекаетъ, что, по смыслу 563 ст. 1 ч. X т., давностью владѣнія безусловно не могутъ быть пріобрѣтаемы участки, находящіеся на самой межѣ. Такой выводъ, однако, не согласуется съ цѣлью закона 23 Апрѣля 1845 г., заключающеюся въ огражденіи собственниковъ обмежеванныхъ дачъ отъ послѣдствій завладѣнія частями оныхъ, изъ чего слѣдуетъ, что означенный законъ 1845 г. вовсе не преграждаетъ возможности пріобрѣтенія по давности владѣнія находящагося на самой межѣ участка, если владѣніе таковымъ возникло не въ силу завладѣнія.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ высказанныхъ въ мнѣніи Государственнаго Совѣта по дѣлу Бекъ двухъ положеній первое разумѣется само собою, а второе едвали вѣрно, ибо исходитъ изъ предположенія, что участки обмежеванныхъ дачъ подлежатъ или изъемлются изъ дѣйствія давности владѣнія въ зависимости отъ того, находится ли участокъ внутри дачи или на межѣ (а не отъ того, возникло ли владѣніе въ силу завладѣнія или однимъ изъ дозволенныхъ закономъ способовъ [1]).

---

[1]) Изложенный въ текстѣ выводъ не согласуется со взглядомъ, высказаннымъ какъ большинствомъ членовъ Высочайше учрежденной Коммисіи для обсужденія проекта меж. уст. (Труды Ком. стр. 93 и 94), такъ и составителями этого проекта (Заключеніе стр. 197, 198). По мнѣнію большинства Комм., давностью владѣнія могутъ быть пріобрѣтены въ обмежеванныхъ дачахъ: а) участки внутри дачи—кѣмъ бы то ни было, какъ посторонними лицами, такъ и сосѣдомъ и б) участки на самой межѣ—

V

Высочайшее повелѣніе по дѣлу Кохановой.

Вопросъ о смыслѣ ст. 563 1 ч. X т. подвергся въ Государственномъ Совѣтѣ вновь подробному обсужденію по дѣлу

постороннимъ лицомъ или такимъ сосѣдомъ, имѣніе котораго не прилегаетъ къ спорной смежности. По мнѣнію же составителей пр. меж. уст., давностью владѣнія могутъ быть пріобрѣтаемы въ обмежеванныхъ дачахъ: а) участки внутри дачи—посторонними лицами и сосѣдомъ, имѣніе котораго не прилегаетъ къ спорной смежности и б) участки на самой межѣ—тѣми же лицами, какъ и участки внутри дачи. Какъ то, такъ и другое мнѣніе приходитъ къ невѣрнымъ, кажется, выводамъ потому, что не дѣлаетъ различія между государственнымъ межеваніемъ, имѣющимъ цѣлью утвержденіе правъ владѣльцевъ на обмежеванныя земли, и предпринимаемымъ по частной инниціативѣ межеваніемъ отдѣльныхъ владѣній или даже отдѣльныхъ смежностей, имѣющимъ цѣлью лишь разграниченіе смежныхъ владѣній. Въ системѣ государственнаго межеванія едва ли есть основаніе различать, ссылается ли на давность владѣнія участкомъ постороннее лицо или сосѣдъ, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, признаніемъ права собственности за давностнымъ владѣльцемъ колеблются права, утвержденныя государственнымъ межеваніемъ за владѣльцами обмежеванныхъ земель. Если же, напротивъ, межеваніе произведено съ цѣлью разграниченія смежныхъ владѣній и, слѣдовательно, служитъ лишь къ опредѣленію правоотношеній сосѣдей, то оно, казалось бы, не должно вліять на возможность пріобрѣтенія постороннимъ лицомъ, по давности владѣнія, участка обмежеванной дачи.

Если устранить вопросъ о различіи примѣненія давности къ межамъ, обусловленномъ характеромъ межеванія, то, при сравненіи мнѣній большинства членовъ Коммисіи и составителей пр. меж. уст., нельзя не отдать преимущества мнѣнію сихъ послѣднихъ. Сосѣдъ, захватившій изъ смежной дачи участокъ, находящійся хотя и не на самой межѣ, однако, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ нея, нарушаетъ соединенное съ

купчихи Кохановой, разрѣшенному Высочайшимъ повелѣ-

межею право смежнаго владѣльца. Отрицать это можно лишь, исходя изъ того мнѣнія, что межи опредѣляютъ не пространство владѣній, какъ гласитъ ст. 563 1 ч. X т., а пространство округовъ. Поэтому едва ли есть основаніе различать, захватилъ ли сосѣдъ изъ смежной дачи участокъ, находящійся на самой межѣ или внутри дачи. При томъ, какъ вѣрно указано составителями пр. меж. уст.,на практикѣ иногда весьма трудно опредѣлить,произведенъ ли захватъ на самой межѣ или внутри дачи. Наконецъ, заслуживаетъ предпочтенія мнѣніе составителей проекта меж. уст. еще и потому, что оно исключаетъ примѣненіе давности владѣнія къ участкамъ обмежеванныхъ дачъ лишь при наличности завладѣнія и, тѣмъ самымъ, допускаетъ пріобрѣтеніе, по давности владѣнія, участка обмежеванной дачи, владѣніе которымъ возникло не въ силу завладѣнія, а, напримѣръ, по купчей, впослѣдствіи признанной недѣйствительною.

Меньшинство членовъ Коммисіи 1889 г. находитъ,что вопросъ о послѣдствіяхъ давностнаго владѣнія въ обмежеванной дачѣ входитъ въ область гражданскаго права и поэтому долженъ быть выдѣленъ изъ межевой реформы. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться,но, съ другой стороны, не подлежитъ также сомнѣнію, что межевая реформа не можетъ быть осуществлена безъ разрѣшенія этого вопроса (см. отзывъ Министра Финансовъ на пр. меж. уст. и записку члена Госуд. Совѣта Старицкаго въ Отзывахъ стр. 119 и 139). Далѣе, приведенное соображеніе въ равной мѣрѣ примѣнимо къ цѣлому ряду другихъ, разрѣшаемыхъ проектомъ межеваго устава вопросовъ, напр., о легитимаціи правъ владѣльцевъ межуемыхъ и смежныхъ земель, объ огражденіи правъ третьихъ лицъ, о распредѣленіи тяжести доказательствъ въ возникающихъ въ порядкѣ межеванія спорахъ, о степени обязательности межеванія для неучаствовавшихъ въ немъ лицъ, о порядкѣ изслѣдованія возникающихъ при межеваніи споровъ, о повѣркѣ и утвержденіи юридической стороны совершаемыхъ въ порядкѣ межеванія актовъ и т. д. Весь институтъ укрѣпленія границъ отдѣльныхъ владѣній, составляющій центръ проекта межеваго устава, въ сущности есть институтъ гражданскаго права (см. ниже отдѣлъ III настоящей записки). По дѣламъ объ укрѣпленіи границъ отдѣльныхъ владѣній землемѣръ исполняетъ обязанности лишь, такъ сказать, техническаго: нотаріуса, эксперта или судебнаго пристава. Такимъ образомъ неизбѣжнымъ выводомъ изъ высказаннаго меньшинствомъ членовъ выше названной комиссіи мнѣнія является то положеніе, что разработка наиболѣе важныхъ и существен-

ніемъ, состоявшимся 5 Марта 1874 г. [1]). Въ этомъ дѣлѣ между удѣльнымъ вѣдомствомъ и купчихою Кохановою шелъ споръ объ участкѣ земли, прилегающемъ къ межѣ генеральнаго межеванія, причемъ удѣльное вѣдомство основывало свои права на спорный частокъ на планѣ генеральнаго межеванія, а Коханова опровергала права удѣльнаго вѣдомства ссылкою на то, что спорный участокъ по законно совершеннымъ актамъ состоитъ болѣе 10 лѣтъ во владѣніи ея и праводателей ея, которымъ достался отъ завладѣвшаго онымъ смежнаго владѣльца. По этому дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ заявлены были два мнѣнія [2]). 35 особъ полагали: признать спорный участокъ собственностью Кохановой по давности владѣнія, принявъ въ соображеніе, что ни та, ни другая сторона не просятъ ни измѣненія границъ генеральнаго межеванія, ни перечисленія спорнаго участка изъ одной дачи въ другую, слѣдовательно предметъ этого спора есть вотчинный, а не межевой; что законъ 23 Апрѣля 1845 г. относится къ спорамъ между дачами о межевомъ правѣ, а не къ спорамъ между отдѣльными владѣльцами дачъ о вотчинномъ правѣ на цѣлую дачу или на нѣкоторую часть ея; что соображеніе это совершенно соотвѣтствуетъ основному значенію генеральнаго межеванія, которое имѣло въ виду утвержденіе земель къ именамъ дачъ окружною межею, а не къ именамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ дачахъ и не касалось утвержденія вотчин-

---

ныхъ частей межевой реформы выходитъ за предѣлы компетентности техническаго вѣдомства.

[1]) П. С. З. № 53223; см. Узаконенія и справки къ пр. меж. уст. стр. 11—14.

[2]) См. Отчетъ по Государственному Совѣту за 1874 г. прил. стр. 78—85.

ныхъ правъ по крѣпостнымъ актамъ и по давности; что законодательство наше съ самаго начала генеральнаго межеванія подтверждало и разъясняло, что генеральное межеваніе, какъ выражено въ указѣ 28 Октября 1780 г., дачъ не отмѣняетъ и не утверждаетъ, а только измѣряетъ число земель въ селеніяхъ и приводитъ дачи въ извѣстность и, наконецъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакого спора между дачами о границахъ генеральнаго межеванія и самая граница дачъ по межевымъ актамъ остается неприкосновенною и не подлежащею сомнѣнію, а оказывается лишь въ дачѣ давняя владѣлица Коханова, и при томъ не самовольная, а по купчимъ крѣпостямъ и вводнымъ листамъ.

Какъ явствуетъ изъ этихъ соображеній, сущность мнѣнія 35 особъ сводится къ тому, что межа, относясь къ территоріальнымъ, а не вотчиннымъ единицамъ, не имѣетъ ничего общаго съ правомъ на владѣніе, т. е. съ правомъ собственности. Взглядъ этотъ, какъ это вытекаетъ изъ объясненнаго выше: [1]) а) противорѣчитъ цѣли, для которой предпринято было межеваніе; б) приводитъ къ едва ли возможному предположенію, что законодатель установилъ правило, лишенное всякаго практическаго значенія, и в) сводится къ воспроизведенію мнѣнія, выраженнаго графомъ Блудовымъ при обсужденіи проекта закона, получившаго Высочайшую санкцію 23 Апрѣля 1845 г., каковое мнѣніе тогда же и было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ. Что же касается ссылки на указъ 28 Октября 1780 г., то выше уже было объяснено, [2]) что указъ этотъ не только не подтверждаетъ, а

---

[1]) См. стр. 140 и сл.
[2]) См. выше, стр. 51.

скорѣе опровергаетъ мнѣніе, будто межеваніе не утверждаетъ правъ владѣльцевъ обмежеванныхъ земель.

Кромѣ разсмотрѣннаго мнѣнія 35 особъ, въ Государственномъ Совѣтѣ 9-тью особами заявлено было по дѣлу Кохановой мнѣніе объ оставленіи спорной земли въ вѣдомствѣ удѣла. Это послѣднее мнѣніе, удостоившееся Высочайшаго утвержденія, основывалось на томъ, что выраженная въ Манифестѣ 19 Сентября 1765 г. цѣль генеральнаго межеванія заключается, какъ сказано въ семъ Манифестѣ, въ утвержденіи покоя, правъ и надежности каждаго владѣльца въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи и что съ допущеніемъ завладѣнія нарушается коренной принципъ государственнаго межеванія, заключающійся въ неприкосновенности межъ генеральнаго межеванія, и межеваніе теряетъ всякое практическое значеніе, а постановленіе, содержащееся въ 563 ст. 1 ч. X т., остается одною мертвою буквою.

Мнѣніе 9 особъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ истинному смыслу и цѣли 563 ст. 1 ч. X т., чѣмъ мнѣніе 35 особъ. Правда, нѣкоторыя изъ приведенныхъ въ мнѣніи 9-ти особъ соображеній, взятыя въ отдѣльности, внѣ связи съ прочимъ содержаніемъ его, могутъ дать поводъ къ невѣрнымъ выводамъ. Это въ особенности относится къ указанію, что спорная земля находится на самой границѣ генеральнаго межеванія. Взятое само по себѣ, соображеніе это не можетъ не вызвать и въ дѣйствительности на практикѣ вызвало предположеніе, что примѣнимость 563 ст. 1 ч. X т. къ межамъ генеральнаго межеванія обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, находится ли самовольно захваченный участокъ на межѣ или внутри дачи.

Въ этомъ отношеніи интереснымъ представляется рѣш. Гр. Кас. Деп. 1877 г. № 267 по дѣлу Конради. Въ этомъ

дѣлѣ сторона, защищавшаяся давностью владѣнія захваченнымъ на межѣ участкомъ, заявила объ отказѣ отъ пятисаженной полосы вдоль всей межи съ цѣлью придать спору характеръ спора объ участкѣ внутри дачи, и тѣмъ самымъ, предотвратить примѣненіе къ нему разъясненія, даннаго въ Высочайшемъ повелѣніи по дѣлу Кохановой. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ удовлетворился этимъ заявленіемъ и призналъ, что, въ виду его, упомянутое разъясненіе къ данному случаю не примѣнимо. Но едвали есть надобность распространяться о томъ, что, понимаемое въ указанномъ смыслѣ, упомянутое разъясненіе привело бы на практикѣ къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, едва ли въ мнѣніи 9 особъ, получившемъ санкцію по дѣлу Кохановой, имѣлось въ виду выразить усматриваемую въономъ мысль. Выше уже объяснено, что для признанія участка обмежеванной дачи изъятымъ изъ дѣйствія давности необходимо, чтобы владѣніе возникло посредствомъ завладѣнія. Въ этомъ именно смыслѣ и состоялось означенное мнѣніе 9 особъ, какъ это явствуетъ изъ послѣдующихъ соображеній этого же мнѣнія, въ которыхъ прямо выражена та мысль, что цѣль 563 ст. I ч. X т. заключается именно въ огражденіи владѣльцевъ обмежеванныхъ дачъ отъ завладѣній.

Правда, помянутое мнѣніе 9 особъ идетъ, кажется, слишкомъ далеко, утверждая, что цѣль генеральнаго межеванія, заключающаяся въ «утвержденіи покоя, правъ и надежности каждаго владѣльца въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи», можетъ быть достигнута лишь неприкосновенностью межъ генеральнаго межеванія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что завладѣніе чрезъ межу иногда можетъ быть добросовѣстное. Не говоря о случаяхъ невѣрности плановъ, къ которымъ

начало непоколебимости межъ вовсе не можетъ быть примѣнено [1]), нельзя не указать на случаи, когда слѣды поставленныхъ при межеванiи признаковъ совершенно утраились и собственники смежныхъ дачъ владѣютъ по другой границѣ, считая ее за настоящую межу. Если такое владѣнiе продолжалось долго и въ видѣ собственности, то едва-ли признанiе за такимъ владѣнiемъ силы права собственности послужило бы къ колебанiю покоя, правъ и надежности каждаго владѣльца въ его благопрiобрѣтенномъ имѣнiи. Но во всякомъ случаѣ въ подобномъ положенiи десятилѣтнiй срокъ владѣнiя врядъ ли могъ бы быть признанъ достаточнымъ. Поэтому, если бы предстоялъ выборъ только между началомъ неприкосновенности межи и распространенiемъ на оную общаго срока давности, отличающагося, по словамъ одного автора «вопiющею краткостью» [2]), то едва ли можетъ быть сомнѣнiе въ томъ, что предпочтенiя заслуживало бы начало неприкосновенности межи [3]).

Подчинить межи дѣйствiю общей давности владѣнiя значитъ, какъ справедливо высказано въ упомянутомъ мнѣнiи 9 особъ, лишать межеванiе всякаго практическаго значенiя, а постановленiе, содержащееся въ 563 ст. т. X ч. 1, обращать въ одну мертвую букву. Въ этихъ словахъ заключается

---

[1]) См. Труды Коммисiи 1889 г. стр. 137 прим. 1.

[2]) Боровиковскiй. Отчетъ Судьи т. 2 (о давности).

[3]) Въ своихъ замѣчанiяхъ на составленный въ 1883 г. проектъ меж. уст. (Межевой Вѣстникъ за 1884 г. кн. 5 прил. стр. 8) Тифлисскiй Окружный Судъ полагалъ установить срокъ давности для обмежеванныхъ земель не менѣе 30 или 40 лѣтъ.

Въ пользу необходимости огражденiя межъ отъ разрушительнаго дѣйствiя основанной на завладѣнiи давности весьма рѣшительно высказались Министры Государ. Имущ. и Финансовъ и Членъ Госуд. Совѣта Старицкiй (отзывы стр. 49 и сл., 119, 128 и 139).

главный доводъ противъ подчиненія межъ генеральнаго межеванія дѣйствію общей давности, и нельзя не признать весьма знаменательнымъ, что доводъ этотъ тщательно обходится всѣми, кто стоитъ за ихъ подчиненіе означенной давности.

VI.

Курсъ К. Побѣдоносцева.

Противъ разъясненія 563 ст. I ч. X т., преподаннаго въ Высочайшемъ повелѣніи по дѣлу Кохановой, весьма рѣшительно высказался Курсъ К. Побѣдоносцева [1]). Однако, въ относящихся сюда объясненіяхъ этого Курса, кажется, не вполнѣ выяснена исходная точка онаго. Съ одной стороны говорится, что единственно вѣрное начало заключается въ томъ, что «ненарушимость границъ нисколько отъ того не поколеблется, если въ силу владѣнія по давности вся дача или часть оной внутри или на самой границѣ перейдетъ къ другому владѣльцу» и «что въ этомъ случаѣ границы генеральнаго межеванія нисколько не измѣнятся и останутся неприкосновенными для опредѣленія предѣловъ дачи, а не особыхъ владѣній, коихъ число въ сей дачѣ можетъ увеличиваться и уменьшаться всѣми законными способами». Въ этихъ словахъ совершенно ясно выражена мысль, что межа опредѣляетъ предѣлъ территоріальныхъ, а не вотчинныхъ единицъ и, слѣдовательно, не имѣетъ ничего общаго съ вотчиннымъ правомъ. Взглядъ этотъ подробно разобранъ выше.

---

[1]) Курсъ, I, 4 изд. (1892 г.) стр. 706, 707, 712—718.

Съ другой стороны, въ упомянутомъ Курсѣ указывается на то, что «Государственный Совѣтъ (въ разсужденіяхъ, послужившихъ основаніемъ 563 ст. 1 ч. X т.), касается вотчиннаго права, изъ давности проистекающаго, лишь по толику, по колику оно можетъ быть соединено съ межею генеральнаго межеванія». Въ этихъ словахъ прямо признается связь вотчиннаго права съ межею. Но такое мнѣніе весьма трудно согласовать съ приведеннымъ выше мнѣніемъ того же Курса, что межа не относится вовсе къ вотчинному праву. Для объясненія различія между случаемъ, когда вотчинное право соединено съ межею генеральнаго межеванія, и таковымъ, когда оно съ нею не соединено, въ сказанномъ Курсѣ приводятся слѣдующіе примѣры.

«Если въ данномъ случаѣ вотчинное право не можетъ образоваться посредствомъ давности, не нарушая границъ: такой случай прямо подходитъ подъ дѣйствіе 563 статьи, и право не можетъ образоваться въ силу давности. Такъ напримѣръ: по генеральному межеванію проведена граница между дачами Петровскою и Ивановскою. Впослѣдствіи одинъ изъ владѣльцевъ Ивановской дачи, распространяя самовольно свое владѣніе, перешелъ за межевую границу и, подъ предлогомъ вотчиннаго права, принадлежащаго ему въ дачѣ Ивановской, начинаетъ уже владѣть въ земляхъ дачи Петровской, гдѣ онъ никакого права не имѣетъ; могъ онъ при этомъ сознательно нарушить границу, сознательно войти въ дачу Петровскую, но могъ и безсознательно запахать землю, думая, что продолжаетъ владѣть въ предѣлахъ дачи Ивановской своею землею. Во всякомъ случаѣ, когда доходитъ дѣло до спора, такой владѣлецъ не вправѣ противопоставить владѣльцамъ дачи Петровской давность своего владѣнія; не вправѣ утверждать, что за давностью владѣнія

владѣемое имъ пространство, захваченное имъ въ Петровской дачѣ, должно считаться его, Ивановскою, землею».

«Напротивъ того, когда вотчинное право можетъ образоваться вслѣдствіе давности, въ предѣлахъ окружной дачи, не нарушая границы генеральнаго межеванія, 563-я статья Гр. Зак. нисколько не препятствуетъ сему образованію. Такъ, напримѣръ, если-бы посторонній, хотя-бы и одинъ изъ владѣльцевъ сосѣдней Ивановской дачи, завладѣлъ въ дачѣ Петровской пашней, усадьбой, лугомъ, пустошью и т. п. произвольно, безъ укрѣпленія и безъ всякаго титула, и продолжалъ это владѣніе въ видѣ собственности 10 лѣтъ спокойно и безспорно, безъ сомнѣнія, онъ можетъ свое давнее владѣніе противопоставить иску о завладѣніи и утвердиться въ вотчинномъ правѣ на занятую землю. Это право его вовсе не касается межи генеральнаго межеванія и никакой существенной связи съ нею не имѣетъ».

Въ приведенныхъ примѣрахъ нельзя, прежде всего, согласиться съ исходною точкою, что въ обмежеванной дачѣ вотчинное право можетъ образоваться посредствомъ давности, не нарушая границъ генеральнаго межеванія. Какъ объяснено выше, межа ограждаетъ право на владѣніе всѣми и каждою въ отдѣльности изъ составныхъ частей дачи и поэтому всякое противозаконное изъятіе части дачи изъ владѣнія того лица, кому принадлежитъ цѣлая дача, составляетъ нарушеніе межи генеральнаго межеванія, хотя бы споръ шелъ о части дачи, не прилегающей къ межѣ.

Далѣе, приведенные примѣры едва-ли, сами по себѣ, могутъ быть признаны убѣдительными, ибо въ нихъ одинъ и тотъ-же случай разрѣшается въ противуположномъ смыслѣ и такимъ образомъ примѣры эти оказываются между собою во внутреннемъ противорѣчіи. Такъ, въ первомъ примѣрѣ признается,

что владѣлецъ Ивановской дачи, распространившій свое владѣніе на часть таковой Петровской, сознавая или не сознавая, что онъ нарушаетъ границу и входитъ въ послѣднюю дачу, не вправѣ защищаться давностью владѣнія. Между тѣмъ, во второмъ примѣрѣ за тѣмъ-же владѣльцемъ Ивановской дачи, при совершенно тождественныхъ условіяхъ, признается право защищаться давностью владѣнія. Предполагать, что въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь объ участкѣ на границѣ, а во второмъ—внутри дачи, нельзя, ибо, какъ совершенно вѣрно признаетъ Курсъ, обстоятельство это, само по себѣ, не можетъ измѣнить условій примѣненія 563 ст. 1 ч. X т. Такимъ образомъ, приведенные примѣры служатъ скорѣе къ опроверженію, чѣмъ къ подтвержденію мнѣнія, что въ обмежеванной дачѣ посредствомъ давности можетъ образоваться новое владѣніе безъ нарушенія межъ генеральнаго межеванія.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что сказанное выше о Курсѣ К. Побѣдоносцева относится исключительно къ дачамъ единственнаго владѣнія. Что же касается дачъ общаго владѣнія, то по отношенію къ нимъ Курсъ проводитъ совершенно иной взглядъ на значеніе ст. 563 1 ч. X т., а именно признаетъ; что въ общихъ дачахъ давностное владѣніе, основанное на завладѣніи, не превращается въ право собственности [1]).

VII.

Кассаціонная практика.

Для полноты разбора вопроса о смыслѣ ст. 563 т. X ч. 1, необходимо обсудить еще взглядъ, высказанный въ семъ отношеніи Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департамен-

---

[1]) См. ниже стр. 229 прим. 2.

томъ. Руководящее по этому предмету значеніе имѣетъ рѣшеніе названнаго Департамента за 1878 г. № 99 по дѣлу графа Чернышева-Кругликова [1]).

Въ нижеслѣдующемъ изложеніи приведены отдѣльныя соображенія изъ означеннаго рѣшенія и, вслѣдъ за ними, вызываемыя каждымъ изъ нихъ замѣчанія.

Прописавъ содержаніе п. 1 и 2 генеральныхъ правилъ, а также введеніе и ст. 1 и 2 гл. 33 Инстр. 25 мая 1766 г., вошедшія въ 724 ст. зак. меж. (883 ст. изд. 57 г.), въ которой выражено начало непоколебимости межевыхъ актовъ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ дальше объясняетъ:

а) «Изъ приведенныхъ постановленій о генеральномъ межеваніи оказывается, что этимъ межеваніемъ земли разграничиваются по дачамъ безъ установленія правъ тѣхъ или другихъ лицъ на самыя дачи; что межи генеральнаго межеванія, опредѣляя пространство, окружность, границы дачи, показываютъ, какія земли къ какой дачѣ пріурочиваются; что выданные по генеральному межеванію планы и межевыя книги должны служить основаніемъ для разрѣшенія споровъ о томъ, къ какой дачѣ какая земля принадлежитъ и пріурочиванія земель къ той или другой дачѣ не могутъ впредь быть производимы по инымъ даннымъ. При такомъ значеніи генеральнаго межеванія, произведенныхъ при этомъ межеваніи межъ и выданныхъ по этому межеванію плановъ,

---

[1]) Приведенному въ «Узаконеніяхъ и справкахъ къ пр. меж. уст.» рѣшенію за 1870 г. № 901, по дѣлу Фамицина, уже потому не можетъ быть присвоено руководящаго значенія, что оно состоялось до воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія по дѣлу Кохановой и что, кромѣ сего, въ рѣшеніи 1878 г. № 99 Гражданскій Кассаціонный Департаментъ выраженный имъ въ первомъ его рѣшеніи взглядъ развилъ, дополнилъ и отчасти измѣнилъ.

въ спорахъ земельныхъ, насколько права и притязанія на землю связаны съ понятіемъ о дачѣ, о пріуроченіи земли къ той или другой дачѣ, настолько межи генеральнаго межеванія и выданные по этому межеванію планы должны опредѣлять предѣлы правъ спорящихъ въ отношеніи пространства и границъ. Но, не утверждая дачъ къ владѣльцамъ, не установляя права опредѣленнаго лица на дачу, генеральное межеваніе не устраняло и возможности измѣненій въ лицѣ собственниковъ дачи вслѣдствіе передачи правъ однимъ другому и вообще вслѣдствіе перехода права собственности на земли всѣми законными способами, не исключая и пріобрѣтенія права собственности по давности владѣнія на основаніи 533 ст. 1 ч. X т.»

Указанныя соображенія въ общей ихъ связи сводятся къ тому мнѣнію, что генеральное межеваніе не утверждало дачъ къ владѣльцамъ и не устанавливало права опредѣленнаго лица на дачу. Но выше въ главѣ I приведены подробныя соображенія въ опроверженіе этого взгляда. Тамъ же было объяснено, что генеральное межеваніе утверждаетъ не только земли къ дачамъ, но и дачи къ владѣльцамъ и что разница между утвержденіемъ земель къ дачамъ и таковыхъ дачъ къ владѣльцамъ заключается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ право утверждается навсегда, т. е. непоколебимо, а во второмъ—утвержденное генеральнымъ межеваніемъ право не пользуется силою непоколебимости и можетъ быть опровергнуто по суду. Что же касается указанія на то, что генеральное межеваніе не устраняло возможности измѣненій въ лицахъ собственниковъ дачи вслѣдствіе перехода права собственности на землю всѣми законными способами, не исключая и пріобрѣтенія сего права по давности владѣнія, то указаніе это едва-ли можетъ быть признано вѣрнымъ, насколько

оно касается періода времени послѣ изданія закона 23 Апрѣля 1845 года, такъ какъ законъ этотъ имѣлъ именно цѣлью въ обмежеванныхъ дачахъ ограничить возможность перехода права собственности путемъ давности владѣнія.

б) «Что право на земли въ дачахъ, генерально обмежеванныхъ, могло и послѣ генеральнаго межеванія быть пріобрѣтаемо по десятилѣтней давности владѣнія, это подтверждается, прежде всего, Высочайшимъ указомъ 22 Сентября 1808 г. (Первое Полное Собраніе Законовъ № 23282), гдѣ узаконенія о десятилѣтней давности поставлены на ряду съ правилами о силѣ межевыхъ книгъ и плановъ, какъ общіе коренные законы, всякое прикосновеніе къ которымъ можетъ подать поводъ къ размноженію тяжбъ и тѣмъ поколебать собственность владѣній, законами окончательно утвержденныхъ».

Именнымъ указомъ 22 Сентября 1808 г., приведеннымъ въ цитатахъ подъ ст. 724 зак. меж. (883 ст. изд. 57 г.), всеподданнѣйшая просьба экономическихъ крестьянъ о пересмотрѣ рѣшенія Межевой Канцеляріи была оставлена безъ уваженія на томъ основаніи, что они пропустили какъ апелляціонный срокъ, такъ и срокъ десятилѣтней давности. Такимъ образомъ, указъ этотъ не имѣетъ ни прямаго, ни косвеннаго отношенія къ вопросу о примѣнимости давности владѣнія къ обмежеваннымъ дачамъ. Если въ томъ указѣ узаконенія о десятилѣтней давности поставлены на ряду съ правилами о силѣ межевыхъ актовъ, то отсюда нельзя вывести заключенія о какой либо внутренней связи указанныхъ узаконеній, тѣмъ болѣе, что въ указѣ этомъ на ряду съ приведенными выше узаконеніями приведены еще таковыя объ апелляціонныхъ срокахъ.

в) «Возможность пріобрѣтенія правъ по земской давности

на земли послѣ генеральнаго межеванія прямо указана въ ст. 1150 ч. 3 т. X, а именно въ этой статьѣ, помѣщенной въ ряду правилъ о порядкѣ судебнаго разбирательства споровъ, предъявленныхъ владѣльцами при специальномъ размежеваніи, говорится, что къ утвержденію правъ владѣнія должны служить доказательствами по обмежеваннымъ въ генеральное межеваніе дачамъ не только особо поименованные документы, планы и межевыя книги, но и безспорное владѣніе со времени генеральнаго межеванія и давность владѣнія».

Ссылка на ст. 1150 зак. меж. (943 ст. изд. 93 г.) сдѣлана Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ подтвержденіе того, что въ обмежеванной дачѣ возможно пріобрѣтеніе земель по давности владѣнія. Но не объ этомъ идетъ въ настоящее время рѣчь. Правда, въ прежнее время ст. 563 1 ч. X т. въ судебной практикѣ толковалась обыкновенно въ томъ смыслѣ, что обмежеванныя земли безусловно изъяты изъ дѣйствія давности владѣнія. Такое толкованіе, однако, какъ объяснено выше, не соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя, который имѣлъ въ виду владѣльцевъ обмежеванныхъ земель оградить исключительно противъ давности, основанной на завладѣніи. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о томъ, возможно ли пріобрѣтеніе части обмежеванной дачи посредствомъ давности, основанной на завладѣніи, и къ разрѣшенію именно этого вопроса ст. 1150 не представляетъ никакого матеріала. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что хотя въ ст. 1150, 1157 прим. и 1161 зак. меж. изд. 57 г. (943, 950 пр. и 954 изд. 93 г.) и говорится о давностномъ владѣніи, но, какъ подробно объяснено будетъ ниже въ отдѣлѣ II, владѣніе это въ сущности имѣетъ совершенно иной характеръ. Это явствуетъ уже изъ того, что, по буквальному смыслу этой статьи, къ утвержденію правъ

владѣнія въ общихъ дачахъ служитъ не давность владѣнія вообще, а лишь «давность владѣнія, опредѣляемая здѣсь изложенными правилами судебно-межеваго разбирательства». Подъ означенными же правилами судебно-межеваго разбирательства законъ разумѣетъ постановленія прим. къ 1157 ст. (950 ст. изд. 1893 г.) и 1161 ст. (954 изд. 1892 г.) зак. меж., на основаніи которыхъ давностные владѣльцы получаютъ удовлетвореніе лишь изъ земель, оказавшихся излишними по удовлетвореніи владѣльцевъ, имѣющихъ крѣпости. Такимъ образомъ, ст. 1150 въ сущности скорѣе отрицаетъ, чѣмъ освящаетъ право давностныхъ владѣльцевъ общей дачи.

По поводу ссылки въ разсматриваемомъ рѣшеніи на 1150 ст. зак. меж., въ которой прямо выражено, что межеваніе служитъ къ утвержденію правъ владѣнія, нельзя не указать еще на то, что Гражданскій Кассаціонный Департаментъ даже не пытается устранить противорѣчіе между этою статьею и выраженнымъ имъ въ томъ же рѣшеніи мнѣніемъ, что межеваніе не утверждаетъ дачъ къ владѣльцамъ. Если, по мнѣнію названнаго Департамента, это послѣднее положеніе не относится къ спеціальному межеванію, о которомъ говорится въ 1150 ст., то ему слѣдовало бы привести соображенія въ подкрѣпленіе такого мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, для уясненія смысла 563 ст. 1 ч. X т., относящейся главнымъ образомъ къ генеральному межеванію, 1150 ст., касающаяся спеціальнаго межеванія, едва ли можетъ служить.

г) «Что законъ допускаетъ пріобрѣтеніе правъ по давности владѣнія не только на цѣлую дачу, генерально обмежеванную, но и на часть дачи, это вытекаетъ изъ 1158 ст. ч. 3 т. X, въ которой относительно дачъ, замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, выска-

зано, что эти дачи, если послѣ генеральнаго межеванія въ нихъ образовалось общее и даже чрезполосное владѣніе, разверстываются на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства по крѣпостямъ и давности. Касаясь дачъ, которыя замежеваны въ единственное владѣніе, но въ которыхъ впослѣдствіи образовалось общее владѣніе, и предписывая разверстывать такія дачи по крѣпостямъ и давности, приведенный законъ, очевидно, предусматриваетъ и освѣщаетъ пріобрѣтеніе права на часть дачи по давности владѣнія послѣ генеральнаго межеванія».

Ссылка на 1158 ст. зак. меж. (ст. 951 изд. 1893 г.) не могла бы не быть признана убѣдительною, если бы споръ шелъ о томъ, части обмежеванныхъ дачъ могутъ ли быть вообще пріобрѣтены по давности владѣнія? Въ этомъ именно смыслѣ ссылается на 1158 ст. 3 ч. X т. и г. Энгельманъ [1]). Исходя изъ того мнѣнія, что законъ 23 Апрѣля 1845 г. имѣлъ въ виду воспретить вообще пріобрѣтеніе по давности частей обмежеванныхъ дачъ, поименованный авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что такое правило находится въ прямомъ противорѣчіи съ 1158 ст. 3 ч. X т. Но къ такому заключенію о смыслѣ 563 ст. 1 ч. X т. Энгельманъ пришелъ лишь потому, что, останавливаясь исключительно на неудачной редакціи 563 ст. 1 ч. X т., оставилъ безъ вниманія послужившіе основаніемъ сего закона мотивы, выясняющіе намѣреніе законодателя. Но какъ въ дѣлѣ Кохановой, разрѣшенномъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1874 г., такъ и въ дѣлѣ, по которому послѣдовало разбираемое рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, споръ шелъ не о томъ, могутъ ли вообще быть пріобрѣтаемы

[1]) См. тамъ же стр. 180.

по давности владѣнія части обмежеванныхъ дачъ, а лишь о томъ, могутъ ли быть таковыя пріобрѣтаемы по давности владѣнія въ томъ случаѣ, когда владѣніе оными возникло посредствомъ завладѣнія чрезъ межу. Такимъ образомъ, ст. 1158 зак. меж. едва ли можетъ имѣть существенное значеніе для разъясненія смысла 563 ст. 1 ч. X т.

д) «Всѣ приведенные выводы изъ межевыхъ законовъ имѣютъ существенное сначеніе для истолкованія 563 ст. 1 ч. X т. Если межа генеральнаго межеванія опредѣляетъ лишь, какія земли къ какой дачѣ пріурочиваются, но не указываетъ, кому принадлежатъ эти земли и не препятствуютъ переходу права собственности на эти земли всѣми установленными закономъ способами, въ томъ числѣ и по давности владѣнія, то слова 563 ст. 1 ч. X т. «межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія» имѣютъ тотъ лишь смыслъ, что установленное генеральнымъ межеваніемъ распредѣленіе земель по дачамъ, пріуроченіе земли къ той или другой дачѣ не можетъ быть измѣнено по давности владѣнія, которая остается безъ всякаго вліянія на направленіе межи въ качествѣ границы, отдѣляющей одну дачу отъ другой. Какъ отчужденіе части земли изъ дачи владѣльцемъ ея не влечетъ за собою перестановки межи генеральнаго межеванія, такъ и утрата собственникомъ дачи права на часть земли вслѣдствіе пріобрѣтенія другимъ лицемъ права собственности на эту землю по давности владѣнія не имѣютъ послѣдствіемъ измѣненія направленія межи. Въ обоихъ случаяхъ межа генеральнаго межеванія остается въ прежнемъ своемъ положеніи, опредѣляя границу дачи и продолжая по прежнему указывать, что тѣ земли почитаются пріуроченными къ этой дачѣ, не смотря на перемѣну въ лицѣ собственника».

Въ этихъ соображеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента заключается существенное измѣненіе точки зрѣнія, выраженной въ предыдущихъ его соображеніяхъ. Въ сихъ послѣднихъ упомянутый Департаментъ исходилъ изъ того мнѣнія, что межеваніе утверждаетъ не дачи къ владѣльцамъ, а лишь земли къ дачамъ. Такимъ образомъ, въ выше приведенныхъ сужденіяхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ не отрицаетъ, что межеваніе устанавливаетъ юридическую связь между цѣлою дачею и пріуроченными къ ней землями или, другими словами, что дача есть не только территоріальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вотчинная единица. Здѣсь же, напротивъ, весьма ясно выражена имъ та мысль, что дача есть лишь территоріальная единица, которая ничего общаго не имѣетъ съ вотчиннымъ правомъ и на которую поэтому и не могутъ вліять никакія измѣненія этого права. Такъ какъ сіе послѣднее мнѣніе въ практическомъ своемъ выводѣ вполнѣ совпадаетъ со взглядомъ, выраженнымъ графомъ Блудовымъ въ 1845 г., а равно въ сужденіяхъ, происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ по дѣлу Бекъ, а также въ Курсѣ К. Побѣдоносцева, то все сказанное по сему предмету въ настоящей запискѣ, само собою разумѣется, вполнѣ примѣнимо и къ приведенному мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента.

д) «Дальнѣйшее указаніе разсматриваемой 563 ст. 1 ч. X т. о невозможности разрушать давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ межъ генеральнаго межеванія, также не устраняетъ права на пріобрѣтеніе по давности владѣнія земли въ дачѣ, генерально обмежеванной. Съ проведеніемъ межъ генеральнаго межеванія, разграничивающихъ земли по дачамъ, соединены права лишь настолько, насколько эти права вытекаютъ или выводятся изъ понятія

о самой дачѣ, на сколько они связаны съ пріуроченіемъ земли къ этой именно дачѣ».

Въ этихъ соображеніяхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ снова признаетъ, что съ пріуроченіемъ земли къ дачѣ связаны гражданскія права и что слѣдовательно за дачею долженъ быть признанъ характеръ вотчинной единицы. Такимъ образомъ приведенное соображеніе не согласуется съ предыдущимъ.

ж) «Посему если собственникъ одной дачи, не имѣя намѣренія завладѣть землею въ другой дачѣ, распространяетъ свое владѣніе за предѣлы межи на землю въ другой дачѣ исключительно вслѣдствіе ошибочнаго пріурочиванія имъ этой земли къ своей дачѣ, то, какова бы ни была продолжительность владѣнія, оно съ одной стороны еще не установляетъ права владѣльца на землю въ сосѣдней дачѣ, а съ другой стороны не разрушаетъ права собственника той дачи, къ которой эта земля пріурочена генеральнымъ межеваніемъ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ притязанія на землю выводятся только изъ пріуроченія земли къ дачѣ, а распредѣленіе земель по дачамъ должно оставаться непоколебимымъ, соотвѣтственно тѣмъ пріуроченіямъ, которыя установлены по генеральному межеванію. Но проведеніе межъ генеральнаго межеванія вовсе не касается правъ, установившихся независимо отъ понятія о дачѣ, отъ пріуроченія земли къ той или другой дачѣ. Вслѣдствіе сего, если владѣніе землею въ дачѣ генерально обмежеванной, происходитъ не въ силу ошибочнаго представленія владѣльца о принадлежности этой земли къ другой дачѣ, а съ сознаніемъ о принадлежности земли къ той именно дачѣ, къ которой земля пріурочена по генеральному межеванію, или безъ всякаго соотношенія къ пріуроченію земли къ той или другой дачѣ, то юридическія послѣд-

ствія, вытекающія изъ такого владѣнія, не имѣютъ никакой связи съ правами, соединенными съ разграниченіемъ земель по дачамъ на основаніи генеральнаго межеванія, и, слѣдовательно, эти права не препятствуютъ наступленію вытекающихъ изъ 533 ст. 1 ч. X т. послѣдствій означеннаго владѣнія. Въ этомъ случаѣ пріобрѣтенное по давности владѣнія право на землю въ опредѣленной дачѣ, будетъ-ли это право принадлежать участнику владѣнія въ сосѣдней дачѣ или постороннему лицу, не можетъ быть признано разрушающимъ права, соединенныя съ постановленіемъ межи генеральнаго межеванія, точно также, какъ не разрушаются эти послѣднія права на землю по купчей крѣпости или по другому акту, кто-бы ни былъ пріобрѣтателемъ земли по акту, владѣлецъ сосѣдней дачи, или постороннее лице».

Въ этихъ соображеніяхъ—вся суть разъясненія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента. Они въ практическомъ выводѣ сводятся къ признанію, что давностью владѣнія можетъ защищаться смежный владѣлецъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ недобросовѣстенъ, добросовѣстный-же владѣлецъ этимъ правомъ не пользуется. Такимъ образомъ, по мнѣнію означеннаго Департамента, ст. 563 1 ч. X т. создаетъ для недобросовѣстныхъ владѣльцевъ льготное положеніе сравнительно съ добросовѣстными владѣльцами. Съ такимъ взглядомъ безусловно нельзя согласиться [1]. Онъ не находитъ себѣ ни малѣйшаго подкрѣпленія въ соображеніяхъ, послужившихъ основаніемъ 563 ст. 1 ч. X т. Государстаенный Совѣтъ, безъ сомнѣнія, былъ далекъ отъ мысли создавать привилегію для недобросовѣстныхъ владѣльцевъ.

---

[1]) Противъ этого взгляда высказался также А. Маттель, Судебно-межевое разбирательство. Москва. 1893 г. стр. 121, 122.

Съ точки зрѣнія, усвоенной Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ на смыслъ 563 ст. 1 ч. X т., выводъ, къ которому онъ пришелъ, представляется, быть можетъ, неизбѣжнымъ. Но если это такъ, то обстоятельство сіе едва-ли не служитъ самымъ вѣскимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ невѣрности упомянутаго взгляда названнаго Департамента на смыслъ означенной статьи.

з) «Изложенныя соображенія и указанные выводы не противорѣчатъ послѣдней части 563 ст. 1 ч. X т., поясняющей сущность правъ, соединенныхъ съ постановленіемъ межъ генеральнаго межеванія. Въ этомъ поясненіи хотя и указано, что межи опредѣляютъ пространство владѣній, но это послѣднее выраженіе не можетъ быть взято отдѣльно отъ остальныхъ словъ того-же поясненія, въ которомъ далѣе говорится о границахъ владѣнія въ дачахъ, генерально обмежеванныхъ, и о разрѣшеніи межевыми законами споровъ объ этихъ границахъ въ отношеніи окружности дачи. При сопоставленіи словъ «пространство владѣнія» съ прочими словами послѣдней части 563 ст., а также въ виду 2 ст. св. зак. меж., постановляющей, что генеральное межеваніе производится для опредѣленія окружныхъ границъ дачамъ, безъ разбирательства, одному или многимъ владѣльцамъ онѣ принадлежатъ, представляется несомнѣннымъ, что подъ опредѣленіемъ межами генеральнаго межеванія пространства владѣній разумѣется опредѣленіе пространства владѣній лишь настолько, насколько оно связано съ понятіемъ о пространствѣ и окружности дачи, о владѣніи землями въ извѣстной дачѣ, отграниченной отъ другихъ межами генеральнаго межеванія, о пріуроченіи земель къ той или другой дачѣ».

Сущность изложенныхъ здѣсь соображеній сводится къ тому, что межи опредѣляютъ пространство владѣнія не

всегда, а только въ случаѣ, когда споръ идетъ лишь о томъ, какія земли пріурочены къ той или къ другой дачѣ, т. е. когда никто изъ спорящихъ сторонъ не ссылается на давность владѣнія. Толковать въ указанномъ смыслѣ ст. 563 1 ч. X т. значитъ свести практическое значеніе ея къ нулю, ибо, само собою разумѣется, что давность владѣнія не можетъ вліять на межи въ томъ случаѣ, когда никто на давность не ссылается и споръ идетъ не о пріобрѣтеніи по давности участка изъ смежной дачи, а лишь о томъ, гдѣ при генеральномъ межеваніи проведена была межа, отдѣляющая смежныя дачи.

и) «Посему и послѣдняя часть 563 ст. св. зак. гр. не устраняетъ возможности пріобрѣтенія по давности владѣнія права на землю въ чужой дачѣ съ тѣмъ лишь, чтобы при этомъ межа генеральнаго межеванія не измѣнялась, не перемѣщалась, чтобы не нарушалась окружность дачи, установленная тѣми межами, чтобы земли оставались пріуроченными къ тѣмъ дачамъ, къ которымъ примежеваны по генеральному межеванію».

Хотя соображеніе это съ предыдущимъ связано словомъ «посему», однако, оба они имѣютъ совершенно различную исходную точку. Предъидущимъ соображеніемъ признавалось, что межа служитъ къ опредѣленію пространства владѣнія, т. е., что она опредѣляетъ предѣлы вотчинной единицы, тогда какъ здѣсь подъ дачею, пространство которой опредѣляется межею, разумѣется территоріальная единица, на которую измѣненія вотчиннаго права не могутъ имѣть вліянія. Такимъ образомъ, въ этихъ, какъ и въ другихъ своихъ соображеніяхъ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ смѣшиваетъ понятія вотчинной единицы—съ одной и территоріальной единицы—съ другой стороны.

i) «Вышеприведенныя соображенія о значеніи ст. 563 1 ч. X т. подтверждаются и состоявшимся по дѣлу Бекъ, Высочайше утвержденнымъ 3 Апрѣля 1867 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, которое положено распубликовать, какъ долженствующее служить примѣромъ въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Бекъ, и которое посему, согласно ст. 67 зак. осн., имѣетъ силу закона. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, изложенномъ въ примѣч. къ ст. 563 1 ч. X т. по прод. 1868 и 1876 годовъ, разъяснено, что ст. 563 воспрещаетъ собственно нарушеніе давностью владѣнія межъ генеральнаго межеванія и не относится до законнаго перехода частей таковыхъ владѣній отъ одного собственника къ другому безъ нарушенія этихъ межъ».

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу Бекъ не можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго въ разсмотрѣнномъ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента взгляда уже по той одной причинѣ, что мнѣніе это относится къ давностному владѣнію участками, находящимися внутри обмежеванной дачи, тогда какъ въ упомянутомъ рѣшеніи обсуждался вопросъ о примѣнимости давности владѣнія къ участкамъ, находящимся на самой межѣ.

VIII.

Давность владѣнія, какъ коррективъ для невѣрныхъ плановъ.

Разборъ рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по д. гр. Чернышева-Кругликова показалъ, что врядъ ли за приведенными въ семъ рѣшеніи юридическими доводами возможно признать убѣдительную силу.

Но можно возбудить вопросъ, не вызвана ли практика означеннаго Департамента,въ силу которой значеніе ст. 563 1 ч. X т. сведено къ нулю, какими либо соображеніями практическаго свойства и не можетъ ли примѣненіе этой статьи привести на практикѣ къ послѣдствіямъ, нарушающимъ требованія справедливости?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, въ которыхъ имъ примѣнена была давность владѣнія къ произведеннымъ чрезъ межу захватамъ. Насколько можно судить по изложеннымъ въ нихъ фактическимъ даннымъ, нельзя не признать, что по существу всѣ эти рѣшенія представляются вполнѣ правильными.

Какъ видно изъ относящихся сюда рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, вопросъ о примѣненіи ст. 563 1 ч. X т. нѣсколько разъ возникалъ по такимъ дѣламъ, по которымъ составленные при генеральномъ межеваніи планы оказались невѣрными и подверглись въ межевомъ порядкѣ исправленію, причемъ такимъ исправленіемъ нарушено было существовавшее до сего спокойное владѣніе. Такъ было въ разобранномъ выше дѣлѣ графа Чернышева-Кругликова, какъ можно судить по имѣющимся въ рѣшеніи по тому дѣлу указаніямъ на то, что граница, при провѣркѣ ея въ межевомъ порядкѣ, не могла быть съ точностью возстановлена. Такой же случай представлялся въ дѣлѣ Конради [1]). Въ этомъ дѣлѣ, при возобновленіи въ 1860 г., въ межевомъ порядкѣ, межевыхъ признаковъ между дачами Бродской и Скалонъ, оказалось несходство плана съ натурою въ томъ мѣстѣ, гдѣ по плану границею показана рѣка Берестова, вслѣдствіе

---

[1]) Рѣш. 1877 г. № 267.

чего граница была возобновлена не по дѣйствительному теченію рѣки, а по линіи, проходящей чрезъ лѣсъ, причемъ 30 десятинъ лѣса, состоявшаго въ безспорномъ владѣніи Бродской, были отрѣзаны къ смежному имѣнію Скалона. Основываясь на возобновленіи межи, чрезъ много лѣтъ, преемникъ Скалона, Конради, сталъ требовать изъятія означенныхъ 30 десятинъ изъ владѣнія Бродской. Какъ Судебная Палата, такъ и Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, признали означенное домогательство Конради неподлежащимъ удовлетворенію. Такое заключеніе представляется, безъ сомнѣнія, совершенно правильнымъ, но оно должно было быть выведено не изъ того, что по смыслу дѣйствующихъ законовъ завладѣніе чрезъ межу можетъ превратиться въ право собственности, а изъ того, что въ данномъ случаѣ планъ оказался невѣрнымъ съ натурою, и слѣдовательно, за показанною на немъ границею не можетъ быть признана сила межи генеральнаго межеванія.

Но можно возразить, что, по распоряженію подлежащихъ межевыхъ учрежденій, планъ приведенъ былъ въ соотвѣтствіе съ натурою и что состоявшееся по сему предмету заключеніе этихъ учрежденій должно почитаться обязательнымъ для суда. Въ такомъ смыслѣ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ и высказался въ рѣшеніи по дѣлу Машкина [1]). Подобное возраженіе однако едва ли можетъ быть признано правильнымъ въ виду того, что: а) межевымъ установленіямъ, по обмежеваннымъ землямъ, предоставлено лишь право возобновлять въ исполнительномъ, административномъ порядкѣ утратившіеся межевые признаки, но отнюдь не постановлять рѣшенія по спорамъ о

---

[1]) Рѣш. 1884 № 111.

правѣ собственности на обмежеванныя земли (ст. 52 и 471 зак. меж., ст. 60 и 614 изд. 1857 г.); б) за постановленными въ межевомъ порядкѣ заключеніями о возобновленіи межевыхъ признаковъ уже потому нельзя признать силы судебнаго рѣшенія, обязательнаго для сторонъ, что въ силѣ этой можетъ быть признано лишь такое опредѣленіе, которому предшествовали вызовъ противной стороны и состязаніе сторонъ, тогда какъ заключенія межевыхъ учрежденій по дѣламъ о возобновленіи границъ постановляются по одностороннему ходатайству заинтересованной стороны, причемъ въ законахъ межевыхъ не содержится никакихъ правилъ ни вообще о порядкѣ производства подобнаго рода дѣлъ, ни въ частности о порядкѣ производства по онымъ состязанія; в) хотя практика пыталась восполнить этотъ пробѣлъ и съ этою цѣлью по производящимся въ межевомъ порядкѣ дѣламъ о возобновленіи границъ установила нѣчто похожее на состязаніе сторонъ, а именно посылаются повѣстки лицамъ, значащимся смежными владѣльцами на планѣ генеральнаго межеванія, но очевидно, что соблюденіе такого порядка, при которомъ вызываются не наличные владѣльцы, а лица, умершія 100 и болѣе лѣтъ тому назадъ, не ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ интересы смежныхъ владѣльцевъ [1]); г) за постановленіями межевыхъ учрежденій о возобновленіи признаковъ и объ исправленіи плановъ не можетъ быть признана сила, равная съ постановленіями межевыхъ учрежденій, состоявшимися въ порядкѣ генеральнаго межеванія, еще и потому, что возобновленіе признаковъ не сопровождается, подобно генеральному межеванію, оповѣщеніемъ о приступѣ къ производству межевыхъ дѣй-

---

[1]) См. объ этомъ Труды Коммисіи 1889 г. стр. 141 прим. 1.

ствій и тѣмъ самымъ, въ случаѣ нарушенія производимыми межевыми дѣйствіями правъ постороннихъ лицъ, сіи послѣднія лишаются возможности оградить себя отъ опасностей, которыми угрожаетъ имъ начало непоколебимости межевыхъ актовъ и, наконецъ, д) вопросъ о вѣрности плана далеко не всегда представляется въ одинаковомъ видѣ для межеваго учрежденія съ одной и для гражданскаго суда съ другой стороны: для перваго планъ вѣренъ, если фигура его смыкается и не образуется невязки, тогда какъ съ точки зрѣнія гражданскаго суда планъ вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если согласенъ съ матеріальнымъ правомъ, т. е. если онъ служитъ вѣрнымъ выраженіемъ той сдѣлки или того рѣшенія, которыя послужили основаніемъ межеванія. Соотвѣтственно сему и способы исправленія невѣрныхъ плановъ бываютъ различны: для межеваго учрежденія исправленіе невѣрнаго плана сводится къ раскладкѣ обнаружившейся невязки согласно выработаннымъ наукою геодезіи пріемамъ, тогда какъ для гражданскаго суда такой способъ исправленія плановъ въ большинствѣ случаевъ представляется произвольнымъ, несогласнымъ съ матеріальнымъ правомъ и крайне неудобнымъ для заинтересованныхъ сторонъ, и потому гражданскій судъ при исправленіи плана не можетъ не отдать спокойному владѣнію сторонъ преимущества предъ тѣми математическими формулами, которыми межевыя учрежденія главнѣйше руководствуются при исправленіи плановъ.

Вышеизложенное приводитъ къ тому заключенію, что гражданскіе суды при разрѣшеніи споровъ какъ вообще о произведенныхъ чрезъ межу захватахъ, такъ и въ частности о пріобрѣтеніи по давности захваченныхъ за межею земель, не должны стѣсняться послѣдовавшими въ межевомъ порядкѣ

опредѣленіями о возобновленіи межевыхъ признаковъ и объ исправленіи плановъ [1]).

Все сказанное одинаково относится какъ къ дѣлу Конради, такъ и къ дѣлу графа Чернышева-Кругликова. Въ обоихъ этихъ дѣлахъ споръ шелъ о завладѣніи не чрезъ межу генеральнаго межеванія, а чрезъ межу, установленную межевыми учрежденіями по одностороннему ходатайству заинтересованной стороны, безъ соблюденія тѣхъ правилъ, которыя узаконены какъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и въ порядкѣ генеральнаго и спеціальнаго межеванія для огражденія правъ заинтересованныхъ постороннихъ лицъ.

Въ практикѣ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента встрѣчаются также дѣла, въ которыхъ нѣтъ указанія на то, чтобы спорный планъ подвергся исправленію, и тѣмъ не менѣе Сенатъ признавалъ, что произведенный за межею захватъ превратился въ право собственности. Сюда относятся

---

[1]) Правильный взглядъ на разсматриваемый вопросъ высказанъ Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ рѣшеніи 1880 г. № 229 по дѣлу Герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Заключеніе, къ которому пришелъ Сенатъ въ рѣшеніи 1884 г. № 111, также не согласуется съ рѣшеніями по дѣлу Стаховича (1885 г. № 81) и по дѣлу Нарышкина (1876 г. № 234), которыми разъяснено, что возстановленіе межевыхъ признаковъ въ порядкѣ межевомъ, какъ производимое по односторонней просьбѣ владѣльцевъ, не даетъ права, безъ особаго о томъ постановленія судебной власти, непосредственно вступить во владѣніе всею землею по возстановленную межу. Такимъ образомъ, въ спорахъ о владѣніи Сенатъ заключеній межевыхъ учрежденій о возстановленіи межевыхъ признаковъ не признаетъ обязательными для неучаствовавшихъ въ производствѣ лицъ. Тѣмъ менѣе такая сила можетъ быть признана за означенными заключеніями въ томъ случаѣ, когда споръ производится въ порядкѣ, установленномъ для разрѣшенія споровъ не о владѣніи, а о правѣ собственности.

рѣшенія по дѣлу Фамицына [1]) и по дѣлу Кильдюшевскаго [2]). Хотя по дѣламъ этимъ фактическая сторона изложена не настолько подробно, чтобы можно было составить себѣ ясное заключеніе о существѣ ихъ, но, насколько можно судить по изложеннымъ въ тѣхъ рѣшеніяхъ даннымъ, нельзя не признать совершенно правильными по существу означенныя рѣшенія, коими захваченныя за межею земли были оставлены за тѣми, кто ими владѣлъ спокойно до возникновенія спора. Но какъ въ приведенныхъ выше, такъ и въ этихъ дѣлахъ, едва-ли была надобность основывать это заключеніе на томъ, что завладѣніе чрезъ межу можетъ превратиться въ право собственности посредствомъ давности владѣнія. Планъ, вѣрный въ межевомъ смыслѣ, т. е. такой планъ, фигура котораго не образуетъ невязки, можетъ оказаться невѣрнымъ съ натурою. Такую невѣрность плана слѣдуетъ признать не только въ томъ случаѣ, когда, какъ по дѣлу Конради, какое либо живое урочище на немъ показано не на соотвѣтствующемъ натурѣ мѣстѣ, но и тогда, когда окажется, что показанный на планѣ межевой признакъ (яма или столбъ) не были при генеральномъ межеваніи поставлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ значатся по плану. Составляетъ ли неотысканіе въ натурѣ слѣдовъ межеваго признака послѣдствіе того, что слѣды эти совершенно изгладились, или-же, по обстоятельствамъ дѣла, слѣдуетъ заключить, что въ спорномъ мѣстѣ никогда межеваго признака не существовало, это есть фактическій вопросъ, разрѣшеніе котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно зависѣть отъ убѣжденія суда. Важнѣйшимъ признакомъ матеріальной невѣрности пла-

---

[1]) Рѣш. 1870 № 901.
[2]) Рѣш. 1871 № 470.

на, оказывающагося вѣрнымъ въ техническомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, служитъ то обстоятельство, что владѣніе никогда не происходило по означенной на немъ границѣ. Исходя изъ сего положенія, Межевая Канцелярія усвоила себѣ практику, при возобновленіи межевыхъ признаковъ, если планъ несогласенъ съ безспорнымъ владѣніемъ, провести границу не по плану, а по безспорному владѣнію [1]). Такая практика можетъ быть оправдана лишь предположеніемъ, что въ указанномъ случаѣ планъ долженъ быть признанъ невѣрнымъ, ибо въ противномъ случаѣ практика эта оказалась бы въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ непоколебимости межевыхъ актовъ. Но, если при возобновленіи межевыхъ признаковъ случайно явился на межу смежный владѣлецъ и заявилъ споръ, то межевыя учрежденія уже не считаютъ себя вправѣ провести границу по бывшему до возбужденія дѣла о возобновленіи сихъ признаковъ безспорному владѣнію, развѣ бы оказалось, что планъ невѣренъ самъ по себѣ [2]).

Такая практика межевыхъ установленій представляется однако непослѣдовательною и произвольною. Признаніе невѣрности межи, по которой съ самаго генеральнаго межеванія или съ незапамятныхъ временъ не соблюдалось владѣніе, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, требуетъ-ли заинтересованная сторона проведенія границы по плану или же изъявляетъ согласіе на проведеніе ея по дѣйствительному владѣнію.

---

[1]) См. Замѣчанія Межевой Канцеляріи на пр. меж. уст. 1883 г. въ Межевомъ Вѣстникѣ за 1883 г. кн. 10 прил. стр. 27.

[2]) См. указъ Прав. Сената 29 Окт. 1856 г., приведенный подъ ст. 965 зак. меж. въ Меж. Сборникѣ Князя Мещерскаго. С. П. Б. 1879 г. стр. 433 и Межев. Зак. Б. Долячко. Москва. 1893 г. стр. 451.

Изложенныя соображенія приводятъ къ тому заключенію, что по означеннымъ выше дѣламъ слѣдовало признать спорные участки за тѣми, кто ими владѣлъ, не потому, какъ призналъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, что произведенный за межею захватъ могъ превратиться въ право собственности посредствомъ давности владѣнія, а въ виду того, что въ данномъ случаѣ проведенная при генеральномъ межеваніи граница не есть настоящая межа и, слѣдовательно, къ ней правило 563 ст. 1 ч. X т. относиться не можетъ.

Приведенные примѣры изъ практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента достаточно, кажется, убѣждаютъ въ томъ: а) что судебная практика пользуется статьею 563 1 ч. X т. главнѣйше какъ коррективомъ для невѣрныхъ плановъ; б) что въ такомъ коррективѣ сія практика вовсе не нуждалась-бы, если-бы усвоила себѣ болѣе вѣрный взглядъ на доказательную силу межевыхъ актовъ, т. е. отнеслась бы свободнѣе къ оцѣнкѣ этой силы, и в) что такимъ образомъ поставленный выше вопросъ о томъ, не оправдывается ли практика, въ силу которой сведено къ нулю значеніе ст. 563 1 ч. X т., соображеніями справедливости, долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ [1]).

Въ заключеніе, слѣдуетъ замѣтить, что толкованіе ст. 563 1 ч. X т. въ смыслѣ, лишающемъ ее всякаго практическаго значенія, всетаки не всегда достигаетъ цѣли. Сюда отно-

---

[1]) Въ связи съ разсмотрѣннымъ въ текстѣ вопросомъ можно возбудить еще другой, о томъ, не подрывается-ли въ значительной степени благодѣтельное дѣйствіе ст. 563 1 ч. X т. тѣмъ, что наше межевое законодательство не заботится о поддержаніи межеванія въ состояніи современности? Разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ за предѣлы задачи настоящей записки.

сятся тѣ случаи, когда планъ невѣренъ, поставленные въ натурѣ признаки утратились и давность владѣнія не примѣнима къ разрѣшенію возникшаго спора о границѣ потому, что ни одна изъ спорящихъ сторонъ не можетъ доказать спокойнаго, въ видѣ собственности, владѣнія спорнымъ участкомъ, продолжавшагося въ теченіи 10 лѣтъ. Здѣсь судъ оказывается совершенно безсильнымъ постановить правильное рѣшеніе. Причина этому заключается въ отсутствіи въ нашихъ гражданскихъ законахъ правилъ о матеріальныхъ основаніяхъ для разрѣшенія граничныхъ споровъ. Правда, въ межевыхъ законахъ по сему предмету содержится правило о томъ, что если ни одна изъ сторонъ не можетъ доказать права собственности, то споръ рѣшается на основаніи дѣйствительнаго владѣнія, а если дѣйствительное владѣніе не можетъ быть установлено, то, за неимѣніемъ, какъ гласитъ ст. 21 гл. 4 Меж. Инстр., «другаго къ тому вѣрнаго доказательства», спорное пространство дѣлится между спорящими сторонами (800 ст. зак. меж. 962 ст. изд. 1857 г.). Ноэти, вполнѣ раціональныя, правила, заимствованныя составителями Межевой Инструкціи изъ римскаго права [1]), преподаны въ руководство исключительно при разрѣшеніи граничныхъ споровъ, возникающихъ при генеральномъ межеваніи, и, слѣдовательно, не примѣнимы къ таковымъ спорамъ, возникающимъ: а) по обмежеваннымъ дачамъ послѣ генеральнаго межеванія, и б) по необмежеваннымъ дачамъ. Въ этомъ заключается одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ нашихъ гражданскихъ законовъ о граничныхъ спорахъ. Восполненіе

---

[1]) Въ старину граничные споры рѣшались у насъ образнымъ хожденіемъ и кулачнымъ боемъ. См. Историческое обозрѣніе межеванія въ Россіи, стр. 120.

этого пробѣла принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ задачамъ предстоящей межевой реформы [1]).

IX.

Выводы.

1) Законъ 23 Апрѣля 1845 г. имѣлъ цѣлью оградить владѣльцевъ обмежеванныхъ дачъ собственно отъ завладѣнія чрезъ межу.

2) Всякое завладѣніе частью обмежеванной дачи есть завладѣніе чрезъ межу, безъ различія, гдѣ оно произведено (на межѣ или внутри дачи) и кѣмъ (сосѣдомъ или другимъ лицомъ).

3) Намѣреніе законодателя получило весьма неясное выраженіе въ ст. 563 1 ч. X т., по буквальному смыслу которой части обмежеванныхъ дачъ должны почитаться безусловно изъятыми изъ дѣйствія давности владѣнія.

4) Въ основу ст. 563 1 ч. X т. легла та совершенно вѣрная и соотвѣтствующая требованіямъ здравой законодательной политики мысль, что права на обмежеванныя земли должны отъ разрушительнаго дѣйствія давности владѣнія быть ограждены въ большей мѣрѣ, чѣмъ права на необмежеванныя земли, и

5) Изъ всѣхъ предложенныхъ толкованій ст. 563 1 ч. X т. наименѣе удовлетворительнымъ должно быть признано толкованіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, какъ создающее льготу для недобросовѣстности.

---

[1]) Проектъ меж. уст. и объясн. къ нему записка ни однимъ словомъ не касаются этого предмета.

ОТДѢЛЪ II.

Специальное межеваніе.

ГЛАВА I.

Ходъ развитія спеціальнаго межеванія.

Изложенный въ Отдѣлѣ I разборъ основныхъ началъ генеральнаго межеванія привелъ къ заключенію, что законоположенія о производствѣ сего межеванія отличаются, сами по себѣ, ясностью и систематическою стройностью и что вызываемыя на практикѣ, при ихъ примѣненіи, недоразумѣнія являются, большею частію, прямымъ послѣдствіемъ неудачной кодификаціи, крайне затрудняющей разумѣніе руководящей мысли законодателя. Въ области спеціальнаго межеванія замѣчается неменьшая сбивчивость понятій по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ межеваго права, но причина этого явленія коренится не столько въ кодификаціонныхъ недосмотрахъ, сколько въ самомъ ходѣ законодательства о спеціальномъ межеваніи, которое въ разное время руководилось весьма различными началами.

Въ виду сего представляется необходимымъ разбору спорныхъ вопросовъ о спеціальномъ межеваніи предпослать краткій очеркъ развитія законодательства объ этомъ межеваніи.

Въ ходѣ законодательства о спеціальномъ межеваніи слѣдуетъ различить четыре рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода.

Первый періодъ, обнимающій время съ 1766 по 1836 г., почти исключительно посвященъ полюбовному спеціальному межеванію; второй, продолжавшійся съ 1836 по 1850 г., составляетъ періодъ господства въ нашемъ законодательствѣ начала понудительнаго спеціальнаго межеванія; третій, обнимающій время съ 1850 по 1868 г., знаменуетъ собою поворотъ въ направленіи законодательства, выразившійся въ отказѣ отъ начала понудительнаго спеціальнаго межеванія и въ замѣнѣ его началомъ предоставленія каждому владѣльцу общей дачи права требовать судебнымъ порядкомъ выдѣла принадлежащей ему части. Наконецъ, четвертый періодъ, продолжающійся по настоящее время, можетъ быть охарактеризованъ, какъ періодъ полнаго разрыва связи спеціальнаго межеванія съ историческими его основами.

I.

Положеніе о спеціальномъ межеваніи чрезъ Уѣздныхъ Землемѣровъ 1806 г.

Главный, относящійся къ первому періоду законодательный актъ есть «Положеніе о размежеваніи общихъ разныхъ помѣщиковъ земляныхъ владѣній порознь, по полюбовнымъ въ томъ разводамъ, чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ» 2 Октября 1806 г. [1]). Сущность этого законоположенія заключается въ

[1]) П. С. З. № 22305.

томъ, что установленное онымъ межеваніе имѣетъ предметомъ размежеваніе чрезполосныхъ или общихъ дачъ, обмежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ одну окружную межу, и допускается не иначе, какъ по общему всѣхъ соучастниковъ въ дачѣ соглашенію и на ихъ счетъ, каковое согласіе должно быть выражено въ полюбовной сказкѣ, подлежащей представленію въ Уѣздный Судъ, который утверждаетъ ее, справившись (по картушу плана генеральнаго межеванія), кто именно настоящіе владѣльцы общей дачи, и удостовѣрившись, что они согласны на размежеваніе къ однимъ мѣстамъ.

Что касается понудительнаго спеціальнаго межеванія, то за указанный періодъ оно совершенно чуждо нашему законодательству. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ лишь: а) установленный Именными указами 6 Іюня 1799 г. и 16 Августа 1804 г. [1]) особый видъ спеціальнаго межеванія подъ названіемъ отдѣленія казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ, и б) указъ 30 Апр. 1797 г. [2]), коимъ тѣмъ лицамъ, которымъ по случаю коронаціи были пожалованы вотчины въ разномѣстныхъ селеніяхъ—предоставлено было право просить Межевую Канцелярію о вымежеваніи означенныхъ вотчинъ [3]).

---

[1]) П. С. З. № 18992 и 21422; см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 4, а также ниже стр. 260 и слѣд.

[2]) П. С. З. № 17940; см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 4.

[3]) Указъ 30 Апр. 1797 г. имѣетъ характеръ спеціальнаго закона, даровавшаго особую льготу поименованнымъ въ немъ лицамъ. Поэтому указъ этотъ едва-ли могъ служить основаніемъ къ введенію въ межевые законы особаго вида коштнаго межеванія (ст. 570 зак. меж., 730 ст. изд. 1857 г., въ цитатахъ подъ которою приведенъ означенный указъ); см. еще ниже стр. 250.

Существуетъ однако мнѣніе, что еще въ означенный періодъ и помимо указанныхъ изъятій нашему законодательству не было чуждо начало понудительнаго специальнаго межеванія, такъ какъ уже въ силу Межевой Инструкціи 25 Мая 1766 г. каждому соучастнику въ общей дачѣ дозволялось просить о вымежеваніи его изъ общаго владѣнія. Мнѣніе это, имѣвшее, какъ будетъ объяснено ниже, существенное вліяніе на дальнѣйшій ходъ законодательства о специальномъ межеваніи, было высказано графомъ Блудовымъ въ отзывахъ его на проекты понудительнаго специальнаго межеванія [1]) и основано на ст. 334 зак. меж. изд. 1842 г. (соотвѣтствующей ст. 409 изд. 1857 г. и 312 изд. 1893 г.), по силѣ которой, если кто одинъ пожелаетъ быть вымежеванъ отъ прочихъ владѣльцевъ, но добровольно съ ними не разведется, то ему просить о томъ особо, а къ генеральному межеванію сего не присоединять. Для уясненія истиннаго смысла изложеннаго правила необходимо обратиться къ послужившей ей источникомъ ст. 44 гл. 4 Межев. Инстр. 25 Мая 1766 г., буквальный смыслъ которой (а также ст. 24 генер. правилъ) [2]) врядъ ли оставляетъ сомнѣніе въ томъ, что при отсутствіи полюбовнаго соглашенія между замежеванными въ общую дачу владѣльцами просить о вымежеваніи предоставлено было каждому соучастнику въ общей дачѣ не прежде, какъ «при будущихъ специальныхъ и уѣздныхъ по собственному помѣщиковъ челобитью на ихъ иждивенье межеваніи», и что до этого времени слѣдовало «оставить ихъ безъ внутренняго межеванія» [3]). Что въ этомъ смыслѣ

---

[1]) 14 Января 1849 г. № 42; см. также ниже стр. 209 прим. 1.

[2]) См. стр. 166.

[3]) Разбираемое мнѣніе имѣетъ, по всей вѣроятности, слѣдующее основаніе: въ первой части ст. 44 гл. 4 Меж. Инстр. содержится правило о

указанное правило понималось въ ближайшее по изданіи Межевой Инструкціи время, явствуетъ изъ: а) приведеннаго выше указа 30 Апрѣля 1797 г., въ которомъ сказано, что «внутренняго размежеванія въ тѣхъ (разнопомѣстныхъ) селеніяхъ между владѣльцами безъ ихъ согласія межевать было не велѣно»; б) указа Сената 23 Апрѣля 1806 г. [1]), которымъ подтверждено было «впредь отъ подобныхъ, безъ общаго согласія и развода, размежеваній разнопомѣстныхъ селеній удержаться, предоставляя оное подлежащему впредь по указамъ внутреннему и спеціальному размежеванію», и в) Высочайше утвержденнаго 2 Октября 1806 г. доклада Сената о полюбовномъ размежеваніи общихъ дачъ чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, мотивы котораго не оставляютъ сомнѣнія въ

томъ, какъ поступить, когда всѣ или два или три владѣльца разнопомѣстнаго селенія будутъ просить о вымежеваніи ихъ къ однимъ мѣстамъ. По словамъ приведенной статьи, имъ это не воспрещается, если они разведутся полюбовно, «прочихъ же (владѣльцевъ), которые того не похотятъ, слѣдуетъ оставить безъ внутренняго размежеванія до будущихъ спеціальныхъ и уѣздныхъ по собственному помѣщиковъ челобитью на ихъ иждивеніе межеваній». Затѣмъ во второй части статьи сказано, что «ежели же кто и одинъ пожелаетъ вымежеванъ быть отъ прочихъ владѣльцевъ, а добровольно не разведется: то и такому объ отмежеваніи велѣть просить особо, а къ генеральному размежеванію сего не присоединять». Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду выразить лишь ту мысль, что если одинъ владѣлецъ будетъ просить о вымежеваніи, то соблюдается то же самое правило, которое въ первой части статьи установлено на случай заявленія просьбы о вымежеваніи всѣми, двумя или тремя владѣльцами, т. е. удовлетвореніе просьбы о вымежеваніи, если не послѣдуетъ соглашенія о полюбовномъ разводѣ, отлагается до будущихъ спеціальныхъ межеваній. Между тѣмъ въ правилѣ, изложенномъ во второй части означенной статьи, было усмотрѣно дозволеніе каждому владѣльцу во всякое время требовать вымежеванія судебнымъ порядкомъ. Но такая мысль была совершенно чужда законодателю.

[1]) П. С. З. № 22104.

томъ, что полюбовное соглашеніе признавалось въ то время единственнымъ, допускаемымъ по закону, способомъ прекращенія совмѣстнаго владѣнія въ общихъ дачахъ [1]).Наконецъ, что еще въ 1839 г. разсматриваемое мнѣніе не раздѣлялось самимъ законодателемъ, подтверждается тѣмъ, что по ст. 2 Именнаго указа 21 Іюня 1839 г. [2]) въ случаѣ уклоненія владѣльцевъ отъ полюбовнаго развода земель въ общихъ дачахъ Министру Юстиціи было предоставлено право, съ Высочайшаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ утвержденія, приступить къ понудительному размежеванію. Въ предоставленіи такого права Министру Юстиціи, очевидно, не предстояло надобности, если бы заинтересованные въ размежеваніи владѣльцы сами имѣли право требовать вымежеванія, помимо особаго разрѣшенія Министра Юстиціи.

[1]) Въ одномъ изъ отзывовъ графа Блудова (дѣло Департамента Министерства Юстиціи 1844 № 226 ч. IV, № 9717 по Архиву, стр. 73) выражено мнѣніе, что право требовать вымежеванія изъ общей дачи предоставлено было въ Межевой Инструкціи каждому владѣльцу и что право это отмѣнено положеніемъ 2 Октября 1806 г. о полюбовномъ размежеваніи чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ. Но въ положеніи 2 Октября 1806 г. не содержится ни малѣйшаго указанія на такую отмѣну, а, напротивъ, въ мотивахъ къ нему выражено, что размежеваніе общей дачи не допускается иначе, какъ по общему соглашенію совладѣльцевъ. Въ другомъ отзывѣ отъ 14 Января 1849 г. № 12 графомъ Блудовымъ выражено мнѣніе, что право каждаго владѣльца общей дачи требовать вымежеванія судебнымъ порядкомъ принадлежащей ему части основано на «давно существовавшемъ, но къ сожалѣнію оставленномъ нѣкоторое время безъ дѣйствія законѣ». Вѣроятнѣе всего, что подразумѣваемый законъ оставался въ бездѣйствіи собственно потому, что онъ вовсе не существовалъ.

[2]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 8.

II.

Законы 1836 и 1839 г.г. о спеціальномъ межеваніи чрезъ посредниковъ.

Второй періодъ законодательства о спеціальномъ межеваніи обнимаетъ собою время разработки проекта понудительнаго спеціальнаго межеванія. Періодъ этотъ рѣзко отличается отъ послѣдующаго тѣмъ, что въ продолженіи его законодательство исходило изъ того начала, что размежеваніе общихъ дачъ составляетъ государственное дѣло и поэтому должно быть осуществлено мѣрами и по почину самаго правительства.

Къ этому періоду, обнимающему время съ 1836 по 1850 г., относятся три закона:

а) Высочайше утвержденное 8 Января 1836 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о предуготовительныхъ мѣрахъ къ спеціальному размежеванію земель [1]).

б) Именный указъ 21 Іюня 1839 г. о полюбовномъ размежеваніи дачъ, состоящихъ въ чрезполосномъ и общемъ владѣніи [2]).

в) Высочайше утвержденная 21 Іюня 1839 г. Инструкція для руководства при исполненіи предварительныхъ мѣръ полюбовнаго спеціальнаго межеванія [3]).

Въ законѣ 1836 г.: 1) объявлено было повсемѣстно, что правительство «въ уваженіе вреда, происходящаго отъ необмежеванныхъ чрезполосныхъ земель, отъ неопредѣлитель-

---

[1]) П. С. З. № 8763; см. объясн. зап. къ проекту меж. уст. стр. 6 и 7.
[2]) П. С. З. № 12458; см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 7 и 8.
[3]) П. С. З. № 12459; см. объясн. зап. къ пр. м. у. стр. 8.

ности правъ общаго владѣнія и въѣздовъ или частныхъ правъ на владѣніе постороннее, признаетъ полезнымъ и нужнымъ произвести внутреннее специальное размежеваніе казенныхъ, общественныхъ и частныхъ владѣній»; 2) въ этихъ видахъ велѣно было въ каждой губерніи открыть особый Комитетъ для собиранія вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о всѣхъ земляхъ общаго и чрезполоснаго владѣнія и для составленія правилъ спеціальнаго межеванія, наиболѣе свойственныхъ межевымъ обстоятельствамъ каждой губерніи, и 3) назначенъ былъ трехлѣтній срокъ, въ продолженіи котораго всѣ владѣльцы общихъ и чрезполосныхъ дачъ должны согласиться о разверстаніи принадлежащихъ имъ земель и просить мѣстные Уѣздные Суды о размежеваніи ихъ согласно состоявшемуся между ними полюбовному разводу. Опредѣленный означеннымъ закономъ срокъ былъ неоднократно продленъ, а закономъ 12 Іюля 1850 г. [1]) продолженъ на безсрочное время и, въ виду сего, долженъ считаться не истекшимъ по настоящее время, и 4) велѣно было, по прошествіи указаннаго срока, въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ къ тому времени еще не будетъ открыто понудительнаго спеціальнаго межеванія, дозволить каждому владѣльцу, на основаніи ст. 261 меж. зак. изд. 1832 г. (334 ст. изд. 42 г., 409 ст. изд. 57г., 312 ст. изд. 93 г.), просить въ подлежащемъ Уѣздномъ Судѣ о вымежеваніи слѣдующей ему земли изъ общаго владѣнія даже въ томъ случаѣ, если прочіе соучастники не изъявили на то своего согласія [2]).

---

[1]) См. объясн. зап. въ пр. меж. уст. стр. 17.

[2]) Въ отношеніи сдѣланной въ указѣ 8 Января 1836 г. ссылки на ст. 261 зак. меж., основанную на приведенной выше ст. 44 гл. 4 Межевой Инструкціи, нельзя не замѣтить, что законъ 8 Января 1836 г. несомнѣнно

Второй, относящійся къ разсматриваемому періоду законъ заключается въ Именномъ указѣ 21 Іюня 1839 г., одновременно съ которымъ была издана Инструкція для руководства при исполненіи предварительныхъ мѣръ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія. Въ Именномъ этомъ указѣ правительство, подтвердивъ «твердое намѣреніе привести къ концу размежеваніе дачъ, состоящихъ въ чрезполосномъ и общемъ владѣніи, столь вредномъ для мѣстнаго спокойствія и сельскаго хозяйства», въ видахъ содѣйствія владѣльцамъ въ миролюбивыхъ соглашеніяхъ, велѣло учредить въ каждой генерально обмежеванной губерніи Посредническую Коммисію, а въ каждомъ уѣздѣ одного или нѣсколькихъ посредниковъ для полюбовнаго размежеванія.

Въ отношеніи общаго характера установленнаго Именнымъ указомъ и Инструкціею 21 Іюня 1839 г. особаго вида спеціальнаго межеванія чрезъ посредниковъ полюбовнаго межеванія, слѣдуетъ замѣтить, что хотя размежеваніе чрезъ посредниковъ имѣетъ характеръ полюбовнаго межеванія,

---

имѣлъ въ виду расширить право совладѣльцевъ общей дачи требовать вымежеванія изъ общаго владѣнія, предоставивъ имъ такое право, которымъ они раньше не пользовались. Между тѣмъ, толкуя ст. 261 зак. меж. въ томъ смыслѣ, въ какомъ на нее сдѣлана ссылка въ законѣ 8 Января 1836 г., а именно, что въ силу ея владѣльцы общей дачи еще раньше пользовались правомъ требовать вымежеванія, пришлось бы признать, что законъ этотъ имѣлъ цѣлью ограничить это право лишеніемъ владѣльцевъ общей дачи возможности требовать вымежеванія до истеченія назначеннаго на миролюбивыя соглашенія срока. Притомъ для осуществленія права требовать вымежеванія необходимы правила о порядкѣ сведенія чрезполосныхъ земель къ однимъ мѣстамъ, каковыхъ правилъ однако не содержалось въ положеніяхъ о генеральномъ межеваніи. Отсюда ясно, что въ законѣ 8 Января 1836 г. ссылка на ст. 261 зак. меж. изд. 1832 г. едва ли сдѣлана правильно. Ср. выше стр. 207 прим. 3.

тѣмъ не менѣе отъ размежеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, установленнаго положеніемъ 1806 г., оно рѣзко отличается тѣмъ, что инціатива для него исходитъ не отъ владѣльцевъ, а отъ правительства, которое: само собираетъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ земляхъ общаго и чрезполоснаго владѣнія; вызываетъ владѣльцевъ; склоняетъ ихъ на полюбовный разводъ и предлагаетъ имъ проекты размежеванія; при соглашеніяхъ о полюбовныхъ разводахъ замѣняетъ, въ лицѣ посредника, отсутствующихъ владѣльцевъ; вызываетъ отсутствующихъ владѣльцевъ чрезъ публикацію для доставленія отзыва о согласіи на проектъ размежеванія; тѣхъ, кто уклоняется отъ полюбовнаго межеванія, подвергаетъ взысканію денежнаго штрафа и, въ заключеніе, дѣла, по которымъ за всѣми принятыми мѣрами не воспослѣдовало между соучастниками добровольныхъ соглашеній, препровождаетъ въ мѣстный Уѣздный Судъ для судебнаго, въ свое время, межеваго по онымъ разбирательства. Въ свою очередь, владѣльцы, по правиламъ спеціальнаго межеванія чрезъ посредниковъ, обязаны, если они отсутствуютъ, извѣстить Посредническую Коммисію, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со времени открытія ея, о мѣстѣ пребыванія своемъ и впослѣдствіи при всякой его перемѣнѣ увѣдомлять ту же Коммисію; являться по вызову и давать отзывы объ условіяхъ, на которыхъ согласны миролюбиво развестись, а также о причинахъ несогласія на предложенные посредникомъ способы развода земель, подвергаясь въ противномъ случаѣ взысканію денежнаго штрафа за уклоненіе отъ полюбовнаго межеванія и, въ случаѣ пропуска срока на доставленіе отзыва о согласіи или несогласіи на составленный при участіи посредника проектъ—подчиниться этому проекту.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что спеціальное меже-

ваніе чрезъ посредниковъ начинается и производится помимо и даже противъ воли заинтересованныхъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, стоитъ ближе къ понудительному, чѣмъ къ полюбовному размежеванію. По намѣренію законодателя, этотъ видъ межеванія имѣлъ характеръ переходной къ понудительному межеванію мѣры и, слѣдовательно, могъ имѣть примѣненіе лишь тамъ, гдѣ въ будущемъ предстояло открытіе понудительнаго межеванія. Въ этомъ отношеніи существуетъ полное сходство между специальнымъ размежеваніемъ чрезъ посредниковъ и тѣми гражданскими спорами, по которымъ, на основаніи законовъ гражданскаго судопроизводства, обращенію къ суду должно предшествовать примирительное разбирательство(см., напр., ст. 745 п. 2 и 753 зак. суд. гражд. изд. 1892 г. о примирительномъ разбирательствѣ Совѣстнаго Суда).

Наконецъ, что специальное межеваніе чрезъ посредниковъ имѣетъ характеръ, совершенно различный отъ специальнаго межеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ явствуетъ, изъ того, что первое производится на счетъ государства, а второе— на коштъ владѣльцевъ [1]).

III.

Именной указъ 12 Іюля 1850 г.

Третій періодъ законодательства о специальномъ межеваніи имѣетъ началомъ Высочайше утвержденный 12 Іюля 1850 г. журналъ Государственнаго Совѣта о внесенномъ Министромъ

---

[1]) Межеваніе имѣетъ характеръ коштнаго или некоштнаго въ зависимости отъ того, кто платитъ жалованье землемѣру. Согласно сему, къ видамъ межеванія, производимымъ на счетъ государства, должны быть отнесены

Юстиціи проектѣ понудительнаго специальнаго межеванія [1]). Государственный Совѣтъ этимъ журналомъ не только отвергъ внесенный Министромъ Юстиціи проектъ, но принялъ мнѣніе графа Блудова, полагавшаго совершенно отказаться отъ мысли о производствѣ понудительнаго специальнаго межеванія. Такимъ образомъ журналъ 12 Іюля 1850 г. знаменуетъ собою крутой поворотъ въ направленіи законодательной дѣятельности въ области специальнаго межеванія.

Основанія, которыми руководствовался Государственный Совѣтъ, какъ видно изъ означеннаго журнала, заключались въ томъ, что полюбовное межеваніе шло чрезвычайно успѣшно и что поэтому, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, едва ли могло предстоять сомнѣніе въ томъ, что размежеваніе общихъ и чрезполосныхъ владѣній въ государствѣ совершится въ теченіи не очень продолжительнаго времени, главнѣйше посредствомъ полюбовныхъ соглашеній, и что для понужденія лицъ, уклоняющихся отъ миролюбиваго окончанія дѣла, достаточно принять нѣкоторыя частныя мѣры, главную изъ которыхъ составляетъ возстановленіе силы изданнаго еще при генеральномъ межеваніи закона о дозволеніи каждому владѣльцу общей дачи просить Уѣздный Судъ о вымежеваніи принадлежащей ему земли [2]).

генеральное межеваніе и специальное чрезъ посредниковъ, а къ коштнымъ видамъ межеванія—такъ называемое коштное межеваніе, межеваніе чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ и судебно-межевое разбирательство. См. изданныя Межевымъ Управленіемъ основанія для денежныхъ расчетовъ по всѣмъ видамъ межеванія (Меж. Зак. изд. кн. Мещерскаго стр. 65 и слѣд. и Меж. Зак. изд. Б. Долячко. Прил. стр. 56 и слѣд.)

[1]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 13—16.

[2]) Выше (стр. 207 прим. 3 сл. и стр. 209 прим. 1) уже было объяснено, что врядъ ли такое правило содержится въ положеніяхъ о генеральномъ межеваніи.

Сорокалѣтній опытъ примѣненія предложенной графомъ Блудовымъ мѣры дозволенія каждому владѣльцу просить о вымежеваніи принадлежащей ему земли показываетъ, что ожиданія Государственнаго Совѣта совершенно не оправдались. Дѣло спеціальнаго межеванія весьма мало подвинулось съ тѣхъ поръ и въ сущности находится въ такомъ же положеніи, какъ въ 1850 г. Неуспѣхъ предложенной графомъ Блудовымъ мѣры былъ предсказанъ Министромъ Юстиціи графомъ Панинымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на то, что если полюбовное межеваніе шло успѣшно, то главнымъ образомъ въ виду опасенія владѣльцевъ подвергнуться понудительному межеванію, и что поэтому съ отмѣною понудительнаго межеванія значительно сократится число полюбовныхъ соглашеній о размежеваніи. И это предсказаніе графа Панина вполнѣ оправдалось на опытѣ. Такъ какъ соображенія, изложенныя посему предмету въ представленіи графа Панина въ Государственный Совѣтъ отъ 14 Января 1850 г., сохранили полное значеніе до настоящаго времени, то ниже приводятся нѣкоторыя выдержки изъ нихъ.

По мнѣнію графа Панина, почти съ увѣренностью можно сказать, что всѣ тѣ дачи, гдѣ права владѣнія смѣшаны и неопредѣлительны и гдѣ, слѣдовательно, размежеваніе болѣе необходимо для прекращенія споровъ и тяжбъ и для улучшенія сельскаго хозяйства и быта поселянъ, при введеніи въ дѣйствіе предположенныхъ графомъ Блудовымъ мѣръ, останутся въ чрезполосности, такъ какъ самая неопредѣлительность правъ будетъ главною побудительною причиною желанія владѣльцевъ остаться въ неизмѣнномъ положеніи изъ опасенія лишиться тѣхъ выгодъ, коими они доселѣ пользовались; къ тому же, вымежеваніе, согласно просьбамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, участковъ ихъ изъ общей дачи подастъ поводъ

къ весьма запутаннымъ многосложнымъ тяжбамъ, которыя едва ли не будутъ убыточнѣе для владѣльцевъ и обременительнѣе для правительства, нежели производство понудительнаго межеванія по всѣмъ дачамъ и угодьямъ общаго и перемѣннаго владѣнія, состоящимъ въ одной странѣ. При разсмотрѣніи въ Министерствѣ Юстиціи дѣлъ по жалобамъ на посредниковъ и Посредническія Коммисіи весьма часто встрѣчались случаи, что въ дачѣ, принадлежащей нѣсколькимъ владѣльцамъ, только одинъ поставляетъ препятствіе къ межеванію, тогда какъ всѣ прочіе на оное согласны; если удовлетворить просьбу каждаго изъ нихъ о вымежеваніи принадлежащихъ имъ частей въ отдѣльные участки, то земля владѣльца, уклоняющагося отъ соглашеній, будетъ сама собою вымежевана, между тѣмъ какъ всѣ издержки, сопряженныя съ межеваніемъ, будутъ отнесены на счетъ владѣльцевъ, которые были готовы размежеваться полюбовно, а уклоняющійся отъ исполненія воли правительства не только не подвергнется никакимъ взысканіимъ, но, напротивъ, получитъ отъ него пользу.

Далѣе графъ Панинъ находилъ, что нельзя не обратить вниманія и на то нравственное вліяніе, которое до настоящаго времени имѣли возвѣщенныя правительствомъ строгія мѣры на успѣшность полюбовныхъ разводовъ. Хотя одно опасеніе понудительнаго межеванія, какъ весьма справедливо замѣчаетъ графъ Блудовъ, и не могло быть причиною успѣха полюбовныхъ соглашеній, если бы правительство не даровало къ тому значительныхъ способовъ и не указало мѣръ къ прекращенію общаго и чрезполоснаго владѣнія, но притомъ Министръ Юстиціи находитъ, что льготы, дарованныя правительствомъ, служатъ только поощреніемъ, а указанныя имъ мѣры облегчаютъ исполненіе межеванія общихъ

дачъ, владѣльцы которыхъ съ 1836 года постоянно находились въ ожиданіи, что земли ихъ будутъ размежеваны неизбѣжно, если не полюбовными, то правительственными мѣрами. Возбуждаемое симъ ожиданіемъ опасеніе доказывается не одними умозаключеніями, но и самыми событіями, ибо съ приближеніемъ времени, назначеннаго для понудительнаго межеванія, число частныхъ просьбъ, поступающихъ въ Министерство отъ владѣльцевъ общихъ дачъ, постоянно увеличивается; одни просятъ содѣйствія Министерства къ ускоренію межеванія, дабы имѣть возможность воспользоваться дарованною отсрочкою, другіе ходатайствуютъ о принятіи побудительныхъ мѣръ въ отношеніи владѣльцевъ, поставляющихъ препятствія къ соглашеніямъ; наконецъ, иные, объясняя дѣйствія свои по размежеванію принадлежащихъ имъ дачъ, просятъ не признавать ихъ уклоняющимися отъ межеванія. Основываясь на сихъ данныхъ, Министръ Юстиціи находилъ, что обязательство владѣльцевъ размежевать свои общія и чрезполосныя земли было, ежели не единственною, то по крайней мѣрѣ главною причиною успѣха спеціальнаго межеванія до настоящаго времени, и что при дальнѣйшей отсрочкѣ, а тѣмъ болѣе при совершенной отмѣнѣ понудительнаго межеванія, значительно сократится и производство соглашеній по правиламъ нынѣ существующаго полюбовнаго межеванія.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что основная мысль внесеннаго въ 1850 г. въ Государственный Совѣтъ проекта понудительнаго спеціальнаго межеванія—начало правительственной инціативы производства спеціальнаго межеванія—была совершенно вѣрна [1]. Но проектъ этотъ страдалъ дру-

---

[1]) Мысль о необходимости правительственной инціативы для размежеванія общихъ дачъ обстоятельно развита въ особомъ мнѣніи быв-

гимъ, весьма существеннымъ недостаткомъ, который хотя и не указанъ въ журналѣ Государственнаго Совѣта, однако

шаго члена Межевой Коммисіи 1863 г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Селифонтова (особое мнѣніе стр. 1 — 9). Въ томъ же смыслѣ высказалось большинство членовъ Коммисіи 1889 г. (Труды стр. 44). Меньшинство же (тамъ же стр. 50) находитъ, что нѣтъ основанія подвергать понудительному размежеванію такія общія дачи, владѣльцы которыхъ не желаютъ вовсе размежеванія. Съ приведеннымъ заключеніемъ меньшинства нельзя не согласиться, насколько оно касается владѣльцевъ общихъ дачъ, желающихъ отказаться отъ размежеванія не временно, а навсегда, т. е. изъявляющихъ готовность отказаться навсегда отъ всякихъ притязаній, основанныхъ на писцовыхъ книгахъ и древнихъ крѣпостяхъ, и желающихъ, существующее въ общей дачѣ фактически, но не юридически обособленное владѣніе превратить во владѣніе, происходящее на правѣ отдѣльной собственности. Подвергать понудительному межеванію такія дачи нѣтъ никакого основанія, такъ какъ въ нихъ уже вполнѣ достигнута главная цѣль генеральнаго межеванія, заключавшаяся, какъ объяснено выше, въ изъятіи изъ обращенія писцовыхъ книгъ и древнихъ крѣпостей. Но къ указанному случаю мнѣніе большинства, кажется, вовсе не относится и такимъ образомъ приведенное соображеніе меньшинства едва ли можетъ быть признано убѣдительнымъ. Далѣе, по поводу указанія меньшинства на то, что понудительное размежеваніе общихъ дачъ потребуетъ большихъ затратъ, слѣдуетъ замѣтить, что и съ этимъ возраженіемъ нельзя было бы не согласиться, если бы дѣйствительно, какъ слѣдуетъ заключить по приведеннымъ на стр. 49 «Трудовъ» даннымъ Управленія межевой частью, потребовалось размежеваніе 67,000,000 десятинъ. Но цифра эта не можетъ быть признана вѣрною. По приложенію къ части II «Матеріаловъ для преобразованія межевой части въ Россіи» значится спеціально неразмежеванныхъ въ 1863 г. земель всего 18,137,793 десятинъ. Съ тѣхъ поръ количество этихъ земель могло лишь уменьшиться, а не увеличиться. Притомъ въ означенное количество вошли дачи, въ которыхъ общее владѣніе образовалось послѣ генеральнаго межеванія и которыя поэтому вовсе не могутъ быть предметомъ спеціальнаго межеванія (см. ниже стр. 266 и 295). Такимъ образомъ, количество въ дѣйствительности требующихъ размежеванія дачъ много меньше не только 67 милліоновъ, но даже 18 милліоновъ десятинъ.

едва ли остался безъ вліянія на принятое имъ рѣшеніе. Недостатокъ этотъ заключается въ неясной—съ одной и слишкомъ широкой — съ другой стороны постановкѣ вопроса о цѣли понудительнаго спеціальнаго межеванія. Вмѣсто того, чтобы ограничить задачу понудительнаго спеціальнаго межеванія завершеніемъ генеральнаго межеванія, т. е. межеваніемъ тѣхъ владѣній, которыя при генеральномъ межеваніи были замежеваны въ общія дачи, составленный въ Центральномъ Комитетѣ и въ Министерствѣ Юстиціи проектъ задался еще цѣлью прекратить чрезполосность владѣнія, образовавшуюся въ обмежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе дачахъ, и даже укрѣпить межевыми признаками и снять на планъ границы вновь образовавшихся въ указанныхъ дачахъ отдѣльныхъ нечрезполосныхъ владѣній. Такое распространеніе задачи спеціальнаго межеванія на вновь образовавшіяся отдѣльныя владѣнія въ генерально-обмежеванныхъ дачахъ составляетъ, безъ сомнѣнія, прямое послѣдствіе невѣрнаго опредѣленія въ межевыхъ законахъ цѣли государственнаго межеванія. Если бы дѣйствительно цѣль предпринятаго въ 1765 г. государственнаго межеванія заключалась, какъ сказано въ ст. 1 зак. меж., въ обезпеченіи безспорности границъ, то не представлялось бы правильнаго основанія ограничивать заботу правительства въ этомъ отношеніи лишь тѣми отдѣльными владѣніями, которыя существовали въ моментъ производства генеральнаго межеванія и оставлять безъ вниманія вновь образовавшіяся впослѣдствіи отдѣльныя владѣнія. Но, какъ объяснено выше, цѣль предпринятаго у насъ государственнаго межеванія была неизмѣримо шире и заключалась въ устройствѣ землевладѣнія вообще въ тѣхъ частяхъ государства, въ которыхъ, подъ вліяніемъ главнѣйше

помѣстной системы, оно пришло въ состояніе неопредѣлительности въ отношеніи не только границъ, но и самаго правооснованія владѣнія. Если бы цѣль государственнаго межеванія заключалась только въ обезпеченіи безспорности границъ, то нельзя было бы не присоединиться къ мнѣнію графа Блудова. Принуждать къ обезпеченію безспорности границъ посредствомъ снятія границъ на планъ такихъ владѣльцевъ, которые не усматриваютъ въ томъ для себя практической надобности, нѣтъ никакого основанія. Исторія не знаетъ ни одного примѣра государственнаго межеванія, предпринятаго съ исключительною цѣлью обезпеченія безспорности границъ.

Изложенное показываетъ, что понудительнаго спеціальнаго межеванія требовали единственно такія дачи, въ которыхъ цѣль государственнаго межеванія, заключающаяся въ устраненіи вытекавшей изъ помѣстной системы неопредѣлительности правъ землевладѣнія, еще не была достигнута, т. е. исключительно замежеванныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачи. Внесенный Министромъ Юстиціи въ Государственный Совѣтъ проектъ понудительнаго спеціальнаго межеванія однако построенъ былъ на томъ началѣ, что понудительное спеціальное межеваніе должно обнимать собою не только дачи, замежеванныя въ общее владѣніе при генеральномъ межеваніи, но также всѣ дачи, замежеванныя при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, которыя впослѣдствіи подверглись раздробленію. Столь широкая постановка вопроса о понудительномъ спеціальномъ межеваніи, естественно, не могло не вызывать сомнѣнія относительно какъ цѣлесообразности, такъ и осуществимости проекта. Со стороны графа Блудова и Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта было указано на то, что общее, въ очередномъ порядкѣ, понудительное спеціальное

межеваніе едва ли возможно въ исполненіи по недостатку техническихъ средствъ. Это соображеніе, послужившее однимъ изъ главныхъ основаній отвергнуть мысль о понудительномъ спеціальномъ межеваніи, едва ли получило бы рѣшающее значеніе, если бы съ самаго начала предположенія о производствѣ понудительнаго спеціальнаго межеванія были ограничены сравнительно небольшимъ количествомъ дачъ, замежеванныхъ въ общее владѣніе. Позволительно думать, что въ такомъ случаѣ проектъ понудительнаго спеціальнаго межеванія не былъ бы отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ. Правда, что при окончательномъ составленіи правилъ судебно-межеваго разбирательства, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія 30 Декабря 1853 года, дачи, замежеванныя при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, были изъяты изъ судебно-межеваго разбирательства (ст. 951 зак. меж., 1158 ст. изд. 1857 г.) [1]), но такое запоздалое исправленіе указаннаго недостатка первоначальнаго проекта не могло измѣнить направленія, которое дѣлу спеціальнаго межеванія было дано закономъ 12 Іюля 1850 г.

Устраненіе начала принудительности спеціальнаго межеванія имѣло прямымъ своимъ послѣдствіемъ исключеніе изъ проекта правилъ судебно-межеваго разбирательства первоначальнаго предположенія о назначеніи въ составъ Уѣздныхъ Судовъ особыхъ членовъ изъ межевыхъ чиновъ [2]). Между тѣмъ отсутствіе въ составѣ судовъ техниковъ, какъ показалъ сорокалѣтній опытъ, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ малоуспѣшности дѣятельности гражданскихъ судовъ по производству дѣлъ судебно-межеваго разбиратель-

---

[1]) См. ниже стр. 268 и слѣд.

[2]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 13.

ства. Такимъ образомъ и здѣсь причину неуспѣшности хода спеціальнаго межеванія со времени введенія въ дѣйствіе правилъ судебно-межеваго разбирательства нельзя не усматривать въ томъ, что правительство, вмѣсто того, чтобы принять на себя руководство дѣломъ спеціальнаго межеванія, всецѣло ходъ его предоставило иниціативѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ.

IV.

Высочайше утвержденныя 30 Декабря 1853 г. правила судебно-межеваго разбирательства.

Именнымъ указомъ 12 Іюля 1850 г. (п. 2) [1]) разрѣшенъ былъ лишь общій вопросъ о замѣнѣ начала понудительнаго спеціальнаго межеванія правиломъ о дозволеніи каждому владѣльцу дачъ общаго и чрезполоснаго владѣнія просить Уѣздный Судъ о вымежеваніи принадлежащей ему части. Что же касается самаго порядка производства въ Уѣздныхъ Судахъ дѣлъ, возникающихъ по просьбамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ о вымежеваніи принадлежащей имъ части, то по п. 8 того же указа 12 Іюля 1850 г. и п. III Высочайше утвержденнаго въ тотъ же день мнѣнія Государственнаго Совѣта [2]) составленіе предположеній по сему предмету было возложено на Министра Юстиціи [3]). Составленный во испол-

---

[1]) П. С. З. № 24326; см. объясн. зап. къ проекту меж. уст. стр. 17 и 18.

[2]) П. С. З. № 24327; см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 19.

[3]) Изъ изложеннаго въ текстѣ слѣдуетъ, что относительно права каждаго владѣльца общей дачи просить о вымежеваніи принадлежащей ему части дѣйствующимъ закономъ могутъ почитаться лишь составленныя, во исполненіе указа 12 Іюля 1850 г., правила судебно-межеваго разбира-

неніе сего Министромъ Юстиціи проектъ правилъ судебно-межеваго разбирательства, по внесеніи въ Государственный Совѣтъ, былъ препровожденъ на предварительное заключеніе подлежащихъ Министерствъ и вызвалъ съ ихъ стороны разныя замѣчанія, особенно важное значеніе изъ которыхъ имѣетъ указаніе Министра Государственныхъ Имуществъ графа Киселева, къ которому присоединился графъ Блудовъ, о необходимости замежеванныя при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе дачи, въ которыхъ впослѣдствіи образовалось общее и чрезполосное владѣніе, *изъять вовсе изъ предметовъ вѣдѣнія судебно-межеваго разбирательства*, ограничивъ сіе послѣднее одними лишь дачами, при генеральномъ межеваніи замежеванными *въ общее владѣніе* [1]). Составленный Министромъ Юстиціи проектъ пра-

---

тельства, Высочайше утвержденныя 30 Декабря 1853 г., а никакъ не самый указъ 12 Іюля 1850 г., представляющій собою ничто иное, какъ указаніе, преподанное Министру Юстиціи для составленія правилъ судебно-межеваго разбирательства. Поэтому, п. 2 Именнаго указа 12 Іюля 1850 г. столь-же мало составляетъ дѣйствующій законъ, какъ, напримѣръ, Высочайше утвержденныя 29 Сентября 1862 г. основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи, и, слѣдовательно едва-ли правильно введенъ въ Сводъ Законовъ въ видѣ отдѣльной статьи (621 ст. зак. меж., 777 ст. изд. 57 г.). О послѣдствіяхъ, къ которымъ на практикѣ привело включеніе п. 2 Именнаго указа 12 Іюля 1850 г. въ Сводѣ Законовъ, см. ниже стр. 275.

[1]) По поводу принятаго закономъ 30 Декабря 1853 г. предложенія Министра Государственныхъ Имуществъ объ ограниченіи судебно-межеваго разбирательства однѣми лишь общими дачами слѣдуетъ еще замѣтить, что принятіе этого предложенія вызывало необходимость какъ вообще въ нѣкоторыхъ редакціонныхъ измѣненіяхъ прочихъ частей составленнаго въ Министерствѣ Юстиціи проекта, такъ и въ частности въ замѣнѣ въ п. 1 того же проекта (вошедшемъ въ ст. 933 зак. меж., 1143 ст. изд. 1857 г.) выраженія «дачи общаго и чрезполоснаго владѣнія» терминомъ «общія дачи», такъ какъ, по смыслу измѣненной, согласно

вилъ судебно-межеваго разбирательства, въ измѣненномъ, согласно указанному замѣчанію графовъ Киселева и Блудова, видѣ, удостоился 30 Декабря 1853 г. Высочайшаго утвержденія [1]) и вошелъ въ Сводъ межевыхъ законовъ подъ названіемъ правилъ о судебномъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при спеціальномъ межеваніи [2]).

Сущность установленнаго правилами 30 Декабря 1853 г.

предложенію Министра Государственныхъ Имуществъ, ст. 16 означеннаго проекта (951 ст. зак. меж., 1158 ст. изд. 1857 г.), дачи общаго и чрезполоснаго владѣнія не подлежатъ судебно-межевому разбирательству, если онѣ не были замежеваны при генеральномъ межеваніи въ одну общую дачу. Но это не было сдѣлано и такимъ образомъ въ текстъ правилъ 30 Декабря 1853 г. вкралось противорѣчіе, которое, какъ будетъ объяснено ниже, весьма вредно отразилось на судебной практикѣ.

[1]) П. С. З. № 27820.

[2]) Такое названіе, данное Высочайше утвержденнымъ 30 Декабря 1853 г. правиламъ въ кодификаціонномъ порядкѣ, можетъ послужить поводомъ къ невѣрному заключенію о существѣ сихъ правилъ. Споровъ собственно о гражданскомъ правѣ въ дѣлахъ этого рода весьма часто, если не въ большинствѣ случаевъ, не бываетъ вовсе. Необходимость примѣненія правилъ 30 Декабря 1853 г. обыкновенно вызывается не наличностью спора о правѣ и степени участія въ дачѣ, а невозможностью для владѣльцевъ прійти къ соглашенію объ уравнительномъ разводѣ земель къ однимъ мѣстамъ. Съ другой стороны, если судебно-межевое разбирательство не сопровождалось споромъ о правѣ и степени участія каждаго изъ владѣльцевъ въ общей дачѣ, то едва-ли оно можетъ быть названо судебнымъ производствомъ, ибо опредѣленіе принадлежности земель извѣстному лицу можетъ производиться и внѣ судебнаго порядка, примѣромъ чему служатъ дѣла о раздѣлѣ, отнесенныя въ уст. гр. суд. не къ судебнымъ, а охранительнымъ дѣламъ. Судебно-межевое разбирательство есть ничто иное, какъ понудительное спеціальное межеваніе, производимое по просьбѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ. На практикѣ были-бы устранены многія сомнѣнія и недоразумѣнія, если бы правиламъ 30 Декабря 1853 г. было присвоено названіе понудительнаго спеціальнаго межеванія. Объ этомъ см. также ниже стр. 273 и сл.

порядка производства заключается въ томъ, что понудительному размежеванію подлежатъ тѣ переданныя изъ Посредническихъ Коммисій въ Уѣздные Суды, за недостиженіемъ полюбовныхъ соглашеній, дѣла: а) въ которыхъ имѣетъ участіе казна; б) по которымъ поступили просьбы хотя отъ одного изъ владѣльцевъ о вымежеваніи его въ отдѣльный участокъ, и в) по коимъ происходятъ взаимныя ссоры и жалобы владѣльцевъ на неправильное внутри дачи владѣніе; что вызовъ владѣльцевъ подлежащихъ размежеванію дачъ производится посредствомъ публикацій въ вѣдомостяхъ и посылки имъ повѣстокъ; что на предметъ представленія крѣпостей и другихъ доказательствъ владѣльцамъ назначается срокъ, по истеченіи котораго крѣпости и доказательства болѣе не принимаются; что при разборѣ споровъ и доказательствъ вообще принимаются тѣ-же самыя основанія и правила, которыя принимаются при разборѣ споровъ по дѣламъ генеральнаго межеванія, и что самое разбирательство распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая имѣетъ цѣлью опредѣленіе количества слѣдующей каждому владѣльцу земли, а вторая—распредѣленіе земель по участкамъ и назначеніе границъ владѣнія [1]).

---

[1]) Въ запискѣ о межевыхъ законахъ представителя II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ Межевой Коммисіи 1863 г. Тайнаго Совѣтника Попова (см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 48), авторъ о правилахъ 30 Декабря 1853 г. говоритъ (стр. 30), что ни теоретически, ни практически эти правила не выдерживаютъ никакой критики; они не только безполезны, но крайне вредны въ отношеніи къ размежеванію, поэтому уничтожить ихъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, Со стороны представителя II Отдѣленія нельзя было ожидать столь суроваго приговора о законѣ, составляющемъ ничто иное, какъ осуществленіе предположеній самого II Отдѣленія о способѣ производства понудительнаго межеванія. Главный недостатокъ этого закона заключается въ возложеніи

V.

Давность владѣнія по закону 30 Декабря 1853 г.

Какъ уже было замѣчено, по правиламъ судебно-межеваго разбирательства, къ разрѣшенію споровъ принимаются тѣ-же самыя доказательства, которыя принимаются по дѣламъ генеральнаго межеванія. Такъ какъ генеральному межеванію не была извѣстна давность владѣнія, какъ основаніе къ утвержденію поземельныхъ правъ, то отсюда слѣдуетъ, что и при судебно-межевомъ разбирательствѣ давность владѣнія не принимается въ расчетъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такое заключеніе не согласно съ прим. къ ст. 950 и ст. 954 (1157 прим. и 1161 ст. изд. 1857 г.). Но ближайшее соображеніе приведенныхъ статей вполнѣ подтверждаетъ такое заключеніе.

Владѣніе лица, ссылающагося на давность владѣнія въ подкрѣпленіе права на участіе въ судебно-межевомъ разбирательствѣ, могло возникнуть: а) послѣ генеральнаго межеванія и б) до сего межеванія. Въ первомъ случаѣ владѣлецъ не можетъ ссылаться на давность владѣнія потому, что къ

на общія, лишенныя техническихъ средствъ, судебныя мѣста и подчиненіи формамъ гражданскаго процесса такихъ дѣлъ, въ которыхъ часто вовсе не имѣется спора о правѣ гражданскомъ и въ которыхъ поэтому главное значеніе имѣетъ не юридическій разборъ правъ, а уравнительное и удобное въ хозяйственномъ отношеніи распредѣленіе земель по участкамъ. Этотъ недостатокъ вытекаетъ изъ принятой законодателемъ основной мысли графа Блудова о замѣнѣ понудительнаго специальнаго межеванія дозволеніемъ каждому владѣльцу просить Уѣздный Судъ о вымежеваніи слѣдующей ему части. Все остальное въ законѣ 1853 года имѣетъ второстепенное значеніе. Притомъ авторъ умалчиваетъ, чѣмъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы замѣнить судебно-межевое разбирательство.

участію въ судебно-межевомъ разбирательствѣ допускаются исключительно лица, значащіяся владѣльцами на планѣ генеральнаго межеванія, а онъ, ни самъ, ни въ лицѣ его праводателя, на планѣ не значатся. Если отъ лица, не показаннаго на планѣ, не принимаются даже крѣпости (ст. 944 п. 1 зак. меж., ст. 1151 п. а. изд. 1857 и), то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о принятіи отъ него ссылки на давность.

Что давностный владѣлецъ не можетъ считаться правопреемникомъ лицъ, значащихся на планѣ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію въ томъ случаѣ, когда давность владѣнія имѣетъ своимъ источникомъ завладѣніе. Графомъ Блудовымъ, правда, было высказано мнѣніе [1]), что давностный владѣлецъ долженъ считаться правопреемникомъ того значащагося на планѣ владѣльца, кѣмъ допущено завладѣніе, т. е., что доставшаяся по давности постороннему лицу часть общей дачи должна быть поставлена въ счетъ тому, кто допуститъ завладѣніе [2]). Противъ этого слѣдуетъ, однако, замѣтить, что: а) юридически не можетъ быть рѣчи о допущеніи захвата отдѣльными владѣльцами общей дачи, такъ какъ таковая дача составляетъ собственность не отдѣльныхъ владѣльцевъ, а совокупности ихъ [3]) и б) фактически весьма часто нельзя опредѣлить, кто допустилъ завладѣніе, потому, что захватъ произведенъ изъ земель, не состоявшихъ въ обособленномъ владѣніи кого либо изъ соучастниковъ дачи. Далѣе, можетъ случиться, что владѣльцу, допустившему завладѣніе, при судебно-межевомъ разбирательствѣ ничего не причтется. Спрашивается, кому въ такомъ случаѣ ставить въ счетъ

---

[1]) См. выше стр. 155.

[2]) Тоже самое мнѣніе высказано Министромъ Государственныхъ Имуществъ въ отзывѣ на пр. меж. уст. (Отзывы стр. 41).

[3]) См. выше стр. 22 и слѣд.

землю, отошедшую по давности въ собственность лица, незначащагося на планѣ?

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ въ томъ случаѣ, когда давностное владѣніе возникло не въ силу завладѣнія, а, напримѣръ, по неформальной сдѣлкѣ. Здѣсь, казалось бы, слѣдуетъ руководствоваться мотивами, послужившими основаніемъ закона 23 Апрѣля 1845 г. объ изъятіи межъ изъ дѣйствія давности [1]) и, согласно сему, признать, что такой давностный владѣлецъ получаетъ удовлетвореніе въ правахъ того, кто допустилъ его къ владѣнію въ общей дачѣ [2]).

---

[1]) См. выше стр. 151.

[2]) Высказанное въ текстѣ мнѣніе совпадаетъ съ взглядомъ Курса К. Побѣдоносцева (I, 4 изд., стр. 710 и 711). Однако, нельзя не замѣтить, что Курсъ пріобрѣтеніе по давности части обмежеванной дачи ставитъ въ различныя условія, смотря потому, примѣняется ли давность къ общей дачѣ или къ дачѣ единственнаго владѣнія. Въ первомъ случаѣ, по мнѣнію Курса, давностное владѣніе посторонняго лица, основанное не на особомъ титулѣ, а на завладѣніи, не превращается въ право собственности, сколько бы времени оно ни продолжалось (Курсъ I, 711), тогда какъ во второмъ случаѣ Курсъ признаетъ, что и владѣніе, основанное не на особомъ титулѣ,а на завладѣніи, можетъ превратиться въ право собственности (Курсъ I, 714, 715). По поводу такого, приводимаго Курсомъ, различія нельзя не замѣтить, что едва ли представляется правильное основаніе юридическія послѣдствія завладѣнія, произведеннаго постороннимъ лицемъ изъ обмежеванной дачи, ставить въ зависимость отъ того, совершенно случайнаго, обстоятельства, произведено ли завладѣніе изъ дачи, утвержденной при генеральномъ межеваніи въ общее или единственное владѣніе. Что же касается завладѣнія, произведеннаго въ общей дачѣ не посторонними лицами, а соучастниками дачи, то по отношенію къ симъ послѣднимъ Курсъ примѣненіе давности совершенно исключаетъ (ст. 710). Однако, едва ли не правильнѣе и здѣсь различить, основано ли давностное владѣніе на захватѣ или на законномъ титулѣ. Если, напримѣръ, одинъ изъ соучастниковъ свою долю въ общей дачѣ продалъ другому соучастнику по купчей, впослѣдствіи признанной недѣйствительною, то врядъ ли есть основаніе отказывать покупщику въ признаніи его собственникомъ по дав-

Въ предъидущемъ изложеніи разсмотрѣнъ случай, когда давностное владѣніе возникло послѣ генеральнаго межеванія. Но безспорное, продолжающееся болѣе или менѣе продолжительное время владѣніе могло возникнуть еще до генеральнаго межеванія. Такое владѣніе правила генеральнаго межеванія принимаютъ въ доказательство поземельныхъ правъ, причемъ различаютъ, имѣетъ-ли межеваніе предметомъ населенную или ненаселенную единицу владѣнія, т. е. селеніе и деревню или пустошь [1]). Если межеваніе имѣетъ предметомъ селеніе или деревню, то, при отсутствіи крѣпостей, основаніемъ развода земель служитъ безспорное владѣніе до 1765 г., а если и владѣніе до 1765 г. было спорное, то—количество числившихся

ностному владѣнію. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ оказывается, что при примѣненіи давности къ межеванію нельзя не различать, возникло ли давностное владѣніе въ силу захвата или законнаго титула.

[1]) Какъ уже было упомянуто выше (стр. 11), понятіе ненаселенной единицы владѣнія не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ ненаселенныхъ земель вообще. Въ селеніи могли находиться и такіе владѣльцы, которые не имѣли кресгьянъ и, слѣдовательно, владѣли въ селеніи незаселенною землею. О такихъ владѣльцахъ говоритъ ст. 950 прим. зак. меж. (ст. 1157 пр. изд. 1857 г.) Далѣе, къ составу земель селенія могутъ принадлежать разныя отхожія угодія, называемыя также пустошами. Но эти пустоши, составляя лишь принадлежность селеній и вполнѣ подчиняясь, при генеральномъ межеваніи, судьбѣ самаго селенія, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми пустошами, которыя имѣютъ характеръ самостоятельной вотчинной единицы, т. е. которыя, какъ выражается ст. 954 зак. меж., (1161 ст. изд. 1857 г.), вымежеваны не къ селеніямъ, а отъ оныхъ особо. Лишь къ пустошамъ послѣдняго рода относится ст. 954 зак. меж. Указанное выше, въ высшей степени важное въ практическомъ отношеніи, различіе между *незаселенными единицами владѣнія*, т. е. отдѣльными пустошами *и незаселенными землями, составляющими* часть или *принадлежность селеній*, упущено изъ виду какъ Гражд. Кас. Деп-томъ (см. ниже стр. 234), такъ и проектомъ меж. уст. (прил. къ ст. 325 ст. 8 п. 4).

въ селеніи крѣпостныхъ душъ (800 ст. меж. зак.. 960 ст. изд. 1857 г.). Если-же межеваніе касается пустоши, то основаніемъ къ разводу владѣній, прежде всего, также служитъ безспорное владѣніе, бывшее до 1765 г. Но, если владѣніе до 1765 г. было спорное, то очевидно, что преподанное для размежеванія селеній правило здѣсь не примѣнимо, такъ какъ въ пустоши не было крестьянъ. Въ виду сего, законъ постановляетъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ спорныя земли дѣлятся между спорщиками (802 ст. меж. зак., 962 ст. изд. 1857 г.).

Изложенныя начала развода земель при генеральномъ межеваніи имѣютъ полное примѣненіе и при судебно-межевомъ разбирательствѣ, которое также различаетъ, подлежитъ-ли размежеванію селеніе или пустошь Въ первомъ случаѣ, какъ при генеральномъ межеваніи, такъ и при судебно-межевомъ разбирательствѣ, основаніемъ развода земель служитъ количество ревизскихъ душъ (ст. 950 зак. меж., 1157 ст. изд. 1857 г.). Во второмъ случаѣ, придерживаясь правилъ генеральнаго межеванія, слѣдовало-бы, строго говоря, принять въ основаніе развода существующее съ 1765 г., безспорное владѣніе. Но такъ какъ удостовѣрить бывшее въ 1765 г. владѣніе по прошествіи столѣтія было-бы весьма затруднительно, а часто даже невозможно, то законодатель счелъ нужнымъ довольствоваться удостовѣреніемъ безспорнаго владѣнія за послѣднія 10 лѣтъ. Въ виду сего правила судебно-межеваго разбирательства при размежеваніи пустошей принимаютъ основаніемъ, въ случаѣ недостатка крѣпостей, не владѣніе 1765 г. (какъ слѣдовало бы по аналогіи съ 801 ст. зак. меж., 961 ст. изд. 1857 г.), а бывшее за послѣднія 10 лѣтъ владѣніе (ст. 954 зак. меж., ст. 1161 изд. 1857 г.). Такимъ образомъ, разсматриваемое правило ст. 954 зак. меж.

истекаетъ не изъ понятія давности владѣнія, а изъ постановленій генеральнаго межеванія, которому институтъ давности еще не былъ извѣстенъ. Если неимѣющій крѣпостей владѣлецъ пустоши допускается по ст. 954 зак. меж. къ участію въ судебно-межевомъ разбирательствѣ, то не потому, что онъ по давности пріобрѣлъ право собственности на часть пустоши, а потому, что онъ самъ или въ лицѣ его праводателя значится на планѣ генеральнаго межеванія и, слѣдовательно, состоитъ соучастникомъ въ дачѣ. Что правило ст. 954 зак. меж. не истекаетъ изъ понятія давности владѣнія, явствуетъ еще изъ того, что оно за неимѣющимъ крѣпостей совладѣльцемъ пустоши признаетъ право на удовлетвореніе лишь при томъ условіи, что въ пустоши окажется излишекъ земли, по назначеніи полнаго количества таковой прочимъ совладѣльцамъ дачи [1]).

Изложенное показываетъ, что ст. 950 и 954 зак. меж. (1157 и 1161 ст. изд. 1857 г.) въ точности соотвѣтствуютъ ст. 800 и 801 тѣхъ же зак. (ст. 960 и 961 ст. изд. 1857 г.), которыя внутренней связи съ давностью владѣнія не имѣютъ. Но разсматриваемый здѣсь вопросъ о значеніи давности владѣнія въ системѣ судебно-межеваго разбирательства нѣсколько усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ правилахъ судебно-межеваго разбирательства, сверхъ ст. 950 и 954, содержится еще одно постановленіе, въ которомъ упоминается о 10 лѣтнемъ безспорномъ владѣніи, а именно прим. 1 къ 950 зак. меж. (прим. 1 къ ст. 1157 изд. 1857 г.). Примѣчаніе это

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ правилахъ судебно-межеваго разбирательства не предусмотрѣнъ случай, указанный въ ст. 802 зак. меж. (ст. 962 изд. 1857 г.), а именно тотъ случай, когда за послѣднія 10 лѣтъ владѣніе не было безспорно и, слѣдовательно, оно основаніемъ къ разводу земель служить не можетъ. Здѣсь есть въ законѣ пробѣлъ, требующій восполненія.

касается того случая, когда въ селеніи имѣетъ владѣніе такое лице, которое (само или въ лицѣ его праводателя) хотя на планѣ генеральнаго межеванія и значилось владѣльцемъ, но ни крѣпостей, ни крѣпостныхъ душъ въ селеніи не имѣло. Очевидно, что въ этомъ случаѣ нельзя было руководствоваться правиломъ о разводѣ земель по количеству душъ. Въ виду того, что земля безъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи почти не имѣла цѣнности и вслѣдствіе сего случаи владѣнія въ селеніи землями безъ крѣпостныхъ душъ могли являться лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, правила генеральнаго межеванія случая этого вовсе не предусматриваютъ. Не предусмотрѣли его также составленныя Центральнымъ Комитетомъ правила понудительнаго спеціальнаго межеванія, а равно составленный въ Министерствѣ Юстиціи первоначальный проектъ правилъ судебно-межеваго разбирательства. Но въ отзывѣ на проектъ правилъ судебно-межеваго разбирательства графомъ Блудовымъ было указано на возможность такого случая [1]) и послѣдствіемъ сего явилось включеніе въ правила суд. меж. разбирательства прим. 1 къ ст. 950 (прим. 1 къ ст. 1157 изд. 1857 г.), по смыслу котораго тѣ значащіеся на планѣ генеральнаго межеванія владѣльцы замежеваннаго въ общую дачу селенія, которые не имѣютъ ни крѣпостей, ни крѣпостныхъ душъ, получаютъ удовлетвореніе на томъже основаніи, какъ постановлено въ ст. 954 зак. меж. (1161 ст. изд. 1857 г.) для владѣльцевъ отдѣльныхъ пустошей.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что прим. 1 къ ст. 950 зак. меж. (лишенное, впрочемъ, всякаго практическаго значенія по совершенно исключительному характеру предусмот-

---

[1]) См. отзывъ 25 Сентября 1851 г. № 599.

рѣннаго въ немъ случая) столь-же мало имѣетъ связь съ давностью владѣнія, какъ и разобранная выше ст. 954 зак. меж.

Все здѣсь сказанное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) что въ системѣ судебно-межеваго разбирательства давность владѣнія не служитъ основаніемъ къ разводу земель;

б) что положеніе это, безспорное въ отношеніи населенныхъ единицъ владѣнія (селеній), примѣнимо также и къ таковымъ ненаселеннымъ (пустошамъ);

в) что съ такимъ заключеніемъ ст. 950 (прим.) и 954 зак. меж. находятся лишь въ кажущемся противорѣчіи,

и г) что, если даже отождествлять съ давностью владѣнія то 10-ти-лѣтнее безспорное владѣніе, о которомъ говорится въ приведенныхъ статьяхъ, то во всякомъ случаѣ практическое значеніе давности владѣнія для судебно-межеваго разбирательства представляется совершенно ничтожнымъ въ виду рѣдкости тѣхъ двухъ видовъ владѣнія, къ которымъ относятся упомянутыя статьи.

Послѣдній выводъ о ничтожномъ значеніи давности владѣнія въ дѣлахъ судебно-межеваго разбирательства, однако, совершенно не согласуется съ практикою Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, признающаго по означеннымъ дѣламъ за давностью владѣнія весьма важное значеніе и, въ опредѣленныхъ случаяхъ, даже приравнивающаго ее по силѣ къ мѣрнымъ крѣпостямъ. Къ такому заключенію Гражданскій Кассаціонный Департаментъ пришелъ, прежде всего, вслѣдствіе того, что всѣ занадѣльныя земли признаетъ незаселенными землями въ смыслѣ ст. 950 прим. зак. меж. (1157 ст. прим. изд. 1857 г.) и такимъ образомъ въ сущности упразднилъ то основное начало судебно-межеваго разбирательства, въ силу котораго въ населенныхъ единицахъ владѣнія (селеніяхъ) главнымъ основаніемъ къ разводу земель (при не-

достаткѣ крѣпостей) служитъ не безспорное владѣніе, а количество бывшихъ при генеральномъ межеваніи душъ [950 ст. зак. меж. (1157 ст. изд. 1857 г.)] [1]).

Далѣе, Гражд. Касс. Д-тъ, вопреки прямому смыслу ст. 950 и 954 зак. меж., призналъ, что давностный владѣлецъ можетъ требовать удовлетворенія не только изъ могущаго оказаться излишка, за надѣломъ владѣльцевъ, имѣющихъ крѣпости или крестьянъ, но въ полномъ размѣрѣ, наравнѣ съ лицами, имѣющими мѣрныя крѣпости. Чтобы

---

[1]) См. рѣш. 1888 г. № 67, по дѣлу Киндяковыхъ. Въ этомъ рѣшеніи Гражданскій Кассаціонный Департаментъ: а) призналъ имѣющими право на участіе въ общей дачѣ, въ качествѣ давностныхъ владѣльцевъ, такихъ лицъ, которыя основали свои права на давности, возникшей послѣ генеральнаго межеванія и, слѣдовательно, ни сами, ни въ лицѣ ихъ праводателей, не могли значиться владѣльцами на планѣ генеральнаго межеванія, какъ того требуетъ ст. 944 п. 1 зак. меж. изд. 1857 г. (1151 ст. изд. 1893 г.), и б) въ основаніе такого заключенія принялъ прим. къ 1157 ст. 950 ст. изд. 93 г.), хотя просители ничѣмъ не удостовѣрили, чтобы въ числѣ значившихся на планѣ владѣльцевъ состояли такія лица, которыя во время генеральнаго межеванія имѣли въ селеніи владѣніе, а) безъ крѣпостей и б) безъ крѣпостныхъ душъ. Въ означенномъ рѣшеніи Гражданскій Кассаціонный Департаментъ ставитъ даже вопросъ: имѣютъ-ли (при судебно-межевомъ разбирательствѣ) нынѣ какое либо преимущество владѣльцы бывшихъ населенныхъ земель предъ владѣльцами земель ненаселенныхъ? Изъ самой постановки такого вопроса, оставленнаго, впрочемъ, Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ безъ обсужденія по существу, слѣдуетъ, что, по мнѣнію его, примѣненіе тѣхъ или другихъ основаній къ разводу земель въ общей дачѣ обусловливается тѣмъ, имѣютъ-ли подлежащія разводу земли характеръ населенныхъ или ненаселенныхъ во время производства судебно-межеваго разбирательства. Но такое мнѣніе не можетъ быть признано правильнымъ и по закону примѣненіе того или другаго порядка развода земель въ общихъ дачахъ зависитъ отъ характера, который *земли эти имѣли во время генеральнаго межеванія (а не во время производства судебно-межеваго разбирательства)*.

достигнуть этого, давностному владѣльцу, по разъясненію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, достаточно исходатайствовать противъ любаго изъ соучастниковъ общей дачи судебное рѣшеніе о признаніи его давностнымъ владѣльцемъ. Такое рѣшеніе, по мнѣнію названнаго Департамента, имѣетъ послѣдствіемъ, что давностному владѣльцу удовлетвореніе назначается не по ст. 950 и 954 зак. меж., а по 952 ст. тѣхъ же зак. (1159 ст. изд. 1857 г.) въ которой сказано, что въ дачахъ, обмежеванныхъ не безспорно, а по рѣшенію межевыхъ правительствъ или по внутреннему размежеванію которыхъ впослѣдствіи производились въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ особыя дѣла, разверстаніе земель между владѣльцами производится на точномъ основаніи означенныхъ рѣшеній [1]). Указанное разъясненіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента исходитъ изъ того мнѣнія, что ст. 952 зак. меж. (1159 ст. изд. 1857 г.) подъ рѣшеніемъ, состоявшимся по производившимся въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ особымъ дѣламъ, разумѣетъ всѣ вообще рѣшенія, имѣющія предметомъ право владѣнія землями общей дачи. Но такое предположеніе опровергается точнымъ смысломъ означенной статьи, согласно которому въ ней имѣются въ виду лишь рѣшенія, состоявшіяся въ особомъ порядкѣ размежеванія казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ [2]). Рѣшеніе о признаніи правъ давностнаго владѣнія въ общей дачѣ, очевидно, не можетъ быть подведено подъ понятіе рѣшенія, имѣющаго предметомъ внутреннее размежеваніе таковой дачи. Что подъ производящимися въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ дѣлами о внут-

[1]) Рѣш. 1890 г. № 83 по дѣлу Управленія госуд. имущ. Таврич. и Екатерин. губ.

[2]) См. ниже стр. 260 и слѣд.

реннемъ размежеваніи слѣдуетъ разумѣть именно, такъ называемыя, дѣла объ отдѣленіи земель, подтверждается также указомъ 16 Августа 1804 г. [1]), составляющимъ одинъ изъ главныхъ источниковъ дѣйствующихъ законовъ объ отдѣленіи земель [2]), въ каковомъ указѣ понятіе отдѣленія земель выражено тѣми же словами, которыя употреблены въ ст. 952 зак. меж., а именно словами: «размежеваніе во внутреннемъ владѣніи».

Приведенными разъясненіями Гражданскій Кассаціонный Департаментъ вполнѣ разрушилъ ту систему развода земель, на которой построенъ законъ 1853 г. о судебно-межевомъ разбирательствѣ. По системѣ этого закона, главное и почти единственное основаніе развода земель (кромѣ мѣрныхъ крѣпостей) служитъ количество бывшихъ при генеральномъ межеваніи душъ, тогда какъ по системѣ, созданной означеннымъ Департаментомъ, главнымъ основаніемъ къ разводу земель служитъ не количество душъ, а безспорное владѣніе въ продолженіи 10 лѣтъ. Такимъ образомъ оказывается, что у насъ существуетъ два порядка развода земель въ общихъ дачахъ, изъ которыхъ въ одномъ, установленномъ законодателемъ въ 1853 г., давность владѣнія никакого значенія не имѣетъ, а въ другомъ, созданномъ Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ, давность служитъ главнымъ основаніемъ этого развода.

---

[1]) П. С. З. № 21422.
[2]) См. цитаты подъ ст. 940 зак. меж. изд. 1893 г.

VI.

Временныя правила 16 Января 1868 г.

Съ введеніемъ судебной реформы возникъ вопросъ, на кого должны быть возложены лежащія на судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства обязанности по межевой части? Вопросъ этотъ получилъ разрѣшеніе въ Высочайше утвержденныхъ 16 Января 1868 г. временныхъ правилахъ производства дѣлъ межевыхъ въ мѣстахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы.

Хотя при изданіи этихъ правилъ имѣлось въ виду ни въ чемъ не касаться самаго порядка производства дѣлъ межевыхъ и ограничиться только вопросомъ, на кого именно, съ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, должны быть возложены лежащія на Уѣздныхъ Судахъ обязанности по межевой части [1]), но въ дѣйствительности временныя правила 16 Января 1868 г. внесли весьма существенныя измѣненія въ установленный закономъ 1853 г. порядокъ производства дѣлъ о спеціальномъ межеваніи и притомъ такія измѣненія, которыя значительно усугубили присущіе закону 1853 г. недостатки.

Измѣненія эти заключаются въ томъ, что: а) по закону 1853 г. привлеченіе владѣльцевъ общей дачи къ участію въ дѣлѣ о производствѣ размежеванія составляло обязанность не истца, а самаго суда, который, на основаніи имѣющихся въ производствѣ посредника свѣдѣній о соучастникахъ общей дачи и мѣстѣ жительства ихъ (ст. 635 п. 4 и 638 зак. меж., 793 и 796 п. 4 изд. 1857 г.), вызывалъ ихъ

[1]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. ст. 19.

чрезъ особыя объявленія и, сверхъ того, публиковалъ въ вѣдомостяхъ для предваренія владѣльцевъ подлежащей размежеванію дачи о своевременномъ представленіи крѣпостей и документовъ (ст. 937 зак. меж., ст. 1145 изд. 1857 г.), тогда какъ по закону 1868 г. самъ истецъ обязанъ привести въ извѣстность совладѣльцевъ, указать мѣстожительства ихъ и нести расходъ на проѣздъ судебнаго пристава для врученія повѣстки о вызовѣ, и б) по закону 1853 г. не требовалось письменнаго состязанія сторонъ и дополненіе дѣла доказательствами лежало на обязанности самаго суда (ст. 937 зак. меж., 1145 ст. изд. 1857 г.), тогда какъ законъ 1868 г. и здѣсь строго придерживается состязательнаго начала. Въ томъ видѣ, какой получилъ судебно-межевой процессъ въ силу закона 1868 г., онъ весьма часто имѣетъ для владѣльцевъ значеніе прямаго отказа въ правосудіи. Трудно назвать иначе требованіе закона, чтобы владѣлецъ малоцѣннаго участка привелъ въ извѣстность и розыскалъ сотни совладѣльцевъ (такіе случаи извѣстны въ судебной практикѣ), оплатилъ гербовымъ сборомъ въ 80 к. сотни копій съ состязательныхъ бумагъ и приложеній къ нимъ и внесъ деньги на проѣздъ судебнаго пристава для врученія повѣстокъ сотнямъ совладѣльцевъ, однимъ словомъ, несъ расходъ на предъявленіе иска, который много разъ можетъ превышать цѣнность подлежащаго вымежеванію участка.

Во временныя правила 16 Января 1868 г. не вошли, какъ уже указано выше, ст. 937 и 939 зак. меж. (1145 и 1147 изд. 1857 г.) о вызовѣ распоряженіемъ самаго суда совладѣльцевъ общей дачи и о послѣдствіяхъ ихъ неявки въ судъ. Между тѣмъ, статьи эти составляютъ, такъ сказать, краеугольный камень всего судебно - межеваго разбирательства. Онѣ устанавливаютъ неразрывную связь

между судебно-межевымъ разбирательствомъ и предшествовавшимъ ему производствомъ Посреднической Коммисіи, имѣвшимъ, между прочимъ, цѣлью привести въ извѣстность личность и мѣстожительства всѣхъ совладѣльцевъ общихъ дачь (ст. 635 п. 4 и 638 зак. меж., 793 и 796 изд. 1857 г.). Такая связь судебно-межеваго разбирательства съ производствомъ Посреднической Коммисіи обезпечивала Уѣзднымъ Судамъ возможность удостовѣриться въ томъ, что всѣ имѣющія участіе въ дачѣ лица вызваны и, тѣмъ самымъ, получили возможность принять участіе въ судебно-межевомъ разбирательствѣ. Но въ временныхъ правилахъ 16 Января 1868 г. не содержится постановленія ни о производствѣ публикаціи по поводу возбужденія дѣла о судебно-межевомъ разбирательствѣ, ни о томъ, что въ отношеніи удостовѣренія, что къ участію въ производствѣ привлечены были всѣ совладѣльцы дачи, Окружные Суды вправѣ руководствоваться заключающимися въ производствѣ Посреднической Коммисіи свѣдѣніями, ни, наконецъ, о томъ, что отъ неявившихся въ срокъ владѣльцевъ крѣпости и доказательства болѣе не принимаются (ни при судебно-межевомъ разбирательствѣ, ни впослѣдствіи). При такомъ положеніи состоявшееся въ судебно-межевомъ порядкѣ рѣшеніе Окружнаго Суда едва-ли можетъ быть признано обязательнымъ для владѣльца дачи, не принимавшаго участія въ дѣлѣ, по которому послѣдовало рѣшеніе, и, слѣдовательно, при дѣйствіи временныхъ правилъ 18 Января 1868 г. судебно-межевое разбирательство потеряло въ сущности характеръ одного изъ видовъ генеральнаго межеванія, такъ какъ за составленными въ порядкѣ этого разбирательства межевыми актами не можетъ быть признана одинаковая съ актами

генеральнаго межеванія сила, т. е. сила непоколебимости [1]).

Кромѣ порядка судебнаго размежеванія, законъ 1868 г. коснулся и подвергъ существеннымъ измѣненіямъ также порядокъ полюбовнаго чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ размежеванія. Внесенныя этимъ закономъ въ сей послѣдній порядокъ размежеванія измѣненія заключаются:

а) въ отмѣнѣ требованія закона, чтобы, предварительно утвержденія полюбовной сказки, удостовѣрена была принадлежность подлежащихъ размежеванію земель участвующимъ

[1]) Существуетъ, правда еще, другой взглядъ на начало непоколебимости, въ силу котораго оно не служитъ препятствіемъ неявившемуся къ межеванію и вслѣдствіе сего пропущенному на планѣ владѣльцу требовать выдѣла принадлежащей ему части въ вотчинномъ порядкѣ. Но мнѣніе это, какъ объяснено выше,(стр. 93 и 107), основано на неправильномъ толкованіи ст. 945 зак. меж., 1152 ст. изд. 1857 г. Проектъ межеваго устава исходитъ изъ той мысли, что начало непоколебимости вообще относится лишь къ вызваннымъ для участія въ межеваніи лицамъ и, слѣдовательно, не служитъ препятствіемъ для неполучившихъ вызова лицъ требовать перемежеванія обмежеванной въ отсутствіи ихъ дачи (пр. меж. уст. ст. 240 и 443 и Заключеніе стр. 92 и 101; ср. Труды стр. 13). Такой взглядъ въ сущности сводится къ отрицанію начала непоколебимости, ибо начало это главнѣйше имѣетъ въ виду тѣхъ лицъ, которыя, не бывъ вызваны (напримѣръ потому, что имѣніе находилось не въ ихъ владѣніи), впослѣдствіи докажутъ, что собственникомъ имѣнія состоятъ они, а не тотъ, кто былъ вызванъ къ участію въ межеваніи. Ограничивать дѣйствіе начала непоколебимости лишь непосредственно привлеченными къ участію въ межеваніи лицами значитъ лишать это начало почти всякаго практическаго значенія, такъ какъ для указанныхъ лицъ непоколебимость межеванія въ громадномъ большинствѣ случаевъ вытекаетъ уже изъ общихъ юридическихъ началъ о силѣ договоровъ и судебныхъ рѣшеній. Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе непоколебимости въ столь ограниченномъ смыслѣ совершенно чуждо нашимъ межевымъ законамъ (705 и 724 зак. меж., ст. 863 и 883 изд. 1857 г.).

въ этой сказкѣ лицамъ (596, 635 п. 4 зак. меж., 755, 793 п. 2 изд. 1857 г.), и въ замѣнѣ этого требованія правиломъ, въ силу котораго сами участвующія въ полюбовной сказкѣ лица должны удостовѣрить, что размежевываемыя земли никому, кромѣ нихъ, не принадлежатъ (врем. прав. 16 Янв. 1868 г. I ст. 2, ст. 594 зак. меж.), и

б) въ предоставленіи утвержденія полюбовныхъ сказокъ Губернскому Правленію, вмѣсто Уѣздныхъ Судовъ.

Первое правило имѣетъ весьма важное принципіальное и практическое значеніе въ томъ отношеніи, что межевые акты, утвержденію которыхъ не предшествовала повѣрка принадлежности межуемыхъ земель участвующимъ въ межеваніи лицамъ, очевидно не могутъ пользоваться силою непоколебимости въ случаѣ, если-бы впослѣдствіи оказалось, что межуемыя земли въ дѣйствительности принадлежатъ не принимавшимъ участіе въ межеваніи, а постороннимъ лицамъ. На основаніи правилъ о специальномъ межеваніи какъ чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, такъ и чрезъ посредниковъ, повѣрка принадлежности межуемыхъ земель участвующему въ межеваніи лицу производилась посредствомъ справки съ планами генеральнаго межеванія и съ имѣющимися въ Посредническихъ Коммисіяхъ и у посредниковъ свѣдѣніями объ общихъ дачахъ, ихъ владѣльцахъ и мѣстѣ жительства послѣднихъ (ст. 596, 635, 638 зак. меж., ст. 755, 793, 796 изд. 1857 г. [1]).

---

[1]) Изложенное въ текстѣ заключеніе, что Уѣздный Судъ при утвержденіи полюбовной сказки обязанъ былъ посредствомъ справки съ планомъ генеральнаго межеванія удостовѣриться въ томъ, кому принадлежитъ дача (596 ст. зак. меж., ст. 755 ст. изд. 1857), не находится въ противорѣчіи съ ст. 655 зак. меж. (813 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которой Уѣздный Судъ (Губернское Правленіе) при утвержденіи миролюбивой сдѣлки не

Такую справку съ планомъ для повѣрки участія въ полюбовной сказкѣ всѣхъ владѣльцевъ дачи временныя правила 16 Января 1868 г. отмѣнили, замѣнивъ ее, какъ объяснено выше, удостовѣреніемъ самихъ владѣльцевъ, что кромѣ нихъ нѣтъ болѣе владѣльцевъ размежевываемаго пространства. Такимъ образомъ оказывается, что и въ отношеніи полюбовнаго спеціальнаго межеванія временныя правила 16 Января 1868 г. знаменуютъ собою разрывъ съ началомъ непоколебимости.

Не касаясь здѣсь вопроса, насколько такой разрывъ съ однимъ изъ основныхъ началъ генеральнаго межеванія оправдывался практическими потребностями, нельзя, однако, не замѣтить, что въ законѣ во всякомъ случаѣ необходимо было прямо и ясно выразить, что производимое, на основаніи временныхъ правилъ 16 Января 1868 г., межеваніе не имѣетъ равной съ генеральнымъ межеваніемъ силы и, слѣдовательно, не можетъ почитаться однимъ изъ его видовъ. Но это не было сдѣлано и послѣдствіемъ сего явилось, что въ новѣйшемъ изданіи Свода межевыхъ законовъ, 1893 г., рядомъ помѣщены ст. 2 положенія 2 Октября 1806 г. о полюбовномъ чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ размежеваніи земель,—на основаніи которой утвержденію полюбовной сказки должна предшествовать повѣрка принадлежности подлежащихъ размежеванію земель тѣмъ лицамъ, отъ имени которыхъ составлена таковая сказка (ст. 596 зак. меж., 755, изд. 57 г.),—и ст. 2 Отд. I врем. прав. 16 Января

входитъ въ соображеніе крѣпостныхъ правъ владѣльцевъ. Смыслъ этого правила заключается лишь въ томъ, что, при отсутствіи спора между показанными въ картушѣ плана владѣльцами, судъ не вправѣ требовать отъ нихъ крѣпостей для удостовѣренія дѣйствительности правъ и доли участія каждаго изъ участвующихъ въ полюбовной сказкѣ владѣльцевъ.

1868 г.,—на основаніи которой означенная повѣрка замѣняется удостовѣреніемъ самихъ участвовавшихъ въ полюбовной сказкѣ лицъ, что, кромѣ ихъ, нѣтъ никакихъ болѣе владѣльцевъ въ границахъ размежеваннаго пространства (ст. 594 зак. меж.). Между тѣмъ, обѣ приведенныя статьи едва ли совмѣстимы, ибо трудно понять цѣль требуемаго ст. 2 Отд. I врем. прав. 16 Янв. 1868 г. удостовѣренія, если оно не освобождаетъ то присутственное мѣсто, утвержденію котораго подлежитъ полюбовная сказка, отъ обязанности удостовѣриться самому въ принадлежности земель еще другими способами. Что, по мысли законодателя, требуемое отъ участвующихъ въ полюбовной сказкѣ удостовѣреніе предназначено было замѣнить собою установленные прежде дѣйствовавшими законами способы удостовѣренія принадлежности подлежащихъ размежеванію земель, это подтверждается, между прочимъ, сдѣланною въ самомъ текстѣ п. 2 Отд. I правилъ 16 Января 1868 г. ссылкою на 755 ст. меж. зак. изд. 1857 г. Во всякомъ случаѣ, на практикѣ, насколько извѣстно, никогда не возникало сомнѣнія въ томъ, что требуемымъ по п. 2 Отд. I прав. 16 Января 1868 г. удостовѣреніемъ замѣняется установленный ст. 755 зак. меж., изд. 1857 г., способъ удостовѣренія принадлежности подлежащихъ размежеванію земель тѣмъ лицамъ, кои участвуютъ въ полюбовной сказкѣ. По выраженію одного изъ Губернскихъ Землемѣровъ въ статьѣ, помѣщенной въ Межевомъ Вѣстникѣ [1]), со времени изданія временныхъ правилъ 16 Января 1868 г. полюбовное межеваніе производится «на-авось». Въ этомъ выраженіи, впрочемъ, нельзя видѣть упрека законодателю, ибо, какъ объяснено выше, съ 1775 г. всѣ крѣ-

[1]) Межевой Вѣстникъ 1884 г., № 8, стр. 18.

постные акты совершаются безъ повѣрки принадлежности составляющаго предметъ акта имѣнія, т. е., согласно терминологіи автора упомянутой статьи, совершаются также на авось.

Еще болѣе существенный разрывъ съ основными началами генеральнаго межеванія составляетъ второе изъ указанныхъ выше нововведеній закона 1868 г. о предоставленіи утвержденія межевыхъ актовъ по полюбовному спеціальному межеванію Губернскимъ Правленіямъ. Основаніемъ этого нововведенія, какъ видно изъ трудовъ Межевой Коммисіи 1863 г. [1]), послужило то соображеніе, что съ распространеніемъ на судопроизводство по межевымъ дѣламъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ 1864 г., судебныя мѣста должны быть освобождены отъ всѣхъ административныхъ обязанностей по межевой части. По поводу этого соображенія слѣдуетъ замѣтить, что оно стоитъ на почвѣ возникшаго, при разсмотрѣніи, въ 1857 г., проекта устава гражданскаго судопроизводства, предположенія о признаніи за совершеніемъ крѣпостныхъ актовъ характера исключительно административнаго дѣйствія и объ изъятіи, на этомъ основаніи, нотаріальной части изъ вѣдомства судебныхъ мѣстъ и о передачѣ ея, по примѣру установленнаго въ Сибирскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ порядка, въ вѣдѣніе Губернскихъ Правленій [2]). Но, какъ извѣстно, предположеніе это было отвергнуто при составленіи какъ основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высоч. утвержд. 29 Сент. 1862 г., такъ и Положенія о нотар.

---

[1]) См. Журналъ Ком., Выс. утвер. для опредѣленія главныхъ началъ преобразованія межевой части, стр. 31 и 34.

[2]) Суд. Уставы 20 Ноября 1864 г., изд. Госуд. Канц., часть 3, стр. 262.

части, въ ст. 1 и 57 котораго прямо выражено, что нотаріальная часть находится подъ наблюденіемъ судебныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, введеніе судебныхъ уставовъ никоимъ образомъ не могло служить правильнымъ основаніемъ къ предоставленію утвержденія полюбовныхъ сказокъ Губернскимъ Правленіямъ. Утвержденіе полюбовной сказки, подобно утвержденію всякаго акта на недвижимое имущество, требуетъ разрѣшенія сложныхъ юридическихъ вопросовъ: о легитимаціи и правоспособности сторонъ, объ огражденіи правъ третьихъ лицъ, объ ограниченіяхъ въ правѣ распоряженія, о законности изложенныхъ въ полюбовной сказкѣ условій (ст. 648 зак. меж., 806 ст. изд. 1857 г.) и т. п. Возлагать разрѣшеніе такихъ вопросовъ на техническія или административныя учрежденія (Чертежная и Губернское Правленіе) значитъ отступать отъ соблюдавшагося у насъ со времени генеральнаго межеванія и вытекающаго изъ самаго существа онаго начала, въ силу котораго юридическая сторона межеванія должна подлежать повѣркѣ и утвержденію судебныхъ, а не техническихъ учрежденій.

Причину на первый взглядъ столь трудно объяснимаго правила, какимъ является отнесеніе, по временнымъ правиламъ 16 Января 1868 г., утвержденія полюбовныхъ сказокъ къ кругу вѣдомства не судебныхъ учрежденій, замѣнившихъ упраздненные Уѣздные Суды, а Губернскихъ Правленій, нельзя искать въ какихъ либо особенностяхъ юридическаго характера полюбовныхъ сказокъ, отличающихъ ихъ отъ прочихъ актовъ, совершаемыхъ на недвижимыя имущества. Въ дѣйствительности такихъ особенностей не существуетъ. Ключъ къ разумѣнію разсматриваемаго правила заключается въ общемъ ходѣ у насъ межеваго дѣла со времени генеральнаго межеванія. Характеристическою чертою

этого хода является постепенное обособленіе межеваго дѣла отъ судебнаго и, какъ естественное послѣдствіе такаго обособленія, преобладаніе техники, рутины и формализма надъ матеріальнымъ правомъ. Вышеуказанное правило представляетъ собою наглядное и весьма краснорѣчивое выраженіе того полнаго упадка, въ какое пришло межевое дѣло вслѣдствіе обособленія межевой части отъ судебной. По Межевой Инструкціи межеваніемъ завѣдывали судебныя учрежденія (Межевыя Конторы и Канцеляріи, ст. 18, 21 п. 1, 22, 34 меж. зак., 24, 27, п. 1, 28, 41 изд.1857 г.),при которыхъ состояли техническое учрежденіе, Чертежная, и техники—землемѣры (ст. 16 и 42 меж. зак., 21 и 49 изд. 1857 г.). Между тѣмъ, въ настоящее время межеваніемъ завѣдываютъ отчасти чисто техническія учрежденія (Чертежная при Губернскомъ Правленіи), а отчасти такое учрежденіе (Межевая Канцелярія), которое лишь номинально можетъ считаться судебнымъ, далеко отстало отъ современнаго устройства судебныхъ мѣстъ и, въ сущности, также превратилось въ чисто техническое учрежденіе.

По мнѣнію составителей объяснительной записки къ проекту межеваго устава [1]), возложеніе въ 1868 г. на Губернскія Правленія обязанностей упраздненныхъ Уѣздныхъ Судовъ было необходимостью. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться лишь въ томъ смыслѣ, что изъятіе юридической части межеванія изъ вѣдѣнія судебныхъ учрежденій было естественнымъ послѣдствіемъ того состоянія полнаго упадка, въ которое пришло межевое дѣло [2]).

[1]) Объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 298.

[2]) Весьма яркая и правдивая характеристика современнаго состоянія межеваго дѣла и той безжизненности,до которой оно дошло вслѣдствіе пре-

VII.

Коштное межеваніе.

Представленный выше очеркъ законодательства о спеціальномъ межеваніи касается исключительно дачъ, при генеральномъ межеваніи утвержденныхъ временно, впредь до спеціальнаго межеванія, въ общее владѣніе (общія дачи). Но, кромѣ этого вида, Сводъ межевыхъ законовъ относитъ къ спеціальному межеванію еще два другихъ вида межеванія, а именно: а) такъ называемое коштное (ст.570—589 зак. меж., ст. 730—750 изд. 1857 г.) и б) размежеваніе дачъ, въ которыхъ общее владѣніе образовалось послѣ генеральнаго межеванія (ст. 616 и 617 зак. меж., 772 и 773 изд. 1857 г.).

Что касается коштнаго межеванія, то нельзя, прежде всего, не замѣтить, что отнесеніе его къ видамъ спеціальнаго межеванія не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ: а) коштное межеваніе есть ничто иное, какъ таковое генеральное, производимое не въ очередномъ порядкѣ, т. е. въ

обладанія рутины, заключается въ статьѣ, помѣщенной въ Межевомъ Вѣстникѣ (1884 г.,№ 9,стр. 72—79) и излагающей впечатлѣнія, вынесенныя незнакомымъ съ межевымъ дѣломъ лицемъ, присутствовавшимъ при возобновленіи межи. Описывая ходъ этого дѣла, авторъ излагаетъ цѣлый рядъ курьезовъ, составляющихъ самое заурядное явленіе въ межевыхъ дѣлахъ, какъ-то: посылка повѣстокъ (въ 1884 г.) Свѣтлѣйшему Князю Потемкину-Таврическому и бывшему Канцлеру Великаго Княжества Литовскаго Сапѣгѣ; отобраніе отъ понятыхъ, посланныхъ для врученія повѣстокъ названнымъ лицамъ, подписки о томъ, что вызовъ былъ имъ объявленъ; отобраніе отъ понятыхъ присяги въ томъ, что они будутъ показывать тѣ границы, въ которыхъ засталъ владѣніе Манифестъ 19 Сентября 1765 г.; допросъ понятыхъ о томъ, во время генеральнаго межеванія не имѣла ли рѣка теченіе по гребню горы, какъ показано на планѣ и т. д.

губерніяхъ, для которыхъ еще не наступила очередь открытія генеральнаго межеванія и б) оно производится на общихъ основаніяхъ послѣдняго межеванія (ст. 571 зак. меж., 731, изд. 1857 г.). Въ изданіи 1842 г. коштное межеваніе стояло еще особнякомъ отъ спеціальнаго и составляло особый отдѣлъ межевыхъ законовъ. Отнесеніе коштнаго межеванія къ видамъ спеціальнаго межеванія, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое въ изданіи 1857 г. было дано генеральному и спеціальному межеванію. Дѣйствительно, если одно лишь спеціальное межеваніе имѣетъ цѣлью опредѣленіе границъ отдѣльныхъ владѣній, а генеральное межеваніе производится для опредѣленія границъ не отдѣльныхъ владѣній, а округовъ селеній, то очевидно, что коштное межеваніе должно быть отнесено къ спеціальному. Но, какъ было объяснено выше [1]), изложенное въ ст. 2 зак. меж. опредѣленіе цѣли генеральнаго и спеціальнаго межеванія не можетъ быть признано вѣрнымъ, такъ какъ оба вида имѣютъ совершенно тождественную цѣль.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что названіе коштнаго разсматриваемый видъ межеванія получилъ потому, что расходъ собственно на жалованье посылаемому для производства межеванія землемѣру несетъ владѣлецъ. Но тоже самое имѣетъ мѣсто и при полюбовномъ чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ межеваніи (ст. 230 зак. меж., 311 ст. изд. 1857 г.). Такимъ образомъ, спеціальнымъ коштнымъ межеваніемъ слѣдуетъ считать межеваніе чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, тогда какъ установленное ст. 5 гл. II Межевой Инструкціи 25 Мая 1766 г. (вошедшею въ ст. 570 зак. меж., 730 ст. изд. 1857 г.)

---

[1]) См. стр. 66 и сл.

межеваніе было-бы правильнѣе назвать генеральнымъ коштнымъ межеваніемъ.

Своду межевыхъ законовъ извѣстенъ однако еще другой видъ коштнаго межеванія, а именно, полюбовное отмежеваніе земель, состоящихъ въ общемъ владѣніи, по просьбѣ и на собственномъ иждивеніи владѣльцевъ. Этотъ видъ межеванія редакторы межевыхъ законовъ отнесли къ коштному межеванію, на основаніи приведеннаго въ цитатахъ подъ ст. 570 зак. меж. указа 30 Апрѣля 1797 г. [1]). Но едва ли указъ этотъ оправдываетъ сдѣланную на него ссылку, такъ какъ: во 1-хъ, онъ имѣетъ, какъ уже объяснено выше [2]), характеръ спеціальнаго закона, даровавшаго льготу поименованнымъ въ немъ лицамъ, которымъ, по случаю коронаціи Императора Павла, были пожалованы вотчины, находившіяся въ общемъ съ другими лицами владѣніи; 2-хъ, ст. 570 зак. меж., по буквальному ея смыслу, говоритъ о полюбовномъ размежеваніи земель общаго владѣнія, тогда какъ указомъ 30 Апрѣля 1797 г. удовлетворена была просьба упомянутыхъ въ немъ лицъ о дозволеніи имъ просить о посылкѣ землемѣра для понудительнаго размежеванія, и, въ 3-хъ, по правиламъ коштнаго межеванія, въ случаѣ недостиженія полюбовнаго соглашенія, дѣло, въ силу самаго закона (ст. 585 зак. меж., 745 ст. изд. 1857 г.), поступаетъ на разрѣшеніе суда, и, слѣдовательно, порядокъ коштнаго межеванія, по самому существу своему, не примѣнимъ къ полюбовному разводу земель [3]).

---

[1]) П. С. З. № 17940.

[2]) См. стр. 206.

[3]) Что коштное межеваніе по своему характеру ближе стоитъ къ генеральному, чѣмъ къ спеціальному—см. А. Маттель: Судебно-межевое разбирательство, стр. 12.

Кромѣ указа 30 Апрѣля 1797 г., основаніемъ для выраженнаго въ 570 ст. зак. меж. правила о правѣ каждаго совладѣльца общей дачи требовать вымежеванія въ порядкѣ коштнаго межеванія послужила, быть можетъ, еще приведенная въ цитатахъ подъ названною статьею ст. 5 гл. II Меж. Инстр., по словамъ которой землемѣровъ слѣдуетъ отправлять для коштнаго межеванія и въ томъ случаѣ, если «кто изъ владѣльцевъ, хотя бъ то было и разнаго въ одномъ селеніи владѣнія, просить станетъ» и т. д. Но здѣсь законъ имѣлъ въ виду не просьбу одного изъ владѣльцевъ о вымежеваніи слѣдующей ему изъ общей дачи части, а просьбу одного изъ владѣльцевъ объ обмежеваніи цѣлаго селенія, совладѣльцемъ котораго онъ состоитъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи коштнаго межеванія нельзя не прійти къ тому заключенію, что: а) оно имѣетъ юридическій характеръ и составляетъ видъ не спеціальнаго, а генеральнаго межеванія; б) имѣетъ предметомъ обмежеваніе цѣлыхъ селеній, деревень и пустошей и поэтому непримѣнимо ни къ полюбовному, ни къ понудительному вымежеванію частей общихъ селеній и в) въ Сводѣ межевыхъ законовъ правила о коштномъ межеваніи подлежатъ перенесенію изъ отдѣла о спеціальномъ въ отдѣлъ о генеральномъ межеваніи, а вторая часть ст. 570 зак. меж., предусматривающая полюбовное размежеваніе, въ порядкѣ коштнаго межеванія, частей общаго владѣнія, подлежитъ вовсе исключенію.

VIII.

Законъ 11 Авг. 1845 г.

Кромѣ коштнаго межеванія, Сводъ законовъ межевыхъ относитъ еще къ спеціальному межеванію, какъ упомянуто

выше, предусмотрѣнные въ ст. 616 и 617 зак. меж. виды межеванія.

На основаніи первой изъ указанныхъ статей всѣ находящіяся въ общемъ владѣніи дачи, безъ различія, сдѣлались ли онѣ общими до или послѣ генеральнаго межеванія, подлежатъ размежеванію спеціально, на основаніи общаго закона о полюбовномъ спеціальномъ размежеваніи. Статья эта основана на ст. 1 Высочайше утвержденнаго 11 Августа 1845 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, послѣдовавшаго въ то время, когда наше законодательство исходило изъ того начала: а) что спеціальному размежеванію подлежатъ не только утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачи, но и тѣ, замежеванныя при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, дачи, которыя впослѣдствіи подверглись раздробленію и, тѣмъ самымъ, какъ сказано въ опредѣленіи Сената по дѣлу, по которому воспослѣдовало приведенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, «чрезъ учиненную послѣ того межеванія продажу или другое какое переукрѣпленіе части той дачи другому лицу, безъ отдѣленія въ натурѣ межевыми знаками, содѣлываются уже общимъ или чрезполоснымъ владѣніемъ» и б) что дачи, о спеціальномъ размежеваніи которыхъ не будетъ достигнуто полюбовнаго соглашенія, по истеченіи назначеннаго на сей предметъ срока, подлежатъ понудительному размежеванію. Но отъ указанныхъ началъ законодательство наше, какъ объяснено выше, отступилось: отъ перваго—въ 1853 г., а отъ втораго—въ 1850 г. Если законами 12 Іюля 1850 г. и 30 Декабря 1853 г. начало обязательности спеціальнаго размежеванія было отмѣнено даже въ отношеніи дачъ, замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи объ обязательности размежеванія дачъ,

замежеванныхъ въ единственное владѣніе и лишь въ послѣдствіи подвергшихся раздробленію, ибо, по словамъ ст. 44 гл. 4. Меж. Инстр. [1]), цѣль спеціальнаго межеванія заключается именно во внутреннемъ размежеваніи дачъ перваго рода. Такимъ образомъ, ясно, что за послѣдовавшимъ въ 1850 г. поворотомъ во взглядахъ законодателя на спеціальное межеваніе, изложенное въ 616 ст. зак. меж. правило должно почитаться отмѣненнымъ. Такой выводъ подтверждается также послужившими основаніемъ закона 11 Августа 1845 г. соображеніями. Какъ видно изъ этихъ соображеній [2]), въ одной изъ Посреднической Коммисіи возникло сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли сочинять новые планы въ случаѣ раздробленія дачи, замежеванной при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе? Межевой Департаментъ находилъ, что новые планы слѣдуетъ выдавать лишь тѣмъ лицамъ, которыя пріобрѣли часть замежеванной въ единственное владѣніе дачи. Оберъ-Прокуроръ, съ своей стороны, полагалъ, что новые планы слѣдуетъ выдавать, какъ тому, кто пріобрѣлъ часть дачи, такъ и прежнему владѣльцу. Мнѣніе Оберъ-Прокурора было принято Общимъ Собраніемъ Сената и Государственнымъ Совѣтомъ [3]). Такимъ образомъ, очевидно, что Сенатъ и Государственный Совѣтъ, вовсе не имѣли въ виду устанавливать новый видъ обязательнаго спеціальнаго межеванія, а

---

[1]) См. выше стр. 66 и сл.

[2]) Опредѣленіе Общ. Собр. 4, 5 и Меж. Деп. Пр. Сената $\frac{\text{1 Сентября}}{\text{27 Октября}}$ 1844 г.

[3]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что впослѣдствіи, по закону 25 Марта 1868 г., вошедшему въ ст. 557 зак. меж., получило осуществленіе предположеніе Межеваго Департамента, отвергнутое опредѣленіемъ Общаго Собранія $\frac{\text{1 Сентября}}{\text{27 Октября}}$ 1844 г.

лишь дѣйствовавшій въ то время общій законъ примѣнили къ частному вопросу о порядкѣ выдачи плановъ.

Что касается ст. 2 закона 11 Августа 1845 г., вошедшей въ 617 ст. зак. меж. (773 ст. изд. 1857), по силѣ которой при всякомъ раздробленіи состоящей въ единственномъ владѣніи дачи должны быть составлены полюбовныя сказки и планъ на отдѣляемый участокъ порядкомъ, указаннымъ для полюбовнаго чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ размежеванія, то, какъ видно изъ послужившихъ основаніемъ ея соображеній, статья эта была вызвана тѣмъ, что съ предстоявшимъ 13 Іюня 1846 г. истеченіемъ срока, назначеннаго для полюбовнаго соглашенія [1]), ожидалось прекращеніе дѣятельности посредниковъ, т. е. дѣйствія того общаго закона о полюбовномъ спеціальномъ размежеваніи, о которомъ говорилось въ ст. 1 закона 11 Іюля 1845 г., и что поэтому предстояло указать порядокъ, въ которомъ размежеваніе подвергающихся раздробленію дачъ единственнаго владѣнія должно происходить по упраздненіи посредниковъ [2]).

Изъ изложеннаго, явствуетъ, что ст. 616 и 617 зак. меж. находятся въ неразрывной связи съ дѣйствовавшимъ съ 1836 по 1850 г. въ нашемъ законодательствѣ началомъ понудительности спеціальнаго межеванія и что съ отмѣною этого начала статьи эти должны почитаться потерявшими

---

[1]) Указъ 27 Мая 1841 г. П. С. З. № 14573.

[2]) Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ въ Сводѣ межевыхъ законовъ ст. 617 помѣщена въ Главѣ о полюбовномъ размежеваніи чрезъ посредниковъ, хотя она имѣетъ предметомъ размежеваніе чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ. Что ст. 617 зак. меж. (773 ст. изд. 1857 г.) относится къ спеціальному межеванію не чрезъ посредниковъ, а уѣздныхъ землемѣровъ см. рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1883 г., № 121, по дѣлу села Иловай Дмитріевскаго.

силу и подлежащими поэтому исключенію изъ Свода законовъ.

IX.

Законъ 11 Августа 1845 г. какъ попытка установить связь межеванія съ крѣпостными актами.

Въ ст. 617 зак. меж. нѣкоторые усматриваютъ сдѣланную законодателемъ попытку поддерживать планы въ состояніи современности, т. е. устанавливать тѣсную связь между межевыми и крѣпостными актами. Причину неуспѣха этой попытки приписываютъ тому: а) что судебная практика игнорировала означенную статью и б) что законодатель не опредѣлилъ послѣдствій неисполненія этого закона [1]).

Изъ предыдущаго изложенія, однако, явствуетъ, что упреки судебной практикѣ и законодательной власти, первой—въ несоблюденіи дѣйствующаго закона, а второй—въ томъ, что, издавъ законъ, она не предусмотрѣла возможности неисполненія его, едва-ли основательны уже потому, что, какъ объяснено выше, законъ 11 Августа 1845 г. долженъ считаться отмѣненнымъ указомъ 12 Іюля 1850 г., и что во время изданія закона 11 Августа 1845 г. послѣдствія помянутаго неисполненія были указаны въ 1034 ст. зак. меж., изд. 1842 г., основанной на указѣ 21 Іюня 1839 г., по силѣ котораго уклоненіе отъ полюбовнаго размежеванія влекло за собою понудительное межеваніе по истеченіи назначеннаго для полюбовнаго соглашенія срока.

---

[1]) Объясн. записка къ пр. меж. уст. стр. 105; Заключеніе на проектъ меж. уст. стр. 113; Труды Ком. стр. 129; Поповъ, Записка о законахъ межевыхъ стр. 26 и 27; Курсъ К. Побѣдоносцева I, 4 изд. (1892 г.), стр. 557 прим.

Изъ сказаннаго ясно, что въ основаніе указа 11 Августа 1845 г. вовсе не легла мысль о необходимости установить связь между межевыми и вотчинными актами. Мысль эта не чужда нашему законодательству, но едва-ли въ означенномъ указѣ можно видѣть попытку осуществленія ея. Попытокъ установить связь между межевыми и вотчинными актами было сдѣлано у насъ двѣ. Первая относится еще къ прошлому столѣтію и выразилась въ указѣ 16 Іюня 1798 г. [1]), послужившемъ основаніемъ ст. 297, 302 и 303 зак. меж. изд. 1857 г., въ силу которыхъ губернскіе и уѣздные землемѣры обязаны были, на основаніи доставленныхъ имъ изъ Уѣздныхъ Судовъ и Земской Полиціи свѣдѣній, составлять вѣдомости о всѣхъ послѣдовавшихъ перемѣнахъ во владѣніи землями. Указъ этотъ на практикѣ не принесъ существенной пользы, вслѣдствіе чего былъ отмѣненъ закономъ 14 Февр. 1884 г. [2]). Причины безуспѣшности указанной мѣры, безъ сомнѣнія, заключались въ томъ: 1) что, при широкомъ распространеніи у насъ неформальныхъ актовъ и

---

[1]) П. С. З. № 18552 см. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 104. Поводомъ къ изданію указа 16 Іюня 1798 г. послужило то обстоятельство, что по одному дѣлу Сенатомъ было усмотрѣно, что губернскій землемѣръ, имѣя у себя планы на всѣ земли, не знаетъ о настоящихъ владѣльцахъ тѣхъ земель. Касаясь указа 16 Іюня 1798 г., составители записки о недостаткахъ нынѣшняго состоянія межевой части въ Россіи (Матеріалы для преобр. межевой части въ Россіи ч. 4) замѣчаютъ (стр. 34 прим. 2), что «по тогдашнему взгляду на составленіе плановъ обстоятельство это признано было упущеніемъ». Замѣчаніе это представляетъ интересъ въ смыслѣ признанія: а) что въ ближайшее по изданіи законовъ о генеральномъ межеваніи время была совершенно неизвѣстна мысль, будто межеваніе имѣетъ цѣлью лишь опредѣленіе границъ и б) что тогдашнія понятія о значеніи межевыхъ актовъ расходятся съ нынѣшними.

[2]) П. С. З. № 2030; объясн. зап. къ пр. меж. уст., стр. 105.

краткомъ срокѣ давности, весьма значительная часть перемѣнъ въ лицахъ владѣльцевъ вовсе ускользала отъ вниманія землемѣровъ; 2) что, при отсутствіи въ законѣ правила, обязывающаго стороны, вступающія въ сдѣлки по обмежеваннымъ имѣніямъ, въ отношеніи названій ихъ, строго придерживаться межевыхъ актовъ, весьма часто относительно тождества имѣнія не могли не возникать сомнѣнія, устранить которыя землемѣры были лишены всякой возможности, и 3) что съ отмѣною въ 1775 г. явки крѣпостныхъ актовъ въ Вотчинной Коллегіи и съ замѣною сей явки установленнымъ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. порядкомъ совершенія крѣпостныхъ актовъ отпала повѣрка принадлежности имѣнія тому, отъ имени кого совершается актъ, и такимъ образомъ доставляемыя Уѣздными Судами землемѣрамъ свѣдѣнія о перемѣнахъ владѣльцевъ лишены были характера достовѣрности и, слѣдовательно, никакой практической пользы не приносили [1]). Дѣйствительно, цѣль требованія закона о дополненіи межевыхъ плановъ свѣдѣніями о происшедшихъ въ лицѣ ихъ владѣльцевъ перемѣнахъ заключалась, очевидно, не въ томъ, чтобы вообще установить связь межевыхъ плановъ съ вотчинными актами, а въ томъ, чтобы такая связь обезпечила соотвѣтствіе межевыхъ актовъ матеріальному праву и, тѣмъ самымъ, дала возможность признать за межевыми актами силу, если не непоколебимаго доказательства, то, по крайней мѣрѣ, такого доказательства, которое имѣетъ за собою предположеніе вѣрности, пока по суду не будетъ доказано противное.

Но по дѣйствующимъ законамъ такой силы не имѣютъ

---

[1]) См. Недостатки нынѣшняго состоянія межевой части въ Россіи, тамъ же стр. 36 пр. 1.

даже самые вотчинные акты (которые служатъ доказательствомъ лишь въ спорахъ между лицами, принимавшими участіе въ совершеніи оныхъ) и, слѣдовательно, такой силы межевымъ актамъ не могло бы присвоить и приведеніе ихъ въ соотвѣтствіе съ вотчинными актами. Отсюда ясно, что пока будетъ дѣйствовать нынѣшнее законодательство о совершеніи и силѣ вотчинныхъ актовъ, едва-ли можно ожидать существенной пользы отъ установленія правила, чтобы каждая перемѣна въ лицѣ владѣльца обмежеванной земли сопровождалась отмѣткою на прежнемъ планѣ (если перемѣна имѣетъ предметомъ цѣлую дачу) или составленіемъ новаго плана (если перемѣна касается части дачи). Во всякомъ случаѣ ожидаемая отъ такой мѣры польза далеко не будетъ соотвѣтствоватъ тяжести налагаемыхъ ею на землевладѣніе обязательствъ.

Вторая попытка установить связь между межевыми и вотчинными актами была сдѣлана въ 1876 г. (ст. 168[1] Пол. о нот. части) и оказалась столь-же неудачною, какъ первая [1]). Различіе между этого попыткою и указомъ 1798 г. сводится лишь къ тому, что послѣдній требовалъ отъ судебныхъ учрежденій доставленія свѣдѣній, которыхъ они не имѣли, тогда какъ Высочайшее повелѣніе 1876 г., наоборотъ, возложило обязанность доставлять такія свѣдѣнія на межевыя учрежденія.

Изложенное убѣждаетъ въ томъ, что, какъ бы ни было желательно установленіе связи между межевыми и вотчинными актами, такая связь можетъ быть осуществлена лишь тогда, когда у насъ совершеніе вотчинныхъ актовъ будетъ сопровождаться повѣркою (дѣйствительною, а не фик-

---

[1]) См. объяс. зап. къ пр. меж. уст. стр. 105.

тивною, какъ нынѣ) [1]) принадлежности имѣнія тому, отъ имени коего совершается актъ, и такимъ образомъ таковой будетъ имѣть за собою законное предположеніе, что имѣніе принадлежитъ тому, кто въ актѣ значится собственникомъ его. Изысканіе способовъ этой повѣрки составляетъ главную и даже едва-ли не болѣе важную, чѣмъ облегченіе поземельнаго кредита, задачу предпринятой у насъ ипотечной реформы. Отсюда ясно, что межевая и вотчинная реформы находятся въ самой тѣсной и неразрывной между собою связи и нѣкоторыя, весьма важныя части этихъ реформъ врядъ-ли даже могутъ быть подвергнуты отдѣльному одна отъ другой разсмотрѣнію [2]).

---

[1]) См. выше стр. 89.

[2]) На необходимость установить связь между ипотечною и межевою частью и, слѣдовательно, между ипотечною и межевою реформою весьма рѣшительно указываютъ Коммисія 1889 г. (Труды стр. 136) и Членъ Государственнаго Совѣта Старицкій (Отзывы стр. 140). Противуположнаго взгляда придерживается проектъ межеваго устава (Заключеніе стр. 51, 58, 156). Въ отношеніи этого послѣдняго взгляда слѣдуетъ замѣтить, что, не устанавливая связи между межевыми и вотчинными актами пр., меж. уст. тѣмъ самымъ устраняетъ возможность, производство межевыхъ дѣйствій и утвержденіе плановъ поставить въ зависимость отъ предварительнаго удостовѣренія, что межевыя дѣйствія произведены и межевой планъ составленъ при участіи дѣйствительныхъ собственниковъ межуемыхъ и смежныхъ земель. Но если межеваніе, производимое на основаніи предположенныхъ въ проектѣ меж. уст. правилъ, не представляетъ ручательства, что въ межеваніи принимали участіе дѣйствительные собственники межуемыхъ и смежныхъ земель, то какимъ образомъ составленному въ этомъ порядкѣ плану можетъ быть присвоена сила непоколебимости (ст. 443 пр. меж. уст.)? По проекту меж. уст., легитимація правъ участвующихъ въ межеваніи лицъ, при неимѣніи вотчинныхъ актовъ, производится посредствомъ представленія свидѣтельства полицейскихъ учрежденій объ ихъ владѣніи (ст. 227 пр. меж. уст.). Такимъ образомъ, начало непоколебимости, установленное Межевою Инструкціею 1766 г., весьма

X.

Отдѣленіе земель.

Къ специальному межеванію долженъ быть отнесенъ еще одинъ видъ межеванія, правила о которомъ, однако, до послѣдняго времени изложены были не въ зак. меж., а въ законахъ о суд. гражд., а именно, такъ называемое, отдѣленіе казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель. Этотъ видъ межеванія, возникшій въ силу Именнаго указа Императора Павла 6 Іюня 1799 г. [1]) о размежеваніи всѣхъ помѣщиковъ, имѣющихъ въѣзды въ казенныя лѣса или какія либо общія съ казенными дачи, и получившій дальнѣйшее развитіе въ указахъ 21 Іюня 1799 и 16 Августа 1804 г. [2]), представляетъ собою ничто иное, какъ понудительное специальное размежеваніе разнопомѣстныхъ селеній, состоящихъ въ общемъ съ частными лицами владѣніи казны, удѣла и однодворцевъ. Что установленное указомъ 6 Іюня 1799 г. отдѣленіе казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ имѣетъ характеръ понудительнаго специальнаго межеванія, явствуетъ изъ того, что, подобно генеральному и специальному межеванію, оно преслѣдуетъ цѣль: 1) приведенія поземельныхъ правъ въ опредѣлительное состояніе посредствомъ разрѣшенія происходящихъ о нихъ споровъ (ст. 940 п. 1—5 зак. меж.); 2) распредѣленія при-

---

существенно разнится отъ непоколебимости, которую имѣетъ въ виду пр. меж. уст. Первое охраняется силою самаго закона, ст. 724 зак. меж., а второе—лишь бдительностью полицейскихъ учрежденій (ст. 443 и 240 пр. меж. уст.).

[1]) П. С. З. № 18992; см. объяс. зап. къ пр. меж. уст. стр. 4.

[2]) П. С. З. №№ 19009 и 21422.

мѣрныхъ земель (ст. 940 п. 6 зак. меж.); 3) опредѣленія границъ отдѣльныхъ владѣній постановкою межевыхъ признаковъ (ст. 940 п. 7 зак. меж.) и 4) снабженія каждаго владѣльца межевымъ актомъ (940 п. 7 зак. меж).

Различіе между отдѣленіемъ земель и специальнымъ межеваніемъ заключается лишь въ томъ, что: а) оно не касается дачъ, въ которыхъ владѣніе имѣютъ одни лишь частныя лица; б) такъ какъ правительство признало необходимымъ ускорить разводъ земель въ разнопомѣстнныхъ селеніяхъ общаго владѣнія съ казною, удѣломъ и однодворцами, то къ понудительному размежеванію сихъ селеній было приступлено, не ожидая состоявшагося лишь въ 1853 г. изданія общаго закона о понудительномъ спеціальномъ межеваніи и в) къ разводу земель въ названныхъ селеніяхъ велѣно было приступить повсемѣстно, не ожидая открытія генеральнаго межеванія, въ виду чего понудительное размежеваніе означенныхъ селеній тамъ, гдѣ не было межевыхъ судовъ, было возложено на Уѣздные Суды.

Въ отношеніи правилъ объ отдѣленіи земель слѣдуетъ еще замѣтить, что правила эти, помѣщавшіяся въ прежнихъ изданіяхъ Свода законовъ въ зак. о суд. гражд., (661 ст. и сл. изд. 1876 г.), вошли нынѣ частью въ эти же законы изд. 1892 г. (ст. 496), а частью въ зак. меж. изд. 1893 г. (ст. 940). Но едва ли имѣлось правильное основаніе къ такому разъединенію между двумя различными частями Свода законовъ относящихся къ одному и тому же предмету правилъ. Первоначально правила объ отдѣленіи земель были отнесены къ законамъ суд. гражд., вѣроятно, потому, что онѣ были преподаны въ руководство не только межевымъ судамъ (при производствѣ отдѣленія одновременно съ генеральнымъ межеваніемъ), но и гражданскимъ судамъ (при производствѣ отдѣле-

нія въ дачахъ, еще генерально необмежеванныхъ или по которымъ генеральное межеваніе уже окончено). Это соображеніе, однако, потеряло значеніе съ тѣхъ поръ, какъ правила судебно межеваго разбирательства 30 Декабря 1853 г., изданныя для руководства исключительно гражданскимъ судамъ, были отнесены къ межевымъ законамъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало, казалось бы, либо, руководствуясь означеннымъ примѣромъ, правила объ отдѣленіи земель перенести цѣликомъ въ Сводъ законовъ межевыхъ, либо оставить ихъ тамъ, гдѣ они находились прежде. Равнымъ образомъ, едва-ли можно признать правильнымъ помѣщеніе правилъ объ отдѣленіи земель въ отдѣлъ о судебно-межевомъ разбирательствѣ, установленномъ закономъ 30 Декабря 1853 года, такъ какъ правила объ отдѣленіи земель для обмежеванныхъ губерній замѣнены правилами судебно-межеваго разбирательства (ст. 936 п. 1 зак. меж., 1144 ст. п. 1 изд. 57 г.) и, слѣдовательно, потеряли характеръ дѣйствующаго закона, а для необмежеванныхъ губерній, для которыхъ они сохранили силу таковаго закона,—не имѣютъ силы правила судебно-межеваго разбирательства [1]).

ГЛАВА II.

Понудительное спеціальное межеваніе.

I.

Дачи, спеціально размежеванныя.

Изложенный выше очеркъ развитія спеціальнаго межеванія приводитъ къ нѣсколькимъ, важнымъ въ практическомъ отношеніи, выводамъ.

---

[1]) См. ниже, стр. 269.

Первый изъ этихъ выводовъ заключается въ томъ, что судебно-межевое разбирательство не примѣнимо къ дачамъ, уже подвергшимся размежеванію въ порядкѣ спеціальнаго межеванія. Такой выводъ, прежде всего, вытекаетъ изъ того, что спеціальное межеваніе, однимъ изъ видовъ котораго является судебно-межевое разбирательство, преслѣдуетъ, какъ объяснено въ семъ трудѣ, совершенно одинаковую цѣль съ генеральнымъ межеваніемъ, что опредѣленіе границъ отдѣльныхъ владѣній, какъ при генеральномъ, такъ и при спеціальномъ межеваніи, имѣло лишь второстепенное значеніе, главная же задача генеральнаго и спеціальнаго межеванія заключалась—выражаясь кратко—въ ликвидаціи помѣстной системы, и что эта послѣдняя цѣль вполнѣ достигнута по дачамъ, подвергшимся спеціальному размежеванію.

Независимо отъ приведеннаго соображенія, примѣненіе судебно-межеваго разбирательства къ спеціально размежеваннымъ дачамъ оказывается невозможнымъ и по существу, въ виду того, что въ спеціально размежеванныхъ дачахъ не можетъ образоваться того вида общаго владѣнія, прекращеніе котораго составляетъ цѣль спеціальнаго межеванія. Образовавшіеся при спеціальномъ размежеваніи участки могутъ принадлежать нѣсколькимъ или многимъ лицамъ на правѣ общей собственности. Но такое право общей собственности, хотя оно, по словамъ ст. 543 1 ч. X т., называется также правомъ общаго владѣнія, существенно разнится отъ таковаго владѣнія въ такъ называемыхъ общихъ дачахъ, т. е. отъ общаго владѣнія, образовавшагося вслѣдствіе обведенія, при генеральномъ межеваніи, нѣсколькихъ владѣній одною общею межею. Въ первомъ случаѣ каждому изъ соучастниковъ принадлежитъ въ общемъ имуществѣ извѣстная доля, а въ этой долѣ онъ имѣетъ право на всякую часть цѣлаго

общаго имущества [1]). Во второмъ случаѣ общее имущество принадлежитъ совокупности лицъ, имѣющихъ въ дачѣ владѣніе, и, слѣдовательно, каждое изъ нихъ въ отдѣльности, впредь до спеціальнаго размежеванія, не можетъ почитаться собственникомъ ни въ опредѣленной долѣ, ни въ размѣрѣ фактическаго владѣнія [2]). Въ первомъ случаѣ прекращеніе общности правъ производится посредствомъ раздѣла, т. е. посредствомъ составленія и назначенія каждому соучастнику равноцѣннаго жеребья, натурою или деньгами (ст. 1322 и слѣд. 1 ч. X т.), тогда какъ во второмъ прекращеніе общаго владѣнія производится на особыхъ основаніяхъ и въ особомъ порядкѣ, причемъ не составляется ни вообще, ни тѣмъ менѣе равноцѣнныхъ жеребьевъ: каждому владѣльцу назначаются преимущественно тѣ земли, которыя уже находятся въ его владѣніи (ст. 964 зак. меж., 1170 ст. изд. 1857 г.); усадебныя мѣста изъемлются изъ разверстанія (ст. 964 прим. зак. меж., ст. 1172 изд. 1857 г.) и т. д.

Далѣе, въ спеціально размежеванной дачѣ можетъ образоваться чрезполосное владѣніе. Но и такое владѣніе существенно разнится отъ владѣнія, происходящаго въ общей дачѣ. Не говоря о томъ, что въ общей дачѣ владѣніе можетъ быть и нечрезполосное, а къ однимъ мѣстамъ (ст. 964 зак. меж., ст. 1170 изд. 1857 г.), необходимо имѣть въ виду, что чрезполосное владѣніе внѣ общей дачи есть владѣніе, не только фактически, но и юридически вполнѣ обособленное, тогда какъ чрезполосное въ общей дачѣ владѣніе лишено характера юридической обособленности, ибо, какъ упомянуто выше, общая дача составляетъ собственность не

---

[1]) См. рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1872 г. № 409 по д. Юревича и 1889 г. № 98 по д. Линдесъ.

[2]) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1889 г. № 98 по дѣлу Линдесъ.

отдѣльныхъ владѣльцевъ, а совокупности ихъ [1]). Соотвѣтственно сему, сведеніе къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ владѣній имѣетъ совершенно различный юридическій характеръ въ общихъ дачахъ—съ одной и внѣ этихъ дачъ—съ другой стороны. Въ первомъ случаѣ сведеніе чрезполосныхъ владѣній къ однимъ мѣстамъ ничьихъ правъ не колеблетъ, такъ какъ подлежащія сведенію къ однимъ мѣстамъ земли почитаются собственностью не отдѣльныхъ владѣльцевъ, а совокупности ихъ. Напротивъ того, во второмъ случаѣ сведеніе чрезполосныхъ владѣній къ однимъ мѣстамъ влечетъ за собою прекращеніе права собственности на земли, подвергшіяся понудительному промѣну съ цѣлью устраненія чрезполосности. Изъ того, что въ общихъ дачахъ законъ не только допускаетъ, но даже требуетъ сведенія чрезполосныхъ владѣній къ однимъ мѣстамъ, никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, чтобы и находящіяся внѣ общей дачи чрезполосныя земли могли подлежать понудительному промѣну по требованію каждаго изъ чрезполосныхъ владѣльцевъ. Такое право, при отсутствіи въ законѣ прямаго по сему предмету указанія, не можетъ быть предполагаемо, ибо оно заключаетъ въ себѣ не менѣе существеннаго изъятія изъ дѣйствія начала о неприкосновенности права собственности, чѣмъ, напримѣръ, принудительное отчужденіе для государственной пользы. Такимъ образомъ, понудительный промѣнъ съ цѣлью устраненія чрезполосности не можетъ быть допущенъ въ спеціально размежеванныхъ дачахъ, изъ чего слѣдуетъ, что судебно-межевое разбирательство, одна изъ главныхъ задачъ котораго заключается именно въ устраненіи

---

[1]) См. рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1877 № 357 по дѣлу Мольской, 1884 г. № 92 по дѣлу Щекина и 1889 г. № 98 по дѣлу Линдесъ.

чрезполосности владѣній, не можетъ имѣть примѣненія къ спеціально размежеваннымъ дачамъ.

II.

Дачи, замежеванныя въ единственное владѣніе.

Второй выводъ, къ которому приводитъ изложенный въ семъ трудѣ очеркъ хода спеціальнаго межеванія, заключается въ томъ, что судебно-межевое разбирательство непримѣнимо къ дачамъ, утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе и впослѣдствіи подвергшимся раздробленію. Кромѣ приведенныхъ доводовъ о спеціально размежеванныхъ дачахъ, вполнѣ примѣнимыхъ и къ настоящему случаю, подкрѣпленіемъ этого вывода служитъ еще то соображеніе, что спеціальное межеваніе имѣетъ цѣлью завершеніе генеральнаго межеванія по тѣмъ селеніямъ, разводъ земель которыхъ, по соображеніемъ чисто практическаго свойства, былъ отложенъ до предназначенной въ будущемъ второй очереди межеванія, и что, слѣдовательно, по селеніямъ, попавшимъ въ первую очередь межеванія, т. е. замежеваннымъ не въ общее владѣніе, не можетъ быть рѣчи ни о спеціальномъ межеваніи вообще, ни въ частности о понудительномъ спеціальномъ межеваніи.

Но по отношеніи къ дачамъ, утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, вопросъ о примѣнимости къ нимъ судебно-межеваго разбирательства нѣсколько усложняется второю частью ст. 951 зак. меж. (1158 ст. изд. 1857 г.), по силѣ которой дачи, кои при генеральномъ межеваніи утверждены были въ единственное владѣніе, но послѣ того въ нихъ образовалось общее и даже

чрезполосное владѣніе, разверстываются на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства, по крѣпостямъ и давности. Казалось бы, что изложенное правило служитъ вѣскимъ подкрѣпленіемъ непримѣнимости судебно-межеваго разбирательства въ указанныхъ дачахъ, такъ какъ точной смыслъ приведенной статьи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ утвержденныхъ въ единственное владѣніе дачахъ, которыя подверглись впослѣдствіи раздробленію, разверстаніе производится не въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства, а въ порядкѣ вотчиннаго судопроизводства.

Однако Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, основываясь именно на точномъ смыслѣ второй части 951 ст. зак. меж., пришелъ къ противуположному выводу о томъ, что судебно-межевое разбирательство примѣняется къ дачамъ, утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе. По мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, выраженному въ рѣшеніи 1879 г. № 160, по дѣлу Андреевыхъ, вторая часть 1158 ст. зак. меж. изд. 57 г. устанавливаетъ собою «не изъятіе дѣлъ о сихъ (утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе) дачахъ отъ судебно-межеваго разбирательства, въ правилахъ котораго помѣщена и самая 1158 ст., а предписаніе о томъ, на какомъ основаніи общее владѣніе въ означенныхъ дачахъ должно разверстывать, какъ это впрочемъ буквально выражено въ этой статьѣ: разверстываются на основаніи общихъ законовъ».

Но такое толкованіе совершенно не соотвѣтствуетъ буквальному смыслу приведенной статьи, ибо: а) ставить на первый планъ слова «по крѣпостямъ и давности», тогда какъ они приведены лишь въ концѣ статьи для поясненія предшествующихъ имъ словъ «на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго

судопроизводства,» и б) произвольно замѣняетъ это послѣднее выраженіе словами «на основаніи общихъ законовъ», и исключаетъ слова «вотчиннаго судопроизводства», въ которыхъ заключается центръ тяжести всей статьи.

Всякое, впрочемъ, сомнѣніе относительно истиннаго смысла ст. 1158 зак. меж. изд. 1857 г. устраняется мотивами, послужившими для нея основаніемъ, изъ которыхъ видно: а) что въ составленномъ въ Министерствѣ Юстиціи первоначальномъ проектѣ правилъ судебно-межеваго разбирательства было предположено дачи, которыя при генеральномъ межеваніи утверждены въ единственное владѣніе и въ которыхъ послѣ того образовалось общее и чрезполосное владѣніе, подвергнуть размежеванію на одинаковыхъ съ утвержденными при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачами основаніяхъ, т. е. въ основаніе разверстанія земель принять количество душъ (ст. 17—21 проекта Министерства Юстиціи); б) что такое предположеніе вызвало замѣчаніе Министра Государственныхъ Имуществъ о томъ, что правила эти излишни, ибо дачи, которыя сдѣлались чрезполосными послѣ генеральнаго межеванія, должны быть размежеваны по общимъ гражданскимъ законамъ вотчиннаго судопроизводства, въ которыхъ принимается безспорная 10-ти-лѣтняя давность; въ нихъ надѣлъ по душамъ никакъ не можетъ быть допущенъ: это значило бы лишить владѣльцевъ, получившихъ имѣніе по наслѣдству, безспорной собственности и дать другимъ, что имъ не принадлежитъ, и что посему ст. 17—21 слѣдуетъ изъ проекта вовсе исключить, сказавъ, что дачи, кои при генеральномъ межеваніи утверждены были въ единственное владѣніе, но послѣ того образовалось въ нихъ общее и чрезполосное владѣніе, разверстываются на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго

судопроизводства [1]); в) что къ замѣчанію Министра Государственныхъ Имуществъ присоединился графъ Блудовъ, полагавшій лишь, въ предложенномъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ примѣчаніи, къ словамъ: «на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства» прибавить слова: «по крѣпостямъ и давности» [2]); г) что въ дополненномъ, согласно мнѣнію графа Блудова, видѣ предложенное Министромъ Государственныхъ Имуществъ правило вошло въ ст. 16 Выс. утв. 30 Декабря 1853 г. положеніе, и д) что, такимъ образомъ: 1) вторая часть 1158 ст. въ сущности имѣетъ характеръ примѣчанія (такъ изложенное въ ней правило прямо названо въ отзывѣ графа Блудова), которое, вѣроятно, лишь по недосмотру вошло въ самый текстъ статьи и 2) что помѣщенныя въ концѣ ст. 1158 слова «по крѣпостямъ и давности» добавлены были лишь съ цѣлью ближайшаго поясненія предыдущихъ словъ «на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства», и, слѣдовательно, вопреки мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, лишены самостоятельнаго значенія.

III.

Необмежеванныя земли.

Третій выводъ, вытекающій изъ представленнаго въ семъ трудѣ обзора хода спеціальнаго межеванія, заключается въ томъ, что судебно-межевое разбирательство не примѣнимо къ необмежеваннымъ губерніямъ.

---

[1]) Отзывъ Министра Государственныхъ Имуществъ, 29 Октября 1852 г. № 360.

[2]) Отзывъ графа Блудова 18 Іюня 1853 г. № 397.

Исходя изъ опредѣленія, даннаго въ межевыхъ законахъ цѣли генеральнаго и специальнаго межеванія, можно было бы такой выводъ основывать на томъ, что, гдѣ еще не опредѣлены окружныя границы дачи, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленіи границъ находящихся внутри оныхъ участковъ. Но доводъ этотъ лишенъ правильнаго основанія въ виду того, что, какъ объяснено выше, не только спеціальное, но и генеральное межеваніе имѣютъ цѣлью опредѣленіе границъ отдѣльныхъ владѣній. Спеціальное межеваніе иногда можетъ даже предшествовать генеральному, примѣромъ чего служатъ дѣла объ отдѣленіи казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель отъ частныхъ [1].

Непримѣнимость судебно-межеваго разбирательства къ необмежеваннымъ землямъ, прежде всего, вытекаетъ изъ того, что въ необмежеванныхъ земляхъ, какъ и въ спеціально размежеванныхъ дачахъ, не можетъ быть того вида общаго владѣнія, прекращеніе котораго, какъ упомянуто уже въ другомъ мѣстѣ, составляетъ цѣль спеціальнаго межеванія. Что общаго владѣнія въ смыслѣ межевыхъ законовъ не может быть въ необмежеванныхъ губерніяхъ, подтверждается также указомъ 1 Ноября 1838 г. [2], вошедшимъ въ прим. къ 624 ст. зак. меж. (ст. 780 прим. 1 изд. 1857 г.), о распространеніи на губерніи, въ коихъ не было еще генеральнаго межеванія, льготъ и преимуществъ, установленныхъ при спеціальномъ межеваніи для промѣна земель. По буквальному смыслу означеннаго указа, на названныя губерніи распространены лишь преимущества, Высочайшимъ указомъ 8 Января

---

[1]) См. выше, стр. 261.
[2]) П. С. З. №11702.

1836 г. [1]) дарованныя при спеціальномъ межеваніи чрезполоснымъ владѣльцамъ, тогда какъ въ самомъ указѣ 8 Января 1836 г. говорится о льготахъ при промѣнахъ въ общихъ и чрезполосныхъ дачахъ. Такимъ образомъ, ясно, что, по мысли законодателя, общаго владѣнія въ смыслѣ межевыхъ законовъ не можетъ быть въ необмежеванныхъ губерніяхъ [2]).

Далѣе, согласно вышеизложенному [3]), основаніемъ судебно-межеваго разбирательства служитъ планъ генеральнаго межеванія, которымъ судъ обязанъ руководствоваться при разрѣшеніи вопросовъ о томъ: а) кто именно подлежитъ привлеченію къ участію въ судебно-межевомъ разбирательствѣ въ качествѣ совладѣльцевъ подлежащихъ размежеванію земель и б) въ предѣлахъ какого пространства принадлежащія разнымъ лицамъ земли подлежатъ сведенію къ однимъ мѣстамъ? При неимѣніи плана генеральнаго межеванія, изъ картуша котораго можно было бы усмотрѣть, кто состоитъ совладѣльцемъ дачи, судъ, по необходимости, въ отношеніи вызова совладѣльцевъ, долженъ руководствоваться указаніями лицъ, возбудившихъ ходатайство о судебно-межевомъ разбирательствѣ. Но указанія эти могутъ быть ошибочными и такъ какъ суду не предоставлено право вызывать посредствомъ публикаціи неизвѣстныхъ совладѣльцевъ, то очевидно, что о непоколе-

---

[1]) См. выше стр. 210.

[2]) По поводу прим. къ 624 ст. зак. меж. слѣдуетъ еще замѣтить, что она должна считаться замѣненною ст. 13 Именнаго указа 21 Іюня 1839 г., вошедшею въ ст. 659 зак. меж. (817 ст. изд. 1857 г.), по буквальному смыслу которой на необмежеванныя губерніи распространены льготы, дарованныя полюбовно межующимся какъ положеніемъ 8 Января 1836 г., такъ и указомъ 21 Іюня 1839 г. Такимъ образомъ, въ виду ст. 659 зак. меж., прим. къ ст. 624 тѣхъ же законовъ оказывается излишнимъ.

[3]) См. выше стр. 239.

бимой силѣ рѣшеній, состоявшихся въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства о земляхъ необмежеванныхъ губерній, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, мнѣніе, что судебно-межевое разбирательство можетъ имѣть примѣненіе въ названныхъ губерніяхъ, привело бы къ тому, не находящему себѣ ни малѣйшаго подтвержденія въ законѣ 1853 г., выводу, что межевые акты, составленные въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства, пользуются меньшею силою, чѣмъ планы генеральнаго межеванія.

Наконецъ, распространеніе дѣйствія правилъ судебно-межеваго разбирательства на необмежеванныя губерніи было бы явно несогласно съ ст. 1 прим. къ 1400 ст. уст. гр. суд., по силѣ которой судебно-межевому разбирательству могутъ подлежать лишь дѣла, находившіяся въ производствѣ Посреднической Коммисіи. Производство Посреднической Коммисіи составляетъ, какъ уже указано въ другомъ мѣстѣ [1]), краеугольный камень судебно-межеваго разбирательства, такъ какъ въ немъ имѣются необходимыя для вызова совладѣльцевъ свѣдѣнія о послѣдовавшихъ послѣ генеральнаго межеванія перемѣнахъ въ лицѣ значащихся на планѣ сего межеванія совладѣльцевъ и о мѣстѣ жительства ихъ. Такимъ образомъ, хотя посредники и Посредническія Коммисіи въ настоящее время большею частью упразднены, но этимъ производство ихъ отнюдь не лишилось практическаго значенія.

Изложенное показываетъ, что, при примѣненіи судебно-межеваго разбирательства въ необмежеванныхъ губерніяхъ, въ законѣ оказался бы пробѣлъ, въ виду котораго не было бы возможности опредѣлить: а) какимъ способомъ слѣдуетъ привести въ извѣстность совладѣльцевъ, подлежащихъ привлече-

---

[1]) См. выше стр. 239.

нію къ участію въ судебно-межевомъ разбирательствѣ, и б) что̀ слѣдуетъ считать поземельною единицею, подлежащею размежеванію въ порядкѣ этого разбирательства [1])?

IV.

Право требовать вымежеванія.

Предшествующее изложеніе приводитъ къ тому заключенію, что понудительному спеціальному размежеванію въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства могутъ подлежать исключительно дачи, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе и по настоящее время остающіяся въ

[1]) Изложенные въ настоящей запискѣ выводы о необходимости, въ отношеніи размежеванія, провести строгое различіе между дачами, при генеральномъ межеваніи утвержденными въ общее владѣніе (общія дачи въ тѣсномъ смыслѣ слова), и прочими землями, совершенно не согласуются съ мнѣніемъ составителей проекта межеваго устава, полагающихъ, что во введеніи въ законъ опредѣленія понятія общей дачи нѣтъ надобности, такъ какъ такое опредѣленіе не принесетъ пользы ни владѣльцамъ, ни суду (Заключеніе стр. 116). Но противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что опредѣленіе понятія общей дачи едва ли не является необходимымъ условіемъ самой возможности примѣненія правилъ о размежеваніи общихъ дачъ, такъ какъ при отсутствіи въ законѣ такого опредѣленія подъ понятіе общей дачи могли бы быть подведены находящіяся въ далекомъ разстояніи и даже въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ отдѣльныя имѣнія одного и того же владѣльца. Что касается указанія составителей проекта межеваго устава на то, что и законъ о генеральномъ межеваніи не содержитъ опредѣленія понятія дачи, что̀ однако не мѣшало успѣшному ходу межеванія, то выше (стр. 11 и 27) уже было объяснено, что генеральному межеванію понятіе дачи какъ территоріальной поземельной единицы совершенно чуждо и что при производствѣ генеральнаго межеванія таковою единицею считались не дача, а округъ селенія или деревни и пустоши. Противъ мнѣнія составителей проекта меж. уст. высказалась и Коммисія 1889 г. (Труды стр. 40—42).

таковомъ владѣніи. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, однако, придерживается другого взгляда на разсматриваемый вопросъ. Если не считать рѣшенія 1875 г. № 18 по дѣлу Мордвиновой, въ которомъ требованіе о судебномъ размежеваніи дачи, подвергшейся раздробленію послѣ генеральнаго межеванія, было отвергнуто на томъ основаніи, что дача не можетъ быть признана состоящею въ общемъ владѣніи въ межевомъ смыслѣ слова, то Гражданскій Кассаціонный Департаментъ всегда признавалъ, что всякій соучастникъ общаго имѣнія вправѣ требовать вымежеванія принадлежащей ему части.

Въ частности, совершенно аналогичный случай съ разсмотрѣннымъ въ рѣшеніи 1875 г. № 18 дѣломъ представлялся Гражданскому Кассаціонному Департаменту въ дѣлѣ Андреевыхъ (1879 г. № 160), въ которомъ вопросъ получилъ, однако, разрѣшеніе въ противуположномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ признанія примѣнимости судебно-межеваго разбирательства къ дачамъ, утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе. Въ этомъ смыслѣ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ высказался въ цѣломъ рядѣ рѣшеній [1]).

Съ особенною подробностью названный Департаментъ изложилъ свой взглядъ на упомянутый вопросъ въ рѣшеніи 1883 г. № 121 по дѣлу с. Иловой Дмитріевскаго. Сущность приведенныхъ въ этомъ рѣшеніи доводовъ сводится къ ссылкѣ: а) на 552 прим. I ч. X т. и 616 и 621 зак. меж. (772 и 777

[1]) 1878 г. № 151 по дѣлу Костаревыхъ, 1879 г. № 160 по дѣлу Андреевыхъ, 1883 г. № 121 по дѣлу с. Иловой Дмитріевскаго, 1885 г. № 94 по дѣлу Елисаветинскаго сельскаго общества, 1890 г. № 1 по дѣлу графини Дюркгеймъ, см. также рѣш. Общ. Собр. 1 и Кас. Деп. 1890 г. № 37 по дѣлу крестьянъ с. Пичевки.

изд. 1857 г.), и б) на общій духъ нашего законодательства. По мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, право каждаго соучастника требовать вымежеванія изъ общаго имущества принадлежащей ему части вытекаетъ изъ прямаго смысла прим. къ 552 ст. I ч. X т. и ст. 777 зак. меж. изд. 1857 г. (ст. 621 изд. 1893 г.), а по отношенію къ дачамъ, утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, подтверждается также ст. 772 зак. меж. изд. 1857 г. (ст. 616 изд. 1893 г.), по смыслу которой полюбовному специальному размежеванію, а слѣдовательно, и судебно-межевому разбирательству подлежатъ дачи, въ которыхъ общее владѣніе образовалось послѣ генеральнаго межеванія.

Что касается статей, на которыя сдѣлана ссылка въ цитированномъ рѣшеніи, то всѣ онѣ представляютъ собою ничто иное, какъ разультатъ кодификаціонныхъ недосмотровъ. Относительно 621 ст. зак. меж. (777 изд. 57 г.) уже было объяснено выше [1]), что статья эта не подлежала включенію въ Сводъ Законовъ, такъ какъ имѣла характеръ указанія, преподаннаго въ руководство Министру Юстиціи при составленіи правилъ судебно-межеваго разбирательства. Равнымъ образомъ, относительно ст. 616 зак. меж. (772 изд. 1857 г.) было объяснено [2]), что статья эта, основанная на законѣ 11 Августа 1845 г., выражаетъ собою ту мысль, что дачи, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, въ случаѣ ихъ раздробленія, почитаются дачами общаго владѣнія и, въ качествѣ таковыхъ, наравнѣ съ дачами, замежеванными въ общее владѣніе, подлежатъ

---

[1]) См. стр. 224.

[2]) См. выше стр. 252 и слѣд.

обязательному размежеванію, сначала чрезъ посредниковъ, а при безуспѣшности содѣйствія посредниковъ, въ порядкѣ понудительнаго межеванія.

Но въ 1850 и 1853 гг. произошла коренная перемѣна во взглядѣ законодателя, признавшаго: въ 1850 г.,—что слѣдуетъ вовсе отказаться отъ мысли о понудительномъ спеціальномъ межеваніи, замѣнивъ оное предоставленіемъ каждому владѣльцу права просить о вымежеваніи принадлежащей ему въ общемъ имѣніи части, а въ 1853 г.,—что дачами общаго владѣнія, подлежащимъ спеціальному размежеванію, слѣдуетъ считать лишь дачи, при генеральномъ межеваніи утвержденныя въ общее владѣніе. Если же, въ силу законовъ 12 Іюля 1850 г. и 30 Декабря 1853 г., даже дачи, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе, не подлежатъ обязательному размежеванію, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о таковомъ размежеваніи утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе дачъ. Такимъ образомъ, 616 ст. зак. меж., должна почитаться отмѣненною, въ силу законовъ 12 Іюля 1850 г. и 30 Декабря 1853 г.

Третья статья, на которую ссылается Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, есть ст. 552 (прим.) 1 ч. X т., согласно которой каждому владѣльцу дозволяется, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ зак. меж., просить о вымежеваніи слѣдующей ему земли изъ общаго владѣнія даже и въ такомъ случаѣ, если-бы прочіе соучастники не изъявили на то своего согласія. Прим. къ 552 ст. 1 ч. X т., основанное на п. 2 отд. IV Высочайше утвержденнаго, 8 Января 1836 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, воспроизводитъ изложенное въ этомъ законѣ правило съ двумя весьма существенными пропусками, касающимися указанія на то, что:

а) изложенное въ немъ правило дѣйствуетъ не повсемѣстно, а лишь: 1) въ генерально-обмежеванныхъ губерніяхъ и 2) не во всѣхъ сихъ губерніяхъ, а только въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ хотя и предполагалось открыть понудительное спеціальное межеваніе, но таковое еще не было открыто ко времени истеченія назначеннаго на миролюбивыя соглашенія трехгодичнаго срока, и б) правило это вступаетъ въ силу не немедленно, а лишь по истеченіи назначеннаго на помянутыя соглашенія срока.

Такимъ образомъ оказывается, что правило, содержащееся въ прим. къ 552 ст. 1 ч. X т.: а) въ настоящее время не дѣйствуетъ нигдѣ, ибо правительство вовсе отказалось отъ намѣренія открыть понудительное спеціальное межеваніе и, слѣдовательно, нѣтъ въ Имперіи мѣстности, гдѣ и въ будущемъ предполагалось бы открыть сіе межеваніе; б) не можетъ даже почитаться когда-либо возымѣвшимъ дѣйствіе, ибо срокъ, отъ истеченія котораго поставлено въ зависимость вступленіе въ дѣйствіе этого правила, указомъ 12 Іюля 1850 г. продленъ на неопредѣленное время [1]) и, слѣдовательно, не истекъ и по настоящее время [2]). Вообще, п. 2 отд. IV закона 8 Января 1836 г., на которомъ основано прим. къ 552 ст. I ч. X т., имѣетъ характеръ переходной мѣры для тѣхъ губерній, въ которыхъ, вслѣдствіе неокончанія Губернскими Комитетами возложеннаго на нихъ труда по составленію для каждой губерніи правилъ спеціальнаго межеванія (п. 2

---

[1]) См. выше стр. 211.

[2]) П. 2 отд. IV закона 8 Января 1836 г. начинается такъ: «По прошествіи назначеннаго на миролюбивыя соглашенія трехгодичнаго срока въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ по предположеннымъ нынѣ правиламъ общее спеціальное межеваніе не будетъ еще открыто, дозволить каждому владѣльцу» и т. д.

отд. III закона 8 Января 1836 г.) или по недостатку технических средствъ, не могло быть приступлено къ понудительному спеціальному размежеванію вслѣдъ за истеченіемъ назначеннаго на миролюбивыя соглашенія срока. Но съ оставленіемъ мысли о понудительномъ межеваніи потеряла, вообще, значеніе и означенная переходная мѣра. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что какъ 772 и 777 ст. зак. меж., такъ и прим. къ 552 ст. I ч. X т., замѣнены закономъ 30 Декабря 1853 г. и, слѣдовательно, подлежатъ исключенію изъ Свода законовъ.

Столь же мало убѣдительными, какъ ссылка на ст. 772 и 777 зак. меж., изд. 57 г., и прим. къ 552 ст. 1 ч. X т., представляются доводы, приведенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ подкрѣпленіе мнѣнія, что право соучастника требовать выдѣла своей части изъ общаго имущества вытекаетъ изъ общаго духа нашего законодательства и что дѣйствовавшее судопроизводство всегда давало нужные къ его осуществленію способы.

Доводы эти сводятся къ ссылкѣ на:

1) писцовые наказы 1683 и 1684 гг. [1]);

2) ст. 44 гл. 4 Меж. Инстр. 25 Мая 1766 г., вошедшую въ 311 и 312 ст. зак. меж. (408 и 409 ст. изд. 57 г.), и

3) правила объ отдѣленіи земель казенныхъ и удѣльныхъ отъ частныхъ.

Что касается писцовыхъ наказовъ 1683 и 1684 гг., на основаніи ст. 10 и 34 которыхъ каждому соучастнику въ общемъ владѣніи предоставлено было право требовать, чтобы онъ былъ отмежеванъ отъ прочихъ соучастниковъ, то нельзя не замѣтить, что правило это поста-

---

[1]) П. С. З. № 1013 и 1074.

новлено было въ отмѣну принятаго въ наказѣ 1681 г. [1]) начала: межевать земли каждаго владѣльца порознь, хотя бы они желали оставаться неразмежеванными. Отсюда явствуетъ, что разсматриваемое правило устанавливало собою не право каждаго владѣльца требовать вымежеванія изъ общаго владѣнія принадлежащей ему земли, а право, при предпринятомъ государствомъ общемъ размежеваніи земель, оставаться въ общемъ владѣніи. Вообще разсматриваемое правило писцовыхъ наказовъ 1683 и 1684 гг. исходитъ изъ начала, совершенно противуположнаго дѣйствующему законодательству, отказавшемуся отъ всякихъ мѣръ понужденія къ размежеванію земель, и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не можетъ служить къ уясненію духа дѣйствующихъ законовъ. Наконецъ, изъ того, что въ порядкѣ межеванія, производимаго распоряженіемъ и въ интересахъ государства, владѣльцамъ общаго имущества предоставлены извѣстныя права и преимущества, вовсе не слѣдуетъ, чтобы этими правами и преимуществами они могли пользоваться и внѣ порядка государственнаго межеванія.

Далѣе, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1883 г. № 121 ссылается на ст. 44 гл. 4 Меж. Инстр., вошедшую въ 311 и 312 ст. зак. меж. (ст. 408 и 409 изд. 57 г.) Но выше уже объяснено [2]), что статья 44 Гл. 4 Меж. Инстр. устанавливаетъ право каждаго владѣльца общей дачи требовать вымежеванія принадлежащей ему части не вообще и не во всякое время, а лишь при «буду-

---

[1]) П. С. З. № 890; ср. Неволинъ. Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II въ Полн. Собр. Сочин. т. 6 стр. 491.

[2]) См. выше стр. 207 и слѣд.

щихъ спеціальныхъ и уѣздныхъ межеваніяхъ». Такимъ образомъ помянутая статья Меж. Инстр. нисколько не подтверждаетъ сдѣланнаго Сенатомъ изъ нея вывода.

Наконецъ, что касается правилъ объ отдѣленіи казенныхъ и удѣльныхъ земель отъ частныхъ, на которыя также сдѣлана Сенатомъ ссылка въ указанномъ его рѣшеніи, то правила эти не только не подтверждаютъ, а, напротивъ, служатъ къ опроверженію взгляда Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента. Указы 6 и 21 Іюня 1799 г. и 16 Августа 1804 г. [1]), положившіе начало поясненному виду понудительнаго спеціальнаго межеванія, были вызваны именно тѣмъ, что дѣйствовавшее въ то время законодательство не давало возможности осуществить признанную правительствомъ необходимою мѣру вымежеванія названныхъ земель изъ общаго владѣнія. Во всякомъ случаѣ изъ того, что законъ допускаетъ и требуетъ вымежеванія казенныхъ и удѣльныхъ земель изъ общаго владѣнія, еще не слѣдуетъ, чтобы и частные владѣльцы пользовались такимъ правомъ. Правда, по мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, правила объ отдѣленіи казенныхъ земель должны имѣть примѣненіе также и къ землямъ частныхъ владѣльцевъ. Мнѣніе это основано на томъ, что, хотя въ Сводѣ законовъ изд. 1842 и 1857 г.г. примѣненіе правилъ объ отдѣленіи земель ограничено лишь казенными, удѣльными и однодворческими землями, но, по разсужденію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, слѣдуетъ отдать предпочтеніе Своду законовъ 1832 г., по силѣ котораго дѣйствіе правилъ объ отдѣленіи земель распространялось также на частныя земли [2]). По поводу этого соображенія слѣдуетъ

---

[1]) См. выше стр. 260 и слѣд.

[2]) Въ этомъ же смыслѣ высказалось Межевое Управленіе въ заключеніи

замѣтить, что оно основано на одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ кодификаціонныхъ недосмотровъ въ области межеваго права, которые усматриваются въ Сводѣ законовъ. Дѣйствительно, въ Сводѣ изд. 1832 г. не было оговорено, что правила объ отдѣленіи земель примѣняются исключительно къ землямъ казеннымъ, удѣльнымъ и однодворческимъ. Но это была ошибка, вкорѣ замѣченная и уже въ продолженіи къ Своду за 1832—1835 гг. исправленная. Въ такомъ исправленномъ видѣ разсматриваемое правило и вошло въ изд. 1842, 1857 и 1876 гг. [1]).

Для лучшаго уясненія вопроса, имѣетъ-ли, по дѣйствующимъ законамъ, какъ полагаетъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, каждый совладѣлецъ общаго имѣнія право требовать вымежеванія принадлежащей ему части, слѣдуетъ еще подвергнуть ближайшему соображенію вопросъ о томъ, что собственно разумѣетъ означенный Департаментъ подъ вымежеваніемъ и общимъ владѣніемъ, прекращеніе котораго составляетъ цѣль вымежеванія? Въ этомъ отношеніи обзоръ относящихся къ сему предмету рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента обнаруживаетъ въ нихъ

отъ 20 Сентября 1888 г. по возбужденному военнымъ вѣдомствомъ вопросу объ учрежденіи новыхъ должностей посредниковъ полюбовнаго межеванія въ области земли Войска Донскаго. См. В. Мордухай Болтовскій (Предсѣдатель Таганрогскаго Окружнаго Суда): Межевые Законы. С. П. Б. 1893 г. стр. 163 и слѣд.

[1]) Въ зак. суд. гражд. изд. 1892 г. пунктъ 1 ст. 662 зак. суд. гражд. изд. 1876 г., на основаніи котораго дѣла объ отдѣленіи земель частныхъ лицъ между собою производятся по общему всѣхъ участниковъ соглашенію по правиламъ зак. меж., замѣненъ ст. 497, въ которой слова «по общему всѣхъ участниковъ соглашенію» пропущены. Такимъ образомъ, въ изданіи 1892 г., кажется, повторена ошибка, допущенная въ изданіи 1832 г. и тогда же исправленная.

полное отсутствіе руководящей мысли. То подъ понятіе вымежеванія названный Департаментъ подводитъ раздѣлъ общей собственности, то онъ разумѣетъ подъ вымежеваніемъ постановку граничныхъ признаковъ, отдѣляющихъ смежныя владѣнія, то, наконецъ, цѣль вымежеванія онъ усматриваетъ въ прекращеніи чрезполосности посредствомъ сведенія къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ земель. Такъ, напримѣръ, понятіе вымежеванія онъ прилагаетъ: а) къ раздѣлу общаго выгона помѣщика съ крестьянами [1]); б) къ раздѣлу лѣснаго участка, отведеннаго двумъ селеніямъ въ надѣлъ по общей владѣнной записи [2]), и в) къ раздѣлу земель, отведенныхъ нѣсколькимъ селеніямъ въ собственность по такой же владѣнной записи [3]). Во всѣхъ этихъ дѣлахъ предметомъ спора служила земля, составлявшая общее владѣніе въ идеальныхъ доляхъ, опредѣляемыхъ актомъ, установившимъ это владѣніе между помѣщикомъ и крестьянами, или соотношеніемъ количества ревизскихъ душъ въ разныхъ, получившихъ одну владѣнную запись селеніяхъ [4]).

---

[1]) 1890 г. № 1 по дѣлу гр. Дюркгеймъ.

[2]) 1883 г. № 121 по дѣлу Иловой Дмитріевскаго.

[3]) 1878 г. № 151 по дѣлу Костарева, 1885 г. № 94 по дѣлу Елисаветинскаго сельскаго общества и 1890 г. № 37 (Общ. Собр.) по дѣлу с. Пичевки.

[4]) Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ рѣшеній возникаетъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще селеніе, получившее общую владѣнную запись съ другими селеніями, право требовать раздѣла общей земли и, въ частности, можетъ ли быть признано за нимъ такое право и по воспослѣдованіи закона 24 Апрѣля 1887 г., поставившаго раздѣленіе селеній, составляющихъ одно сельское общество, и распредѣленіе между ними надѣленныхъ имъ сообща земель, въ зависимость отъ согласія большинства $^2/_3$ голосовъ по каждому изъ селеній отдѣльно? Разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ изъ предѣловъ задачи настоящей записки.

Всѣ эти дѣла имѣли характеръ обыкновеннаго раздѣла, а не судебно-межеваго разбирательства и, слѣдовательно, подлежали разрѣшенію въ общемъ, установленномъ уст. граж. суд. (ст. 1409—1423) порядкѣ, а не въ особомъ порядкѣ, установленномъ для размежеванія утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе земель.

Далѣе, въ одномъ дѣлѣ [1]) Гражданскій Кассаціонный Департаментъ основаніемъ къ отказу въ размежеваніи дачи въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства принялъ то соображеніе, что въ дачѣ, о размежеваніи которой заявлена просьба, нѣтъ чрезполоснаго владѣнія. Но, какъ объяснено было выше, фактъ существованія чрезполоснаго владѣнія даетъ право возбуждать судебно-межевое разбирательство съ цѣлью устраненія чрезполосности не всегда, а лишь въ томъ случаѣ, когда чрезполосное владѣніе происходитъ въ утвержденной при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачѣ. Поэтому въ данномъ случаѣ судебно-межевое разбирательство не могло имѣть примѣненія, такъ какъ просьба о семъ была заявлена въ отношеніи дачи, утвержденной при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе.

Наконецъ, въ одномъ рѣшеніи [2]) просьбу помѣщика объ отграниченіи, въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства, земель крестьянскаго надѣла Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ неподлежащею удовлетворенію лишь потому, что исковое требованіе сводится въ сущности не къ опредѣленію границъ крестьянскихъ угодій и помѣщичьей земли, а къ признанію за истицею права собственности на тѣ земли, которыми будто-бы незаконно завладѣли крестьяне.

---

[1]) 1875 г. № 18 по дѣлу Мордвиновой.

[2]) 1890 г. № 2 по дѣлу кн. Козловской.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, опредѣленіе границъ можетъ составлять предметъ судебно-межеваго разбирательства, если нѣтъ спора о самомъ направленіи границы. По поводу этого замѣчанія нельзя не замѣтить, что судебно-межевое разбирательство—съ одной и опредѣленіе границъ—съ другой стороны имѣютъ между собою лишь то общее, что судебно-межевое разбирательство завершается постановкою въ натурѣ граничныхъ признаковъ и нанесеніемъ на планъ образовавшихся по этому разбирательству новыхъ участковъ, и, слѣдовательно, относить дѣла объ опредѣленіи границъ къ означенному разбирательству врядъ-ли есть какое либо основаніе.

Сбивчивость объясненій Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по вопросу о кругѣ примѣненія судебно-межеваго разбирательства особенно ярко проявляется въ его рѣшеніи по дѣлу графини Дюркгеймъ [1]). Въ этомъ рѣшеніи названный Департаментъ призналъ, что споръ о разверстаніи выгона, состоящаго въ общемъ пользованіи крестьянъ и помѣщиковъ, подлежитъ производству въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства потому, что составляетъ несомнѣнно споръ межевой, подъ которымъ, по словамъ того-же рѣшенія, слѣдуетъ разумѣть всякій споръ, имѣющій цѣлью опредѣленіе мѣстности, пространства и границъ владѣнія.

Приведенное соображеніе, безъ сомнѣнія, имѣетъ источникомъ двойственное значеніе словъ «межеваніе», «межевой споръ», «межевое дѣло» и т. д., подъ которыми можно разумѣть, съ одной стороны, споръ о межѣ, т. е. о мѣстоположеніи, пространствѣ и границахъ, а съ другой—споръ, возникшій въ порядкѣ генеральнаго и спеціальнаго межеванія. Спеціаль-

---

[1]) 1890 г. № 1.

ное межеваніе, однимъ изъ видовъ котораго является судебно-межевое разбирательство, какъ объяснено выше, не имѣетъ ничего общаго съ граничными спорами, ибо: а) оно имѣетъ цѣлью опредѣленіе самаго права на владѣніе, а не лишь мѣстности, пространства и границъ онаго и б) предполагаетъ безспорность границъ подлежащей размежеванію дачи. Если споръ о границѣ считать межевымъ дѣломъ потому, что производство по этому спору завершается постановкою граничныхъ признаковъ и изображеніемъ утвержденной судомъ границы на планѣ, то пришлось-бы признать межевымъ дѣломъ и надѣленіе крестьянъ землею, которое также должно завершиться постановкою граничныхъ признаковъ и составленіемъ плана. Такимъ образомъ, очевидно, что въ разсматриваемомъ соображеніи кроется смѣшеніе понятій межеваго спора въ смыслѣ спора о межѣ, т. е. граничнаго спора, разрѣшеніемъ котораго опредѣляются мѣстность, пространство и границы владѣнія, съ судебно-межевымъ разбирательствомъ, цѣлью котораго служитъ раздѣлъ общей дачи между лицами, значащимися на планѣ генеральнаго межеванія владѣльцами. Но въ производствѣ о разверстаніи общаго выгона не заключается вовсе межеваго спора, ни, какъ сказано выше, въ смыслѣ спора о межѣ, ни въ смыслѣ спора, возникшаго при спеціальномъ межеваніи, ибо спеціальное межеваніе имѣетъ исключительно цѣлью разводъ земель въ утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачахъ. Далѣе, производство о разверстаніи общаго выгона можетъ быть послѣдствіемъ не спора о долѣ участія каждаго совладѣльца, а лишь невозможности достигнуть соглашенія объ уравнительномъ распредѣленіи земель, и въ такомъ случаѣ оказывается, что въ производствѣ о разверста-

ніи выгона не заключается ни межеваго спора, ни даже спора о гражданскомъ правѣ вообще.

Въ подкрѣпленіе своего взгляда, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ приводитъ то соображеніе, что тѣ особенности, которыя вызвали установленіе особаго порядка производства, правила о которомъ изложены въ прим. IV къ ст. 1400 (прил.) уст. гр. суд., свойствены всѣмъ вообще, судебно-межевымъ спорамъ. Соображеніе это смѣшиваетъ содержащіяся въ правилахъ судебно-межеваго разбирательства постановленія процессуальнаго права—съ одной и матеріальнаго права—съ другой стороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что изложенныя въ ст. 1149—1167 зак. меж., изд. 1857 г., правила объ основаніяхъ утвержденія правъ владѣнія при размежеваніи общихъ дачъ,—на каковыя правила сдѣлана ссылка въ ст. 4 прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд.,—по самому существу ихъ, не могутъ имѣть примѣненія ни къ граничнымъ спорамъ, ни къ дѣламъ о раздѣлѣ общаго имущества (если общее владѣніе подлежащимъ раздѣлу имуществомъ не возникло въ силу утвержденія его въ общее владѣніе еще при генеральномъ межеваніи). Сюда относятся, напримѣръ, постановленія о непринятіи къ разсмотрѣнію доказательствъ отъ лицъ, непоказанныхъ при генеральномъ межеваніи на планѣ дачниками (ст. 944 зак. меж., 1151 ст. п. 1 изд. 1857 г.), и о надѣленіи владѣльцевъ землею по числу бывшихъ во время генеральнаго межеванія душъ (ст. 948 зак. меж., ст. 1155 изд. 1857 г.). Такимъ образомъ, ясно, что Гражданскій Кассаціонный Департаментъ къ заключенію, что правила, изложенныя въ прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд., примѣнимы ко всѣмъ спорамъ, подводимымъ имъ подъ понятіе межевыхъ споровъ, могъ придти лишь вслѣдствіе того, что упустилъ изъ виду заключающіяся

въ прил. къ 1400 ст. уст. гражд. суд. постановленія матеріальнаго права. Но нельзя даже сказать, чтобы содержащіяся въ прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд. правила, имѣющія чисто процессуальный характеръ, были примѣнимы ко всѣмъ безъ исключенія спорамъ, которые Гражданскій Кассаціонный Департаментъ подводитъ подъ понятіе межеваго спора. Нѣтъ сомнѣнія, что совершенно безразлично, кто по этимъ дѣламъ распоряжается принятіемъ объясненій сторонъ и повѣркою доказательствъ: одинъ изъ членовъ суда, какъ того требуютъ ст. 2, 3, 4 прил. къ ст. 1400 уст. гражд. суд., или, на общемъ основаніи, предсѣдательствующій въ отдѣленіи Окружнаго Суда? Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, принявъ къ производству въ порядкѣ, установленномъ въ прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд., дѣло, напримѣръ, о вымежеваніи части изъ спеціально размежеванной дачи, въ которой впослѣдствіи образовалось чрезполосное владѣніе, судъ тѣмъ самымъ лишаетъ себя права отклонить требованіе о сведеніи къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ владѣній, хотя такое требованіе не имѣло бы законнаго основанія и удовлетвореніе его явно нарушало бы права прочихъ соучастниковъ. Далѣе, въ подтвержденіе того, что въ прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд. содержатся такія постановленія чисто процессуальнаго свойства, которыя непримѣнимы къ граничнымъ спорамъ, можно указать на постановленія, изложенныя въ ст. 6 и 7 того-же приложенія о раздѣленіи судебно-межеваго разбирательства на двѣ части, изъ которыхъ первая имѣетъ предметомъ опредѣленіе количества слѣдующей каждому владѣльцу земли, а вторая—служитъ къ распредѣленію земель по участкамъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что соображенія, по которымъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ споръ о раз-

верстаніи общаго выгона признаетъ подлежащимъ производству въ порядкѣ, указанномъ въ прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд., примѣнимы ко всѣмъ дѣламъ о раздѣлѣ общаго имѣнія, ибо, придерживаясь взгляда названнаго Департамента, приходится признать, что дѣла эти имѣютъ предметомъ опредѣленіе мѣстности, пространства и границъ владѣнія. Такое заключеніе, однако, не можетъ быть признано правильнымъ въ виду того, что для дѣлъ о раздѣлѣ общаго имущества установленъ особый порядокъ производства, правила о которомъ изложены въ ст. 1409—1423 уст. гражд. суд.

Въ подкрѣпленіе взгляда Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, по которому правила судебно-межеваго производства подлежатъ примѣненію не къ однимъ лишь дѣламъ о спеціальномъ межеваніи, т. е. о раздѣлѣ земель въ дачахъ, утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе, въ нашей юридической литературѣ, кромѣ разобранныхъ выше, приводятся еще слѣдующіе два довода: а) что всякое владѣніе нѣсколькихъ лицъ, неразграниченное формальными межевыми признаками, должно почитаться общимъ въ смыслѣ межевыхъ законовъ и, слѣдовательно, въ случаѣ недостиженія полюбовнаго соглашенія о разграниченіи, можетъ быть, согласно статьѣ 936 зак. меж. (1144 ст. изд. 1857 г.), предметомъ судебно - межеваго разбирательства, и б) что въ общихъ правилахъ гражданскаго судопроизводства не указано способа вымежеванія земель и, слѣдовательно, признаніе, что судебно-межевому разбирательству подлежатъ однѣ лишь утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачи, было-бы равносильно отказу въ правѣ судебной защиты во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ

просьбы о вымежеваніи служитъ не общая дача, а какое либо другое недвижимое имущество [1]).

Въ отношеніи перваго довода слѣдуетъ замѣтить: а) что, какъ выяснено уже выше, на основаніи 951 ст. зак. меж. (1158 ст. изд. 57 г.), общимъ владѣніемъ можетъ считаться лишь такое владѣніе, которое происходитъ внутри утвержденной въ общее владѣніе дачи, и хотя законодательство наше одно время придерживалось иного взгляда, но въ 1853 г. оно отказалось отъ него; б) что указанное мнѣніе въ примѣненіи къ необмежеваннымъ губерніямъ привело бы къ тому заключенію, что все необмежеванное пространство Россійской Имперіи составляетъ одну общую дачу; в) что мнѣніе, по которому неразграниченныя формальными признаками владѣнія должны почитаться неразмежеванными, исходитъ изъ невѣрнаго и опровергнутаго выше взгляда, что цѣлью государственнаго межеванія, а, слѣдовательно, и судебно-межеваго разбирательства, являющагося однимъ изъ видовъ сего послѣдняго, служитъ лишь опредѣленіе границъ, и г) что, такимъ образомъ, подъ понятіе общаго владѣнія въ межевомъ смыслѣ можно подвести исключительно дачи, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе.

Обращаясь затѣмъ ко второму изъ указанныхъ доводовъ, слѣдуетъ замѣтить, что подъ вымежеваніемъ въ широкомъ смыслѣ слова можно разумѣть: 1) раздѣлъ въ натурѣ общаго имущества; 2) сведеніе къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ владѣній, и 3) разграниченіе смежныхъ владѣній формальными признаками. Что касается раздѣла общаго имущества, то порядокъ производ-

---

[1]) А. Маттель: Судебно-межевое разбирательство стр. 50, 59, 60, 98.

ства его опредѣляется особыми правилами (уст. гр. суд. ст. 1408 и слѣд. и зак. гражд. 1322, 1323), причемъ въ законѣ не содержится указанія, чтобы изъ дѣйствія этихъ правилъ были изъяты тѣ случаи, въ которыхъ для раздѣла требуется содѣйствіе землемѣрныхъ техниковъ. Такимъ образомъ, мнѣніе о томъ, что непринятіе къ производству въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства дѣлъ о вымежеваніи было бы равносильно отказу въ правѣ судебной защиты, едва ли можетъ быть отнесено къ дѣламъ о раздѣлѣ. Равнымъ образомъ, оно не можетъ быть отнесено и къ просьбамъ о сведеніи къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ владѣній, въ виду того, что, какъ объяснено выше, по буквальному смыслу, а равно и по общему духу нашихъ гражданскихъ законовъ, право требовать сведенія къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ земель принадлежитъ исключительно владѣльцамъ дачъ, утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе и впослѣдствіи неподвергшихся спеціальному размежеванію. Такимъ образомъ, остаются лишь дѣла объ опредѣленіи границъ формальными признаками. Если просьба объ опредѣленіи границъ вызвана наличностью спора о границѣ, то къ разрѣшенію возникшаго по этой просьбѣ дѣла въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства не можетъ встрѣтиться никакого затрудненія, въ виду того, что: а) на основаніи 507 и слѣд. ст. уст. гр. суд., судъ можетъ произвести осмотръ спорной границы, при участіи межеваго техника; б) результатъ осмотра, на основаніи 511 ст. уст. гр. суд., можетъ быть изложенъ въ видѣ плана или чертежа, и в) исполненіе судебнаго рѣшенія чрезъ судебнаго пристава можетъ послѣдовать примѣнительно къ указанному въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1886 г. № 27 по дѣлу Погребнаго порядку исполненія рѣше-

ній о возстановленіи нарушеннаго владѣнія недвижимымъ имѣніемъ. Въ законѣ указано нѣсколько случаевъ отнесенія къ кругу вѣдомства общихъ судовъ такихъ дѣлъ, для разрѣшенія которыхъ необходимо участіе землемѣрныхъ техниковъ, напримѣръ: дѣлъ по спорамъ о нарушеніи межевыхъ границъ (ст. 494 зак. суд. гражд. т. XVI ч. 2., 659 ст. т. X ч. 2 изд. 76 г.) и дѣлъ объ отдѣленіи земель и лѣсовъ (940 зак. меж., 663 ст. п. 7 зак. суд. гр. т. X ч. 2 изд. 76 г.). Поэтому, едва ли есть основаніе признавать споры о границахъ неподлежащими производству въ общемъ порядкѣ судопроизводства лишь потому, что разрѣшеніе ихъ можетъ потребовать участія землемѣрнаго техника.

Но просьба объ опредѣленіи границъ формальными признаками можетъ быть заявлена также при отсутствіи всякаго спора, а лишь съ цѣлью предупрежденія споровъ въ будущемъ посредствомъ постановки въ натурѣ формальныхъ признаковъ и геодезическаго описанія границъ. Въ этомъ случаѣ наше гражданское законодательство не указываетъ никакихъ способовъ достигнуть опредѣленія границъ формальными признаками помимо обоюднаго соглашенія смежныхъ владѣльцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи наши гражданскіе законы страдаютъ важнымъ пробѣломъ. Восполнить этотъ пробѣлъ есть дѣло законодателя, а не судебной практики. Восполненіе его составляетъ едва ли не самую важную задачу предпринятой межевой реформы. Но предоставлять владѣльцамъ право, подъ видомъ судебно-межеваго разбирательства, требовать укрѣпленія границъ такихъ земель, которыя не замежеваны въ общую дачу и, слѣдовательно, судебно-межевому разбирательству не подлежатъ, едва ли возможно и даже желательно. Это внесло бы путаницу въ общую систему

дѣйствующаго межеваго законодательства и поэтому не могло бы не отразиться вредно на практикѣ. Прежде всего, предоставленіе владѣльцамъ такого права открывало бы имъ, какъ объяснено выше, возможность просить о сведеніи къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ земель тамъ, гдѣ такое сведеніе явно нарушило бы гражданское право прочихъ чрезполосныхъ владѣльцевъ. Далѣе, какъ объяснено также выше, одно изъ основныхъ началъ законовъ о генеральномъ межеваніи заключается въ непоколебимости межевыхъ актовъ. Это начало непримѣнимо къ состоявшимся внѣ порядка генеральнаго или спеціальнаго межеванія рѣшеніямъ объ опредѣленіи границъ межевыми признаками. По отношенію къ этимъ рѣшеніямъ начало непоколебимости замѣняется тѣмъ общимъ началомъ гражданскаго права, въ силу котораго рѣшеніе признается обязательнымъ лишь для тяжущихся сторонъ (ст. 895 уст. гр. суд.), и, слѣдовательно, если бы впослѣдствіи оказалось, что просьба объ опредѣленіи границъ заявлена такимъ лицомъ, которое въ дѣйствительности не было собственникомъ, то состоявшееся по этой просьбѣ рѣшеніе оказалось бы лишеннымъ обязательной силы для настоящаго собственника [1]).

Наконецъ, распространеніе правилъ судебно-межеваго разбирательства на дѣла объ опредѣленіи границъ весьма часто вовсе не достигало бы цѣли, а именно, во всѣхъ тѣхъ

---

[1]) Въ виду сказаннаго въ текстѣ, едва ли можно признать правильнымъ приложеніе къ планамъ, составленнымъ внѣ порядка генеральнаго или спеціальнаго межеванія, клейма, изображающаго государственный гербъ съ надписью «каждый при своемъ». Приложеніе этого клейма составляетъ наглядное выраженіе той особенной силы, которую межевые законы присваиваютъ актамъ предпринятаго въ 1765 г. государственнаго межеванія. Замѣчаніе это относится также къ клейменію межевыхъ столбовъ.

случаяхъ, когда никѣмъ изъ сторонъ не представлено ясныхъ доказательствъ въ подтвержденіе указываемаго ими отвода границъ. Въ этихъ случаяхъ, въ которыхъ упомянутый выше пробѣлъ нашихъ законовъ особенно ощущителенъ, правила судебно-межеваго разбирательства не принесли бы никакой пользы, такъ какъ случаи эти въ нихъ не предусмотрѣны. Здѣсь, какъ уже указано выше, помочь можетъ одна лишь законодательная власть посредствомъ распространенія на всѣ граничные споры (какъ по обмежеваннымъ, такъ и необмежеваннымъ землямъ) опредѣленныхъ въ межевыхъ законахъ, собственно для возникающихъ при генеральномъ межеваніи граничныхъ споровъ, постановленій о томъ: а) что при недостаточности доказательствъ, представленныхъ тяжущимися сторонами, граница опредѣляется по безспорному владѣнію (801 ст. зак. меж., 961 ст. изд. 57 г.) и б) что при невозможности опредѣлить безспорное владѣніе, спорное пространство дѣлится между сторонами (ст. 802 зак. меж., 962 ст. изд. 57 г.).

V.

Выводы.

1) Судебно-межевому разбирательству подлежатъ исключительно земли, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ разнопомѣстное владѣніе (общія дачи).

2) Правила судебно-межеваго разбирательства внѣ общихъ дачъ не могутъ имѣть примѣненія ни въ отношеніи содержащихся въ нихъ постановленій матеріальнаго права, ни относительно таковыхъ чисто процесуальнаго характера.

3) Внѣ упомянутыхъ дачъ раздѣлъ общей собственности производится не порядкомъ, указаннымъ въ правилахъ

судебно-межеваго разбирательства, а по правиламъ уст. гражд. суд., хотя бы для производства раздѣла требовалось участіе землемѣрнаго техника.

4) Внѣ тѣхъ же дачъ сведеніе земель къ однимъ мѣстамъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ на основаніи добровольнаго соглашенія чрезполосныхъ владѣльцевъ.

5) Требовать судебнымъ порядкомъ опредѣленія границъ внѣ общихъ дачъ можно лишь при наличности спора о границѣ. Послѣдовавшее по такому спору рѣшеніе по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, однако, существенно разнится отъ государственнаго межеванія, такъ какъ проведенная по подобному рѣшенію граница не имѣетъ значенія межи генеральнаго межеванія и, слѣдовательно, не пользуется силою непоколебимости и не изъемлется изъ дѣйствія давности владѣнія.

6) Прим. къ ст. 552 I ч. X т. и ст. 616, 617 и 621 зак. меж. (ст. 772, 773 и 777 изд. 1857 г.) подлежатъ исключенію изъ Свода законовъ.

ГЛАВА III.

Полюбовное специальное межеваніе.

Полюбовное спеціальное межеваніе, имѣя совершенно одинаковую цѣль съ судебно-межевымъ разбирательствомъ, разнится отъ послѣдняго лишь способомъ, которымъ достигается общая обоимъ этимъ видамъ спеціальнаго межеванія цѣль. Отсюда слѣдуетъ, что полюбовное спеціальное межеваніе можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ лишь случаяхъ, въ которыхъ допускается судебно-межевое разбирательство и что,

слѣдовательно, полюбовному специальному межеванію не могутъ подлежать: а) дачи, уже подвергшіяся спеціальному размежеванію; б) дачи, при генеральномъ межеваніи утвержденныя въ единственное владѣніе, и в) земли, находящіяся въ необмежеванныхъ губерніяхъ. Въ отношеніи сихъ послѣднихъ земель заключеніе это, помимо приведенныхъ выше въ Главѣ II соображеній, подтверждается еще тѣмъ, что въ генерально необмежеванныхъ губерніяхъ не были учреждены Посредническія Коммисіи потому, что, какъ сказано въ прим. къ ст. 238 зак. (меж. ст. 322 прим. 2 изд. 1857 г.), въ тѣхъ губерніяхъ нѣтъ надобности въ нихъ. Если бы, по мысли законодателя, въ означенныхъ губерніяхъ дѣйствовало полюбовное спеціальное межеваніе, то тамъ, очевидно, оказалась бы надобность въ Посредническихъ Коммисіяхъ, какъ учрежденіяхъ, въ которыхъ должны быть сосредоточены всѣ распоряженія по дѣламъ полюбовнаго спеціальнаго межеванія (238 зак. меж., 321 изд. 1857 г.).

Что полюбовному спеціальному размежеванію чрезъ посредниковъ не подлежатъ такія дачи, которыя не могутъ быть предметомъ судебно-межеваго разбирательства, это никогда, кажется, не вызывало сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, указомъ Сената 11 Февраля 1846 г. было разъяснено, что посредники не имѣютъ права принимать къ производству дѣла о полюбовныхъ промѣнахъ въ спеціально размежеванныхъ дачахъ [1]). Что же касается полюбовнаго спеціальнаго межеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, то въ этомъ отношеніи практика, насколько извѣстно, придерживается про-

[1]) См. Межёвые Законы, изданіе старшаго члена Межевой Канцеляріи Князя Мещерскаго. С. П. Б. 1879 г. ст. 330 и объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 13.

тивуположнаго взгляда и допускаетъ примѣненіе правилъ полюбовнаго межеванія чрезъ названныхъ землемѣровъ и къ землямъ, которыя въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства размежеванію подлежать не могутъ. Въ видѣ исключенія можно указать на указъ Правительствующаго Сената отъ 11 Октября 1849 г., которымъ разъяснено, что размежеваніе дачъ, состоящихъ въ единственномъ владѣніи, относится не къ специальному, а къ коштному межеванію [1]). Но едва ли такой укоренившійся на практикѣ взглядъ можетъ быть признанъ правильнымъ. Полюбовное специальное чрезъ посредниковъ межеваніе разнится отъ таковаго чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ лишь въ дѣлопроизводственномъ отношеніи. Цѣль и юридическій характеръ въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы и поэтому тамъ, гдѣ непримѣнимо специальное межеваніе чрезъ посредниковъ, не можетъ имѣть мѣста и специальное межеваніе чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ.

Вопросъ о непримѣнимости правилъ полюбовнаго чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ межеванія къ землямъ, которыя не могутъ подлежать размежеванію ни чрезъ посредниковъ, ни въ порядкѣ судебно-межеваго разбирательства, имѣетъ не одно лишь теоретическое значеніе. До изданія временныхъ правилъ 16 Января 1868 г. практическое значеніе этого вопроса выражалось главнымъ образомъ въ томъ, что при полюбовномъ межеваніи чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ повѣрка принадлежности подлежащихъ размежеванію земель лицамъ, участвовавшимъ въ межеваніи, производилось посредствомъ справки съ картушемъ плана генеральнаго межеванія

---

[1]) Межевые Законы, изданіе Князя Мещерскаго стр. 314, Сводъ закон. меж., изд. Б. Долячко стр. 337.

(ст. 755 зак. меж. изд. 1857 г., ст. 596 изд. 1893 г.). Этотъ способъ повѣрки принадлежности межуемыхъ земель, однако, не примѣнимъ: ни къ дачамъ, специально размежеваннымъ или утвержденнымъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, которыя подлежатъ дѣйствію давности и въ которыхъ, слѣдовательно, могутъ оказаться такіе владѣльцы, кои лишены возможности удостовѣрить свое участіе въ дачѣ картушемъ плана либо актами, устанавливающими преемственную ихъ связь съ лицами, значащимися въ картушѣ, ни, тѣмъ менѣе, къ землямъ, находящимся въ необмежеванныхъ губерніяхъ, на которыя межевыхъ актовъ вовсе не существуетъ. А такъ какъ другаго способа повѣрки, кромѣ справки съ картушемъ, законъ не указываетъ, между тѣмъ производство такой повѣрки составляетъ необходимое условіе для признанія за планомъ силы непоколебимости, то отсюда слѣдуетъ, что подобною силою можетъ пользоваться лишь такое произведенное чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ размежеваніе, которое имѣетъ предметомъ общую дачу.

Хотя съ изданіемъ временныхъ правилъ 16 Января 1868 г. повѣрка принадлежности подлежащихъ полюбовному чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ размежеванію земель участвующимъ въ немъ лицамъ замѣнена удостовѣреніемъ самихъ участвующихъ въ межеваніи лицъ о томъ, что, кромѣ нихъ, нѣтъ владѣльцевъ въ межуемой дачѣ, и тѣмъ самымъ начало непоколебимости должно считаться отмѣненнымъ для всѣхъ межевыхъ актовъ, составленныхъ на основаніи приведенныхъ правилъ [1]), тѣмъ не менѣе указанный выше вопросъ и понынѣ не потерялъ практическаго значенія.

---

[1]) См. выше стр. 240.

Въ другомъ мѣстѣ сей записки объяснено, что всякій межевой актъ, выданный въ порядкѣ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, имѣетъ силу и замѣняетъ собою крѣпость. Въ практическомъ отношеніи это значитъ: 1) что межевой актъ, пока онъ не будетъ опровергнутъ по суду, устанавливаетъ предположеніе, что обмежеванное имѣніе принадлежитъ тому, за кѣмъ оно утверждено по межеванію; 2) что, въ силу этого предположенія, показанный на планѣ владѣлецъ или правопреемники его могутъ, на основаніи плана, предъявить искъ объ изъятіи изъ чужаго неправаго владѣнія обмежеваннаго имѣнія какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отношеніи каждой изъ принадлежащихъ къ сему составу частей; 3) что лицо, за которымъ утверждено имѣніе въ порядкѣ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, имѣетъ право требовать ввода во владѣніе утвержденными за нимъ по межеванію землями; 4) что обмѣнъ и уступки, произведенные въ порядкѣ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, почитаются обязательными для сторонъ и не могутъ быть ими оспорены, хотя бы сдѣлки эти не были облечены въ форму, установленную для актовъ о переходѣ права собственности на недвижимое имущество, и 5) что лицо, при генеральномъ или спеціальномъ межеваніи пріобрѣвшее землю посредствомъ промѣна или уступки, не подлежитъ отвѣтственности на основаніи общихъ правилъ о лицахъ, владѣющихъ имѣніями по неформальнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ (ст. 1684 прим. I ч. X т.).

Однако, указанное значеніе крѣпости можетъ быть присвоено лишь такому межеванію, которое составляетъ непосредственное продолженіе и завершеніе генеральнаго межеванія, т. е. межеванію, имѣющему предметомъ утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе дачи. Что же ка-

сается прочихъ дачъ и земель, то они могутъ быть предметомъ не специальнаго межеванія, а лишь землемѣрнаго производства, имѣющаго цѣлью: а) постановку въ натурѣ граничныхъ признаковъ и б) составленіе описанія границъ способами, указанными наукою геодезіи. Такіе признаки и описаніе существенно разнятся отъ межевыхъ актовъ генеральнаго или спеціальнаго межеванія и отъ установленныхъ въ этомъ порядкѣ признаковъ въ томъ, 1) что опредѣленные землемѣрнымъ производствомъ признаки не имѣютъ силы межи генеральнаго межеванія и, слѣдовательно: а) не почитаются непоколебимыми, т. е. могутъ быть оспариваемы какъ участвовавшими въ межеваніи сторонами, такъ и посторонними лицами на основаніи общихъ правилъ гражданскаго права; б) не изъемлются изъ дѣйствія давности владѣнія, и в) не подлежатъ утвержденію клеймомъ государственной печати; 2) что произведенные подъ видомъ размежеванія уступки и промѣны земель, если не имѣютъ цѣлью уничтоженіе чрезполосности (ст. 624 прим. зак. меж., 780 ст. прим. изд. 1857 г.), признаются недѣйствительными, какъ совершенные въ обходъ закона о формѣ актовъ, коими устанавливается переходъ права собственности на недвижимыя имущества; 3) что отчужденіе, произведенное подъ видомъ размежеванія съ цѣлью избѣжанія платежа крѣпостныхъ пошлинъ, не освобождаетъ участвующихъ въ отчужденіи лицъ отъ отвѣтственности за владѣніе имѣніемъ по неформальнымъ актамъ или безъ актовъ, и 4) что такое межеваніе не замѣняетъ крѣпости и, слѣдовательно: а) не можетъ служить основаніемъ для ввода во владѣніе и б) не устанавливаетъ законнаго предположенія о принадлежности размежеванныхъ земель тому, за кѣмъ по акту онѣ утверждены, и не можетъ,

само по себѣ, служить основаніемъ къ предъявленію иска объ изъятіи ихъ изъ чужаго владѣнія.

Такимъ образомъ нельзя не прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Размежеванію въ порядкѣ полюбовнаго спеціальнаго межеванія подлежатъ лишь такія земли, которыя могутъ быть предметомъ понудительнаго спеціальнаго межеванія.

2) Законъ, хотя и не запрещаетъ межевымъ учрежденіямъ оказывать владѣльцамъ содѣйствіе къ укрѣпленію границъ внѣ случаевъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, но такое содѣйствіе существенно разнится, по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, отъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, такъ какъ граница, устанавливаемая при содѣйствіи межевыхъ учрежденій, не въ порядкѣ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, не имѣетъ характера межи генеральнаго межеванія и, слѣдовательно: а) не пользуется силою непоколебимости, т. е. можетъ быть оспариваема по общимъ началамъ гражданскаго права и б) не изъемлется изъ дѣйствія давности.

ОТДѢЛЪ III.

Частное межеваніе.

I.

Отграниченіе.

Изложенный въ Отдѣлахъ I и II обзоръ межеваго законодательства обнимаетъ собою исключительно мѣропріятія правительства по устройству землевладѣнія на указанныхъ въ Манифестѣ 19 Сентября 1765 г. началахъ, какъ въ тѣхъ частяхъ Имперіи, въ которыхъ открыто было сплошное межеваніе (генеральное и специальное), такъ и въ прочихъ частяхъ Имперіи (коштное межеваніе и отдѣленіе земель). Такимъ образомъ, упомянутый обзоръ относится къ межеванію въ томъ тѣсномъ смыслѣ, который этому термину присвоенъ Манифестомъ 19 Сентября 1765 г. и законоположеніями, послѣдовавшими, въ развитіе установленныхъ въ немъ началъ.

Но терминъ межеваніе употребляется еще въ другомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ. Подъ понятіе межеванія не только въ общежитіи, но иногда и въ законѣ, подводится всякое вообще юридическое дѣйствіе, имѣющее предметомъ опредѣленіе границъ. Такое отождествленіе понятія межеванія—съ одной и опредѣленія границъ (отграниченіе)—съ другой стороны не можетъ быть признано правильнымъ. Хотя генеральное межеваніе завершается постановкою въ натурѣ граничныхъ признаковъ и описаніемъ ихъ на геометрическомъ планѣ,

но, какъ объяснено въ другомъ мѣстѣ настоящаго труда, опредѣленіе границъ не составляетъ ни единственной, ни даже главной задачи генеральнаго межеванія. Далѣе, генеральное межеваніе имѣло характеръ временной, чрезвычайной мѣры, преслѣдовавшей опредѣленную цѣль, по достиженіи которой оно повторяться не можетъ. Между тѣмъ, въ опредѣленіи границъ встрѣчается постоянная потребность какъ по тѣмъ землямъ, которыя вовсе не подверглись генеральному размежеванію, напримѣръ, въ западныхъ губерніяхъ, такъ и вслѣдствіе раздробленія генерально обмежеванныхъ земель. Наконецъ, законамъ о генеральномъ межеваніи извѣстенъ лишь одинъ способъ опредѣленія границъ, а именно, отграниченіе, сопровождающееся техническими дѣйствіями, т. е. описаніемъ границъ по правиламъ науки геодезіи. Между тѣмъ, опредѣленіе границъ можетъ и не сопровождаться техническими дѣйствіями. Обозначеніе въ натурѣ границы видимыми признаками, само по себѣ, не составляетъ техническаго дѣйствія, ибо не требуетъ спеціальныхъ познаній. Равнымъ образомъ, описаніе границъ не есть, само по себѣ, техническое дѣйствіе. Такой характеръ оно получаетъ лишь въ томъ случаѣ, если производится по правиламъ науки геодезіи. Но частные владѣльцы, желающіе обозначить видимыми признаками границы принадлежащихъ имъ земель, могутъ находить излишнимъ или обременительнымъ для себя составленіе геодезическаго описанія [1]). Лишать ихъ права укрѣплять границы своихъ земель, не прибѣгая къ содѣйствію техника, нѣтъ никакого основа-

---

[1]) См. объ этомъ предметѣ особое мнѣніе бывшаго члена Межевой Коммисіи 1863 г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Селифонтова стр. 16; ср. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 50.

нія. Цѣль отграниченія вполнѣ достигается постановкою въ натурѣ признаковъ и описаніемъ ихъ въ письменномъ актѣ, техническое же описаніе получаетъ практическое значеніе лишь въ томъ, сравнительно рѣдкомъ, случаѣ, когда поставленные въ натурѣ признаки утратились и не осталось слѣдовъ, по которымъ можно было бы возстановить ихъ. Поэтому, нѣтъ законодательства, которое дѣйствительность и обязательность для сторонъ отграниченія обусловливало бы составленіемъ техническаго описанія границъ. Къ Россіи такое требованіе было бы менѣе всего примѣнимо, въ виду слабаго развитія въ ней техники, обусловливаемой симъ дороговизны техническаго труда и обширности и малоцѣнности земель во многихъ частяхъ Имперіи.

Вышеизложенное показываетъ, что межеваніе имѣетъ дѣло лишь съ однимъ видомъ отграниченія, а именно, съ отграниченіемъ: а) завершающимъ по каждой отдѣльной дачѣ предпринятое правительствомъ въ 1765 г. переустройство землевладѣнія, и б) производимымъ правительственными техниками въ установленномъ межевыми законами порядкѣ, и что, слѣдовательно, подъ понятіе межеванія не подходитъ:

а) отграниченіе земель, на которыя предпринятое въ 1765 г. межеваніе не было распространено или по которымъ оно уже окончено,

и б) отграниченіе, не сопровождающееся техническими дѣйствіями или хотя и сопровождающееся такими дѣйствіями, но исполняемое не правительственными техниками или безъ соблюденія установленнаго межевыми законами порядка.

При такомъ положеніи является вопросъ: какими законами слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи отграниченія земель въ тѣхъ случаяхъ, когда оно производится помимо межеванія

и не съ цѣлью завершенія его? Такъ какъ отграниченіе имѣетъ цѣлью опредѣленіе гражданскихъ правъ и, слѣдовательно, относится къ области гражданскаго права, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ гражданскихъ законахъ. Однако, въ сихъ законахъ не содержится никакихъ правилъ по этому предмету, такъ какъ нашему законодательству отграниченіе земель вообще неизвѣстно, какъ институтъ гражданскаго права.

Отсутствіе въ гражданскихъ законахъ постановленій объ отграниченіи земель составляетъ чрезвычайно важный пробѣлъ нашего законодательства, практическое значеніе котораго проявляется въ томъ, что у насъ внѣ порядка межеванія: а) владѣльцы лишены предоставленнаго имъ по всѣмъ западно-европейскимъ законодательствамъ права требовать отъ смежнаго владѣльца укрѣпленія общей границы и, въ случаѣ уклоненія его, обращаться къ содѣйствію суда, и б) при спорахъ о границахъ, гражданскому суду приходится руководствоваться общими началами гражданскаго судопроизводства о распредѣленіи тяжести доказательствъ, въ силу которыхъ истецъ долженъ доказать свой искъ, а если онъ этого не исполнитъ, то ему слѣдуетъ отказать, хотя-бы отвѣтчикъ съ своей стороны ничѣмъ не подтвердилъ своего права на спорное имущество. Но въ примѣненіи къ граничнымъ спорамъ начала эти на практикѣ приводятъ къ послѣдствіямъ, явно нарушающимъ требованія справедливости, вслѣдствіе чего большинство законодательствъ, основанныхъ на римскомъ правѣ, замѣнило означенныя начала правиломъ о томъ, что въ граничныхъ спорахъ: а) судъ имѣетъ характеръ такъ называемаго judicium duplex, т. е. истецъ, въ силу самаго закона, считается вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтчикомъ; б) если ни съ той, ни съ другой стороны, не представлено дока-

зательствъ права на спорное пространство, то основаніемъ къ разрѣшенію граничнаго спора служитъ безспорное владѣніе, и в) если послѣднее было въ спорѣ, то спорное пространство дѣлится между тяжущимися сторонами [1]).

Восполненіе указаннаго пробѣла нашихъ гражданскихъ законовъ должно, безъ сомнѣнія, составлять одну изъ главныхъ задачъ стоящаго на очереди пересмотра межевыхъ законовъ [2]).

Не входя въ ближайшее соображеніе этого предмета, какъ выходящаго за предѣлы задачи настоящаго труда, достаточно будетъ здѣсь указать причину, вызвавшую, на первый взглядъ столь трудно объяснимое, явленіе, какимъ представляется отсутствіе въ нашихъ гражданскихъ законахъ постановленій объ отграниченіи земель. Главную причину, по которой отграниченіе земель изъ института гражданскаго права, какимъ оно является по существу своему, превратилось у насъ въ институтъ межеваго законодательства, слѣдуетъ видѣть въ невѣрномъ опредѣленіи, данномъ въ Сводѣ межевыхъ зако-

[1]) Выше было упомянуто (стр. 202), что законы о генеральномъ межеваніи по разсматриваемому предмету усвоили себѣ начала римскаго права; что въ граничномъ спорѣ нѣтъ, строго говоря, ни истца, ни отвѣтчика, см. Труды Коммисіи 1889 г. стр. 36, 37.

[2]) Проектъ меж. уст. не только не восполнилъ указаннаго пробѣла, но даже прямо отвергаетъ необходимость восполненія его; см. пр. меж. уст. ст. 271, 272, объясн. зап. стр. 169 и Заключеніе стр. 111. Изъ изложеннаго въ текстѣ явствуетъ, что предпринятая у насъ межевая реформа въ нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ, частяхъ имѣетъ характеръ дополненія и пересмотра гражданскихъ законовъ. Отсюда рождается вопросъ: цѣлесообразно ли было возлагать разработку этихъ сторонъ межевой реформы на техническое вѣдомство? Не правильнѣе ли участіе этого вѣдомства въ межевой реформѣ ограничить лишь вопросами, касающимися технической части, учрежденія межевыхъ установленій и правилъ дѣлопроизводства?

новъ цѣли генеральнаго межеванія. Если государственное межеваніе имѣетъ цѣлью, согласно статьѣ 1 зак. меж., постановленіе правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія, то ясно, что въ генерально обмежеванныхъ губерніяхъ всѣ виды отграниченія входятъ въ область межеваго, а не гражданскаго права.

Одно время, межевое законодательство даже пыталось осуществить эту мысль: возвѣстивъ въ 1836 г. о своемъ намѣреніи приступить къ понудительному спеціальному размежеванію земель въ генерально-обмежеванныхъ губерніяхъ, правительство тогда-же объявило, что въ этомъ порядкѣ будутъ подлежать размежеванію также дачи, послѣ генеральнаго межеванія подвергшіяся раздробленію. Это свое намѣреніе правительство подтвердило закономъ 11 Августа 1845 г. (вошедшимъ въ ст. 616 и 617 зак. меж., 772 и 773 ст. изд. 1857 г.). Если-бы намѣреніе это осуществилось, то, дѣйствительно, въ обмежеванныхъ губерніяхъ потребность въ офиціальномъ отграниченіи земель нашла-бы себѣ полное удовлетвореніе въ порядкѣ спеціальнаго межеванія. Но въ 1853 г. законодатель отказался отъ этого предположенія, признавъ, что дачи, подвергшіяся раздробленію послѣ генеральнаго межеванія, не могутъ быть предметомъ судебно-межеваго разбирательства (ст. 951 зак. меж., 1158 ст. изд. 1857 г.). Такое признаніе законодателя было, безъ сомнѣнія, совершенно правильно: между размежеваніемъ земель, предпринимаемымъ въ государственныхъ видахъ и имѣющимъ цѣлью переустройство землевладѣнія на новыхъ началахъ, съ одной стороны, и отграниченіемъ владѣній въ размежеванной дачѣ, производимымъ по инициативѣ и въ интересахъ частныхъ владѣльцевъ и имѣющимъ цѣлью лишь опредѣленіе границъ, существуетъ слишкомъ большее различіе,

чтобы возможно было то и другое подвести подъ одни и тѣ-же правила. Порядокъ возбужденія производства, порядокъ вызова, повѣрка легитимаціи участвующихъ въ производствѣ сторонъ, порядокъ изслѣдованія споровъ, порядокъ огражденія правъ заинтересованныхъ третьихъ лицъ (залогодателей и т. д.), и наконецъ, юридическая сила акта, которымъ завершается производство—все это при отграниченіи не можетъ быть подчинено одинаковымъ съ государственнымъ межевымъ правиламъ [1]).

Изложенныя соображенія относятся до обмежеванныхъ губерній. Что-же касается необмежеванныхъ губерній, то по отношенію къ нимъ отсутствіе въ нашихъ гражданскихъ законахъ правилъ объ отграниченіи земель находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что генеральное межеваніе, вообще, шло чрезвычайно скоро и успѣшно и поэтому сначала ощущалось мало потребности въ законодательной регламентаціи отграниченія въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ чрезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени предстояло открытіе генеральнаго межеванія. Такое положеніе измѣнилось лишь съ 1840 г., когда дѣйствіе гражданскихъ законовъ Имперіи было распространено на западныя губерніи. Но тогда же возникло предположеніе открыть въ этихъ губерніяхъ генеральное межеваніе (п. 1 и 5 Высочайше утвержденнаго, 23 Марта 1841 г., положенія Комитета западныхъ губерній о производствѣ межевыхъ дѣлъ въ означенныхъ

---

[1]) Исходя изъ этой точки зрѣнія слѣдуетъ считать кореннымъ и даже врядъ ли исправимымъ недостаткомъ пр. меж. уст. смѣшеніе межеванія, преслѣдующаго государственныя цѣли, съ отграниченіемъ, производимымъ въ интересахъ и по почину отдѣльныхъ владѣльцевъ.

губерніяхъ) [1]) и до начала шестидесятыхъ годовъ межевое вѣдомство было занято разработкою вопроса объ этомъ предметѣ. Однако, предпринятые въ семъ отношеніи труды не имѣли, какъ извѣстно, практическихъ послѣдствій какъ вслѣдствіе возникшихъ въ 1863 г. безпорядковъ въ западномъ краѣ, такъ и въ виду возбужденія общаго вопроса о пересмотрѣ дѣйствующихъ у насъ межевыхъ законовъ.

Въ указанныхъ выше обстоятельствахъ слѣдуетъ искать причину того, составляющаго отличительную особенность нашихъ гражданскихъ законовъ, явленія, что отграниченіе земель извѣстно нашему законодательству не какъ самостоятельный институтъ гражданскаго права, а лишь какъ институтъ межеванія, т. е. какъ одно изъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается предпринятое правительствомъ подъ названіемъ генеральнаго межеванія устройство землевладѣнія.

II.

Отграниченія земель крестьянскаго надѣла.

Предыдущимъ изложеніемъ выяснено, что нашему законодательству отграниченіе земель неизвѣстно, какъ институтъ гражданскаго права. Изъ положенія этого существуетъ, однако, одно изъятіе, касающееся земель крестьянскаго надѣла, правила объ отграниченіи которыхъ содержатся въ Полож. о крестьянахъ 19 Февраля 1861 г. (ст. 112 Пол. о вык.) и въ Высочайше утв. 27 Іюня 1861 г. Положеніи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія [2]).

---

[1]) П. С. З. № 14388; см. ст. 935 прим. зак. меж. (ст. 661 прим. зак. суд. гражд. изд. 1876 г.).

[2]) См. объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 150—152.

Согласно 112 ст. Пол. о вык., окончательное отдѣленіе пріобрѣтенныхъ крестьянами угодій отъ помѣщичьей земли производится на основаніи общихъ узаконеній для полюбовнаго размежеванія дачъ частныхъ владѣльцевъ. Изъ точнаго смысла приведеннаго узаконенія можетъ быть сдѣланъ выводъ, что отграниченіе земель крестьянскаго надѣла представляетъ собою ничто иное, какъ особый видъ спеціальнаго межеванія, отличающійся лишь въ дѣлопроизводственномъ отношеніи отъ спеціальнаго межеванія. Такой выводъ, однако, не можетъ быть признанъ правильнымъ. Между отграниченіемъ земель крестьянскаго надѣла и спеціальнымъ межеваніемъ существуетъ коренное различіе, проявляющееся главнымъ образомъ въ томъ, что право собственности крестьянъ на пріобрѣтенныя ими надѣльныя земли удостовѣряются не планомъ надѣльныхъ земель, а данною, и что, слѣдовательно, планъ надѣльныхъ земель, не представляя собою, подобно межевому акту, крѣпости, не можетъ, самъ по себѣ, служить доказательствомъ принадлежности надѣльной земли тому, кто на планѣ значится владѣльцемъ. Далѣе, различіе между спеціальнымъ межеваніемъ и отграниченіемъ крестьянскихъ земель проявляется въ томъ, что планъ на надѣльныя земли не пользуется силою непоколебимости. Такому заключенію не противорѣчитъ Высочайшее повелѣніе 9 Іюля 1873 г. [1]), на основаніи котораго земли крестьянскаго надѣла, пріобрѣтенныя ими въ собственность, не могутъ быть отчуждаемы отъ нихъ по искамъ постороннихъ лицъ. Законъ этотъ устанавливаетъ непоколебимость границъ крестьянскаго надѣла, означенныхъ въ данной, а не на планѣ или въ геодезическомъ описаніи. Поэтому, напри-

---

[1]) П. С. З. № 52364.

мѣръ, постороннему лицу, которому присуждена поступившая крестьянамъ въ надѣлъ земля, не можетъ быть отказано въ правѣ оспаривать планъ надѣльной земли, если-бы таковой оказался несогласнымъ съ данною. Съ другой стороны, законъ 9 Іюля 1873 г. имѣетъ цѣлью ограждать лишь крестьянъ противъ притязаній постороннихъ лицъ, а не, наоборотъ, послѣднихъ или самого помѣщика противъ притязаній крестьянъ. Такимъ образомъ, между непоколебимостью межевыхъ актовъ, установленною межевыми законами, и непоколебимостью права крестьянъ на предоставленныя имъ въ надѣлъ земли—есть существенная разница,

Что касается самаго содержанія правилъ объ отграниченіи земель крестьянскаго надѣла, установленныхъ въ Положеніяхъ 19 Февраля 1861 г. и въ Высочайше утв. 27 Іюля 1861 г. положеніи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, то слѣдуетъ замѣтить, что Положеніе о крестьянахъ 19 Февраля 1861 г. и изданные въ развитіе его законы ввели въ наше межевое законодательство нѣсколько новыхъ началъ, имѣющихъ важное принципіальное и практическое значеніе. Сюда относится изложенное въ прим. 2 къ ст. 3 Высочайше утв. 27 Іюля 1861 г. положенія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (прим. къ 71 ст. прав. о пор. прив. въ дѣйств. пол. о крест., по прод. 1863 г.) правило, на основаніи котораго отграниченіе можетъ быть произведено и безъ инструментальнаго обхода границъ и, слѣдовательно, обращаться къ содѣйствію землемѣрнаго техника составляетъ лишь право, но не обязанность владѣльцевъ.

Далѣе, въ противоположность ст. 13 Именнаго указа 21 Іюня 1839 г. (вошедшей въ ст. 659 зак. меж., ст. 817 изд. 1857 г.), не предусматривающей возможности промѣна

чрезполосныхъ земель безъ содѣйствія техника и предоставляющей установленныя ею льготы лишь промѣнамъ и уступкамъ, сопровождавшимся техническими дѣйствіями, законоположѣнія о крестьянахъ (прим. 3 къ ст. 86 Пол.крест. учр.) постановляютъ, что обмѣнъ земель совершается посредствомъ выдачи каждой изъ участвующихъ въ ономъ сторонъ данной на обмѣниваемыя земли (а не плана, какъ требуетъ ст. 659 зак. меж.).

Другое, болѣе существенное отступленіе правилъ 27 Іюня 1861 г. отъ общаго порядка производства межеванія заключается въ томъ, что техническія учрежденія совершенно устранены отъ повѣрки юридической стороны отграниченія, которая предоставлена вѣдѣнію должностнаго лица, облеченнаго судебною властью, т. е. Мироваго Посредника (ст. 2 и 4 прав. 27 Іюля 1861 г.). Въ этомъ отношеніи отграниченіе земель крестьянскаго надѣла кореннымъ образомъ расходится съ межевыми законами, на основаніи которыхъ всѣ возникающіе въ порядкѣ межеванія юридическіе вопросы о наличности законнаго повода для приступа къ межеванію, о вызовѣ и привлеченіи къ участію въ производствѣ, о легитимаціи сторонъ и т. п. рѣшаются землемѣрами и техническими учрежденіями (Губернскія Чертежныя и Межевыя Канцеляріи). Послѣдній порядокъ сопряженъ съ существенными недостатками. Въ прежнія времена, когда дѣятельность Межевой Канцеляріи заключалась, главнымъ образомъ, въ разрѣшеніи споровъ, возникающихъ въ порядкѣ генеральнаго межеванія, и когда юридическое образованіе не требовалось для занятія судейскихъ должностей въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, Межевая Канцелярія не только номинально, какъ нынѣ (ст. 18 зак. меж., ст. 24 изд. 1857 г.), но и въ дѣй-

ствительности могла почитаться судебнымъ учрежденіемъ. Въ настоящее же время, когда генеральное межеваніе давно окончено, Межевая Канцелярія фактически превратилась въ чисто техническое учрежденіе и предоставить ей разрѣшеніе сложныхъ юридическихъ вопросовъ, едва ли не есть анахронизмъ. Поэтому въ разбираемомъ постановленіи правилъ 27 Іюля 1861 г. нельзя, сравнительно съ межевыми законами, не усмотрѣть существеннаго улучшенія. Но, къ сожалѣнію, правила 27 Іюля 1861 г. предусматриваютъ исключительно полюбовное отграниченіе. Что же касается понудительнаго отграниченія, т. е. такого, при производствѣ котораго возникъ споръ, то по сіе время правила, возвѣщенныя правительствомъ въ ст. 112 Пол. о вык. еще не изданы. Отсюда вытекаетъ тотъ чрезвычайно важный въ практическомъ отношеніи выводъ, что въ настоящее время возможно лишь полюбовное отграниченіе надѣльныхъ земель и что въ судебномъ порядкѣ можетъ быть заявлено ходатайство не объ отграниченіи надѣльныхъ земель вообще, т. е. объ утвержденіи границъ всего надѣла, а лишь объ утвержденіи границъ въ спорныхъ мѣстахъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1890 г. № 2 по дѣлу княгини Козловской [1]), признавъ, что просьбу объ отдѣленіи крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьей земли княгиня Козловская должна была заявить въ порядкѣ, установленномъ для разрѣшенія дѣлъ о вотчинномъ правѣ.

---

[1]) О неправильности приведенныхъ въ томъ рѣшеніи мотивовъ см. выше стр. 122.

III.

Участіе межевыхъ учрежденій въ дѣлахъ судебныхъ.

Въ настоящемъ трудѣ уже было указано, что какъ на практикѣ, такъ и отчасти въ законодательствѣ, понятіе межеванія получило у насъ распространеніе на всѣ виды отграниченія земель. Отсюда естественно сдѣлать еще одинъ шагъ и подвести подъ понятіе межеванія всякіе способы содѣйствія межевыхъ учрежденій судебнымъ установленіямъ, т. е. понятіе межеванія отождествлять съ понятіемъ землемѣрія, служащаго юридическимъ цѣлямъ. Подобное отождествленіе было совершенно чуждо нашему законодательству въ ближайшее по изданіи законовъ о генеральномъ межеваніи время. По вѣрному замѣчанію составителей объяснительной записки къ проекту межеваго устава [1]), правительство не признавало губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ межевыми чинами и на этомъ основаніи въ теченіи 30 лѣтъ, до 1806 г. отклоняло постоянныя просьбы владѣльцевъ о дозволеніи имъ размежеваться чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ, а не чрезъ землемѣровъ Межевой Канцеляріи. До 1846 г., губернскіе и уѣздные землемѣры даже не были подчинены Межевому Управленію [2]). Но, подъ вліяніемъ невѣрнаго опредѣленія, даннаго въ Сводѣ межевыхъ законовъ цѣли межеванія, сознаніе различія названныхъ понятій все болѣе и болѣе стушевывалось, и въ настоящее время Гражданскій Кассаціонный Департаментъ признаетъ, что подъ межевымъ споромъ слѣ-

[1]) Объясн. зап. къ пр. меж. уст. стр. 297.

[2]) Объясн. зап. къ пр. меж. уст. тамъ же.

дуетъ разумѣть всякій споръ, для разрѣшенія котораго требуется производство измѣренія, съемка на планъ земель и вообще содѣйствіе землемѣрнаго техника. На этомъ основаніи, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ межевымъ споромъ признаетъ, напримѣръ, всякій споръ о раздѣлѣ общаго имущества, совершенно независимо отъ того, составляетъ ли предметъ раздѣла общая дача, замежеванная при генеральномъ межеваніи въ общее владѣніе, или имѣніе, составляющее общую собственность нѣсколькихъ лицъ въ идеальныхъ доляхъ [1]).

Содержащіяся въ нашемъ законодательствѣ постановленія о содѣйствіи землемѣрныхъ техниковъ судебнымъ установленіямъ вообще весьма скудны. Они касаются участія землемѣрныхъ техниковъ: а) въ разслѣдованіи споровъ о границахъ и б) въ совершеніи актовъ на недвижимыя имущества.

Къ законамъ, касающимся перваго изъ указанныхъ предметовъ—разслѣдованія споровъ о границахъ—относится ст. 199 Учрежденія объ управленіи губерній 7 Ноября 1775 г. [2]) (вошедшая въ ст. 494 зак. суд. гражд. изд. 1892 г., ст. 659 изд. 1876 г.), на основаніи которой въ случаѣ спора о границѣ осмотръ на мѣстѣ спорныхъ межъ и повѣрка плана въ натурѣ производится судомъ при участіи землемѣра.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства не содержится соотвѣтственнаго правила. Ст. 11 прил. къ 1400 ст. уст. гражд. суд. сюда не относится, ибо она заключаетъ въ себѣ правило не объ участіи правительственныхъ землемѣровъ въ разрѣшеніи споровъ о нарушеніи земельныхъ границъ, а

---

[1]) См. выше 282.
[2]) П. С. З. № 14392.

лишь о подсудности и о порядкѣ производства сихъ споровъ [1]).

[1]) По поводу ст. 11 прил. къ 1400 ст. уст. гражд. суд. слѣдуетъ замѣтить, что она обязываетъ мировыхъ судей при разрѣшеніи споровъ о нарушеніи земельныхъ границъ руководствоваться въ одно и то же время и межевыми планами и ст. 73 уст. гражд. суд., по силѣ которой по дѣламъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія мировой судья не входитъ въ разсмотрѣніе документовъ, удостовѣряющихъ право собственности. Едва ли возможно исполненіе такого требованія закона. Если иногда и оспаривается доказательная сила межевыхъ актовъ, то исключительно по спорамъ о цѣлой дачѣ. Что же касается споровъ о частяхъ дачи, т. е. о границахъ, то здѣсь, кажется, доказательная сила межевыхъ актовъ никѣмъ не оспаривается. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что, руководствуясь межевымъ актомъ, судья тѣмъ самымъ не только входитъ въ разсмотрѣніе документа, удостовѣряющаго право собственности, но даже окончательно разрѣшаетъ споръ о правѣ собственности на участокъ земли, пріурочиваемый каждою изъ спорящихъ сторонъ къ своей дачѣ. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, далѣе, что едва ли, кромѣ иска о правѣ собственности и о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, существуетъ, какъ полагаетъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ (1876 г. № 26 по дѣлу Графа Стенбокъ), еще особый искъ о нарушеніи установленныхъ генеральнымъ межеваніемъ границъ. Кто проситъ о возстановленіи межи генеральнаго межеванія, тотъ тѣмъ самымъ требуетъ признанія за нимъ, въ качествѣ владѣльца цѣлой дачи, права собственности на присваиваемую отвѣтчикомъ себѣ часть этой дачи. Поэтому, едва ли было основаніе подсудность споровъ о нарушеніи положенныхъ генеральнымъ межеваніемъ границъ ставить въ зависимость отъ соблюденія установленнаго п. 4 ст. 29 уст. гр. суд. шестимѣсячнаго срока. Изъявъ изъ вѣдомства мироваго судьи иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло болѣе шести мѣсяцевъ, законодатель руководствовался, безъ сомнѣнія, тѣмъ соображеніемъ, что по истеченіи болѣе продолжительнаго времени обыкновенно бываетъ трудно установить фактъ нарушенія владѣнія (см. рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1882 г. № 149 по дѣлу крестьянъ Зафорштадтской слободы). Но соображеніе это совершенно непримѣнимо къ тому случаю, когда основаніемъ для возстановленія владѣнія служитъ межевой планъ и, слѣдовательно, не можетъ встрѣтиться затрудненія въ удостовѣреніи факта нарушенія владѣнія, хотя бы со времени

Въ отсутствіи въ уст. гражд. суд. правилъ по разсматриваемому предмету нельзя, однако, видѣть недомолвки закона. Объ этомъ предметѣ законъ умалчиваетъ, безъ сомнѣнія, потому, что онъ исходитъ изъ совершенно вѣрной мысли о томъ, что участіе землемѣра въ судебныхъ дѣлахъ какъ по спорамъ о границахъ, такъ и по другимъ спорамъ, требующимъ для разрѣшенія знанія землемѣрной техники, представляетъ собою ничто иное, какъ обыкновенную экспертизу, къ которой поэтому примѣнимы установленныя въ законѣ общія правила о производствѣ таковой [1]).

Далѣе, законодательству нашему извѣстенъ одинъ случай, въ которомъ землемѣрныя учрежденія замѣняютъ собою гражданскіе суды по совершенію актовъ. Случай этотъ предусмотрѣнъ въ ст. 13 указа 21 Іюня 1839 г. [2]) (вошедшей въ ст. 659 зак. меж., 817 ст. изд. 1857 г.), на основаніи которой: а) преимущества, дарованныя полюбовно межующимся при спеціальномъ межеваніи въ отношеніи уступки и промѣна чрезполосныхъ земель распространяются и на тѣ губерніи, гдѣ не было еще генеральнаго межеванія, и б) межи, при

нарушенія прошло сто лѣтъ. Наконецъ, по поводу п. 11 прил. къ ст. 1400 уст. гр. суд. слѣдуетъ замѣтить, что изложенное въ немъ правило не имѣетъ ничего общаго съ судебно-межевымъ разбирательствомъ и поэтому едва ли находится на своемъ мѣстѣ въ упомянутомъ приложеніи, озаглавленномъ «о судебно-межевомъ разбирательствѣ».

[1]) Отсюда вытекаетъ тотъ важный въ практическомъ отношеніи выводъ, что судъ не обязанъ подчиняться заключенію техническаго учрежденія (ст. 533 уст. гр. суд.). Гражданскій Кассаціонный Департаментъ это положеніе призналъ въ рѣшеніи 1880 г. № 229 по дѣлу герцоговъ Лейхтенбергскихъ и отвергъ въ рѣшеніи 1884 г. № 111 по дѣлу Мошкина. О невѣрности содержащагося въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи разъясненія—см. выше стр. 195.

[2]) См. выше стр. 210.

такомъ полюбовномъ специальномъ межеваніи проведенныя и составленные на нихъ законнымъ порядкомъ документы принимаются за безспорное доказательство права собственности между участвовавшими въ томъ межеваніи владѣльцами. По точному смыслу приведенной статьи, планъ, составленный въ указанномъ въ ней порядкѣ, служитъ доказательствомъ права собственности на показанныя въ немъ земли и, слѣдовательно, замѣняетъ собою крѣпостный актъ для значащагося на планѣ владѣльца [1]).

Такимъ образомъ, выраженное въ ст. 659 зак. меж. правило составляетъ отступленіе отъ того общаго начала гражданскихъ законовъ, согласно которому акты, по коимъ производится переходъ отъ одного лица къ другому права собственности на недвижимое имущество, должны быть совершаемы крѣпостнымъ порядкомъ, безъ чего дѣйствительными не признаются (ст. 18 прил. къ ст. 708 зак. гр.). При такомъ значеніи ст. 659 зак. меж., едва ли можетъ быть признано правильнымъ отнесеніе ея, въ кодификаціонномъ порядкѣ, къ Своду межевыхъ законовъ. По своей системѣ Сводъ этотъ составляетъ собраніе не землемѣрныхъ, а межевыхъ законовъ. Подобно тому, какъ упомянутая выше статья 199 Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. отнесена не къ межевымъ законамъ, а къ законамъ гражд. суд., надлежало также ст. 13 закона 21 Іюня 1839 г. отнести не къ межевымъ законамъ, а къ правиламъ гражданскихъ законовъ о совершеніи актовъ на недвижимыя имущества. Относить означенную статью къ межевымъ законамъ было тѣмъ менѣе основанія, что про-

---

[1]) Это признаетъ и Гражданскій Кассаціонный Департаментъ (1876 г. № 481 по дѣлу Шебанниковой), хотя вообще отвергаетъ за межевыми актами силу крѣпости.

мѣны и уступки чрезполосныхъ земель могутъ, безъ сомнѣнія, и не сопровождаться техническими дѣйствіями (напримѣръ, если границами промѣниваемыхъ или уступаемыхъ участковъ служатъ неизмѣнныя живыя урочища и поэтому въ опредѣленіи границъ техническими способами не представляется надобности) и законодатель, конечно, не имѣлъ въ виду лицъ, совершающихъ промѣны и уступки чрезполосныхъ земель, лишать права пользоваться установленными въ ст. 659 зак. меж. льготами только потому, что промѣны и уступки не сопровождались техническими дѣйствіями. Такимъ образомъ, указанная статья можетъ имѣть примѣненіе къ дѣламъ, неимѣющимъ ничего общаго ни съ межеваніемъ, ни съ землемѣріемъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изложенныя въ настоящемъ трудѣ соображенія о цѣли и системѣ предпринятаго у насъ въ 1765 г. государственнаго межеванія приводятъ къ заключеніямъ, кореннымъ образомъ расходящимся со взглядомъ редакторовъ Свода межевыхъ законовъ.

Для нагляднаго представленія различія между выводами настоящей записки и Сводомъ межевыхъ законовъ можетъ служить изображенная на оборотѣ схема:

Государственное межеваніе

имѣетъ цѣлью 1) устраненіе неопредѣлительности поземельныхъ правъ, писцовыхъ книгъ и крѣпостей, писанныхъ, большею частью, четвертными примѣрныхъ земель; 3) устраненіе на будущее время граничныхъ споровъ посимъ способомъ; 4) лучшее устройство землевладѣнія посредствомъ сведенія частныхъ лицъ и казны.

А.

Губерніи, въ которыхъ открыты дѣйствія межевыхъ учрежденій, образованныхъ на основаніи Инструкцій 1766 г.

I.

Межеваніе первой очереди (генеральное въ тѣсномъ смыслѣ)

производится въ сплошномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего именуется также генеральнымъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова), и имѣетъ предметомъ обмежеваніе: 1) однопомѣстныхъ селеній, къ числу которыхъ, временно, впредь до спеціальнаго межеванія, причисляются и тѣ разнопомѣстныя селенія, между владѣльцами которыхъ не состоялось полюбовнаго соглашенія о разводѣ земель селенія, и 2) тѣхъ разнопомѣстныхъ селеній, между владѣльцами которыхъ состоялось таковое соглашеніе о разводѣ земель селенія.

II.

Межеваніе второй очереди (спеціальное)

имѣетъ предметомъ обмежеваніе тѣхъ разнопомѣстныхъ селеній, относительно которыхъ не состоялось полюбовнаго соглашенія о разводѣ земель и которые вслѣдствіе сего при межеваніи первой очереди были обмежеваны, какъ однопомѣстныя селенія.

1.

Полюбовное спеціальное межеваніе:

а) чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ (съ 1806 г.);

б) чрезъ посредниковъ (съ 1839 г.).

2.

Понудительное спеціальное межеваніе:

а) отдѣленіе казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель (съ 1799 по 1853 г.);

б) чрезъ посредниковъ (съ 1839 по 1853 г.;)

в) судебно-межевое разбирательство (съ 1853 г.).

(оно-же генеральное)

проистекавшей изъ помѣстной системы, изъятіе изъ обращенія, въ этихъ видахъ, дачами, и замѣну ихъ болѣе точными актами (межевыми); 2) распредѣленіе средствомъ: а) укрѣпленія границъ въ натурѣ и б) списанія ихъ геодезичеземель къ однимъ мѣстамъ; 3) приведеніе въ извѣстность количества земель

Б.

Губерніи, въ которыхъ названныя учрежденія еще не открыты.

I.

Коштное межеваніе
соотвѣтствуетъ генеральному и имѣетъ предметомъ обмежеваніе цѣлыхъ селеній.

II.

Отдѣленіе казенныхъ, удѣльныхъ и однодворческихъ земель (съ 1799 г.)
соотвѣтствуетъ спеціальному межеванію и имѣетъ предметомъ обмежеванія разнопомѣстныхъ селеній, въ которыхъ участвуютъ казна, удѣлъ и однодворцы.

УКАЗАТЕЛЬ

узаконеній, на которыя дѣлаются ссылки въ настоящей запискѣ.

I. Сводъ законовъ.

А. Законы межевые.

а) изд. 1893 г.

Въ скобкахъ означены номера статей по изданію 1857 г.

В. Другія части Свода законовъ.

а) Положеніе о сельскомъ состояніи.

1) Прав. о прив. въ дѣйствіе пол. о крест. (по прод. 1863 г.).

2) Полож. о вык.

3) Пол. крест. учр.

б) Законы гражданскіе.

1) изд. 1887 г.

2) изд. 1842 г.

3) изд. 1832 г.

в) Уст. гражд. суд.

IV. Инструкція землемѣрамъ 13 Февраля 1766 г.

V. Межевая Инструкція 25 Мая 1766 г.

VI. Положеніе о размежеваніи Черниг. и Пол. губ. 27 Октября 1859 г.

VII. Положеніе о размежеваніи Закавказскаго края 29 Іюня 1861 г.

VIII. Разныя узаконенія.

УКАЗАТЕЛЬ

рѣшеній, на которыя дѣлаются ссылки въ настоящей запискѣ.

А) рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Цифры указываютъ страницы записки.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Ц.

Ч.

Э.

Ю.

A1058º – 8a

